

Владимир СУББОТА

БОРТОНУТЫЙ КУМПЕЛЬ

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ
ПЕРИОДА НЕДОРАЗВИТОГО
КАПИТАЛИЗМА

Харьков
«МАЙДАН»
2011

УДК 82-312.4
ББК 84(4УКР)6-444
С89

Суббота В. Я.

С 89 **Боргонутий кумпель.** — Х.: Майдан, 2011. — 352 с.
ISBN 978 - 966 - 372 - 390 - 7

В романе события периода развитого социализма тесно переплетаются с нынешними. Автор попытался посмотреть на современную жизнь глазами людей, живущих в период «руководящей и направляющей роли КПСС», которым и в кошмарном сне не могло бы присниться то, что происходит сегодня на просторах бывшего СССР. Фантазия переплетается с реалиями, а интрига — с иронией и юмором.

УДК 82-312.4
ББК 84(4УКР)6-444

ISBN 978 - 966 - 372 - 390 - 7

© В.Я. Суббота, 2011
© В.А. Носань, обложка, 2011
© Е.А. Романенко, худ. оформление, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если бы так случилось...

Только ребенок с его врожденной непосредственностью способен фантазировать по поводу своего будущего. Взрослые чересчур прагматичны, потому что романтику вытесняет повседневный рационализм. К сожалению, не могут они на досуге помечтать о том, какой бы фортель выкинула им жизнь, если бы, например, нежданно-негаданно свалилось на голову наследство в виде трехэтажной недвижимости с бассейном на Майя-ми или вдруг акционеры коммерческого банка назначили бы скромного бухгалтера жека своим исполнительным директором. Во бы жизнь малиной стала! Правда, подобными глупостями не хочется забивать голову, поскольку такого поцелуя Фортуны никогда не может быть. Потому что не может быть, и все. Лучше думать о том, как бы после работы не забыть купить кефир на ужин. А то жена снова встретит на пороге с улыбкой пингвина.

Особенно воспротивятся этой книге уважаемые правдолюбы-историки, которые сослагательного склонения органически не переваривают. Ну, если у них такая аллергия к подобному склонению, то я не принуждаю их брать эту книгу в руки. Хотя, наверное, представителям других профессий, вполне возможно, и понравится вспомнить свое прошлое и перенестись в будущее.

Конечно, некоторые догадливые читатели в персонажах романа заметят схожесть с определенными известными историческими личностями. По этому поводу я мог бы сказать, что все мною здесь написанное не имеет ничего общего с последними. Но я лукавлю. Имеет. Да еще и как. Только я оставляю возможность читателю догадаться — с кем конкретно и по какому поводу. Это станет своеобразной физкультурой для пытливого ума.

Автор

ГЛАВА I

Деньги, как женщина. Манят и увлекают

Бомж Вася проснулся от боли. Взвыл, как поросенок, которому прищемили калиткой хвостик. Дотронулся до уха, и на ладони осталось красное пятно. С мочки капала алая кровь.

— Тьфу ты, зараза, — выругался.

Осмотрелся, пытаясь среди вороха стекловаты, битого кирпича, ржавых труб и всяких отбросов собственной жизнедеятельности узреть того, кто посмел потревожить его сладкий сон. Васе нравилось здесь, в этом укромном уголке теплотрассы, где климат напоминал ему климат острова Бали, на котором он хотя и не был, но о нем со знанием дела восхищенно рассказывала Маня с соседней теплотрассы. И таки увидел. На кирпиче, который служил Васе подушкой, тер лапками мордочку симпатичный мышонок.

— Ах ты, стервозная тварь! — замахнулся бейсболкой. — Такой сон прервал.

А снился Васе мешок зеленых президентов. На миллион. Не меньше. Наградил его такой прорвой денег за добросовестный труд олигарх Мансурович, которому Вася служил верой и правдой десять лет.

— Для тебя, Вася, мне ничего не жаль! Преданнее и честнее тебя в моей команде нет и, наверное, больше не будет. Бери. Дарю от чистого сердца.

У Васи чуть разрыв сердца не случился. Руки дрожали, как у проспиртованного алкоголика. Правда, Вася себя таким не считал, потому что на тормозную жидкость и одеколон еще не перешел, как некоторые возле киоска по приему макулатуры. Каждое утро заправляются «мартини» — смесью доведенного до кипения тосола, наполовину заправленного тормозной жидкостью с добавлением для мягкости глицерина, лободы и ук-сусной эссенции. Ерш еще тот. Кто без привычки примет на грудь, потом месяц икает и заливает огонь души даже дожде-

вой водой, если под рукой не оказывается чего-то более приемлемого.

— А пересчитать можно? — недоверчиво переспросил.

И когда рука Васи полезла внутрь мешка, этот гадкий мышонок укусил за ухо.

— Увидел нереальные бабки раз в жизни и то не удалось их подержать. Что за непруха?

Бомж со скрипом в суставах, будто несмазанная телега, поднялся с трубы, внутри которой что-то клокотало, бурлило и неистово пыталось вырваться наружу. Эта какофония звуков никак не мешала Васе предаваться печали, мечтать и наслаждаться внезапно обретенной свободой, которая не снилась даже зеку весной.

«Чтобы ты жил при обмене денег!», «Не искушай судьбу! Она все равно хитрее», «Догони и реализуй свою мечту!» — было написано на волосатой груди Васи. Он достал из ботинка чинарик и закурил. Глаза вмиг заблестели, и жизнь постепенно начала набирать розовых очертаний. И уже миллион в мешке не казался таким уж недосягаемым, как то приснилось.

С полной расслабухой пришла и ностальгия. Вспомнилась юность. Армия. Служил Вася под Мерефой не кем-нибудь, а прапорщиком. Когда его жена променяла металлическую кровать и алюминиевую посуду в ангаре для крылатых ракет на итальянский спальный гарнитур и домработницу с генералом-ракетчиком в придачу, у Васи сразу пропал интерес к службе Отчизне, узам Гименея и соблюдению чести офицера. Хотя любовница несчастного прапорщика связистка Маша о чести была совсем иного мнения. В отличие от воинской честь девичья, как свободно конвертируемая валюта, всегда в цене. И поскольку Вася был не первым, кто нарушил Машин кодекс, многочисленная ее родня восприняла этот факт как личное оскорбление. Только женитьба могла спасти их и юную Машу от позора и насмешек соседей.

Но Вася обожал пироги с клюквой и свободу, которую хорошо познал после развода с неверной женой. Маше наобо-

рот, не терпелось обрести женское счастье. Уже под венцом служивый внезапно заявил невесте о своем неизлечимом энурезе. Попросился в туалет. Благо, что семья невесты не была знакома с осадой дворцов бракосочетания. Улизнул через форточку, проходными дворами и кустами.

Сослуживцы своего дезертира-прапорщика так больше и не увидели.

Сбережений прапорщика хватило на полторы недели, а последующих заработков грузчика на овощном рынке — на полмесяца. Прапорщик — это не звание, а как дворянский титул. Почетно, надежно, но бесполезно. Прапорщик тяжелее рюмки ничего не подымает. А если нет у прапорщика должности военной, то на гражданке он будто дитя малое, беспомощное. Ни гвоздя забить, ни портки постирать.

Через месяц Вася очутился в услужении местного «князька» Мансуровича. Тому срочно нужен был ночной сторож в личный особняк. Столкнулись на городском рынке, где бомж всегда промышлял сбором стеклотары, а олигарха леший принес в этот день оценить размер дани, которой можно обложить торговцев. Как раз вылез из машины, допивая на ходу пиво. Оказавшись в нужное время и в нужном месте, Вася не постеснялся попросить тару.

— Жрать хочешь?

— Маковой росинки с утра не было.

— Будет тебе росинка и к росинке. Только при одном условии — не воровать. Стыришь хоть раз — уши отрежу.

Так с бомжа превратился в фраера. Если бы не обстоятельства, возможно, стал бы депутатом или министром.

Пришлось и отсюда ретироваться. И очутился в теплотрассе. Вскоре его 56-й сменился 48-м. Таким темпам борьбы с целлюлитом позавидовала бы добрая половина прекрасной половины человечества.

Мышонки и не пытались уклониться от бейсболки. Ведь та пролетела на расстоянии метеорита от Земли. Вася наклонился и начал шарить рукой под трубой в поисках хорошего камня.

Вдруг через люк на дно упал желтый луч фонаря, осветив вокруг то, что напоминает Васе остров Бали.

— Вроде никого, — кто-то заверил наверху.

Со свистом упала веревка и по ней осторожно спустился мужик в камуфляже.

— Разуй зенки. Еще в говно влезешь. Тогда дам под зад и побежишь, как антилопа гну на водопой.

— А почему именно гну?

— Потому, что баранки гну. Шевели маслами!

Вертя головой на 360 градусов, освещая все вокруг и боязно осматриваясь, два мужика полезли под трубу. Туда, где виднелись ржавые вентили и где валялся разный хлам, начиная от детских распашонок и заканчивая пустыми консервными банками.

— А бомжей тут нет?

— Спроси у них!

— У кого? Тут ни души.

Вася забился в угол. Его подорванное нелегким прапорщиким трудом сердце билось, как у пойманного воробья.

— И куда нас хрен несет? Нельзя было что-то более цивилизованное придумать?

— Не гони! Тому, кто базарит, бесплатно выписывается путевка в один конец. Га-га-га! — один заржал, как жеребец ретивый. От этого у бомжа Васи по спине прокатились капли холодного пота. В Бога не верил, потому что знал, что того нет. Если бы был, то его обязательно давно сбили бы украинские ракетчики. И все-таки перекрестился. А вдруг защитит. Бывший прапорщик кожей чувствовал: этим если попадешься, то шкуру спустят и, как зебру, разрисуют.

— Давай под этот мусор...

— А если бэбики погреться захотят?

— Какие дети? Где ты их видел? Кроме мышей тут разве что блохи. На неделю... А там ветер переменится и все будет тип-топ.

Загремело, зашелестело, что-то треснуло, потом раздался звон разбитого стекла.

— Не крутись ты, как сука на палочке. Успеем. Лучше побольше тряпок сюда набросай... Вот так. Теперь хорош. Поковыляй отседадь. Тут мерзко, будто в брюхе гиены.

— Гнедой, ты в натуре натуралист или так — дурочку гоняешь?

— А ты как думаешь, Пыж?

— Я кумекаю, что тебя на тварь всякую тянет неспроста. Наверное, в библиотеке кантовался? Больно начитанный.

— Попал в молоко. В зоопарке как-то зимовал — хоронился от Алика — прыщавого. У директора арендовал медвежью клетку с берлогой. Бурый у них загнулся от авитаминоза. Дешевле, сознаюсь тебе, чем пентхауз, но дороже, чем в плацкарте брошенных вагонов.

Мужики, кряхтя, вновь пролезли под трубой и осветили веревку.

— Пыж, покажи обезьяний класс. Орангутангом вверх!

— Не бойсь.

Помогая друг другу, непрошенные гости в жилище Васи выкарабкались наверх и подняли веревку.

Только после этого бывший прапорщик вылез из своего укрытия.

— Неужели пронесло? — прошептал. Вздохнул на полную грудь, стремясь сбить учащенное дыхание. Смахнул испарину на лбу.

— Пронесло или не пронесло, а в штанах тепло.

Страх, как геморрой. Всегда достает в неподходящий момент. Утро, которое обещало быть не хуже, чем вчерашнее, когда удалось накостылять придурку в погрызенной молью папахе на голове и отбить мусорку возле дома № 6. Вася гордился собой, потому что его руки и ноги сами вспомнили, чему их учили еще в учебке. Значит, не все потеряно. Физической подготовке можно позавидовать. А генерал Сероштан как-то обматерил его на плацу перед всем полком. Видите ли, Вася не смог сдать нормативы по физподготовке. А разве прапорщику обязательно подтягиваться и отжиматься?

— Поедете в Гарвард! — гаркнул Сероштан.

— Так точно! — вспомнил, как радостно тогда ответил. — Я оправдаю оказанное высокое доверие. Полученные там знания щедро передам молодым.

В голове мгновенно пронеслись прекрасные достопримечательности Лондона и богатые англичанки. Возможно, одна из них пойдет с ним под венец.

— Кастрат ты семимесячный! Не ты будешь учиться. А тебя в Гарварде будут изучать, как олигофрена в погонах.

А теперь вот Вася вынужден обитать в теплотрассе, как последняя сывка. Теплотрасса — не санаторий Владикавказа с полным пансионом.

Куча мусора, возле которой суетились те двое, обследована Васей уже давно. Кроме ржавого чайника он там ничего не находил. Сейчас сверху было навалено тряпье, валявшееся вон там, в углу. Да и битый кирпич не так свален. Опытный Васин глаз заметил, что четвертинка лежит не тем боком. Начал подробней изучать кучу.

Недолго разгребал. Каких-то полчаса. Наконец увидел чемоданчик. Глаза загорелись, будто с утра откопал чекушку. Дрожжащими руками взялся открывать. Замки ни в какую не поддавались. Бил кирпичом, кусал зубами. В результате тот таки поддался.

...И взору дезертира-прапорщика предстали новенькие пачки с долларами. Будто только с Федеральной резервной системы США. От такого их количества не то, что среднестатистический бомж, а рядовой гражданин, который умудряется иногда не платить налоги, поедет головой. Вася почувствовал сначала тошноту, а потом сногшибательный прилив адреналина.

— Это сколько ж можно на эти деньги купить водки? Страшно и подумать, — язык, будто рашпиль, царапал пересохшие губы. Руки потянулись к еще пахнувшему краской купюрам...

Вдруг краем глаза Вася заметил мелькнувшую в проеме

тень. Инстинктивно схватил засаленную мешковину, чтобы прикрыть свой скарб. Внезапно боль пронзила всю голову. В глазах мгновенно потемнело, и Вася почувствовал, как медленно оседает под тяжестью собственного тела.

Мысленно начал прощаться с этим бранным миром.

ГЛАВА 2

В руках дурака Компартия грозное оружие

Вышколенный в кабинетах и на плацах КГБ, опрятно одетый в эти ранние часы телохранитель и он же персональный водитель жестом заботливой няни нежно коснулся плеча мирно посапующего седовласого мужичка.

— Петр Иванович, подымайтесь. Уже пора, — пропел лилейным голосом.

Тот из-под одеяла показал красный нос и пороссячи глазки. Пристально посмотрел на возмутителя спокойствия, будто первый раз видел того. Сморщил лоб, имитируя зарядку ума, причмокнул губами.

— А-а, это ты, паршивец. Чего хозяина тревожишь? Или хочешь, чтобы твой босс зайкой стал? Смотри мне...

— Так ведь девять уже. В обкоме, небось, заждались. А еще похмелиться попросите... Умыться, побриться надо бы...

— Ты, Константин, больно умный стал. Надо бы тебя в генералы произвести.

— Так мне, Петр Иванович, и в капитанах не холодно.

— Ладно паясничать. Давай к делу.

Утро выдалось певучим. За окном воробьи выводили свои трели так, что и мертвого могли бы поднять. Водитель в окне и котом Гервасием страдал распоясавшихся птиц, и запасные пуговицы от парадного кителя швырял. Ничего не помогало. Те прикипели к ветвям разлогой липы, тревожа покой первого секретаря обкома партии Петра Ивановича Флирского.

Хозяин под собственное мурлыканье поплескался в ванной, затем попил чай с гренками, поданными с пылу, с жару верной кухаркой Фросей, и стал собираться на службу.

— Костя, галстук! Тот синий, в полосочку!

— Извиняюсь, вы вчера им губы вытирали после употребления фаршированного поросенка. Подать другой?

— Ты кого учишь, стервозная твоя душонка? Меня, прошедшего Банковую, Старую площадь и два партийных контроля? Да я тебя в ефрейторы разжалую и пошлю на перекресток «запорожцам» честь отдавать, — не на шутку разошелся Флирский.

Наконец начали действовать дубильные вещества индийского чая «Три слона». Томящая душу тошнота, вызванная употреблением молочного поросенка, фаршированных перепелов, «Зубровки», чешского пива и шампанского, а также киви, бананов и авокадо, поданных «на коня» вместе с «Шардоне» — презентом от французских коммунистов, в компании секретарей обкома не по случаю, а просто так, понемногу начала оседать.

— Хорошо-то как! Только жаль, что не всегда так хорошо бывает.

Одежда уже висела на стуле. Взбодренный Петр Иванович по-армейски оделся, щедро обрызгал себя «Шипром» и трусцой посеменил на крыльцо. Черная «Волга» с тремя нулями на госномере стояла «под парами», ожидая хозяина.

— В обком, — скомандовал Косте.

Под шинами зашуршала галька. Машина, плавно набирая рекомендованную КГБ скорость 130 километров в час, поскольку тогда невозможно вести прицельный огонь по ней, выскочила с лесной дороги на трассу.

День начинался так, как и тысячи других, прожитых Флирским на должности первого секретаря. Навстречу мчались машины. «Волга» легко обгоняла транспорт, то и дело пересекая сплошную разделительную полосу. Костя уверенно держался за руль, зная, что его никто не посмеет остановить. А если и

найдется какой-то забывчивый сержант и махнет жезлом, то уже на следующий день будет махать кнутом на коров.

На КП болванчиками стояли «гаишники»... Миновав пост, Петр Иванович не сразу понял, что милиционеры явно больны. И как ни странно, все трое. «Наверное, какая-то инфекция подействовала на их мозги», — удивился.

— Почему те квадратноголовые честь мне не отдали?

Костя заерзал на сидении.

— Да и правда! Совсем нюх потеряли.

— Приеду, начальника ГАИ на ковер вытяну. Оборзел дальше некуда. Забыл, кому служит? Так я вмиг прочищу ему мозги. Мать его за ногу! Меня в кошмарных снах вспоминать будет. Энурез заработает со страху. Я обещаю, — Флирский большим пальцем решительно провел по своему горлу. Это свидетельствовало о том, что «базара» первый не любит.

Внезапно «Волгу» на скорости километров 180 плавно обошел черный «мерседес».

— А это что за гонщик? Почему не знаю? Как всегда, с форсированным движком? Вашего ведомства, ханурик?

Костя пожал плечами.

— У нас таких отродясь не было.

— Тогда чья? Залетная? Урки-гастролеры? Разнюхать и доложить! Понял? Дожились, уже не знаю, что творится в моей области.

Черный «мерседес» не на шутку испугал Петра Ивановича. «Неспроста он появился в области. Ох, неспроста. Это ж не муха це-це прилетела с Африки, а «мерседес». Неужели кто-то копает под меня, кому-то дорогу перешел? Может, Пупенков или Кацнельсон?» — тревожные мысли роились в голове. То ли от дурных предчувствий, то ли от избытка эндорфина, но у Флирского подскочило давление. Лицо покрылось пунцовыми пятнами.

— Так и до инсульта полшага, — буркнул под нос.

— Что вы говорите? — переспросил учтиво Костя.

— То я о своем, о девичьем!

Перед «Волгой» распахнулись кованые ворота и машина въехала во внутренний дворик обкома партии.

На крыльце уже ожидал помощник Дима. На первый взгляд на Диму он был менее всего похож. Лысина, глубокие жизненные борозды на лице выдавали его преклонный возраст. Но в обкоме ходили упорные слухи, что Дмитрий Сидорович Кощеев, не взирая на свои 55, таки действительно мальчик. Как говорится, крути на воде без причины не расходятся. Мир не без бдящих людей. Кто-то таки подсматривал в замочную скважину...

— Ко мне начальника ГАИ. И быстро!

Флирский, не обращая внимание на подчиненных, которые на лестнице всегда норовят попасться шефу на глаза, прошагал в свой кабинет. Каждую дверь весом не менее полутонны учтиво открывал юркий Дима. Прежде, чем взяться за них, он вытирал потные ладони о полы своего пиджака, помнящего еще первую молодость.

Секретарша Юлия Григорьевна (на эту должность она прошла по конкурсу в областном управлении КГБ как специалист широкого профиля и женщина, не вызывающая у мужчин иных мыслей, кроме неудовлетворенности результатами своей работы на благо советского народа), подхватила с папкой «На подпись» походкой топ-модели на подиуме поспешила вслед.

— Вам несколько раз звонил...

— Потом.

Когда шеф закрыл дверь перед вздернутым носиком Юлии Григорьевны, та онемела:

— Он чего? — вопросительно глянула на Кощеева. — Видать, вчера не дала?

Дмитрий Сидорович сжал губки бантиком.

— Не знаю! Костя ничего не говорил.

— Так узнай. От этого как-никак зависит решение всех сегодняшних проблем.

— Пока я сбегаю к Константину, позвони начальнику ГАИ

и вызови к первому. Как всегда, наверное, какой-то придурок на «копейке» не пропустил обкомовскую «Волгу».

Петр Иванович метался кабинетом, как загнанный волк. Рыкал, стонал и нервно присвистывал. Спокойно сидеть за столом с футбольное поле не мог. Кресло хоть и было мягким, все равно мучило одно место. Чтобы не вертеться, словно вошь на гребешке, предпочел мерить шагами кабинет.

— Так где этот долбанный гаишник? — гаркнул по громкой связи.

— Петр Иванович, Приходько уже в приемной.

В ту же секунду двери отворились и щуплый, аля жираф, полковник вытянулся во фронт перед первым секретарем.

— Вызывали?

— Да! Проходи. Присаживайся. Дорогой Сергей Васильевич, ты спокойно спал? Кошмары не досаждали?

— А что, Петр Иванович? Регулярно. Не жалуясь, — подскочил, будто ужаленный.

— Я не о том, бесстыдник. Тебя ничего не гложет, ничего в последнее время подозрительного в области не заметил? Посторонних, странных, умалишенных за рулем.

— Да вы что, Петр Иванович! Как можно! Мы завсегда на страже порядка и законности. И блоха незамеченной не проскочит через границу области.

— Да неужто? А что за «мерседес» обогнал меня сегодня утром? Со странными госномерами.

— «Мерседес»?

— Ты глухой или плохо слышишь? «Мерседес», а не сраный «запорожец». Откуда в Советском Союзе — стране рабочих и крестьян, всеобщего равенства, взялся черный «мерседес», я тебя, хрена моржового, спрашиваю? Этот выкидыш империализма, возмутитель спокойствия в массах. Разве, дурья твоя башка, не понимаешь, что это диверсия, провокация и, я не побоюсь этого слова, — контрреволюция.

— Никак не могу знать.

— А что ты можешь? С пьяных деньги драть и девок в сауне щупать?

— Дайте пару часов, и я все узнаю. Не скроется гад, не испарится. По следу пойдём, вынюхаем и накроем падду. Я клянусь. Костями лягу, землю рыть буду... Простите ради Бога!

— Даю один день и ни минуты больше. Время пошло. Только потом чтобы не обижался.

Приходько не стал торговаться. Молча ретировался.

В дверях приемной чуть не сшиб Димона.

— Увольняют или отделяешься выговором с занесением? — спросил кокетливо.

— А кто его знает... Ну, что там «гебешник» нашептал? — явно секретарше было невтерпёж.

— Сказал, что вчера на Октябрьскую завозил. Шеф подымался на третий этаж, но быстро вернулся. То ли Люськи дома не оказалось, то ли действительно пьяному отказала. Может, под шафе в Иваныча уже не подымается. Таблетки покупал бы.

Всеобщая растерянность витала в приемной. Если вчера у шефа ничего не вышло с Люськой, значит, жди цунами, тайфуна и землетрясения в обкоме. Мало кого они обойдут стороной. Партийный кабинет — не бомбоубежище. А демократический централизм, как дамоклов меч, и из-под стола достанет.

— Придется объявлять всеобщую готовность номер один, — сказала сокрушенно Юлия Григорьевна. — Жалко людей. Хоть и функционеры они все. Закаленные, толстокожие. Все равно достанется.

Затрещал телефон прямой связи. Женщина вздрогнула, будто при свечах в будуаре ее оголенного плеча коснулась ладонь жгучего мачо.

— Зайди!

Поправив прядь волос, на ходу подхватив блокнот и ручку, секретарша юркнула к Флирскому.

— Юля, что я вижу? Это сон? Если сплю, то ущипни меня. Женщина покрылась пурпуровыми пятнами.

— Я не смею...

— Брось! А когда две недели назад вон на том кресле стонала и щипалась, так ты тогда не думала, что оставляешь синяки первому секретарю обкома. В КГБ наступала?

Секретарша наивно заморгала ресницами-опахалами и многозначительно промолчала.

— Разве в СССР за ночь произошел путч и к власти пришли американцы? Так вроде бы обком партии работает и я, его первый секретарь, стою в своем кабинете, и меня еще никто не отстранял.

Снова вспомнил черный «мерседес». Чутье Флирского еще никогда не подводило.

— Глянь-ка в окно. Это что такое?

Юлия Григорьевна отодвинула штору и посмотрела в окно на площадь перед обкомом, посередине которой возвышался памятник вождю мирового пролетариата.

— Ну?

— Он на крыше, — показал пальцем. — Вижу, наши спецслужбы совсем перестали ловить мышей.

По карнизу огромными светящимися буквами было написано незнакомое им слово «Nemiroff».

— Какой поц сколько металла вбухал в эту абракадабру? А что за тряпка болтается на фасаде? Ее бы хватило сшить сто простыней для трудящих. Что за «Samsung»? Кто вкопал щиты вокруг памятника Ленину с дурацкими надписями? «"Philips" изменит жизнь к лучшему». Кто он такой, этот «Philips», что подменяет собой КПСС? Только партия может менять нашу жизнь так, как решит съезд или, на худой конец, лично генеральный секретарь.

Флирский укусил себя за язык. Как-то неудобно вышло с «концом». Не солидно. Но было уже поздно: характеристику концу самого генерального секретаря уже дал.

— А надпись «"Motorola" — ваш надежный спутник по жизни» чего стоит? Разве «...Rola»... Тьфу, не выговоришь. Это новая сваха в нашем городе? Или как понимать? «Металлоплас-

тиковые окна вас нагреют и спасут». Что за девица с оголенными сиськами возле окна? Кто ей разрешил раздеться? Что за порнографию развели в моей области? Откуда взялись девки — оконных дел мастера? У нас, между прочим, граждан спасают скорая медицинская помощь и милиция, но никак не окна. Кто санкционировал эту ахиней непосредственно перед обкомом партии, Юля?!

Секретарша чувствовала себя если не инопланетянкой, то жительницей трущоб Нью-Йорка. Ее лицо вытянулось дыней, глаза закатились, как в припадке эйфории.

— Завотделом пропаганды ко мне! — рывкнул, как прапорщик на плацу.

Женщина еще пребывала под кайфом от увиденного. Думала, как бы и ее кто-нибудь ущипнул. Не галлюцинация ли?

Она еще раз бросила косой взгляд в окно, дабы лишней раз убедиться, что щиты и странные буквы на здании напротив не исчезли. Все было на месте. Юлия Григорьевна, как будто ничего не произошло, с гордо поднятым подбородком, ковыляя с огромной амплитудой задним местом, посеменила в приемную.

— Началось? — испуганно встретил ее Кощеев.

— Ты тут херней занимаешься, а на улице террористы с националистами беснуются.

— Че такое болтаешь?

— Болтают болтушку, а я говорю: зеньки разуй и погляди в окно.

Дмитрия Сидоровича разобрало любопытство. Он тоже бросил любопытный взгляд на улицу. Его лицо моментально превратилось в экспонат, который можно было показывать студентам в мединституте в качестве больного с диагнозом «шизофрения с отдельными проявлениями олигофрении».

— Ма-ма... Тю-ю... Та-а-ам... — махал руками. — Я-я-я... Па-па... — его нечленораздельная речь просто умиляла Юлию Григорьевну.

— Ой, как бедняжке голову-то скрючило.

Кощев махал руками, будто отгонял назойливых комаров.

— Мать ети... Ну-у... Во-о дают...

— Смотри, как переключило сиротинушку! Может, логопеда вызвать? — ерничала Юлия Григорьевна.

Тот ничего не слышал. Увиденное подействовало похлеще любого психотропного препарата. В приемной находился зомби, а не помощник первого секретаря. Его отмороженное лицо и неадекватное поведение напугало Юлию Григорьевну больше, чем вчера первый секретарь Московского райкома партии после бюро. Того партийные разборки превратили в нашкодившего первоклассника, прыгающего по коридору на одной ноге, подбрасывающего к потолку папку с бумагами и хохочущего до слез.

Шестое чувство подсказывало женщине, что надо быстренько спастись от обезумевшего Кощева — потенциально-го клиента палаты с окнами в клеточку.

Рука потянулась к телефону, чтобы удивить медиков вызовом в обком партии. Да ситуация разрядилась сама собой. Дверь отворилась и вошла уборщица тетя Нюра с ведром и шваброй. Увидав мечущегося по приемной с выпученными, безумными глазами помощника первого секретаря, быстренько шваброй наложила святое знамение на бедного Дмитрия Сидоровича.

А еще говорят, в партийных стенах сила Божья бессильна. Все вранье. Диму швабра вмиг исцелила. Лицо просветлело и глаза приобрели блеск собачьих глаз, демонстрирующих готовность исполнить любую команду хозяина.

— Фу-у -ты ну-ты, — тяжело вздохнул. — Я то где? Там или еще здесь?

— Если крылышки не прорезались, значит, с нами, — с сарказмом заметила Юлия Григорьевна. — Заболтали! Ну, вас... С вами у меня Трусов совсем из головы вылетел.

Алым ногтем с желтой розочкой на нем, которым хорошо чесать мужу спину, нажала кнопку на селекторе.

— Вадим Петрович, срочно к Петру Ивановичу.

Флирский в нервном припадке рвал на себе последние волосенки. От всего, что происходило за окном, у первого секретаря обкома партии стыли пятки и чесался пупок. Его уши горели от одной только мысли, что если об этом форменном безобразии узнает Киев или Москва, не видать ему почетной пенсии, как белому медведю пингвинов.

Дверь тихо приоткрыли и в щель просунулась яйцеобразная голова Трусова. Хотя первый встречный ставил Вадиму Петровичу вполне четкий диагноз — даунтизм, светила врачебной комиссии в обкомовской больнице всегда утверждали обратное: здоров, как космонавт. Флирский мог бы давно выгнать на все четыре стороны компрометирующую партийные органы личность, но придурковатая внешность зава приносила пользу. Иногда чересчур ретивым проверяющим из ЦК подставлял именно Трусова. Тот на все каверзные вопросы отвечал своим внешним видом: он появлялся перед ревизорами в тубетейке, подаренной на процедуре посвящения в почетные хлопководы во время командировки в Узбекистан, смотрел обеими глазами на кончик носа, его голова внезапно падала на правое плечо, будто трехпудовую башку не могла удержать тоненькая шейка, при этом мямлил, как младенец. Ни один здравомыслящий не мог выдержать общения с Вадимом Петровичем больше пяти минут.

— Вызывали?

— Входи, даун ты наш ненаглядный. Ты сегодня в окно смотрел?

— А как же. Дома. Голубей видел.

— Придурок. Со своего кабинета.

— А что, очередь за дефицитом видна? Так мы ее сейчас укоротим. Позвоню директору продторга и сниму того с работы. А чего тут мелочиться?!

— Тебя в кунсткамере демонстрировать, как уникальный экземпляр партийной номенклатуры. Посмотри с моего кабинета. Что видишь?

Трусов пристально всматривался в урбанистический пей-

заж, но как ни напрягал свое серое вещество, ничего не мог высмотреть.

— Че молчишь, охламон?

— Так, Петр Иванович, не знаю, что сказать.

— И крамолы никакой не заметил?

— Не-ет.

— Что за бред написан на вон тех щитах и на зданиях вокруг? Кто санкционировал эту антисоветчину? Не ты ли, хмырь пучеглазый?

Главный предводитель линии партии в области еле устояла на подкосившихся ногах. Его мозг получил жизнеутверждающий импульс и перед глазами пронеслись расстрелянные, отравленные, замученные во имя укрепления партийных рядов и победы над оппортунистами, уклонистами и всякой иной «онистой» нечестью. Неужели и его ждет такая же бесславная участь в конце XX-го столетия?

— Не дамся, — простонал.

— И что ты там шепчешь? А членораздельней на бис?

— Я, конечно, проносно извиняюсь, но я не мазохист.

— Ты нарушил первую заповедь коммуниста: не кажись умнее своего шефа. Импортные словечка употребляете, милейший мой друг. Откуда такие странные познания? Может, с иностранцами якшаешься?

Это прозвучало приговором. И обжаловать некому. Трусов дрожащими руками смахнул скупую партийную слезу, пытаясь пронять ею первого секретаря обкома. Но Флирский был закаленным партийцем и жалостью его просто так не прошибить.

— Слезами в собезе добавку к пенсии будешь выбивать. В обкоме нечего нюни распускать. Не песочница.

— Душите, Петр Иванович, но всех не передуйте. Я был и останусь верным ленинцем, а не поганцем, каким хотите меня сделать.

Трусов, вспомнив, как революционные матросы в филь-

мах перед расстрелом рвали на себе тельняшки, что есть мочи и себе рванул рубашку. Пуговицы градом посыпались на пол.

— Врагу не сдается наш гордый «Варяг»! — сорвался на фальцет.

— Петр Иванович, к вам Приходько, — голос Юлии Григорьевны раздался с динамика.

И тотчас же дверь распахнулась и влетел взъерошенный начальник ГАИ.

— Петр Иванович, я кровью искуплю свою вину. Я лично в засадах буду сидеть, но этих падл найду. Никто не видел, никто не слышал, вихрем пронеслись по области. Как испарились.

— Кто?

— Да эти... На черном «мерсе»... Ну, нарушили правила, превысили скорость и обогнали вас по дороге на работу. Вы еще возмущались и приказали мне найти негодяев. Так вот я и докладываю, что опросил всех своих ребят, но никто иностранца не видел.

— Твои гаишники — котята слепые или у них бельма на глазах? Это не руками в карманах шары гонять, а мозгами пораскинуть надобно. Машина не в негра в заднице, а свободно по нашим дорогам колесит. Так что выходит, любезнейший: ни одна сволочь ее так и не заметила, кроме меня?

Приходько чмыхнул носом.

Флирский подошел к окну.

— Полюбуйся, — ткнул пальцем в стекло. — В городе инфекция. Шизофренией называется. И повальная куриная слепота. Я вижу антисоветчину, а рядовые коммунисты — нет. Иначе звонили бы, на прием просились. Особенно ветераны. Они бдистые...

— Какие, какие? — несмело переспросил Приходько.

— Заложило уши? Прочистим. Я, кажется, внятно сказал. Бдистые. Значит, они бдят...

Внезапно к одному из бигбордов подкатила автовышка. Бравые ребята в униформе с надписью на спинах «Рекламу нельзя не любить. Полюби меня за то, какая я есть» поставили

стремянки и стали поспешно срывать плакат «"Philips" изменит жизнь к лучшему». Они птичками порхали то вверх, то вниз. Ведрами с клеем и щетками управлялись, как ножом и вилкой.

— У них энтузиазма полные штаны, — заметил Флирский. — Нам бы таких на ударные стройки пятилетки. Давно при коммунизме жили бы.

Тем временем парни в зеленых комбинезонах начали клеить новые листы. Первыми приклеили с буквами «Ху» на фоне каких-то таблеток.

У Петра Ивановича перекосило рот. Начальник ГАИ стеснительно отвернулся.

— Разогнать всех к едрене фене! — завопил первый секретарь обкома. — Где милиция? Арестовать! Посадить! В Тмутаракань сослать навечно!

На неистовый крик вбежали перепуганная секретарша и Дмитрий Сидорович с огнетушителем.

— Что горит, где горит?!

— А ты какого лешего с этой бандурой вскочил?

— Так вы же звали на помощь. Мне показалось...

— Дима, когда тебе что-нибудь кажется, обязательно крестись. Хоть и атеист, но поможет.

Петр Иванович пытался вспомнить, по какому поводу орал.

— А-а, вспомнил. Юлия Григорьевна, звони в милицию. Всех в ружье. И на площадь. Сорвать это безобразие, а бунтовщиков в зеленом в наручники и в сизо.

С приемной уже доносился командный голос секретарши, отдававшей приказ по телефону генералу УВД от имени и по поручению...

— Сейчас будут, Петр Иванович! — доложила она через открытую дверь.

Как по взмаху волшебной палочки на площадь въехали крытые ЗИЛы и оттуда горошком высыпали поджарые молодцы в касках, с дубинками и автоматами. Некоторые держали

на поводках овчарок, готовых «сделать» всех, на кого скажут «Фас!».

Прапорщик рукой позвал в атаку. Самые смелые бросились на рекламщиков. Парни, увидев милиционеров, бронированных, как танки, бросили плакаты, клей и — в рассыпную. Овчарки отменно выполнили команду. Первым пал под ними старший — тучный здоровяк в бейсболке и с бейджеком «Шеф». Пес вцепился ему в мягкое место, пытаясь вырвать кусок. Душераздирающий хай молодца услышали даже в обкомовских кабинетах.

— Мало, мало. Супостата надо колесовать или четвертовать, — Флирский вспомнил средневековые пытки. — Чтобы другим не повадно было.

Другим позавидовали бы спринтеры — чемпионы. Рванули клумбами и палисадниками, оглядываясь на четвероногих помощников стражей порядка. Не догоняют ли. Как ни странно, но собаки отставали, вывалив розовые языки. То ли их перекормили накануне, то ли их не надрессировали на поимку рекламщиков — антисоветчиков. Но те, быстроногие, сумели скрыться.

— Гамнюки, а не милиционеры.

— Так точно, — поддакнул Приходько. — Просрали такую операцию. А могли бы заработать по ордену Красного Знамени.

Первый секретарь обкома недовольно смерил сощуренными глазами непрошеного советчика.

— Без сопливых обойдемся на этот раз, — и махнул рукой, дав понять, что аудиенция завершена.

— Юлия Григорьевна, того, с надкушенной задницей, ко мне.

В приемную заглянул Дима. Вся его физиономия излучала сплошные вопросительные знаки.

— Ну, что там? — и он подбородком показал на дверь с красной табличкой на черном дерматине «Первый секретарь».

— Тигр в клетке!

— Я думаю. Такое «ЧП». Тут не то, что тигром рычать будешь, людоедом станешь. Кошмар! На голову не налезет. Это ж какое-то мурло те металлоконструкции делало, какой-то прохвост их монтировал, а какая-то зараза рисовала плакаты... А вместе они — банда заговорщиков. Интересно, какая резидентура им башлевала?

— Ой, и не говорите, Дмитрий Сидорович. Для КГБ непочатый край работы. Головы будут косить налево и направо.

Сзади помощнику первого секретаря кто-то положил руку на плече и гаркнул казарменным голосом:

— Разрешите!

Перед Дмитрием Сидоровичем стояли два банковских сейфа в бронежилетах, зажавших между собой здоровяка в бейсболке и с бейджиком «Шеф». Лицо последнего было перекошено, будто ему одновременно сверлили бормашиной все 32 зуба. Из глаз катились слезы. Бедолага явно не понимал, за что ему свалилось такое счастье и кому он обязан такими испытаниями судьбы.

— П-шел, козел! — пнули коленями арестованного.

Тот споткнулся о край паласа и растянулся в приемной, как шкура медведя в будуаре. Секретарша ойкнула, дрожащими руками закрыла глаза и опустила на корточки. Она впервые вживую видела настоящего антисоветчика и потому боялась даже глянуть на него, чтобы не обвинили в сочувствии к врагу.

— Подымайся! — шкафы дружно подхватили раненого и поволокли в кабинет Флирского.

Петр Иванович качался на двух ножках дубового массивного кресла, пальцами выбивая на столе чечетку. Увидев внезапно ввалившихся амбалов с клиентом, встрепенулся. На физиономии засиял заряд бодрости.

— О-о, паскудника привели! Это хорошо. Будем, значит, допрашивать с пристрастием... Оставьте нас!

— А если...

— Никаких если... Если не расколется, то будет ему и если,

и после, и гоголь-моголь с чаем. Язык сначала развяжу, а потом завяжу его бантиком.

Лидер коммунистов знал толк в языках. Его папа был из тех, кто в свое время умел выбивать признания во всех смертных грехах с кого положено. А потом их же охотно опекал с собакой и автоматом за колючей проволокой в местах не столь отдаленных. Героический был человек. Летопись коммунизма. Пример для подражания подрастающего поколения. Портрет отца нордической наружности висел у Петра Ивановича над кроватью, и сын при солидном портфеле не стыдился все свои поступки сверять с умом, честью и совестью предка.

На этот раз отцовский опыт пригодился как никогда кстати.

— Ну, что, барбос плешивый, досцался? — закатывая рукава, решительно поднялся со стула Флирский. — Теперь до гробовой доски будешь ходить только под себя. А на старость твой энурез, умноженный на принятые «таблетки для мужчин», принесет тебе еще одну проблему: проблему попадания в унитаза.

...В приемной два «сейфа» переминались с ноги на ногу. Косились на Дмитрия Сергеевича и Юлию Григорьевну, которые шушукались в углу. Но тут дверь отворилась и на пороге застыл взъерошенный Костя. Его глаза зверски рыскали по приемной, а ртом он жадно хватал воздух.

— От диссидентов прячешься или теща домогается? — поинтересовалась секретарша.

— Вам хихоньки да хахоньки, а я снова видел тот черный «мерседес». На проспекте Ленина, промчавшись на красный свет, чуть не врезался в хлебовозку.

— А Приходько звонили?

— Да он послал меня в жопу и пообещал надрать мою, если еще раз побеспокою его с маниакальными фантазиями. Но я говорю правду. И Петр Иванович видел.

Сквозь двери донесся пронзительный вой, а затем что-то с грохотом упало. А в приемной со стены свалился портрет Ильича.

— Плохая примета, — сокрушенно заметила Юлия Григорьевна.

Задрожали двери. По ту сторону послышалась возня двух тел, треск мебели и пронзительное «Помогите!».

Костя инстинктивно бросился на выручку. Два «сейфа» забаррикадировали собою двери.

— Низ-зя!

— Так ведь убивают?

— Приказ не нарушают, а выполняют. А убьют, так закопаем и крест поставим с надписью «Тут похоронен хрен моржовый».

— А почему хрен, да еще и моржовый?

— Чтобы такие, как и ты, спрашивали.

Наконец дверь со скрипом отворилась и перед присутствующими предстал потный, красный, всклокоченный Флирский.

— Уберите это дерьмо!

В кабинете сцапанный сидел на стуле, привязанный к спинке телефонным шнуром. Вокруг царил форменный беспорядок, будто здесь похозяйничала мартышка.

— Буровил какую-то ахинею о франчайзинге, гудвилле, кашфлоу и нумерико. Форменная абракадабра. Еле запомнил. Может, это шифрограмма? Юлия Григорьевна, быстро узнать, что эти слова означают. Если надо, подключи спецов с управления КГБ. Пускай попотеют, но срочно расшифруют. А вдруг выйдем на международную организацию антисоветчиков и шпионов всех мастей...

Флирский хитро прищурил глазки-пуговики и представил, как опосля его пригласят в Кремль. Принимать будет сам Генеральный секретарь, дорогой Леонид Ильич Брежнев и председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов. Сердечно пожмут руку, которую Петр Иванович потом месяц не помоеет. Завернет ее в целлофановый кулек и перевяжет бантиком. Непременно скажут всякие ободряющие и благодарные слова. Призовут не терять бдительности. А потом наградят Золотой Звездой и прилагающимся к ней орденом Ленина.

От таких перспектив зачесалась правая ладонь, будто она месяц не мылась.

— Сдуреть можно! Все эти щиты с самиздатовскими плакатами снести, буквы с крыш сбросить! О выполнении доложить немедленно!

Полковник милиции уже руководил трактористами, электросварщиками и крановщиками. Площадь перед обкомом была похожа на ударную комсомольскую стройку. Все дружно имитировали бурную деятельность. Милиция стояла в оцеплении и не пускала ротозеев, чтобы те на обрывках плакатов не прочли крамольные слова.

В приемную вскочил Трусов. Увидев Флирского, решил выпендриться.

— Петр Ива-ванович, надо срочно что-то де-делать. Мили-лиция не справляется с этими уличными чи-чи-читателями поха-абщины. Те напирают. Про-прошу помощи. Ибо неокрепшие души...

— Почему неокрепшие? — удивился первый секретарь. — Разве семьдесят лет наши граждане не изучали историю КПСС, научный коммунизм, марксистско-ленинскую философию и политэкономия? Они уже сильны духом и подкованы идеологически. Советские люди — не эфиопы. Прекрасно во всем разберутся и отделят плевроу от зерен.

— Мне бы ваш оптимизм.

Въедливо зазвонил красный телефон. Присутствующие вздрогнули, будто услышали пугающий перезвон хвоста гремучей змеи. Юлия Григорьевна три раза сплонула через левое плечо и что-то прошептала дрожащим голосом:

— Приемная обкома партии.

— Петр Иванович есть? Дайте ему трубку.

Флирский мгновенно превратился в достойный персонаж для фильмов ужасов. Трусов отвернулся к окну, чтобы гримаса шефа не приснилась. Иначе на всю жизнь можно остаться зайкой. А где это видано, чтобы заведующий отделом пропаганды, борец за чистоту партийных рядов и нравов в обществе

был бы с дефектами речи. Иное дело — дурковатого вида. Но никак не заика.

— Я слушаю, — прошептал в трубку Петр Иванович.

— Ну, знаешь, ты и придурок, Флирский. Ты не первый секретарь, а мочалка в общественной бане. Область превратил в Чикаго! Сицилийская мафия и ЦРУ под носом крутятся, а ты ноль на выходе. Совсем крыша поехала или только отдельные шарики за ролики заходят? Тебе партийная работа нужна, как рыбе зонтик. Жди комиссию.

На том конце провода бросили трубку.

— Точно, Пупенков и Кацнельсон заложили. Их работа, — обессилено упал в кресло.

ГЛАВА 3

Еврей — не национальность. Это призвание

Директор фабрики белья Кацнельсон пересидел в своем кресле четырех первых секретарей обкома партии и двух начальников областного контрольно-ревизионного управления. Со всеми был на короткой ноге. Нет, ногой дверь к ним не открывал. Бог миловал. Встречались, как правило, на нейтральной полосе — в сауне, ресторане «На околице» или на даче. Все партийные босы оказывались совсем не ангелами, а простыми смертными, которым не чужды маленькие человеческие слабости. А слабость они проявляли к денежным знакам любого номинала, валюте (и тугрики не исключение), золоту, антиквариату и бриллиантам. То есть вечным материальным ценностям.

Умение играть на человеческих пороках не приобретается в музыкальной школе. Не каждому дано, но если и дано, то считай, родился в рубашке. Если не весь мир, то отдельные его представители точно у тебя у ног. Мама маленького Мефодика заметила эти уникальные способности у сына еще в детском

садике, когда тот отбирал у своих сверстников машинки в песочнице не кулаками, а добрым словом. Умел убеждать. Если те не дадут ему порулить, то расскажет воспитательнице о том, как за забор лазили и хавали зеленые яблоки. Боязнь сверстников попасть в угол делала чудеса.

Уже повзрослев и став Мефодием Карловичем, он приумножил свои способности. Понял, что надеяться на жизненную рулетку все равно, что лежать под яблоней с открытым ртом и ждать, когда в него попадет яблоко. Уразумел, что жадным быть накладно. Необходимо делиться. За уникальную щедрость сильные мира сего закрывали глаза на мелкие шалости Кацнельсона.

А проделки директора фабрики были такими же невинными, как невинны дамы с декольте до пупка и в юбках-передниках на кольцевой дороге. Еврей не работает грузчиком или трактористом в колхозе и не живет на одну зарплату. Шить простыни, наволочки, пододеяльники и бюстгалтеры и не выкроить для своего светлого будущего куска для трусов — это свидетельствовало бы о том, что руководитель такого предприятия скорее олигофрен, чем гениальный директор и рачительный хозяйственник.

А мужские и женские трусы приносили Кацнельсону хорошую прибыль. Главное — уметь с умом кроить. Мефодий Карлович подбирал кройщиков, как подбирают космонавтов. Они должны уметь все. При этом давали подписку о беззаветной преданности шефу под угрозой остаться не только самим без куска хлеба на близкое и далекое будущее, но и подвести под монастырь всех своих родственников до десятого колена, поскольку связи у директора, оказывается, такие, что может устроить тебе веселую жизнь, если даже вздумаешь без директора коротать свой век с белыми медведями. Давал понять, что и среди косолапых, оказывается, тоже есть евреи.

С одного рулона ткани выходило неучтенных пять трусов, три бюстгалтера, две простыни, наволочка и пододеяльник. Ужимая, растягивая и экономя на швах, можно достигать не-

бывалых результатов. Чего Кацнельсон постоянно и добивался.

На складе лежала «левая» и «правая» продукция. Вместе она попадала в магазины, где заведующие, представляющие все народности многонационального СССР, действовали по уконтанной схеме. Продавали. Наличные за вычетом собственного гонорара передавали директору фабрики белья. Эта схема была стара, как преисподняя.

Конечно, спецы контрольно-ревизионного управления, бойцы ОБХСС периодически ставили фабрику на крышу, потому что новенькую «Волгу» Кацнельсона не замечал только слепой или отморозенный пофигист-стиляга с орущим на весь квартал «Океаном» на плече. Копали с неистовой принципиальностью и ненавистью к хапугам. По стойке смирно ставили всех, начиная от сторожа и заканчивая главным бухгалтером с директором. Совали носы даже под плинтусы. Потом строчили объемистый акт, в сравнении с которым роман «Война и мир» — записная книжка. С первых страниц акта прослеживалось негодование его автора: как этот человек еще смеет дышать одним воздухом с нами.

И невзирая ни на что Мефодий Карлович многие годы оставался у руля.

Как-то поехал в командировку в столицу. Естественно, секретарша купила билет в вагон СВ. За рюмкой французского «Бордо» судьба свела его с инструктором ЦК партии Пупенковым, курирующем область, в которой Кацнельсон родился и процветал. Рафаил Сулейманович как раз возвращался после очередных вливаний Флирскому «за отсутствие системы в работе».

Слово за слово — так и познакомились. Грех директору фабрики белья не воспользоваться таким сказочным случаем? Если не воспользуется, то он тряпка под Барбосом. Кацнельсон решил незамедлительно брать быка за рога.

Утром на столичном вокзале Мефодий Карлович предложил подвезти домой такого приятного соседа по купе. Тот не

кочевряжился. Встречающая директора министерская «Волга» подбросила партийного чиновника к элитной многоэтажке в центре города.

Уже на следующий день Кацнельсон, будто бы невзначай, встретил у подъезда возвращающегося с работы Пупенкова. Разыграв удивление не хуже голливудской звезды, смущаясь, заявил, что просто в этом районе ищет однокашника. Двадцать лет с вами не виделись!

— Наверное, судьба. Жалко имеющегося «термоска»: икорки, французского коньячка, балычка. Одному не съесть. Ведь прокиснет в гостинице.

— Да, жалко. Не грешил с моим гастритом, а тут сам Бог велит. Ну, что же... Милости прошу на огонек. Жены нет. В Каннах. Похолостякуем в удовольствие.

Квартира «цековского» работника была соответствующей. Ничего лишнего: ни линолеума на полу, ни граненных стаканов, ни табуреток производства мебельной фабрики «Красный Октябрь».

На антикварном столике «а-ля Людовик XII» по быстрому сообразили на двоих.

Особенно хорошо пошла первая. На седьмой сбились со счета. Пупенков открыл бар, а в нем — филиал царских винных погребов.

Утром Кацнельсон проснулся от назойливого звонка. Сразу не мог сообразить, где звенит: в голове, кармане, на тумбочке или у двери. Открыл глаза и обмер. Лежал на полу. Взору открылась этикетка «Стол обеденный "Фуэте"». Догадался, что нашел пристанище именно под ним, окаянным. Начал искать знакомые предметы, чтобы как-то сориентироваться. Повернул голову и увидел перед носом чей-то зад, будто земной шар. Присмотрелся — а он мужской. И настроение моментально испортилось. Значит, вчерашний вечер не удался.

Пополз на свет. На окно. На люстре висели носки, возле телевизора домиком были сложены куриные косточки, а на паласе валялись дамы в фривольных позах. Глянцевые страни-

цы мужских журналов блестели на утреннем солнце. «Отделались суррогатом», — подумал директор фабрики.

Снова раздался звонок. Теперь Мефодий Карлович четко уловил — настойчиво звонили в дверь.

Пришлось открыть вместо хозяина, который храпел, прикрыв ухо комнатным тапочком.

У двери стояла девчонка в халате, еле прикрывающем соблазнительное юное тело.

— Это с вашего балкона упало? — и она протянуло бюстгальтер. Его внешний вид свидетельствовал о размере кошелька хозяйки.

— Нет, — с дрожью в коленях ответил Кацнельсон, которого дома ждала непонимающая подобных шуток Сара с потомством мал мала меньше.

— Тогда прошу прощения. Значит, мой аспид приводил, — и она удалилась походкой топ-модели международного масштаба.

Проснувшийся Пупенков продирал кулаками глаза, постоянно зевая и икая. По нему было видно, если бы этому человеку сию минуту предложили умереть, он бы воспринял это за благо.

— Если в таком виде пойдешь на работу, то, считай, потеряешь партбилет!

Боязнь последствий оказалась сильнее. Не поддавался хандре, а взял себя в руки. Когда появился в отделе, никто даже не заметил, что Рафаил Сулейманович провел ночь за и под столом. Что значит железная воля! Уметь надо. Истинный последователь нестигаемого Ильича и железного Феликса.

Как известно, горе объединяет людей. Вот так и сошлись два человека. Сначала Кацнельсон преподносил «нужнику» скромные подарки на общегосударственные праздники, а потом, когда тот пару раз вытянул директора из дерьма, стал поздравлять инструктора ЦК и с днем металлурга, и с Пасхой, и с днем Парижской коммуны.

Естественно, о самодеятельности директора фабрики бе-

ля не мог не знать сам хозяин области. О всех шалостях бельёвого магната ему докладывали на второй же день. Флирский все ждал, когда у этого прыща на здоровом теле социалистической экономики проснется совесть и он соизволит явиться на поклон. От результата разговора зависело наказание: исключение из партии и передача дела Фемиде или благосклонное попечительство такого крайне необходимого народному хозяйству башковитого руководителя.

Но Кацнельсон все не являлся на ясные очи «первого». Зато звонили с ЦК и ненавязчиво просили проявить снисхождение к мелким ошибкам Мефодия Карловича, который перевыполнял план, лидировал в отрасли и вообще представлен к правительственной награде.

И все-таки пути Флирского и Кацнельсона пересеклись. На областном партхозактиве. Директора фабрики избрали в президиум и его место случайно оказалось за спиной у Петра Ивановича.

— Не убьете? — поинтересовался Флирский.

— Помилуйте. Бедный еврей и мухи не обидит.

— Тем не менее без разрешения этого скромного еврея и муха срать не садилась.

— Вы мне льстите, — парировал Мефодий Карлович.

После конференции, как водится, — шестой вопрос. На фуршете второй секретарь учтиво уступил место рядом с шефом директору фабрики белья.

— Я не жадный.

— Неужели могли бы съесть все на этом столе?

— Я не об икре и балыках. Просто привык делиться.

— С трудами Ленина знакомы? Или блюдете святые заповеди?

— Просто так легче дышится.

— О здоровье беспокоитесь?

— Не только...

Уже на второй день Кацнельсон занес Юлии Григорьевне увесистый конверт.

— Передайте лично Петру Ивановичу.

Когда под вечер первому секретарю попался на глаза конверт со сладкой надписью «П. И. от М. К.», тот с трепетом в поджилках вскрыл. На стол посыпались американские доллары. Флирский подскочил, будто сел на морского ежа. Моментально вспотели не только ладони... Капли побежали между ног. Нет, не от того, что впервые увидел вражеские деньги, к которым ему с детства прививали ненависть, а потому, что за них много дают. И, конечно, не пряников. Потом резко бросило в жар. Перед глазами, как в хронике, промелькнула камера в Бутырке с парашей у двери и баланда вместо бефстроганов в обкомовском буфете. Разбалованный желудок зашелся спазмами, привыкшая к теплomu унитазу задница зачесалась, как от чесотки.

Подбежал к дивану и сунул конверт под него. «А вдруг подставил этот хмырь носатый? Конверт наверняка будут искать», — лихорадочно соображал. Если найдут под диваном, то Флирский решил откреститься от него. Мол, подбросили «доброжелатели».

Но никто не пришел по грешную душу первого секретаря обкома ни в тот день, ни в последующие. Петр Иванович обрел душевное спокойствие и стал на селекторных совещаниях, конференциях и пленумах ставить в пример отстающим деятельность фабрики белья, коллектив которой перевыполняет план, выпускает продукцию только высокого качества, борется за экономию сырья и материалов и снижает затраты на один рубль выпущенной продукции. «И хотя фабрику возглавляет беспартийный, но некоторым членам партии стоило бы поучиться управлять так, как уважаемый Мефодий Карлович», — любил говорить он.

В обкомовских коридорах болтали о необходимости такого «правофлангового передовика» принять в партию. КПСС сочла бы за честь пополниться таким достойным членом. Слухи об этом дошли до Кацнельсона, и он в тот же день назначил Флирскому свидание в ресторане на окружной дороге.

— Возьмите. Надо еще, дам еще. Только никуда меня не надо принимать. Я не достоин такой чести. Моя работа не терпит гласности.

Впрочем, больше всего Мефодия Карловича доставали «писаки». Те, кто никак не уймется, если сосед с «черного хода» купил туалетную бумагу. Эпистолярный жанр — конкурент детективу и любовным романам. Его обожают в инстанциях. Лучшие образцы, в которых описываются интрижки начальника с секретаршей или дебоши хиппи под окнами общежитий, в определенных инстанциях читали взахлеб.

Однажды такая цидулка попала в МВД. Министру доложили помощники с соответствующими комментариями. Приказ последовал незамедлительно.

— Если все правда, негодяя в кутузку.

Бригада с МВД прибыла наводить шмон на фабрике и в городе, где засели покровители расхитителя социалистической собственности. Никто не мог улизнуть от зорких глаз правоохранителей, никого не спасали красные корочки. «Чекисты» получили указание действовать не взирая на лица, кресла и портфели.

Месяц копали, рыли, вынюхивали и писали. В последний день уже хотели надеть наручники на Флирского и Кацнельсона. В тот день солнце взошло-таки там, где надо было этим мужикам. Бригаде поступил новый приказ: «Отставить наручники. Возвращаться в столицу».

После того в обкоме поговаривали, будто Кацнельсон вышел сухим из воды только благодаря своей щедрой натуре. На этот раз поделился всем, что имел. Конечно, подключил связи — в частности, кореша Пупенкова. Тот незамедлительно свел директора фабрики со своим шефом. Последний позвонил куда-то и привел в действие сложную цепочку в партийной иерархии.

Каждое звено проявило искреннее понимание и участие. Мефодий Карлович это прекрасно понимал и потому оставил

шефу Рафаила Сулеймановича полный «дипломат»... Так сказать, на карманные расходы.

Как там выше распорядились презентованным кошельком, директор фабрики белья не знал.

— Чем я обязан? — первым позвонил Флирский. — Отмазал ведь ты?

Великодушие директора фабрики не имело границ.

— О чем разговор. Пустяки. Какие-то копейки.

После этого тернистые жизненные пути Флирского и Кацнельсона пошли параллельно. Взаимопонимание и пунктуальность в расчетах характеризовали их сотрудничество. Трусы и бюстгалтеры приносили столько денег, что их количество потеряло всякий интерес к ним.

Кацнельсон скопил хрусталя, золота, бриллиантов и антиквариата на десять поколений многочисленных родственников не только в Союзе, но и в Израиле. Четырехкомнатная квартира в центре ни окнами, ни дверью не отличалась от соседских. Но за дверью, похожей на сарайную на заброшенном хуторе, была встроена трехслойная стальная дверь с десятью сейфовыми замками и «глазками» на уровне носа и пупка, чтобы видеть, с чем пришли званые и незваные гости. На обеденном столе всегда стояли заморские яства, поставляемые лично с «Елисеевского». В гараже пылилась «Волга», потому что служебная возила Мефодия Карловича, Сарочку и чад на работу, в гастроном, школу и театр. Отдыхали каждое лето в «Ореанде», питались исключительно в ресторанах и катались на катере на подводных крыльях.

И все равно денег было столько, что не хватало коробок из-под обуви. Хотя на обувь, как и на канделябры, денег не жалели.

А Флирский жил по-коммунистически и пытался привить рабоче-крестьянский быт всей семье. Правда, дражайшая Галина Борисовна пробовала сопротивляться в силу своих ограниченных женских сил. Она никак не могла понять, почему коммунизм в их семье надо камуфлировать уровнем жизни то-

каря или инженера. Аскетизм при почти неограниченных возможностях порой приводил ее в недоумение. Поэтому периодически осуществляла татаро-монгольские набеги «с черного хода» на магазины, скупая все, начиная от полотенец и заканчивая шубами. После каждого такого похода Петр Иванович устраивал «варфолоевскую ночь», обзывая Федю дармоедом, родню — растленной буржуазией, в которой советской властью не искоренены мещанство и стяжательство. А наиболее доставалось Фресе, которая виновата в том, что поощряла покупку в обкомовском распределителе излишеств на стол: как-то севрюги, черной икры, авокадо и копченых угрей. Огрызался только сын Федя, которому все-таки была ближе не философия классиков марксизма-ленинизма, а устремления хиппи с их невосприятием всяких норм и правил. Он порой ходил то с ирокезом, то с косичкой, как у дьячка, цыганской серьгой в ухе, одевал одежду, на которой заклепок было больше, чем на мосту Патона через Днепр. Отец, закаленный в дискуссиях с заокеанскими диссидентами, националистами и всякими оппортунистами, только махал рукой на безнадёжного подростка и от собственной беспомощности перевоспитать отпрыска просто удалялся в свой кабинет. Вечерами, когда в доме все видели третьи сны, он открывал сейф с десятикратным секретом и пересчитывал аккуратно сложенные «червонцы»... Нет, не царские, хотя если бы они были, то предпочел бы их советским. В эти моменты Петр Иванович смахивал на еврея-ростовщика, а не на первого секретаря областной парторганизации. Флирский это понимал, но стремление обеспечить себе безоблачную старость было сильнее, чем беспрекословное выполнение устава партии. Сегодня он первый, а завтра может быть последний в очереди за майонезом. О домике на берегу Жевневского озера и не мечтал. Руки у КГБ длиннее, чем у ФБР и МИ-5 вместе взятых.

Милицию может обидеть каждый. А она, между прочим, как дитя малое. Помнит обидчиков и не водится со жмотами. Особенно не забывает тех, кто отнимает у них прямо изо рта

кусочек хлеба с маслом. Ведь команда «Фас!» была дана. А блюстители порядка не получили желаемого результата. Зато получили по мордам. И довольно убедительно. Поэтому, начиная с министра МВД и заканчивая участковым в захолустной Зачешиловке, методом флюстера была пущена информация об хитромудром еврее, посмевавшем «натянуть» ментов. Рекомендовалось всем и вся использовать любые известные методы и схватить Кацнельсона за то место, каким он детей делает, и вывернуть ему задницу наизнанку, чтобы раскаялся не только в уже совершенном, но и в будущих грехах. А содержать «директора исподнего» повелевалось за тремя замками, на баланде, в кругу друзей уголовников-рецидивистов, насильников и всякой иной отпетой мрази. Деликатесы типа трюфелей и фазанов под мексиканским маринадом должны ему сниться в кошмарных снах. И то только стоя спиной к стенке, поскольку и ночью должен ежеминутно бдеть свой драгоценный зад.

Естественно, о таком устном распоряжении Мефодий Карлович не мог знать. Нисколько не удивлялся полосе несчастий, постигшей его в последнее время. Воспринимал, как прискорбные реалии времени. Сетовал на холуйство и извращенное понимание действительности местных партocrats и их церберов от госбезопасности, милиции, прокуратуры, народного контроля, партийного контроля, контрольно-ревизионного управления и всякой прочей паразитирующей взяточничеством нечисти.

Сначала его водителя оштрафовали за то, что проехал на «кирпич» к обкому партии. Сколько ездили — и хоть бы что. Постовой всегда для собственного успокоения воротил морду от машины. А тут на тебе! Даже корочка депутата районного совета и заряженная троячка в водительских правах не помогли. Сержант не клюнул. Расстроенный, как балалайка, Кацнельсон хотел пожаловаться Приходько. Но начальник ГАИ был в тот момент в местной командировке на сенозаготовке. Когда же появился в кабинете, то у директора фабрики к тому времени уже успокоилось на сердце.

Случайность? Случайность — это хорошо законспирированная стратегия. Потом на фабричной проходной бог весть откуда взявшийся котяра прыгнул на голову. Махровый, откормленный, как породистая свинья. Распанахал когтями директорское правое ухо. Пришлось в больнице штопать.

Вскоре явился курьер с Тамбова. Должен был привезти десять штук за трусы и ночные рубашки. А врулил сотню.

— На словах просили передать, — прошепелявил этот прыщ гугнявый, — что магазины шманал ОБХСС. Изъяли товар и настрочили кучу актов. Денег больше не будет.

Попытка Мефодия Карловича разобраться с тамбовскими по понятиям увенчалась вторым разорванным ухом. Както, когда он открыл дверь квартиры, внезапно в подъезде погас свет. И сразу же в глазах заискрило. Очнулся на своем диване, когда Сарочка хлестала по щекам. Естественно, без больницы не обошлось. Благополучно заштопали и нос с подбородком. «Не иначе, как стечение обстоятельств», — решил на досуге.

Но оптимизм «советского бизнесмена» развеял поджог служебной «Волги». Загорелась, когда уважаемый директор собрался ехать обедать. Полыхнула так, что еле задницу сгреб. Огнетушителей хватило только сбить пламя с одного колеса, вызванные бдительным вахтером пожарные прикатили вообще только посмотреть на покореженный металл, который отдаленно напоминал авто.

Кацнельсон долго гадал, откуда именно растут ноги его несчастий. Конкуренты, злопыхатели, завистники? Пасьянс никак не складывался. Рассказал о череде жизненных казусов Пупенкову. Тот сокрушенно покачал головой и заявил:

— Видно, дела у тебя, Мефодий, совсем хреновы, если так сдал. Разбирайся, иначе не кончишь брэнную жизнь своей смертью.

Чем больше имеешь, тем больше тратишь. В одних головная боль от безденежья, а в других — от проблем денежного излишества. Директор фабрики трусов, маек и простыней шел

по жизни, как под градом ежей. Чувствовал башкой, что надо уворачиваться, но никак не получалось. От того осознавал свою беспомощность и никчемность на этом празднике жизни.

Как не хотелось, но все-таки пришлось идти на поклон. Гордый еврей, что гордый горец. Собственное самолюбие было ущемлено «до нельзя». Он, кормилец и поилец этих мыльных пузырей с партбилетами, вынужден просить у них помощи.

— Уважаемый товарищ Кацнельсон, — меряя шагами кабинет, поучительно молвил Флирский. — Партия, товарищ Мефодий Карлович, не горстка шпаны. Это сила, мощь, способная раздавить все, что путается под ее ногами. Так кто там мешает нам продвигаться к коммунизму?

— Ума не приложу, — чуть не заплакал директор-передовик. — Сначала, думал, это судьба. Проанализировал. Вроде бы я не хуже прочих. Только всем прочим почему-то коты не падают на голову и жопу не поджаривают. А мне судьба уготовила полные штаны такого счастья. За что? Ведь я не жадный. Делюсь и помогаю. Вы ведь знаете!

— Ну, ты не гони! Давай спокойно, едрена вошь, прикинем, помозгуем.

Думали-гадали, анализировали, всем косточки перемыли, сопоставили. Дедуктивным методом достигли вывода, что без этих, что в погонах, никак не обошлось. Потому что они своего не упустят. Партия хотя и бдила, но к каждому сержанту инструктора инструктора не приставишь. Те тоже хотят брать. Потому что не брать не могут, поскольку этот принцип жизни, как инфекция. Дед брал у пьяниц, отец — у завмагов, а сын не мелочится, — у своих коллег, директоров и дворников. Брать будут внук и правнук. Может, и хотели бы не брать, так научат и заставят. Чтобы сами брали, а потом делились. Ну, как Кацнельсон.

Определились, что ситуацию не поломаешь ни вызовом на бюро обкома, ни снятием с должности. Кого песочить и уволь-

нять? Система не даст себя опозорить. Поэтому надо пригнуться, залечь и не высовываться. От греха, скажем, подальше.

Мефодий Карлович предупредил доверенных лиц в цехах, чтобы трусы 46-го размера шили по лекалам 50, а бюстгалтеры 4-го — шили как 5-го. Чтобы никакой вшивый «крушник» своим поганым носом ничего не вынюхал. Об отгрузке левой продукции и говорить не приходилось. Хотя вошедшие во вкус завмаги-реализаторы в городах и селах коммунального СССР обрывали телефоны, умоляя товарища Кацнельсона не садить их семьи на голодные пайки. Один «Волгу» собрался покупать, в другого очередь подошла на кооперативную квартиру, третьему партком выделил туристическую путевку во Францию. Деньги нужны, как вода. Что он себе думает?

Флирский, хотя и был птицей иного полета, однако тоже от страха еле штаны не изгадил. Встречи со своими «донорами» прекратил до лучших времен. Не последние проедает. Свои похотливые желания засунул в душе подальше. Люське сказал, что у них тайм-аут. Мол, комиссия с Москвы нагрянула. Поэтому днюет и ночует на работе. Слышно было, что Люська на том конце провода недовольно надула губки и заявила, что за эти «прогулы котика» хочет новую норковую шубу. И не с каких-то паршивых хвостиков, а цельную. Иначе тайм-аут может превратить в карантин. Потому что еще вилами по воде писано — на работе котик или перепихивается с секретаршей.

Такие беспочвенные подозрения чуть до инсульта не довели Петра Ивановича. Как можно не верить первому секретарю обкома партии? Уму непостижимо.

Правда, в тот же вечер странное поведение мужа заметила Галина Борисовна. Не дожидаясь, когда уйдет домой Фрося, Флирский с яростью загнанного тореадором быка набросился на жену и стал ее грязно домогаться. Воспитанная социалистическими реалиями, при которых нет и не может быть секса, бедная женщина, естественно, возмутилась и для пущей убедительности огрела дражайшего по голове подвернувшемуся

прикроватным «Капиталом» Маркса. В свои пятьдесят пять могла это позволить, если учесть, что уже забыла, как именно выполняется супружеский долг.

Петр Иванович сначала растерялся и даже попятился. Но потом взял в руки свой грозный инструмент и с боевым кличем «Ура! Мы не лыком шиты!» ринулся в атаку... На этот раз мужская стремительность и храбрость помогли достичь цели. Казалось, жена была неприступна. Но перед смельчаком все-таки пала. Настойчивость делает чудеса.

— Что это было? — поправляя растрепанные волосы, поинтересовалась Галина Борисовна.

Флирский понял, что чересчур рьяно вспомнил медовый месяц, и потому решил молчать, дабы не накликать беду.

— А теперь язык задеревенел? Брось дураком прикидываться! Оказывается, ты еще боец. А говорил, что с сексом не по дороге к светлому будущему. Значит, ты либо заблуждался, либо партия пересмотрела свою генеральную линию.

Словом, замаскировались. Так один месяц прошел, два, три... Сколько можно прятаться в родном городе, где все схвачено? Позор седидам.

Первым не выдержал директор фабрики белья, у которого ежедневно деньги текли мимо личного кошелька. Это все равно, что обрекать себя на жажду, сидя у воды.

— Петр Иванович, я больше не могу. Давай выходить из подполья. Я уже трачу со своего неприкосновенного запаса, отложенного на беззаботную старость.

И дружно вышли из тени. Первыми о решении узнали завмаги в городах и селах — спонсоры обкома партии. Как они обрадовались! Их жизнь обрела понимание и четкость, обыденную суету и уверенность в присутствии завтра на обеденном столе супа и котлеты, а не тюремной терки.

Суровые советские будни сплотили рвение лидера областных коммунистов и крепкого хозяйственника. А по-другому и быть не могло, если два человека объединены светлой идеей и общей целью.

ГЛАВА 4

Развязался «пуп Земли». Требуется хороший акушер

К ГАИ всегда относились и относятся, как к назойливой мухе. Каждый водитель (если бы дали такую возможность) готов ее с удовольствием прихлопнуть. Но попробуй прихлопнуть! Только замахнешься, а она уже в другом месте кусает. Впрочем, на то она и муха, чтобы надоедать. Вьедливый гаишник — не муха... Он похлеще мухи. Это шершень в штанах. Назвать его родным отцом просто язык не повернется. Дерет, как отчим, зудит, как теща, а безразличный, что троюродный дядя внучатого племянника.

Приходько всегда было глубоко «по барабану», что о нем и его «собратях по полосатой палочке» судачат в народе. «Народ — базар, а базар уважает силу, — любил повторять Сергей Васильевич после седьмой рюмки. — Вот я и поставлен, чтобы блюсти порядок и не давать разным прохиндеям за рулем считать себя «пупами Земли». Пуп только один в области. И, как понимаете, это я».

В то утро взъерошенный начальник вскочил в кабинет, как блохастый Бобик в будку. Заметался между столами и креслами, надеясь выскочить, да только никак не мог найти дверь. Просто не видел ее и все. Он был в растрепанных чувствах после бурно проведенной ночи в любимом ресторане на окружной дороге. Туда он попал, выйдя из дома в спортивных штанах с ведром мусора. Жена никак не могла взять в толк, почему тот возвратился под утро, если мусоросборник находится во дворе. Чтобы получше разобраться в ситуации, даже пыталась вырвать клочок волос на его голове и грохнуть по уху шваброй. Но тот не сознался.

Всегда предусмотрительная секретарь Маша на удивление не сориентировалась в обстановке. Настроение шефа было более, чем агрессивное. Тигр в клетке в сравнении с начальником ГАИ в то злополучное утро выглядел котенком.

Только открыла дверь, как патрон зарычал:

— Ты где валандаешься, курица безмозглая? Думаешь, твой папочка спасет тебя? Да глубоко имел в виду твоего му-дозвона. Чи й ни шишка на лбу! Выгоню с «волчьим билетом»!

— За что? — удивилась девчонка, и слезинка прокатилась по румяной щеке..

— За то, что на свет родилась и дышишь одним со мной воздухом! К ноге всех замов! И бегом, хрен тебе в глотку!

Обескураженная девица, как пушинка на сквозняке, вылетела из кабинета. «А ведь днями клялся и божился, что никогда горбатого слова в мой адрес не скажет», — всхлинула бедная Маша.

Приглашая всех замов, многозначительно намекнула им, чтобы были попокладистей. Босс сегодня очень не в духе: или наверху кто-то наступил на любимый мозоль, или по дороге на работу на проспекте дежурный забыл включить «зеленую волну» и пришлось служебной «Волге» «кланяться» каждому светофору.

Замы, как двое из ларца, струной вытянулись перед полковником.

— По вашему приказанию прибыли!

— Вижу, не слепой. Так вот, охламоны, даю вам последний шанс реабилитироваться и доказать Родине-матери свою благонадежность. Иначе вам, падлам, не видать звездочек, как Полярной звезды среди бела дня. Будете с палочкой не на трассе толстые кошельки шманать, а на проселочных дорогах шухер наводить. Куда подевался «мерседес»?

— Сергей Васильевич, вы же знаете: была объявлена операция «Держи злодея!». Но ни через один пост авто марки «мерседес» не проезжало.

— Милые барышни... — замы дружно общупали свои пикантные места. — Мне пришла мысль. А наши инспектора хотя бы знают, как выглядит «мерседес»? Может, проскочил, а ротозеи подумали, что «запорожец».

Версию незамедлительно решили проверить. Вызвали с дежурной части инспекторов, готовящихся заступить на службу. В кабинет Приходька ввалились семь сержантов. От них несло нафталином, перегаром и грязными портянками.

— Господи, я и не знал, что в нашем управлении столько беременных. Даю десять дней. Если не разродитесь, сделаю кесарево сечение... А теперь по делу. Кто скажет, как выглядит автомобиль «мерседес»?

Инспектора замаялись, будто поинтересовались их интимной жизнью.

— Вот ты! Отвечай! — ткнул пальцем в старшего сержанта.

— Вы о машине?

— Нет, о твоей бабе.

— Буфера... Вот такие, — показал на себе руками. — Две фары, впереди мотор, четыре двери, карбюратор и большие колеса.

— Идиот!

— Так точно! Но я знаю, товарищ полковник.

— Ты! — брызнул слюной на младшего сержанта.

Тот, не моргнув, отчеканил:

— У «мерседеса» на капоте фирменный знак — колесо с тремя спицами... Во-о!

— Я тоже знаю! Видел фильм с Луи де Финесом. Так француз ездил на «мерседесе». В этой машине крыши нет. Правда, такие автомобили у нас не ездят. Родные дороги исключительно для отечественных «москвичей» и «жигулей». Мы за этим четко блюдем.

— Понятно. «Блюдисты» с большой дороги. Лучше «блюди» бы не свой карман, а общественную кассу управления. В прошлом месяце каждый из вас дал в общак на слезы. И это при том, что дежурили на самых «горячих» местах: под знаками «40» и «обгон запрещен». Небось, на свои сберкнижки положили кругленькие суммы, а для покупки лампочек для све-

тофоров, тетрадок, папок, авторучек и бумаги для управления шиш с маслом оставили... Так где, козлы вонючие, тот «мерседес» — я вас спрашиваю?

Сержанты языки проглотили.

— Испарился? Мне сам Хозяин поручил откопать хоть изпод земли этого европейского пигмея, а вы дурью маетесь. «Оку» от «мерса» отличить не можете. Это все равно, что перепутать велосипед с «Харлеем»...

— С кем, с кем, товарищ полковник? С каким «гадеем»?

— Заткнись, потому что этим кулаком заткну твою пасть до гробовой доски... Так что там с планом перехвата под названием «Ассенизаторы»? Господи, и буйная же фантазия у наших сотрудников!

«Двое из ларца» наперебой попытались втолковать шефу, что гаишники — не бегмены, а всего лишь стражи порядка. И, как всякие подневольные люди, они готовы рыть землю и останавливать любого встречного — поперечного, лишь бы начальство осталось довольным. Но «мерседеса» они не видали. И не потому, что они — слепые котятка, а потому, что нарушитель что-то учуял и подался проселочными дорогами.

— Разве что козьими тропами. А как же план перехвата «Ассенизаторы»? Только больные на голову придумают такое название!

Приходько решил взять руководство поимкой нахала на четырех колесах в свои руки.

— Дебилизм передается с генами. Вы стали бы хорошими экспонатами для музея ошибок природы нашего медицинского института.

Замы стеклянными глазами смотрели на шефа, как на икону Григория Победоносца. Мысленно хотели бы Приходько раздавить, словно клопа, но уважение к чину было сильнее желания.

— У нас есть гениальный план.

— Та шо вы кажете? Неужели способны не только брать взятки, но еще и шевелить мозгами! Так что надумали?

— Давайте по телевидению обратимся к нашим жителям.

Так, мол, и так, кто видел черный «мерседес», просим сообщить по такому-то телефону.

— Скажу откровенно: не дурно. Не ожидал. Дерзайте! — благословил начальник.

На всех телеканалах в новостях дикторы сообщили убедительную просьбу правоохранителей. Разыскивается авто, которое будто бы сбило в селе Верхние Брычки племенную козу с Голландии, принадлежавшую местному колхознику. При этом дикторы не объясняли, каким таким макарон коза из «вражеского лагеря» могла попасть в СССР. Хозяину было очень жалко скотину. Коза не простая. Почти золотая. Молока дает, как хорошая корова, шерсти ангорской ежемесячно стрижется целая гора. При этом жрет и гадит, как кролик. Сказочная рентабельность содержания.

В тот вечер в дежурную часть звонили те, кто хотел узнать голландский адрес, по которому торгуют такими козами, кто ненавидел спекулянтов и фарцовщиков и кто руководствовался жизненным кредо: чтобы и соседу было плохо, как и мне.

Всего зарегистрировали 992 звонка с информацией об увиденном «мерседесе».

— Если в ГАИ знают о марке «мерседес» только по картинках, то что говорить о рядовых гражданах? — сокрушался начальник ГАИ. — Даром только время теряем. Наши граждане еще не доросли до понимания фразы «дворник ездит на работу на "мерседесе"».

— Товарищ полковник, товарищ полковник! — завопили с дежурной части. — С поста в селе Кудрявое только что сообщили: мимо них на скорости 180 километров в час промчался разыскиваемый автомобиль. А следом корова на скорости 250. При этом вихрь вырвал у наших работников свистки со рта и жезлы с рук. Принятые меры к задержанию нарушителей не дали результатов. «Таврия» инспекторов хотя и завелась, но через сто метров из-под капота повалил дым и сразу поотваливались колеса и двери. Сержанты сейчас сидят у бабки Федоры и ждут дальнейших распоряжений.

— Снова самогон дегустируют! Я им подежурю, дауны. Это ж надо — неспособны догнать «немца». Настоящие милиционеры на карачках преследовали бы нарушителей.

В дежурке все дружно прыснули.

— Что лыбитесь, как недоноски? Работать! Послать в эту Тмутаракань два наряда... Где карта?

Дежурный развернул карту области. Все полчаса искали Кучерявое. Потом вспомнили, что все-таки Кудрявое. Старания одних и высшее образование других помогли разыскать Богом забытое селение.

— Так в этом селе дорога обрывается. Прекрасно! Наряды усилить криминалистами и собаками. «Мерседес» не рассчитан на «кудрявые» дороги. Брать только живыми.

Управление ГАИ Голомойска в те дни напоминало КВН. Понятно, что капитаном этой споенной команды был лично Приходько. Ему как раз перед Новым годом обком хотел в очередной раз дать коленом под зад за прегрешения на службе. Да внезапно для партийной челяди фельдъегерская почта доставила в обком партии Почетную грамоту, подписанную самим министром внутренних дел. Флирский, когда узнал, чуть из штанов не выпрыгнул.

— Это какая крыса сподобилась организовать такую подтирочную бумажку? Назовите, и я его с говном так смешаю, что родная мать не отмоет! — топал ногами первый секретарь.

Грамота все-таки не прошлогодняя газета. Не выбросишь. Пришлось второму секретарю Храпову вручать ее и целовать «в засос» Приходько. Без поцелуев в таком случае никак нельзя. Партийная практика. Без оного — это все равно, что идти на день рождения с бутылем первача. Такого «классного» — с брюквы. Наливаешь, словно молоко. Еще и куски исходного продукта в гранчаке плавают.

Красочная бумага с печатью спасла Приходько от кардинального поворота в судьбе. Окрыленный, он более уверенно взялся руководить вверенным ему управлением. Прежде всего лично возглавил процесс штрафования распоясавшихся до

нельзя водителей. Ему до слез было обидно, что его «гаишники» опускаются ниже плинтуса. За неимением денег у клиента не гнушаются брать штраф товаром — автошампунем, сливочным маслом, книгами, яйцами и окорочками. Вместо того, чтобы проявить принципиальность, гребут, как акулы, все, что плышет.

— Разве это солидно? Позорище, стыдоба. Вы же государственные люди, а мелочитесь, как торговки на базаре, — стыдил на разводе.

Сергей Васильевич в этом деле решил раз и навсегда навести порядок. Вызвал своих замов — служак-близнецов и приказал наладить жесточайший учет всей «мзды», которая течет бурным потоком в бездонные карманы прохиндеев-инспекторов. Запретить бартер. Только «живые деньги».

— Итак. Им оставляете один процент от выручки. Так сказать, за старания на службе. 99 процентов отдают командирам взводов. Те тщательно записывают и оставляют своим бухгалтерским душам два процента. Остальные 97 процентов отстегивают руководителям по подчиненности. Все денежные потоки вливаются в одну могущественную реку, на которой вы, мои замы-полпреды, служите шлюзами и дамбами... — решил по-справедливости.

И стали они каждую пятницу класть на стол своему шефу пухлые конверты, обвязанные резинками из-под трусов.

— Чего стоите, светофоры? Или благодарности ждете? — как-то в первый день поинтересовался Приходько. Потом распаковал один из конвертов. Сладко посмотрел на содержимое. Достал пару купюр и бросил на стол. Замы схватили, будто собаки косточки.

— Премного благодарствуем! — ответили, как на плацу.

— То-то же! Знайте мою щедрость.

Борьба с «упорядочением доходов» в управлении велась под лозунгом «Каждый водитель обязан помочь милиции». Милиция помогает гражданам, поэтому граждане не должны оставаться в долгу. А должники они потенциальные.

Когда Приходько два года назад утверждали на бюро обкома, то Храпов гордо сказал:

— Помните, мы ставим вас на этот ответственный участок как своего человека — преданного коммуниста, истинного ленинца, честного профессионала. Учтите, не справитесь, снимем с позором без зазрения совести.

— Борис Никифорович, вам стыдно за меня не будет.

— Надеюсь.

Новоиспеченный начальник ГАИ окунулся с головой в работу. Через месяц ему позвонил Трусов.

— Ми-милейший Сергей Васильевич, знае-ете ли, жа-жа-жалуются на вас води-и-те-тели и пешехо-ходы. Не работает ва-ва-а-ша служба. При-при-и-мите срочные ме-ме-е-ры.

— Но у нас хорошие показатели: значительно уменьшилось количество аварий и нарушений дорожного...

— Не зна-аю, что у вас там уменьшилось, но мы име-е-ем фа-факты, — с трудом выговаривал слова заведующий отделом пропаганды. — Или вы со-о-омневаете в инфор-форма-ции, которой рас-рас-полага-ает обком партии?

— Нисколько, — только и успел ответить Приходько.

А когда через неделю сержант Гвира за превышение скорости остановил «Волгу» Петра Ивановича, при этом заявив, что перед законом все равны, а привилегированные на дорогах — это преступники, к начальнику управления ГАИ заехал Кощеев и, тысячу раз извиняясь, настоятельно порекомендовал наладить в ближайшие дни эффективную работу ГАИ.

— Иначе вы, уважаемый Сергей Васильевич, в харахур-щики пойдете.

Впрочем, Приходько дегенератом себя не считал. Дошло не как жирафу. Мгновенно. С двух конвертов, поданных как-то в пятницу послушными замами, соорудил один пухленький и погнал к Юлии Григорьевне. Отдавая пакет, краснел, бледнел и покрывался обильным потом. Но секретарша даже не поинтересовалась, что именно притащил начальник ГАИ. Лю-

буясь своим маникюром, будто бы невзначай отодвинула ящик стола. И козлу было понятно, что туда надо бросить конwert, а не шоколадку.

На следующий день телефонировал помощник Флирско-го.

— Вы исправляетесь. Успехи ваши стали явны, и Петр Иванович просит так держать. Вы оправдываете его доверие.

Система в управлении функционировала, как «Ролекс». Еженедельные подношения «кому надо» успокоили Приходько и превратили его жизнь в размеренное бытие. А зачем рвать «когти», если все схвачено? Чувство самосохранения у Приходько притупилось уже к декабрю. И это же надо так потерять бдительность, что на письме председателя облисполкома Григория Афанасьевича Деригуза додуматься порезать колбасу под традиционные вечерние сто грамм. А тот просил в нем на следующий день выделить три машины сопровождения для официальной делегации из Монголии. Те прибыли к нам перенимать опыт овцеводства.

Начальник ГАИ решил, что монголы спокойно обойдутся и одной машиной. Отослал «Таврию» с Гвирой. То ли сержант вчера недоперепил, то ли не похмелился, но утром к гостинице опоздал на два часа. Догнал автобусы с монгольскими чабанами-коммунистами на подъезде к кошарам колхоза «Заветы Ильича».

Да если бы это было самой большой бедой! На обратном пути в авто, явно собранном в конце месяца, отвалилась выхлопная труба и закипела вода в радиаторе. Естественно, Гвиру никто не стал ждать. Обогнали и поехали на дальнюю бригаду, где под скирдами «а-ля по-крестьянски» была накрыта поляна на 80 человек. Чтобы опыт лучше перенимался, зарезали последних трех овец и двух бычков, закололи кабанчика тет-ки Нюры и выгнали пять бидонов самогона по рецепту старожил-ов деревни — на крапиве с добавлением еловых шишек. Аромат — парижским рестораторам такой и не снился. Сер-

жант простоял на трассе до утра, пока на буксир «Таврию» не взял своей подводой какой-то сердобольный дед. Старик ехал в областной центр. Передачу вез голодной дочери-студентке.

Гром грянул незамедлительно. В плане работы исполкома на декабрь значился отчет начальника Голомойского областного управления ГАИ «по предотвращению травматизма у пьяных комбайнеров на дорогах области». После того заседания исполкома впору было самого Приходько беречь от травматизма. Как зомби, выперся на проезжую часть и по осевой линии, будто потенциальный клиент «палаты № 6», поплелся домой.

А на утро своей секретарше припер охапку белых роз. Упал на колени и запричитал:

— Дорогая Машенька, спасай! Больше не буду кричать и ругать. Клянусь, — и, как урка, большим пальцем провел по зубам. — Век воли не видать! Замолви словечко перед папашей за своего бедного шефа. Ну, оплошал. Так с кем не бывает? Исправлюсь. Больше не буду.

В свое время Приходько был вынужден взять Машу на работу. Зная, что берет в управления «глаза и уши» папочки Дергуза, он все равно ничего поделать не мог. Лез, как кролик в пасть удава. И все через свою любвеобильность. Вечерком подхватил на проспекте смазливую красотку и поехал с ней купаться на водохранилище. Кувыркались в камышах в чем мать родила. Если бы знал, что Дергуз тогда был в отпуске, и не поехал в Крым, а подался на рыбалку именно в те места, которые нравились Приходько, то камыши объехал бы десятой дорогой.

Водитель первым увидел пару, резвящуюся нагишом.

— Григорий Афанасьевич, в камышах какие-то нудисты плещутся. Всю рыбу нам распугают.

— Наверное, хиппи разгулялись. Все никак не уймутся. Как будто места в городе мало.

— Может и хиппи. Только начальник нашего ГАИ не хиппи.

Именно тогда, чтобы замять скандал, пришлось Сергею Ва-

сильевичу принять в свои ряды шпиона в виде смазливой Маши.

ЧП с монголами заинтересовались тогда и в обкоме. Не успел оклематься после исполкома областного совета, как на второй день вызвал «на ковер» Храпов. Валяжно восседая в кресле, даже не приглашая главного областного гаишника присесть, простонал:

— Совсем зазнался, вошь на гребешке? Земли под ногами не чувствуешь! Так мы вмиг крылышки-то подкорнаем, опустим так, как на зоне не опускают. Молить будешь, почему вчера не умер, рокфеллер доморощенный. Пошел вон, гнида плененная!

А в коридоре Кощеев, игриво мигая глазенками, шепнул на ушко:

— Готовься на бюро. Сплетут лапти, как пить дать. Потому что халатности в работе никто не прощает. Представляешь, если бы автобус с монголами протаранил «бобик», управляемый шпионом из ЦРУ, или чабаны из дружественного государства заблудились и направились в отстающий колхоз. Страшно представить — и увидели бы там голодных коров, пьяных скотников и бомжа-председателя.

В достоверности информации помощника никто не сомневался. Кроме своей голубизны Дмитрий Сидорович славился в обкомовских коридорах еще и особой осведомленностью. Даже конфиденциальная информация была ему каким-то образом доступна. Каким именно? Злые языки судачили, будто в обкоме каждый третий нетрадиционен в своей ориентации.

Проанализировав факты, Сергей Васильевич сделал вывод, что мало носит. Вызвал замов и приказал «реке выйти из берегов». Те попробовали возражать. Мол, инспектора, собирающие мзду, воспрянут. А вдруг еще и телегу в обком накатают: начальство поборами занимается.

— Куда накатают? В обком? А не пошли бы они в сралу? Значит, слушай меня! Поступления в фонд должны увеличиться вдвое. И это не обсуждается.

И на этот раз Приходько таки отделался легким испугом. Лаве добавило аргументов в его невиновности. Убедившись, что кресло из-под заднего места не выскользнуло, он на Пасху, переодевшись «алкоголиком-тунеядцем» и оглядываясь по сторонам, не следит ли за ним служба внутренней безопасности и партийный контроль, пошел в церковь поставить свечку Николаю-Чудотворцу. На всякий случай. А вдруг Всевышний и в следующий раз не бросит своего раба и защитит от происков недругов.

Под началом Приходько служил исключительно находчивый люд. Знали, как своего шефа ублажить и себя ни в чем не обидеть. Веселья им тоже было не занимать. Умели организовать пьянку и чисто мужскую, и с бабами. Благо, все злачные точки в Голомойске знали, как дорогу в туалет в собственной квартире.

Так вот эти кадры начальник управления драл за отсутствие бдительности при задержании «особо опасного преступника» на «мерседесе».

— Ну, что там в Кудрявом? — снова поинтересовался у дежурного.

— Нарядам кажется, что заграничному авто помогает Копперфильд. Иначе никак не поймут, куда он мог подеваться. Жители кроме отары коз и бригадировой брички никого не видели.

— Передай тем оболтусам, что если им что-то кажется, то пускай крестятся. А когда вернутся, то передай, чтобы обязательно зашли. Я им покажу Копперфильда, Кио и Акопяна — отца и сына в придачу.

— И еще, — дежурный по методу Станиславского выдержал многозначительную паузу. — Только что звонили из приемной первого. Спрашивали, так нашли мы тот злополучный «мерин» или нет. Я ответил, что нет. Так какой-то мужчина просил передать вам, что если за 24 часа, которые установил Флирский, не найдете, то поедете участковым даже не в Зачепилов-

ку, и не в Кудрявое. Много чести будто бы будет для вас. А прямо в Загогулинское, куда добираются три дня полем, три дня лесом. И Почетная грамота министерства не спасет. Рекомендовали в сортир с ней сходить.

— Молчать, скотина!

Приходько был не робкого десятка. Как-никак, а милиционер. Но на этот раз очко заиграло. Проклятая машина, видно, как заноза в заднице Флирского. Покоя ему не дает.

Вдруг дверь с шумом отворилась и в кабинет ворвался запыхавшийся заместитель.

— Сергей Васильевич, нашли!

— И где?

— В том же Кудрявом. В стогу сена. Замаскировали гады.

— Машину!

Со двора управления, включив сирены и проблесковые маячки, выскочило шесть авто. Все неслись в Кудрявое.

— Позвони в приемную первого, Юлии Григорьевне, и доложи, что черный «мерседес» нашелся. Едем брать паскуду, — по рации приказал дежурному.

В село, распугивая всю живность, влетели, как на крыльях.

— Где? — поинтересовались у председателя колхоза.

— Там, — махнул на край села.

— А корова, которая обогнала «мерс»?

— Ясное дело где... В коровнике.

— Да-а. И как ее молоко? Наверное, что кумыс?

— А кто его знает! — развел руками председатель. — Разве ее поймаешь!

«Жигули» цвета «попугай» с включенными мигалками стояли возле крайней хаты. Со двора, вытирая на ходу засаленные губы, выбежал всюду сущий Гвира.

— Разрешите доложить?

— Докладывай, твою мать!

— На вверенном мне участке выявлено авто иностранно-

го производства. Как оно оказалось под стогом сена, хозяин усадьбы объяснить не может. Только мямлит и мычит.

— Пьяный?

— Не разобрали! Вроде трезвый. Наверное, олигофрен. Они тут все вроде как олигофрены. К кому не обратиться за помощью, глазками лупают, ртом воздух хватают и издают непонятные звуки. Не колхоз, а дом инвалидов.

— Понятно. В штаны наложили. А ну, веди к стогу.

Впереди Приходько, а за ним многочисленная свита гаишников гуськом огородами побрела к виднеющему вдалеке стогу. Зашуганные сельчане собрались у ворот и живо судачили, выдвигая невероятные версии происходящего:

— Я тебе говорю, Степаниду пришли арестовывать. Два года назад в аккурат на этом поле выкопала ведро колхозных бураков. Теперь, вишь, пришли следственный экстримент ставить.

— Че ты мелишь, лупоглазый? При чем тут Степанида? Петричуки спрятали в стогу гаубицу. Помнишь, они сразу после войны приехали к нам. Будто бы от бендеровцев убегали. Во с собой и прихватили пушку. На всякий случай. А вдруг и до Кудрявого дойдут националисты. Отстреливаться-то надо!

— Хрен поймешь эту власть! И покурить не дадут нормально. Только прилег за сараем на солнышке. Женку как раз в огород понесло. Дай, думаю, спокойно полежу, помечтаю о хорошей жизни. Так леший принес этих... Весь кайф перебили.

— Скидывай камуфляж. Поглядим, что за «мерседас» в наши края заехал, — махнул рукой полковник.

Подчиненные дружно набросились на сено и вскоре все увидели то, что было спрятано от посторонних глаз.

— Вот это да!

— Зашибись!

Играя черной краской и зеркальным никелем под яркими лучами солнца, взору присутствующих предстал во всей своей первозданной красе «мерседес».

— Красавец! — пессимистично молвили замы. — Хороша Маша, да не наша.

— Небось, еще Гитлер на нем ездил?

— Скажи еще Сталин, ахламон безмозглый, — Приходько неистовал. — Хозяина ко мне!

Петричука, словно щенка, за шкирку доставил сам Гвира.

— Сергей Васильевич, это его автомобиль.

Перед начальником управления ГАИ стоял седобородый старичок в засаленной телогрейке. Зимняя шапка в летнюю пору придавала пикантности и непосредственности этому сельскому жителю, выдававшему, наверное, еще русско-японскую войну.

— Откуда у тебя, дед, этот раритетный «мерседес»? Еще и без номеров?

Перепуганный Петричук перекрестился, тяжело вздохнул и прохрипел:

— Я умоляю, только не на Колыму. Ей-бо, не доеду. Стар. Разрешите помереть у бабки на руках. Виноват. Черт попутал. Это какой-то немецкий генерал, убегая от наших, оставил свою машину в моем дворе. Не заводилась, а отремонтировать некогда. Под сапогами у супостатов уже земля горела. Уехал на подводе. А я ее опосля отремонтировал — карбюратор всего-навсего засорился. Почистил. После освобождения от извергов два раза сгонял к куме в Цуцылов. Опосля больше не выезжал. Схоронил транспорт сначала в сарае, а когда обзавелся живностью, то ставил на выгоне, прикрывая сеном или соломой. Так и стоит по сей день. Есть не просит. Разве жалко!

У Приходько на боку заскрипела рация.

— Сергей Васильевич, три раза звонили с обкома. Интересуются разыскиваемой машиной. Что передать?

— Передай, что взяли «мерседес». Только, кажется мне, что не тот. Он вряд ли мог обогнать «Волгу» Петра Ивановича.

Оставалось восемнадцать часов.

ГЛАВА 5

В террариуме единомышленников избрали лидера. Его и съели

Традиционно, без десяти восемь, Юлия Григорьевна, как маститая Мари Элизабет Луиза Виче-Лебрэн, нанесла помадой последние штрихи на губы, тушью на ресницы, припудрила слегка вздернутый носик (довольно пикантный — дождь не забивал). Свернув губы бантиком, открыла массивные дерматиновые двери. В это время Флирский всегда читал утренние газеты. Особенно дотошно просматривал «Знамя коммунизма» — орган Голомойского обкома партии. Читал чуть ли не по слогам, стараясь отыскать ошибку, если не грамматическую (об орфографической или синтаксической речи не шла — это было «высшим пилотажем»), то хотя бы фактическую. А обнаружив ляп, с неподдельным, садомазохистским удовольствием по телефону обвинял главного редактора в профессиональной несостоятельности и разгильдяйстве. Такой-сякой, распустил коллектив дальше некуда. Корреспонденты от собственной лени и гонимой халтуры позабыли о журналистском долге. А потом, глубоко вздохнув, уточнял, что только его личная доброта не позволяла сослать редактора в какую-нибудь захолустную многотиражку коротать на хлебе без масла годы, оставшиеся ему до пенсии.

— Я не понял. А где сегодняшний номер «Знамени коммунизма»?

Секретарша томно закатила глазки.

— Не знаю.

— А это что? — Флирский ткнул пальцем в пухлую газету «События недели». — У нас организовано новое издание? Чье? Я добро на его выход в свет не давал. Кто посмел через мою голову чихнуть?..

Юлия Григорьевна удивленно посмотрела на полноцвет-

ную обложку, на которой помещался большой снимок искореженных пассажирских вагонов и плачущего возле них окровавленного ребенка. Яркий заголовок бросался в глаза: «Железнодорожная катастрофа унесла 48 жизней».

— Какая, в жопе, авария? Кто давал санкцию на это крушение? Что за самодеятельность?

Женщина недоуменно теребила пуговицы блузки.

— Не убивайся так, дорогой. Оно того не стоит.

Флирский стал нервно тереть шею.

— Трусова немедленно ко мне. Будем разбираться, откуда ноги растут у этой паршивой газетенки? Это явно саботаж.

Вадим Петрович за многие годы выучил особенности характера первого. Утренние вызовы ничего хорошего не предвещали: всегда получал нагоняй или срочную работу.

В кабинет первого вошел с чувством собственного достоинства. Его непосредственность выдавал внешний вид. Под желтым пиджаком виднелась красная рубаша. Неповторимой деталью был зеленый галстук в горошек величиной с океанского ската.

— Ты куда собрался, попугай? Впрочем, видел эту ахиною? Сплошная антисоветчина. Ты только посмотри! — пододвинул газету Трусову. Тот недовольно взял в руки увесистое издание, бегло просмотрел первых две страницы.

— Это про-про-о-вокация? Кто при-принес и где нашел? КГБ об этом ЧП уже ос-осве-е-е-домлено?

— Ко мне на стол сегодня попало вместе с другими газетами. А тебя как главного идеолога спрашиваю: откуда пасквиль?

— Да впе-впе-ервые вижу, — дергался Трусов.

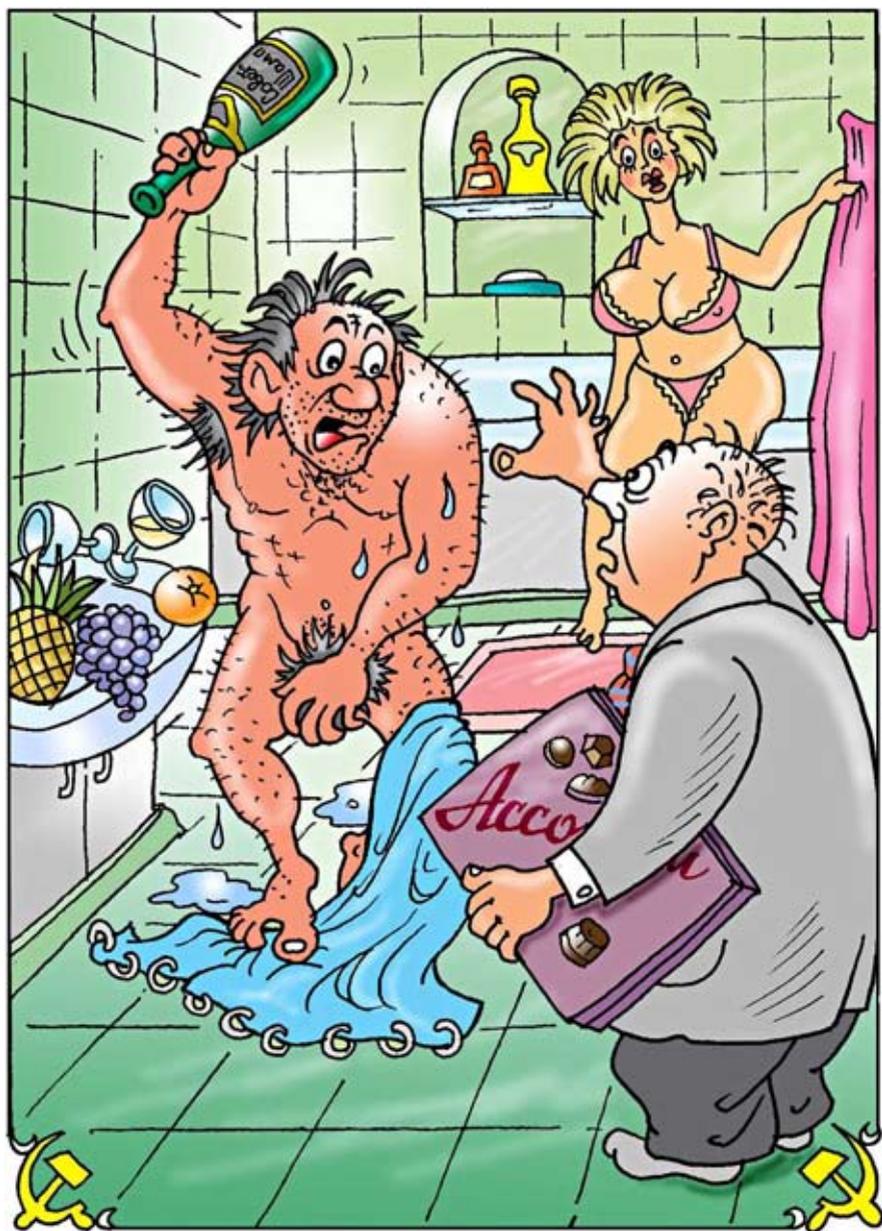
— Ты слепой? Пока ты шел, я тут полистал это дерьмо. Интереснейшие материалы. Какой-то Президент России летает на истребителе, спускается на горных лыжах, гоняет каких-то олигархов и мочит террористов в сортирах. На Украине властвуют гетманы, поднимают головы бандеровцы и националисты. Только в Белоруссии сохранилась советская власть. Такое о Советском Союзе может написать оголтелый диссидент либо

психиатр с большой фантазией. А дальше сплошной паноптикум. На железной дороге катастрофа — пассажирский поезд сошел с рельс. Полсотни пассажиров отбросили коньки. На атомной станции... Представляешь, о закрытом объекте пишут! Наша цензура, наверное, сказки читает. На АЭС будто бы авария — нештатная ситуация, остановили энергоблок. Над Черным морем наши военные сбивают наш же пассажирский самолет, в Козюлинске двоих замочили в парке, в Беслане группа преступников взяла в заложники детей в школе... Во-первых, где они взяли огнестрельное оружие? У нас не Америка и не Сицилия. Во-вторых, как могли пронести в самый центр города? «Калашники» — не иголка. В-третьих, куда смотрела доблестная милиция? В Задунайске изнасиловали двух школьниц, губернатора (только не пойму, какой период описывается: то ли времена царской России, то ли современные — уже вроде метро есть) посадили в «кутузку» за взятки, в московском метро взорвали бомбу, а не в Чечено-Ингушетии, идет несколько лет война ... Такое читать на ночь глядя просто опасно. Кошмары будут сопровождать всю жизнь.

— Мо-может, это прои-и-иски импе-пе-периалистов? За кор-кордоном эта «же-е-елтая газете-е-енка» пе-печаталась, а у нас шпи-ионы подбра-а-асывают идей-йно не-не-незрелым гра-гражданам, — лицо Трусова исказилось до неузнаваемости.

— Незрелость бывает половой, чтобы ты знал. Кстати, о половой незрелости. Наверное, для импотентов предназначено это издание. Глянь на последнюю страницу. Кошмар. Бабы с голыми сиськами, сексуальный гороскоп, сальные анекдоты, советы молодоженам, реклама эротического шоу в ночном клубе «Карнавал».

— А гля-яньте, Пе-петр Иванович, чей пе-ечатный орган? Мы сей-сейчас на бюро об-обкома вы-вызовем руководи-ителя и секре-е-етаря партко-ома. Про-про-пропесочим, а КГБ возбудит у-у-уголовное дело за клее-клевету и антисоветчину.

Всыпим ти-и-ипографии, дабы смотрели, что за-за гадость пе-е-ечатают. Где их ко-о-оммуни-истическая бес-бескомпромисс-ность?

Флирский повертел газетой так и этак.

— Органа нету. Совсем без органа.

— Как это по-по-о-нимать? Без о-о-органа... Вообще без орга-ана ни-никак не-не-ельзя. Не поло-ожено.

— Сам знаю, что не положено. Еще мне блюстителю по-рядка выискался.

— А где пе-е-печаталась? В Нью-Йорке?

— В Нью-Шурупинске. Шучу. Издатель ООО «Гуляй ветер», а печаталось ЧП «Гайворонский и К°». Адрес редакции и типографии наши — Голомойские. Находятся на улицах Независимости и Сахарова, — Флирскому только что прочитанное не сразу дошло.

У Трусова от злости и ненависти глаза сузились и стали похожи на щели амбразур. Если бы в кабинете была темнота, то стало бы видно, как они искрятся.

— А ра-азве в на-нашем городе есть такие улицы?

— Тебе лучше знать. Ты у нас возглавляешь топонимическую комиссию или я. Склероз? У тебя, вижу, нюх на названия улиц, а вот на странную абривиатуру ООО и ЧП — ноль внимания. Не задался вопросом, что сие значит. Код, шифр, пароль или какая-то абракадабра?

— Вы, ко-конечно, велико-о-о-душно извините, Петр Иванович, но я не во все-е-ем дока. Скажу о том, в чем разбираюсь. Как мо-могли мы дать улице название Независимости? В ко-кошмарном бреду такое не-не-ельзя пре-едположить. От кого, спрашивается, не-не-независимая улица? И в честь какой такой не-независи-и-имости? Нет, нет и еще раз нет. А имя диссидента Са-ахарова, который, если не ошибаюсь, сейчас на-на-аходится в ссылке в Го-о-орьком, разве можно у-уве-вековечить? Он не до-остоин да-аже смо-отреть в мою сторону. По-гань, уче-ченишко, возомни-ивший себя мессией. А еще ла-а-

ауреат. Да за ним като-о-орга, урановые рудники скуча-ают. За-за-апрячь вместо гнедых и во-возить не перевозить им поро-о-оду в карьере. Сраз-у-у-у бы дурь с ба-ба-башки вылетела.

Флирский заерзал в кресле с ножками в виде львиных лап. На таких резных ножках стоял стол и приставные стулья. Гарнитур достался первому секретарю от предшественника. Как бы по наследству. А тому тоже аналогично. И каждый, передавая дела, говорил:

— Мебель старинная, дореволюционная. Береги и не меняй. Она к удаче.

— Это безнаказанно оставлять не годится. Переворотом пахнет... Юлия Григорьевна, соедини с начальником управления КГБ. И что там слышно от Приходько. «Мерседес» откопали? Осталось ему 14 часов.

— Дежурный по управлению ГАИ сообщил, что нашли, но не тот...

— В области два «мерседеса» раскатывают, что ли? И какие такие рядовые труженики сидят за рулем таких машин, хотел бы я знать.

— Откопали «мерседес» Гитлера или Геринга. Не уточнили. Но времен войны. Какой-то колхозник заначил на всякий случай.

— Во, народ ушлый пошел! Трофеи тырит. Национальное достояние под соломой прячет. И с таким пролетариатом мы строим коммунизм. Да ГУЛАГ надо строить для них.

Неслышно вошла секретарша и елейным голоском сказала:

— Начальник управления КГБ Александр Трофимович Безрукавный на связи.

— Дорогой Саша, — Флирский всегда так обращался по имени, чтобы собеседник понимал, кто в области хозяин и кто кому служит. — Тут под твоим носом враги государства головы подняли. А ты сидишь и свое хозяйство все чешешь. Смотри, дочешешься. На моем столе лежит одна газетенка. «События недели» называется. Не слышал о такой? Да и я не слышал

до сегодняшнего утра. Любопытные материалы опубликованы. Настолько занимательные, что смотри, как бы этой паршивой газетенкой тебя не прихлопнули, как букашку. Поверь мне, и пикнуть не успеешь. Поэтому нарочного не присылай. Боюсь ее даже кому-нибудь показывать. Лучше сам зайди. Не пожалеешь.

Флирский положил трубку и занял позу роденовского «Мыслителя».

— Значит, так. Пускай доблестные чекисты занимаются антисоветчиной, а мы займемся воспитанием «заблудших овец» в нашей стране развитого социализма... Больше не задерживаю, дорогой Вадим. Ха-ха-а! До поры, до времени.

У Трусова и пятки побледнели.

— Не дрейфь, салабон! Будет тебе белка, будет и свисток. Ну, а то, что ты зевнул с газетой, это факт.

Безрукавный занял высокий пост в системе КГБ благодаря своему особому чутью... На врагов народа. Он их видел насквозь, просвечивал взглядом их червивое нутро и продажную, никчемную душонку. Каленым железом 24 часа в сутки выжигал эту гниль на здоровом теле самой лучшей страны в мире. Он гордился Родиной и ненавидел тех, кто даже мысленно сомневался по поводу руководящей и направляющей роли КПСС. Таким в КГБ прямая дорога.

По жизни Безрукавному два раза ничего не надо было повторять. Тем более начальству. Если Хозяин сказал приехать, значит, лично необходимо прибыть и забрать газетенку. Это даже не обсуждается.

Парадную дверь в обком перед начальником управления КГБ учтиво, слегка прогнувшись, открыл дежурный сержант милиции.

— Молодец! Генералом будешь, — похлопал по плечу юнца и через одну ступеньку лихо побежал на второй этаж.

— У себя? — показал пальцем на руководящую дверь.

— Вызывал?

— А то как же! Смел бы я без приглашения...

Безрукавный что-то под нос прошептал и три раза сплюнул через левое плечо.

— Петр Иванович, здравствуйте! Это я.

— А-а, Саша. Проходи, дорогой. Возьми это паскудство, чтобы мои глаза не видели. Разберись и прими меры. Кардинальные. Слышишь? А мы тут со своей стороны прищемим, кого надо и за что надо. Распоясались, гаденыши. Ничего святого за душой у этих фантазеров. Иначе их и не назовешь.

— Сделаем. Все будет тип-топ. О чем разговор.

— Тут давеча звонили, — и Флирский многозначительно показал пальцем на потолок. — Грозятся комиссию прислать. Если пронюхают и об этой гнилой газетке, то сам понимаешь, какие могут быть последствия. Поэтому отработывай свой хлеб, как Бобик на привязи.

Весь аппарат Голомойского управления КГБ, начиная от замов и заканчивая дежурными, закрутился. Отделы повызывали осведомителей и предупредили каждого, что целостность его заднего места напрямую зависит от результатов поиска подпольных крючкотворов. Две сформированные оперативные группы помчались по указанным в еженедельнике адресам. Конечно, надежды на то, что идеологические диверсанты сидят и ждут ареста, было мало. Однако не отреагировать нельзя.

Безрукавный стал похож на покемона, когда ему сообщили: спецназ взял всех тепленькими в издательстве под каким-то странным названием «ООО "Гуляй ветер"». Никто из его работников и не думал разбежаться. От редактора и до курьера сидели в кабинетах и кропали очередной номер пасквиля на советскую действительность. Умудренный жизненным опытом, начальник управления не мог осмыслить происходящее. «Как так среди бела дня заниматься очернением самого гуманного государственного строя и ничего не бояться — мозги у Безрукавного закипали. — Явно за ними мощная поддержка ЦРУ или «Моссад». Эти еще кровушки попьют МИДу и КГБ. На весь мир будем оправдываться, что арестовали не борцов за

свободу, а тунеядцов и алкоголиков, которым не место в цивилизованном обществе».

Повязали всех без разбора как заклятых антисоветчиков. Побросали в машину, будто мешки с песком. Нечего церемониться с подонками.

В дежурной части управления их ждал довольный Безрукавный.

— Требуем объяснений! Мы свободные журналисты! На каком основании арестованы? Вы срываете нам выпуск номера, — кричал долговязый доходяга с прокуренными зубами и желтыми от никотина пальцами.

— И это называется свободой слова в демократическом обществе, которое вы декларируете? В свинарнике и то говорят, что думают, — вторила импульсивная девчонка с внушительным декольте.

— Мы будем жаловаться в Ассоциацию независимой прессы! — не унимался стиральная доска на ходулях.

Тут уже не сдержался Безрукавный. Его прорвало. В этих стенах, где говорят полушепотом, где не смеют без разрешения глянуть чекисту в глаза, где мочатся в штаны при одном только упоминании о лесоповале, смеют орать в его присутствии. Беспредел!

— Ты на кого пасть открыл, бычара?! Твое место шестое у параши, падла подзаборная! Закрой жернова, иначе всю жизнь на стоматолога вкалывать будешь! Урою — век воли не видать. Ты о какой там прессе базарил, родной? Независимой? Впервые слышу. Вот я, к примеру, точно независимый. Независимо от твоего желания брошу в СИЗО к конкретным пацанам и они тябя снова таки независимо от твоего желания удовлетворят свои. Понял?

Вторая машина доставила с десятков таких же помешанных на демократии. Среди них нашелся и аналог жерди-доходяги.

— Мы все налоги платим сполна. Ничего не утаиваем.

Почему без санкции прокурора нас арестовали? 37-м годом по-пахивает.

— Ты о каком годе язык треплешь? Тогда без суда и следствия в расход пускали. И прокурор тогда «за» был. Забыл? Теперь о прокуроре вспомнил, жаба пучеглазая. Всему свое время: мы вам и прокурора предоставим, и адвоката, и судью вызовем на дом.

— Мы в каком году живем?! Снова гидра кегебистская голову подымает!

Безрукавный мог стерпеть параноидальные разглагольствования о свободе слова, демократии, независимости. Но когда затрагивают честь мундира, тут извини-подвинься. За такие речи к стенке поставить можно. Начальник управления велел всех в СИЗО.

— По отдельным камерам.

— Так камер не хватит, — возразил дежурный.

— Молчать!

Флирский наедине с собой маялся головной болью. Это ж надо: нашлась какая-то зараза, которая додумалась организовать самиздат «События недели». Какая у них буйная фантазия. И где весь тираж? Если разошелся нелегально, это полбеды. А если раздавали из рук в руки. О-о, тогда Голомойск становится оплотом диссидентства.

— Начальника облита ко мне, — тем временем Флирский вспомнил об организации, которой предписано стоять на страже «доблестных традиций партийной печати».

— Сейчас найду... Но, Петр Иванович, тут такое дело. Пять минут назад открылась дверь в приемную. Заглянули странные бабушки с плакатами «Долой коррупционное правительство!» и «Нам колбасу по 2,20 и электроэнергию по 4 копейки»... Странно, кто их пропустил в обком? Спрашивали общественную приемную демократической партии или, на худой конец, говорят, движения «Вперед, за Родину!». Извините, конечно, за мою бестактность и дерзость, может, чего недоучила или не

осведомлена. В СССР стали многопартийность поощрять и цены подымать?

— Не болтай глупостей. А то по второму кругу пойдешь грызть гранит науки в университет максизма-ленинизма.

Обллит не отвечал. Автомат на телефонной станции все повторял: «Вы ошиблись. Такого номера не существует». Юлия Григорьевна обратилась в справочную службу 09. Но и там дежурная ответила, что подобная организация у них не зарегистрирована. Обескураженная, она не знала, что предпринять. В конце концов, обратилась за помощью к подруге Сонечке — секретарше Деригуза. Та назвала те же телефоны, что были записаны и у Юлии Григорьевны. Полная безысходность. Расписаться перед шефом в своей беспомощности не в ее правилах. Поэтому оставался единственный выход — схитрить.

— Петр Иванович, в обллите совещание. Позвоню позже.

Флирский начал анализировать события последних дней. Странная реклама на улице. Просто не укладывалось в голове, что в СССР можно что-то еще рекламировать. Разве что маргарин. В «Знамени коммунизма» как-то на четвертой странице разместили такую рекламу под заголовком «Покупайте маргарин — достойный соперник сливочного масла».

Черный «мерседес» на улицах. Это же Голомойск, а не воючий Бонн или загаженный Париж с зажавшимися эксплуататорами рабочего класса. И главное, что никак найти его не могут. Хотя и не иголка.

— Юлия Григорьевна, снова позвони в ГАИ и узнай у чучмеков с полосатыми палочками, нашли ли они этот «мерседес»-невидимку. Осталось 12 часов до времени X.

Придурковатые бабушки в коридорах обкома. Если верить секретарше (а оснований не верить за многие годы совместной работы не было), они держали более чем странные плакаты. «События недели» с аварией на железной дороге, изнасилованием и какими-то президентами в союзных республиках цветочки в сравнении с, казалось бы, безобидными на первый

взгляд плакатами. А бабушек немедленно надо хватать и сажать. Инакомыслие необходимо искоренять, невзирая на возраст. Это хуже инфекции, » — решил Флирский.

— Юлия Григорьевна, где бабушки с плакатами?

— Так ушли...

— Догнать, задержать и не пущать! До прихода милиции.

Юлия Григорьевна сразу озадачила Костю, заглянувшего на секундочку: нет ли новых распоряжений. Парень помчался этажами, но кроме суетливых инструкторов, завсекторами, заводделами и секретарей никого не встретил. Поинтересовался у тети Нюры, старательно натирающей, как матрос-салага на палубе, латунные шпингалеты на окнах, непрошеными гостями. Но та кроме завсегдаев обкома посторонних не видала.

Водитель беспомощно развел руками перед секретаршей и присел на диван. Чувствовал, что утренняя суета ни для кого добром не закончится.

— Нашли бабулек-божих одуванчиков? — поинтересовался Петр Иванович.

— Нету. Костя обрыскал все углы. Никого не нашел. Будто испарились.

— Ты только сказок мне не рассказывай. Исчезли и следа не оставили. У дежурного милиционера на входе спрашивала?

— Обязательно. Тоже не видел. Говорит, никого постороннего в режимный объект не пропускал. Еще, Петр Иванович. В ГАИ сообщили, что ввели в действие планы «Гром и молния», «Не уйдет», «Возмездие настигнет» и «Смерч». И надеются...

— Если не ошибаюсь, уже ввели план «Держи злодея». Разве мало? Ко мне Храпова и Трусова с их шакальем.

Совещание по поводу ЧП, случившееся утром, началось с преамбулы первого секретаря и затянулось на добрый час. При этом предупредил, что информация строго секретная и потому собрал лишь узкий круг заинтересованных в скорейшем

решении этой проблемы. Огласка никому не нужна. Тем более накануне визита комиссии. А закончив, попросил присутствующих высказаться.

Храпов — человек довольно осторожный. К своему языку и рукам относился скептически, потому что иногда они управлялись быстрее его головы. Поэтому второй секретарь не единожды попадал в просак с крупными последствиями. На этот раз он счел необходимым тоже выдержать паузу и послушать, что другие говорят, а потом сделать соответствующие выводы. А вдруг неординарное событие по поводу выхода газеты с крамольным содержанием совсем и не антипартийная выходка, а скорее наоборот — зарождение демократической платформы в КПСС. А это уже пахнет иными последствиями.

Но это был не Храпова день. Флирский предложил начать обмен мнениями именно второму секретарю обкома, на что Храпов отреагировал мгновенно и по-солдафонски стал чеканить слова, с которых присутствующим предлагалось составить предложения.

— Борис Никифорович, а нельзя ли по-простому? Более доходчиво. А то твои умозаключения не можем сразу охватить. Так ты осуждаешь выходку отщепенцев или нет?

— Естественно, как все.

— Но все еще не высказывались.

— Тогда, как вы.

Петр Иванович попросил всех говорить конструктивной. Ведь с этим надо что-то делать. Именно «с этим». Язык у первого секретаря обкома не поворачивался назвать это из ряда вон выходящее событие даже происшествием. Выход газеты такого содержания сродни взрыву атомной бомбы. Это подрыв устоев общества, руководящей роли партии и авторитета лично Генерального секретаря Леонида Ильича Брежнева.

— Комитетчики уже повязали издателей и полиграфистов. Показали им небо в клеточку. Так что скоро узнаем, кто был кукловодом и какую цель они преследовали.

— Я предлагаю снять штаны с первого и третьего секретаря райкома партии, на территории которых возник подполь-

ный синдикат, — заявил с места один из инструкторов отдела пропаганды. — И всыпать под первое число: строгача с занесением в учетную карточку.

— Про-провести партактив о-о-области и закле-еймить попозором левоцен-центристс-тскую линию рай-райкома. Определить ее как оп-оппортунистическую, на-на-аправленную на уничтожения завое-е-еваний соц-социализма, — добавил Трусов. — Тем самым бу-будем кра-красиво выглядеть перед про-проверяющими — при-приняли все меры, — сумничал за-воделом.

На том и порешили. Обязали инструкторов готовить партактив и конференцию районной парторганизации. А там видно будет.

Но ситуация прояснилась уже к вечеру, когда на ночь глядя приперся Безрукавный.

— Ну тебя! — Флирский взялся за стакан воды. — Чтобы больше вечерами или, не дай Господь, ночью не смел являться. У меня с тобой плохие ассоциации... Ну, что там? Докладывай, коль нарисовался.

Начальник управления КГБ рассказал об арестованных. Крепкие орешки попались. Наверное, хорошую спецподготовку прошли за границей, потому что постоянно требуют прокурора, адвоката, одного телефонного звонка, качают права, цитируя статьи из выдуманных законов. Безрукавный впервые о них слышал и потому воспринял разглагольствования арестованных, как бред сивой кобылы с перепоя.

— И что ты, Сашенька, с этими кретинами собираешься делать? Урывать или беречь для закрытого процесса?

Вопрос Хозяина застал Александра Трофимовича врасп-лох.

— Над этим как-то не задумывался, Петр Иванович. Замо-чить без писка и следов всегда успею. А вот довести до суда... Поднатужиться придется.

— Тужься, да только не лопни.

Флирский вызвал Костю. Собрал портфель: с холодильни-

ка вытянул копченную кету, взял пару консервов из тунца, икорку. Открыл шкаф. Засунул руку в стоявший там картонный ящик. Достал конфеты. Повертел коробку, задумался — брать или не брать? И все-таки решил прихватить.

— Сначала заедем на Пролетарскую.

Костя знал, к кому вечерами заглядывал шеф. В одной из «хрущевок» на втором этаже, в однокомнатной квартире жила Люся — безутешная вдова, которую после напряженного трудового дня иногда пытался вернуть к радостям бытия первый коммунист Голомойской области. Женщина была не против. Даже скорее «за». Ее тонкой, интеллигентной натуре (а работала Люся в библиотеке обкома партии) льстило, что такая персона как Флирский ухлестывала за ней. Пускай тайком, пускай только темными вечерами, пускай второпях, но она в этом мире не без мужика, как некоторые... Не брошена на обочину жизни, а востребована, не бедствует, считая копейки до зарплаты, а даже процветает — холодильник всегда забит дефицитом.

Увидев аптеку, Петр Иванович попросил припарковаться.

В это вечернее время у кассы толпились покупатели. Флирский решил подождать, пока «толпа больных рассосется». И чтобы его не узнали, решил спрятаться за дерево.

Только через полчаса аптеку покинул последний покупатель. Первый секретарь обкома стремглав бросился ко входу. Но, как на зло, его опередил резвый мужичонка с палочкой. Подошел к провизору и начал жестами, мимикой лица и непонятными звуками объяснять, что ему надо. «Глухонемого еще не хватало», — расстроился Флирский.

И тут же за ним собралась очередь из бабушек и дедушек. Петр Иванович надул щеки, как жаба в период нереста, поднял воротник пиджака. Ему бы еще шляпу — и вылитый Муссолини.

Получив аспирин, глухонемой с блаженным видом удалился.

— Слушаю вас.

— Мне бы... — прошептал елейным голосом Флирский, — пачку презервативов.

При этом зычно выдохнул воздух и для конспирации быстро его снова набрал. Из-под косматых бровей бросил взгляд на очередь. Но глухие старички были заняты подсчетом наличности.

— Вам какие?

— Разве есть выбор?

— Киевских нет. Остались только индийские.

— Так давайте индийские, — Петр Иванович от нетерпения семенил ногами.

— Вам какие? Шоколадные, банановые, апельсиновые, клубничные?

— Тридцать второй, — загадочно уточнил.

— Не поняла! — от удивления лоб провизора покрылся испариной. — Маша! — заорала через весь зал. — Ты не знаешь, какие это презервативы тридцать второго размера?

Тут уже посетители аптеки живо заинтересовались покупкой впереди стоящего. Зашептались. Бабушка в очках с диоптриями плюс десять пристально измерила его с ног до головы.

— Я вас умоляю. Давайте побыстрее хоть какие-нибудь. На ваше усмотрение.

— А вам завернуть или натянуть? — кокетливо уточнила женщина бальзаковского возраста. Приосанившись, верхняя пуговица ее белоснежного халата расстегнулась, обнажив будоражащую фантазию складку груди.

Бросив на прилавок рубль, Флирский мухой вылетел из аптеки.

— А с виду такой импозантный мужчина, — услышал за спиной.

— Трогай, — цыкнул Косте.

На крыльцо выбежала провизор и заорала:

— Минуточку! Какие вы деньги дали? Советские давно не ходят...

Но Петр Иванович ничего не слышал.

Издали он увидел, что на знакомом балконе второго эта-

жа горел свет. Сладко облизался, предчувствуя приятный вечер. «Значит, ждет, ласточка моя ненаглядная», — утешил себя.

— Соскучилась, курочка? — открыв дверь своим ключом, прошептал Петр Иванович. Их отношения перешли на новую грань взаимного доверия. В пылу страсти Люся как-то сказала:

— Котик, я полностью твоя. У меня от тебя секретов нет. Бери ключ и приходи сюда, как домой.

Но на этот раз никто не ответил. Это было более, чем странно. Где может быть Люся в это время? Да дома, где же еще! В спальне была смята постель, по полу разбросана одежда. И мужская тоже. «Явно не моя», — Петр Иванович подтянул брюки, рассматривая носки на ногах.

Вдруг с ванной послышалось хихикание, фырканье и кокетливый смех Люси. При этом мужской бас командовал:

— Сильнее, дорогая. Давай сильнее. Вот так, вот так... Молодчинка!

Флирского обуяла отелловская ревность, и он резко дернул дверь в ванную.

То, что он увидел, было ужаснее рекламы ненашенского «Samsunga» возле памятника Ленину и выхода самиздатовской газетенки. Перед первым секретарем обкома партии стояли, в чем мать родила, его любимая Люсенька и какой-то мужик непонятной волосатой наружности. При этом горилла сзади обнимала Люську и тяжело сопела, будто стайер после марафона. В умывальнике лежали фрукты и недопитая бутылка шампанского. От такого натюрморта у Флирского поплыла голова, и он грохнулся прямо на пороге, если бы не схватился за наличник.

— Шлюха трехкопеечная! — поставил диагноз любовнице.

От такого комплимента она завопила, как сирена гражданской обороны. Хахаль оттолкнул Люську, прикрыл срамное место занавеской и вежливо спросил:

— Чувак, тебе че надо? — при этом схватил бутылку шампанского и, как на танк, пошел на старого сморчка. Естественно-

но, занавеска оборвалась и обнажила все прелести Люськиного ухажера.

— Я тоже очень хотел бы знать, кто ты. Бабуин ты облезлый, — осмелел Петр Иванович.

— Я? Ты хочешь знать, кто я? Если ты, кент ушастый, чебурашка беременный, узнаешь, кто я, то копыта откинешь на месте. От разрыва селезенки. Это я тебе обещаю. Понял?

— Со своим здоровьем я как-нибудь сам разберусь... — Флирский гоголем прыгал на кафельном полу.

Люська, набросив халат, ринулась поддерживать гориллу.

— Вы как сюда попали? Вор! Держи вора! Я сейчас вызову милицию.

При упоминании таких многозначительных слов в подобной щекотливой ситуации Флирский сделал вывод, что нечего искушать судьбу. И хотя его должность не предполагала отступления перед «всякой немощью», на этот раз решил делать ноги. И чем быстрее, тем лучше.

— Ты куда, милоч ненаглядный? Ану, стой! Мы с тобой еще не все проблемы решили. Ты спрашивал, кто я? Сейчас скажу.

Голой и мокрый, он схватил штаны со стула и вытянул с кармана синенькую книжечку. Развернул и гордо заявил:

— Я народный депутат! Усек?

Петр Иванович слышал о депутатах. Только не о народных, а о депутатах трудящихся. Иногда их избирают для проформы, дабы в Верховном Совете руки подымали по команде, как медведи в цирке. Чтобы это были акулы-номенклатурщики, так нет. Так, тюльки в океане.

— Сгною на зоне, но заставлю щи лаптем всю жизнь хлебать, кастрирую и к арабам отправлю гаремы охранять, — схватил вилку со стола и ринулся в атаку.

— Правильно, правильно! Так его поганца! — подзадорила Люська.

Уже у двери Флирский бросил беглый взгляд на еще не-

давно такую родную и любимую свою Люсеньку и сердце екнуло. Чего ей не хватало? Каталась, как сыр в сметане. Сколько прекрасных минут проведено вместе. И так нелепо все рухнуло. Из-за чего? Не удовлетворял?

— Не ожидал от тебя такого. Ой, не ожидал.

— Да пошел ты, козел вонючий! Скажи спасибо, что милицию не вызвали. Пожалели дедушку.

— А вот за козла ответишь. Буквально завтра на работе. Еще ноги будешь целовать, слезами умыться. Выгоню с библиотеки поганой метлой.

ГЛАВА 6

Закинул дед небод и вытянул... народного депутата. И исполнил тот три желания

Утро у Флирского началось с мигрени. Весь мир казался ему серого цвета и он в нем какой-то гнедой в яблоко и почему-то пушистый. Пони, что ли?

Галина Борисовна попробовала утешить расстроенного мужа, но тот недовольно рявкнул и пошел умыться. Вчера долго не мог уснуть. С головы никак не уходила Люська и события, связанные с ней в тот вечер. Он никак не мог понять: как посмела привести в квартиру «кобеля», если прекрасно понимала, что в любую минуту он может прийти. И что тогда? Она, баба неразумная, прогнозировала последствия? Наверное, думала только одним местом. Тем, что между ног. Инстинкт у этой стервы сильнее здравого смысла. Иначе не ложилась бы под все, что торчит?

Вчера он не придал значения тому, что Люська не признала его. Не узнала? Вряд ли. На работе вместе больше пяти лет и в постели, считай, три года. Разве можно не узнать? Бред. А вот сегодня утром он задумался над этим. Что-то тут не так. Игра?

Мало вероятно. Люся — персона с характером. Правду-матку резала, невзирая на настроение Петра Ивановича. Наверняка, если бы встретила кого-то моложе, темпераментней, добрее, денежнее и решила порвать с ним, то обязательно заявила бы об этом вполне конкретно.

Флирский решил сейчас не мучиться сомнениями, а, не откладывая в долгий ящик, расставить точки над «і» сразу же по приезду на работу. Поговорить с ней тет-а-тет.

Гервасий крутился у ног, мешая сосредоточиться на проблемах в работе областной партийной организации.

— Брысь, кому сказал! — замахнулся ногой... Кот оказался шустрее хозяина. Флирский промазал и вся злость досталась дверному косяку.

— Ой! — взревел раненным зверем Петр Иванович и, как подкошенный, свалился на пол.

Подроспела Галина Борисовна. Со своей комнаты с ирокезом цвета попугая в лесах Амазонки выглянул Федя. Увидел, что ничего страшного не случилось. Отец жив. Опять скрылся за дверь. Глава семьи корчился от боли в ноге.

— Кажется, сломал мизинец, — поставил диагноз.

— Ну, как же ты так неосторожно? Чем тебе бедный кот насолил? Теперь придется вызывать скорую помощь, — причитала жена.

Медики примчались оперативно. Не отходя от ноги, провели консилиум. Вывод оказался обнадеживающим.

— У вас просто сильный ушиб. Положите холодный компресс. А сейчас уколем обезболивающее и до свадьбы заживет.

— Какой? — недоуменно переспросил Петр Иванович.

— Это такая шутка. Поговорка, — ответил доктор. — Не больно? Вот и хорошо. Шприц выбросите. С вас сто долларов.

У коммуниста с тридцатилетним стажем от услышанного чуть не начались предродовые колики.

— Это тоже такая шутка?

— Нет, правда чистой воды. Сто баксов за услуги. Мы ведь

коммерческая скорая помощь. Выезжаем быстро, оказываем первую помощь мгновенно, потому что у нас с собой все есть от всех болезней. Даже носилки. А вызвали бы муниципальную, так ждали до нового пришествия. Если бы те гаврики и доехали к вам, то обязательно заявили бы, что у них ничего нет, кроме касторки. К тому же обязательно попросили бы денег на бензин на обратную дорогу.

— Это ведь валюта? Американская... И тюрьмы не боитесь?

— Так точно. Не боимся. А за что нас в каталажку? Мы честные труженики. Так что гони дядя уе. Нам некогда. Другие больные ждут не дождутся.

— А вы знаете, кто перед вами?

— Кто бы ни был. Хоть кикимора болотная или Папа Римский. По пупсику... У нас рынок.

— Какой рынок? Что за базар? Вы на даче первого секретаря обкома.

— Люди добрые, да откуда у нас доллары? Перекреститесь, — за мужа смело заступилась жена.

— Дядь, ты из лесу вышел — партизанил до сих пор или прикидываешься полоумным? Если последнее, так в момент сделаем тип-топ. Спецмашину с санитарями-амбалами вызовем. Изолируют тебя от общества, чтобы не заражал его граждан жлобством. Ну, что платить будем?

— А рублями можно?

— Не смешите, больной! Без вопросов. Только по банковскому курсу.

Флирский достал кошелек. Отсчитал 64 рубля и протянул врачу.

— Вы понимаете, что это огромная сумма? Месячная зарплата уборщицы.

— Я, в натуре, ничего не понял. Ты нас за лохов имеешь? Что за туфту гонишь, держиморда? Такие деньги уже давно отменили. Гони правильные, иначе на второй ноге мизинец

сломаю... Петя, неси-ка костыль. Я сейчас больному больно буду делать.

Перед врачами возникла фигура в боевой раскраске.

— Ты че, сопливый, хочешь? Тоже схлопотать?

— Вот вам сто долларов и оставьте моего отца. Уматывайте! — разрулил ситуацию Федя.

Тишину нарушила Фрося.

— Завтракать будете? Чай стынет.

Каждый день приносил Флирскому все больше беспокойства и всяческих сюрпризов. И таких, что нешизофренику не понять, как в передовой области по вывозу перегноя на поля за два дня может возникнуть такой бардак. В сравнении с ним семнадцатый год — беспредел в песочнице. Хозяину области казалось, что происходящее в его вотчине смахивает на заговор против него всего мирового империализма. «Только почему выбрали мою область? — удивлялся. — Неужели только потому, что наши трудящиеся решительно выступают против господства США в мире?» — Флирский нашел для себя удобное объяснение.

— Инвалид ты наш, чего шепчешь? — поинтересовалась жена.

— Говорю Фросе, что иду завтракать.

На работу Петр Иванович поехал с палочкой. Благо она осталась в доме с тех времен, когда еще здорововали родители Галины Борисовны. За другую руку поддерживал Костя. Так дружно и доковыляли к машине.

В обкоме первой встретила Хозяина тетя Ньюра. Наложила на себя святое знамение.

— Свят, свят! Да что ж это с вами, дорогой вы наш Петр Иванович? Никак оступились. О-о, Господи! Да за что такая напасть хорошему человеку?

Все, кто встречал шефа в коридоре, с миной сожаления интересовались, что такое с ним могло приключиться. Хотя Флирскому было не до соболезнующих. Он хотел побыстрее лицезреть Сою.

Едва переступил порог приемной, сразу велел вызвать библиотекаря.

— Опять не ту книгу всучила, — эта фраза касалась лично Юлии Григорьевны. Но шила в мешке не утаишь. Только слепой и глухой в обкоме ничего не видел и не слышал. Что касается секретарши, то она относилась к библиотекарше без ревности. Она видела в ней лишь инструмент, с помощью которого шеф снимал стресс.

Долго Люсю не пришлось ждать. Переступив порог кабинета, она засияла, как роза.

— Привет, Котик. Почему ты вчера не пришел? Я очень ждала, — женщина от обиды сделала губки бантиком.

— Присаживайся. Хочу с тобой поговорить по-серьезному.

— Почему так строго, Котик. Не будь букой. Твоя курочка не заслуживает такого отношения, — Люся завияляла своим грациозным станом, как на пляже. У Флирского отпала нижняя челюсть и потекла слюна. Но он вытерся и взял себя в руки.

— Ты не шали. По поводу вчерашнего ничего не хочешь поведать?

— А что вчера? Вечером, как дура, все глаза просмотрела в телевизор. А ты и не пришел. Гад!

Легкие вольности и пустые шалости он прощал этой женщине. Но не сейчас.

— Осторожно на поворотах. Не забывайся! — Флирский сделал паузу, подбирая необходимые слова. — Когда я зашел в квартиру и застал тебя с каким-то плешивым депутатом в ванной...

— Мы мылись? — съехидничала женщина.

— Ага, в позе... Тьфу-у, будь ты не ладна... И как это называется?

Люся наклонилась над столом. Дотронулась рукой до лба своего возлюбленного.

— Кажись, не горячий. Ты вчера не перепил без меня?

— Брось свои подковырки! Я тебя знаю. Мастерница мозги

запудривать. Я все видел своими глазами, а она тут хихоньки-хахоньки разводит. Я еще при своем уме...

— А почему еще?

Первый секретарь не понял вопроса. Разошелся не на шутку.

— ...и доброй памяти. Я не мальчик...

— Я это знаю.

— Молчать! Вдвоем оскорбляли меня, издевались... — Флирский чуть не проронил скупую мужскую слезу. — И вместо того, чтобы сразу извиниться за измену, ты продолжала заступаться за своего трахальщика и угрожать вызовом милиции.

— А ты не ошибся квартирой, Котик? Спьяну побрел не в тот дом и не в ту квартиру. Сам виноват, а на меня напраслину гонишь.

— Я дверь открыл своим ключом.

— Значит, был в своей квартире и застукал благоверную с каким-то завмагом... В ванной все женщины близнецы. Вот теперь пасьянс сошелся, — обрадовалась библиотекаряша.

— Очнись! Ты и моя супруга похожи друг на друга, как верблюд на ежика.

— Тогда не знаю, где ты шляется. Я была дома и смотрела телевизор. Соседка свидетельница — за чаем заходила. Все?

Котик кивнул головой.

Уже в дверях, чтобы за дверью все слышали, Люся бросила:

— Петр Иванович, а «Что делать?» Чернышевского я обязательно занесу.

Флирского обуяли сомнения по поводу здравомыслия окружающего мира. В отношении собственной головы он был спокоен: два раза в году проходит тщательное обследование в обкомовской больнице. Противопоказаний к занимаемой должности не обнаруживалось. Значит, остается одно — вокруг пространство колобродит. Именно такие выводы сделал как раз после разговора с Люськой, которая весьма спокойноотреагировала на обвинения в измене. Без истерики и соплей. Значит, не виновата, не было у нее никого. С другой стороны, не

может себе не верить. Воочию видел голую Люську и депутата. И не потусторонний голос, а именно этот хмырь угрожал не кому-то, а персонально первому секретарю обкома партии. Вообще, где это видано, чтобы первого в области травили милицией!

Философские размышления прервал зуммер селектора. Юлия Григорьевна сообщила, что в приемной ожидает Кацнельсон. Хотел бы зайти по очень важному делу.

— Коль по важному, пускай заходит.

Спец по плавкам и бюстгальтерам впорхнул в кабинет, внося за собой вихрь запахов парижских одеколонов и дезодорантов.

— Вы, Мефодий Карлович, как всегда, неотразимы. И не скажешь, что дома не семья, а детский сад. Резвитесь, как мотылек. Мне бы ваши заботы...

— Ой, не плачьте, дорогой Петр Иванович. Руководить — не гайки точить. Лишь давай указания. Не переработаешься.

— Хорош басни травить. С чем пожаловал?

И поведал он шепотом странную историю, что приключилась с ним давеча. Как-то утром позвонил вахтер с проходной и сказал, что явилось пять человек с проверкой. Кто и чего им надо — не мог членораздельно ответить. Пришлось директору фабрики спускаться лично и спрашивать у непрошенных гостей документы.

— Оказалось, они с налоговой инспекции. С годовой проверкой.

Кацнельсон виду не подал, что слыхом не слыхивал о таком учреждении. Вдруг информация о нем мимо его организации прошла. На всякий случай провел в свой кабинет. Приказал подать чай, кофе, конфеты, а сам — к главному инженеру. Звонить Деригузу. Доселе фабрику проверяли только КРУ, милиция и прокуратура. Поэтому пускай председатель облисполкома уточнит, откуда выискалась эта бригада. Может, самозванцы какие.

Григорий Афанасьевич четко ответил на поставленный вопрос: подобной проверяющей структуры отродясь в Совет-

ском Союзе не было и нет. И рекомендовал директору фабрики нижнего белья гнать проверяющих в тришней. Что Кацнельсон с помощью вахтера успешно и выполнил. При этом приказал аферистам не подходить к его предприятию и на пушечный выстрел. Иначе за себя не ручается.

— А теперь, Петр Иванович, скажите, пожалуйста, что за визитеры у меня были? — подбоченясь, спросил Кацнельсон.

— Милый мой друг, знаете ли, — Флирский для пущей важности перешел на «вы», — нас связывают близкие отношения, и потому я надеюсь на откровенный разговор. Конечно, насколько я осведомлен, действительно, налоговой инспекции в природе не существует. Напрашивается вопрос: если это прохиндеи и хотели с вас, дружище, сорвать хороший куш, то зачем отрекомендовывались представителями несуществующей организации? Ведь закономерно, что сразу раскусят. Где в таком случае логика?

— Как раз логики я ни в чем не вижу и от этого в животе постоянное тревожное ощущение холода.

— Значит, организм адаптируется к условиям камеры.

— Ну, и шутки у вас надзирательские, вертухаевские, я бы сказал, — директор фабрики трижды сплюнул через левое плечо.

— Не порти воздух, Мефоша, прорвемся.

— А если вновь припрутся?

— Снова дашь пинка под зад.

— Так что прикажете делать?

— Ждать, пока не прояснится. Может, КГБ или, не дай Бог, народный контроль под тебя копает. «Троянского коня» засылают. Слышал о таком?

— Не-ет.

— Это когда под личиной сердешного гостя или хорошего приятеля заходит к тебе не фраер ушастый, а злейший враг. Ничего не подозревая, ты перед ним стелешься, душу нарасташку, а он, гидра, потом тебе вставляет нож в спину. Уразумел, голова садовая? Если потеряешь бдительность с этой на-

логовой инспекцией, здесь она тебя и повяжет. И долго видать тебе небо в щелочку, и на душе твоей будет мерзопакостно, как в выгребной яме.

— За что?

— Когда лапти сплетут, тогда и скажут.

Не солоно хлебавши, Кацнельсон попрощался.

— Сарочке от меня низкий поклон. Все-таки удивительная у тебя жена...

Директор фабрики ушел, а сомнения по поводу реальности мира, в котором Флирскому приходится обитать, усилились. Петр Иванович боялся болезней, даже простого гриппа, как черт ладана. Опыт партийной работы показывал, что на руководящих местах больных и немощных долго не держат. Не захочешь сам уходить, выгонят. Партии нужны здоровые, идеологически крепкие кадры, способные днем и ночью трудиться во благо «укрепления партийной демократии, развития народного хозяйства и повышения благосостояния граждан». Вышестоящее начальство всегда недвусмысленно намекало, что обеспокоенный болячками партработник никогда не станет в полную силу отдаваться делу построения коммунизма. Потому что за охами и ахами в голову ему не идут государственные дела. Поэтому надо скорейшим образом от таких «инвалидов» избавляться.

Флирский чувствовал себя больным. Ему казалось, что все вокруг происходящее — это из разряда «галлюников» и психические аномалии? Кому сказать, не поверят. Сочтут первого секретаря слегка «мешком прибитым» и посоветуют обратиться к психиатру. К примеру, расскажет первый секретарь доктору даже в закрытой обкомовской больнице о странностях своего бытия, тотчас же такая информация станет достоянием Безрукавного. Это и к бабке не ходи. А потом еще и ЦК. И дворнику известно, что в системе везде видны уши. Ой, сколько опосля будет пересудов! Людям станет не до выполнения и перевыполнения пятилетки, когда такое в стране творится. Первый секретарь Голомойского обкома тронулся головой.

И не просто поехал, а конкретно свихнулся на почве преследования. Только чертики еще на письменном столе не танцевали.

— Юля Григорьевна, соедини меня с Деригузом, пока голова в порядке...

— Что вы сказали?

— Последнее тебя не касается.

Флирский захотел перепроверить информацию Кацнельсона. А заодно спросить, что тот по поводу этих странностей думает.

— Рад слышать, Петр Иванович. Через площадь работаем, окна кабинетов друг на друга смотрят, а видимся, как будто на Северном и Южном полюсах зимуем... Ну, да ладно. Что-то случилось?

— Не то, чтобы да, но и не то, чтобы нет, — загадкой ответил первый секретарь. — Гриша, ты на площади, в аккурат возле памятника вождю, днями никаких неординарных событий не заметил?

— Да видел, позавчера там суетился народец. Щиты ставили, потом милиция с собаками за кем-то гонялась. Одного даже за мягкое место схватила. В пасти кусок джинсов остался. Полагал, милицейские учения идут. У нас никаких митингов, окромя тех, что проходят в поддержку афганского или кубинского народов, быть не может... Да! Еще заметил, как с крыши соседнего дома что-то сбрасывали. Наверное, старый шифер. Кровлю ремонтировали... А так будто бы все в ажуре: вождь мирового пролетариата на месте, лозунг «Выполним пятилетку за четыре года!» на гостинице висит, площадь вылизана, розы на клумбе целы. Мы за ними смотрим. А как же. Круглосуточный пост милиции возле них.

— Ты лучше бы не гадал на кофейной гуще, а интересовался происходящим. Ты знаешь, сукин сын, что было написано на тех щитах? А я тебя просвещу. «"Philips" изменит жизнь к лучшему» — вот что было написано на одном из них.

Выставить себя совсем дураком, председатель облисполкома не захотел. В 55 лет да еще при такой должности дурака-

ми не бывают. Но и умнее первого секретаря обкома неприлично выглядеть. Больно чревато. Поэтому решил — вокруг да около...

— Петр Иванович, честно скажу, где-то такое иностранное словечко слышал... А-а, припоминаю. Это название реки в Европе. О-о!

— И как, по твоему, река может изменить жизнь к лучшему?

— Запросто. Человек построит на ней гидроэлектростанции, сделает полноводнее, пророем оросительные каналы, пустит корабли. Вот и изменит жизнь на ее берегах к лучшему.

— А Голомойск при чем к твоей реке, квадратноголовой? Зачем нам-то изменять жизнь к лучшему? У нас и так все тип-топ.

— Как это? Претворяем в непосредственную жизнь решения съезда партии и постановления ноябрьского Пленума ЦК.

— Я не об этом. Партийные постановления — то святое. Скажем, прямое руководство к действию. Я тебе талдычу о том иностранном слове...

— Петр Иванович, честное слово, у меня голова кружится. Говорите без обиняков, прямо, где уклонился от генеральной линии партии, и я даю слово коммуниста — исправлюсь.

— Если бы знал, где уклоняешься, давно бы прищучил. А так только присматриваюсь... Ха-ха! Ты, любезный Гриша, лучше скажи мне: почему всякие контролирующие структуры организовываешь без согласования с обкомом? Это уже не уклонизм, а, прямо скажу, ревизионизм во всех его неприглядных формах.

— Да вы что? Бог с вами...

— Бог то со мной. А с тобой ли? Гоблин ты несчастный.

— Не пугайте меня. Никаких структур не создавали и не создаем. Я разве вчерашний? Партийной дисциплины не знаю?

— Что за налоговая инспекция бродит областью под носом у облисполкома, а председатель облисполкома об этом ни

черта не знает. У нас не бантустан, а передовая область лучшей страны Советов?

— Никаких сомнений! Конечно, последнее.

— Значит, принимай меры!

— Приму. Обязательно приму. Не сомневайтесь, дорогой Петр Иванович. Милицию на уши поставлю, КГБ по следу пушу, я мерзавцам покажу и белку, и свисток. Поганые языки каленым железом поприжигаю. Не будут болтать, по чем зря...

— Тогда дерзай, — скомандовал первый секретарь и бросил трубку.

Можно постараться забыть обо всем происходящем, как о кошмарном сне. Но Флирский считал, что забывчивость удел инфантильных. Это им так удобно прятаться за шваброй от проблем. Партия, между прочим, ему втемяшивала всегда выполнять и перевыполнять. А казаться может только с перепоя.

Лидер области чувствовал себя каким-то одурманенным. В голове звенело, словно в кузнице, правая рука не слушалась. Висела плетью, и это особенно беспокоило Петра Ивановича. Врачи талдычат, что все болезни от нервов. Разве можно остаться спокойным, когда вокруг такой сумасшедший дом? Психушка — это комфортный цековский санаторий в сравнении с действительностью. Тут не то, что рука отнимется, а и отнимется все, что висит. Какой ты после этого, блин-компот, первый секретарь, если не можешь в сауне, в командировке или на природе среди березок согрешить со своим третьим секретарем.

Флирский оставил палочку возле кресла и, шатаясь, подошел к шкафу, где аккуратно стояли синие тома полного собрания сочинений великого Ленина. Вытянул первый попавшийся на глаза. Развернул. Вдумчиво начал читать какую-то белиберду, переполненную всевозможными знаками препинания, которые не поддаются никаким правилам стилистики. В учителя всех времен и народов он пытался отыскать ответ на злободневные вопросы. Ведь гениальный Владимир Ильич должен был предусмотреть, что через 65 лет Советский Союз будет так

колбасить. Как в таком случае следует поступать лидеру областной парторганизации?

Глаза ни за что толковое не могли зацепиться. Читал и ничего не мог уразуметь. Хотя на ночь глядя с упоением зачитывался шедевром «Два шага вперед, три шага назад». Еще грызя гранит науки в Высшей партийной школе, понял, что «Капитал», «Анти-Дюринг» и «Детская болезнь "левизны" в коммунизме» гораздо лучше, чем гламурные «Война и мир», «Евгений Онегин» и «Двенадцать стульев». Такие чтения неизменно заканчивались богатырским храпом.

Каждый свой рабочий день Петр Иванович сравнивал с днем, проведенным на передовой. Неизвестно, какую свинью подsunет фельдъегерь, подлость передадут по телефону и как подставят лодыри-подчиненные. А расхлебывать-то ему. В такие минуты Флирский себя очень жалел и лелеял. Если сам себя не полюбишь, никто больше не полюбит.

Жил, как на дыбе. Чертовски неудобно, адски больно, но поразительно приятно. Кто не болеет тщеславием? Партийные боссы не исключение. Потому и терпел все сюрпризы своей должности. Пока вызвездился, заработал невроз, микроинфаркт, подагру, кариес, гипертонию, геморрой, простату. Между прочим, вполне сносная плата за карьеру.

«Вот дам лад этой феерии и возьмусь за головы наших рядовых граждан, — листая 32-й том Ленина, подумал он. — Это как же мозги засорены буржуазной дребеденью, если больше хотят «Philips», «Samsung» и «Mercedes», чем ботинки фабрики «Скорород», автомобили завода «Запорожец» и телевизоры марки «Горизонт»!

Туго забинтованный мизинец чесался, будто его ласкали гусиным перышком. Нервы от последнего выговора за аморалку (заработал, когда праздновали в сауне всем секретариатом, конечно, с девочками день рождения Храпова) так не натягивались струной, как в этот раз от выходок Люськи и Гервасия. Хоть играй на нервах «собачий вальс». Он проклинал этих уро-

дов за то, что судьба свела их на одном гектаре. Шлюха безмозглая и прохвост четырехпалый чуть не сделали его инвалидом.

На одной ноге допрыгал до кресла. Смахнул капельку пота на кончике носа, взял палочку и, закусив губу, яростно отмотил кресло. Разрядившись таким образом, облегченно вздохнул.

На странный звук в кабинет влетела обеспокоенная Юлия Григорьевна.

— С вами все в порядке? — бегло осматривая кабинет, спросила шефа.

Тот был на своей волне.

— Машину к подъезду!

Секретарша попробовала возразить. Как можно с травмированной ногой куда-то ехать? А вдруг осложнение?

— Не бережете себя. Сгорите ясным пламенем — никто и спасибо не скажет.

Но Петр Иванович резко ее одернул, чтобы не лезла с женскими советами в мужские дела. Ведь на кону такие ставки: быть ли Флирскому первым или придется удовлетвориться ролью, к примеру, начальника «Союзпечати». Это все равно, что после руководителя области стать дворником. Комиссия с ЦК — не на экскурсию в Голомойск приедет. Нутром чувствовал, что скоро ей здесь быть. Конечно, не без того, что члены комиссии водочки попьют, пивком полирнут и в баньку сходят. Святое дело. Не пуритане ведь. Закавыка в другом: с какими установками придут проверяющие? А то никакое хлебосольство не поможет им скоротать вечера.

— Молчать! — рявкнул на Юлию Григорьевну.

Та мгновенно скрылась за дверь.

— Куда? — заискивающе спросил Костя.

— На «кудыкину гору»... В ГАИ!

«Волга» пронеслась городом, не обращая внимания ни на дорожные знаки, ни на дорожную разметку, ни на пешеходов. Кто именно ездил в авто с госномером 00-01, знал даже стрелочник на железнодорожном вокзале.

Возле здания областного управления ГАИ сержант Гвира как раз протирал стекло на своем «бобике», когда рядом завизжали тормоза «Волги». И сразу инспектора накрыло волной жижи — имел неосторожность стать возле лужи. Вместо стекла пришлось тряпкой протирать лицо. В эту минуту Гвира готов был лишиться прав водителя «Волги» на всю оставшуюся жизнь, а машину поставить на штрафплощадку, пока не поржавеет. Злость наполняла каждую клетку. Как известно, «гаишник» во гневе страшен. Страшнее крокодила.

— Ты, паршивая стерва, лупоглазый козел, дипломированный дегенерат! — брызгал слюной милиционер.

Но тут передние двери открылись. Сначала показалась палочка и нога, а потом — во всей красе первый секретарь обкома. Инспектор на всякий случай бросил косой взгляд на номера. Не ошибся ли? Перед ним действительно стоял сам Хозяин. Его глаза искрились пролетарской злобой, а рука интуитивно тянулась к маузеру.

— Здравствуйте, Петр Иванович! Вы к нам? Так давайте проведем.

Флирский пронзил рентгеновским взглядом новоиспеченного Сусанина. Но кроме недовольства мимика его лица ничего не демонстрировала.

— Ну, коль такой добрый, проводи.

Кабинет начальника областного управления ГАИ находился на втором этаже пятиэтажки. Перед зданием, посередине клумбы, возвышалась бронзовая скульптура гаишника с поднятым жезлом. Брюхо блюстителя правил дорожного движения было похоже на живот беременной на девятом месяце. «Не иначе, ждет трамвай», — решил Флирский. Увидев это уникальное произведение монументального искусства — гордость всего Голомойского дивизиона, первый секретарь не мог не остановиться, чтобы не оценить творение рук человеческих.

— Заезжий скульптор изваял статую, глядя на нашего ветерана дорожно-постовой службы Петровича, — дрожащим

голосом заметил Гвира. — Так сказать, укрепляем авторитет нашего брата среди населения... Водители, издали заметив металлического Петровича, сбавляют скорость.

Флирский имел одну слабость: любил подчиненным устраивать эдакие сюрпризы. Одним из них было «явление Христа народу». В качестве последнего, конечно, выступал Петр Иванович — собственной персоной.

Когда Маша в приемной увидела инвалида с палочкой, уверенно направляющегося к двери начальника управления, она с неистовой преданностью преградила своим шестым размером дорогу. При этом широко раздвинула ноги и расставила руки, чтобы странный визитер не проскользнул на четвереньках.

— Сергей Васильевич занят и никого не принимают.

Флирский любовался потенциальной топ-моделью — какие данные пропадали в этом вонючем кабинете! Спрятавшийся за его спиной Гвира, как глухонемой, вытворял такое пальцами, что его умению позавидовал бы любой виртуоз. Но секретарша гримасы и жесты инспектора не оценила. Петр Иванович палочкой бесцеремонно отодвинул преданное создание и широко распахнул дверь.

На паласе в позах утомленных солнцем аксакалов восседали Приходько и два его толстопузых зама. На газете «Правда» со вкусом был разложен натюрморт из огурчиков, помидорчиков, лучка, мелко нарезанного сала. В центре стояла наполовину пустая бутылка сорокаградусной. Увидев такого гостя, пышущие здоровьем и перегаром, в сравнении с которым горчичный газ Первой мировой — тройной одеколон, милиционеры вскочили. Их шатало, как от ураганного ветра.

— Мы-мы-ы ра-ра-д-ды ва-ас ви-ви-де-деть... — дружно промывчали заместители начальника. Более трезвым оказался их шеф.

— Петр Иванович, мы тут решили немного взгрустнуть... Лицо Флирского исказилось так, будто на поломанный па-

лец наехал КраЗ. Маша услышала сначала вой, похожий на зывание сирены машины скорой медицинской помощи, а потом грохот падающей мебели.

— Прохвосты! Вы так блюдете порядок на дорогах?! Выгону к едреной фене всех под чистую! А ты, морда казенная, — ткнул палкой в грудь Приходько, — значит, таким макарком ловишь «мерседес»? Партия тебе поручила такое ответственное, я бы сказал, государственной важности задание, а ты, молокосос, разлагаешь ее изнутри. Тебе не место в рядах Коммунистической партии Советского Союза! Сержантом пойдешь на перекресток разруливать «чайников». А «мерседес» будут ловить без тебя.

Дверь так внезапно отворилась, что Маша не успела отпрянуть от нее, и загремела на пол. Чрезмерная любознательность и подслушивание всегда сопряжены с риском для здоровья.

— Извините! — больше для проформы, чем из вежливости, буркнул гость. Ковыляя, направился на выход.

В кабинете Приходько дружная компания затаила дыхание, не в силах молвить даже слово. Все, будто кол проглотили. Лишь глаза, бегло мигающие, придавали живости людям в погонах.

— Нам полный капец, — первым вышел из состояния шока заместитель по безопасности движения.

Флирский семенил к машине, на ходу размышляя над низостью и недисциплинированностью некоторых руководителей, которым доверили важные участки. «Гнать надо это отребье поганой метлой, — рассуждал на ходу. — Завтра непременно скажу Храпову, чтобы поручил райкому разобраться с коммунистом Приходько. И не просто разобраться, а так разобраться, чтобы его дети, внуки, правнуки, а потом и их дети, племянники не забывали, что в свое время случилось с их придурковатым предком».

— Домой! — неистово хлопнул дверью «Волги».

— Счастливой дороги, — согнувшись пополам и учтиво сняв фуражку, помахал рукой вслед Гвира.

«А почему бы и нет? Готовый начальник управления ГАИ, — подумал Флирский. — Вот ему свисток и жезл в руки для поимки «Мерседеса».

ГЛАВА 7

Секс — не борщ. Не проедается

За особые заслуги перед Родиной министр МВД присвоил сержанту Эдуарду Никаноровичу Гвире внеочередное звание подполковника и назначил начальником ГАИ всего Голомойска. Этим же приказом за проявленные хроническую беспринципность, либерализм с подчиненными, безалаберность в работе увольнялся прежний начальник госавтоинспекции Приходько.

И сержанта можно произвести в подполковники, если существует хоть какая-нибудь в этом целесообразность. В данном случае основание под приказ подвел первый секретарь обкома.

— Делай что хочешь, но с таким оболтусом работать не буду. А Гвира коммунист, хорошо регулирует на перекрестке, голос у него командирский, исполнительный, — рекомендовал он министру.

Правда, тот попробовал возразить. Мол, этого крайне недостаточно для «звездочек».

— Тебе мало моего поручительства?

— Да что вы, Петр Иванович. Я же понимаю: надо так надо.

Приходько же счел такое распоряжение чрезмерно суровым. В телефонном разговоре с Юлией Григорьевной пообещал показать первому секретарю «кузькину мать».

— Нашлась прима марлизонского балета! Он меня еще не знает. Ничего — узнает.

Зато Гвира воспринял назначение как должное. Амбиции перли с ушей. Ему уже давно грезилось руководящее кресло как за столом в кабинете с приемной, так и в кабине персонального автомобиля. Ничего, что закончил только восьмилетку да ПТУ по специальности погонщик скота широкого профиля. Гонять нарушителей дорожного движения это ему нисколько не мешало. И вот судьба, наконец, смилостивилась. Кому следует заметили старания служаки. По достоинству их оценили — дали причитающийся чин. «При таких погонах развернись. Да так, что скоро и в генералы произведут. А что? Разве в СССР погонщики коров не могут быть генералами? Да еще как могут! Потому что живу не в Зимбабве, а в рабоче-крестьянском государстве с равными возможностями, — тешил себя иллюзиями «товарищ подполковник».

Незамедлительно позвонил в приемную первого. Естественно, хотел лично поблагодарить «папу» за участие в его судьбе. Но Петра Ивановича, как на грех, не оказалось и Юлия Григорьевна посоветовала перезвонить после обеда.

— А вообще не мешало бы вам увидиться с шефом с глазу на глаз, — многозначительно посоветовала она.

Гвира решил не терять драгоценное время подполковника. Ближайшему окружению уточнил фронт работы на обозримое будущее, чтобы у тех жизнь малиной не казалась. Своему помощнику велел срочно добыть соответствующую форму. «Это же на голову не налезет: при такой должности и звании я еще хожу с лычками», — сокрушался новоиспеченный начальник.

Первому заму поручил достать новый служебный автомобиль, потому что переднее сиденье у «Волги» Приходько уже было продавлено безразмерной задницей последнего. Второму заместителю выпало срочно обустраивать кабинет и, как положено, отремонтировать квартиру и дачу, постоянно отвозить жену на работу, а детей в школу, затаривать домашний холодильник, покупать подарки для министерства.

Управление стояло на ушах.

— Машину к подъезду! Я буду объезжать вверенный мне город, — буркнул, покидая кабинет.

Старенькая «Волга» с мигалками, едва выехав за ворота, остановилась перед вереницей автомобилей.

— А это что за хренотень?

Заторы Гвира видел только в информационной программе «Время». Все понимали, что причиной такого беспорядка служит неуклюжая работа их полицейских. Потому что ленивые. Они просто не хотят как следует выполнять возложенные на них обязательства. То ли дело наша доблестная милиция. Днем и ночью на страже.

Водитель, конопатый младший сержант, вспотел до мозга костей, но ничего поделаться не мог. Разве что перелететь. Подполковник связался с дежурным. Тот дрожащим голосом проблеял:

— Эдуард Никанорович, впереди демонстрация...

— Какая в манде демонстрация? Разве сегодня Первое мая?

— Никак нет. Тут доложил дежурный инспектор: на проспекте Ленина маршируют геи, гомосексуалисты, транссексуалы и прочая нечисть. Запрудили все вокруг.

— Кто такие? Почему не знаю?

— Да это меньшинства...

— Большевиков давно перебили в 17-м! Откуда эти вылупились? С оружием?

— С транспарантами.

— И что пишут? Власти требуют?

— Никак нет. Свободы, равенства, убрать уголовное преследование, разрешить браки... Впрочем ни черта не пойму, какого лешего им не хватает.

Растерянность дежурного передалась начальнику. Заиграло ниже пупка и у Гвиры. «Это что же такое получается? — думал себе. — Первый день на должности и такой конфуз. И какая подлюка удумала мне насолить? Неужели Приходько?»

Размышления подполковника прервал скрежет рации и скрипучий голос дежурного:

— Звонили с приемной первого секретаря обкома. Вас вызывают.

Утренняя эйфория развеялась, как Млечный Путь поутру. Осталось лишь горькое ожидание неприятностей. А в том, что они будут, не было сомнения.

— Давай взад. Переулками и дворами в обком.

«Волга» с включенной сиреной, дымя и кашляя, выскочила на газон, потом на тротуар. Пешеходы шарахались, черты-хались и матерились, как биндюжники. Да еще и многозначительно крутили пальцами у виска. Черный кот, нежась на солнышке, не заметил мчавшихся «при исполнении» доблестных милиционеров. Переднее колесо переехало ему хвост. Животное птичкой взлетело на дерево и оттуда зашипело и оскалилось на обидчиков.

Задний мост машины пронзительно выл, заглушая свист сирены. Кузов качало, как корабль на волнах. Гаишники размахивали руками, пытаясь перекричать из открытых окон сипенье сирены, завывание заднего моста и скрежет металла.

— Все в стороны! Разойдитесь! Мы на задании!

В обкоме не любили ждать.

У распахнутого окна стояли Флирский, Храпов и Трусов. Позади их застенчиво мял носовой платок Кощеев.

— Товарищи, я не въехал! Это что за безобразие среди бела дня? Народ совсем распаскудился. Карнавал затеяли? В честь чего? Кто санкционировал?

— Не мо-мо-огу знать! Го-голубые и розо-о-овые выползли бо-бороться за свои пра-ва-ва-ва, — пытаясь как можно четче, доложил заведующий отделом пропаганды. Его зрачки смотрели в разные стороны, а руки остервенело крутили портьеры. Всем своим видом напоминал жениха на смотринах.

— Торчок, оставь шторы. У тебя галюники? Или дальтоником прикидываешься? Откуда в нашей области цветные? Их

отродясь не было. А если какой негр и забредет невзначай, так от него, как от прокаженного, шарахаются даже коты.

— Все идет, все меняется. Вон Европа погрязла в извращении. Каждый трахает кого попадя..... В подворотнях и кустах ловят друг друга и грешат.

— Правильно говорили классики марксизма-ленинизма: загнивающий капитализм. Вымрут, как мамонты.

— Да здравствует Советская власть — самая гуманная власть в мире! — рявкнул Кощеев.

От контральто помощника первого секретаря у всех сперло дыхание.

— Голос прорезался?

— Да я, Петр Иванович, кому угодно за Советскую власть горло перегрызу. Растерзаю, как петлюоровскую гармошку.

— Ну-ну, камикадзе ты наш, не кипятись. Димон, разве не жалко своих соплеменников?

Тот зарделся, словно перед Генеральным секретарем в Георгиевском зале. Кокетливо согнул правую ножку и прикрыл ладошкой срамное место.

Шествие полуголых и разрисованных, будто картины Рембрандта, привлекало ротозеев. Молва о том, что по центральной улице города шествуют чуть ли не инопланетяне, облетела все окрестности. Народ слетался поглазеть на диковинных антиподов светлого образа строителя коммунизма.

— Не скажете, это парад геев? — тыча палкой в сторону обнимающихся крепких мужиков, интересовался у прохожих какой-то старикашка.

— Да нет, деда, — отвечали ему. — То мужики день ВДВ отмечают. А геи шагают он там...

Нездоровый интерес голомойчан к диковинному маскараду нервировал первого секретаря. Он понимал, что надо срочно нейтрализовать этих разрисованных шимпанзе от здоровой части общества. Еще, чего доброго, эта «микроба» перебросится на морально устойчивых граждан. Заразятся, и что потом

делать? Неумная фантазия Флирского разрисовала Голомойск в розовые и голубые тона. Дрожь пробежала по телу.

— Не то место прикрываешь, Дмитрий Сидорович. С тылу зайдут. Не успеешь опомниться, как вставят по самые помидоры, — оторвался на помощнике.

— Да что вы такое говорите, Петр Иванович?

— Что слышишь, чучундра. Ты, как заноза. Если бы не твои заступники, выгнал бы в тришеи. Даже не посмотрел бы на частые вояжи к любовнику в столицу. Думаешь, не знаю твоего попечителя с просторных кабинетов? Ну-ну, пока резвись, мальчик-хулиганчик!

Многозначительные намеки шефа расстроили застенчивого помощника. Любое упоминание о его сексуальной ориентации вызывало внутренний протест. Гнев по поводу непонимания членами партии его члена. Ведь нельзя зов плоти подвести под Программу и Устав КПСС с ее направляющей и движущей функцией в обществе. «Половым вопросом партия не должна заморачиваться. Это дело каждого индивидуума, исходя из его собственных склонностей», — рассуждениями укреплял свой внутренний стержень Дмитрий Сидорович. Это помогало ему сносить все тяготы партийной работы.

— Одного голубого в стенах обкома еще можно терпеть. Но столько? — Флирский бросил негодующий взгляд на веселящуюся толпу. — А это что за мироеды на носилках?

Четверо трансвеститов сгибались под весом двух блондинок с бюстами восьмого размера, похожих на раскладушки с подушками. Девчонки извивались в экстазе, целовались, словно соревновались на длительность поцелуя, их красочная грудь с сосками, будто блюда, игриво соблазняла ротозеев. Девчонки-студентки застенчиво хихикали, мужики свистели и требовали углубленного стрептиза, бабушки плевались, крестились и ругались:

— Срамота, да и только. Куда власть-то смотрит?

— С этим надо что-то делать! — резюмировал первый сек-

ретарь. Его взгляд остановился на соблазнительных дамах на носилках, и глаза вдруг налились кровью. Бык так не реагирует на красное, как Петр Иванович на извращенцев.

— Арестовать, повязать, бросить в кутузку! Кто прошляпил? — не унимался первый. Таким зверски настроенным его в последний раз видели на партконференции, когда клеймил позором Кацнельсона за жалобы потребительниц, которые покупали лифчики пятого размера, а они на самом деле не подходили даже на второй.

Шествие сексуально озабоченных посеяло панику в партийном стане.

— Это ты, падло, виноват во всем, — ткнул пальцем у Трусова. Тот испуганно отпрянул от шефа, словно от палача. — Идеолог хренов. Выверну матку наизнанку и сошлю в Сибирь читать бурундукам марксизм-ленинизм... Что твои аглоеды в парторганизациях делают? Водку жрут и баб трахают вместо того, чтобы пропагандировать здоровый образ жизни...

— Так про-пропагандируют, Пе-пе-етр Иванович, — набравшись смелости, возразил Вадим Петрович.

— Значит, хреново пропагандируют, скажу тебе, если похотливые бабы и мужики свои скотские влечения на всеобщее лицезрение выставляют. И это вместо того, чтобы всецело удовлетворяться платонической любовью.

— Ка-какой так-о-о-ой любовью?

— А ты, абортивный, оказывается, еще и глухой. А платоническая потому и называется такой, что жена свои пикантные места платком прикрывает от мужа.

— А почему абортивный?

— Потому, что таким уродился. Заставлю кадровиков в объективке дописать об уникальной твоей скороспелости.

— По-полно, Петр Ива-а-нович! Не по-портьте карьеру.

— А ее уже никто не испортит. Тебя даже дворником не возьмут. Разве что ассенизатором в колхоз «Ленинский путь».

— Разве «Лени-ни-нским пу-пу-у-тем» идут с ас-с-с-сени-затором? — еле вымолвил слово.

Флирский напряг извилины своего серого вещества.

— Не умничай! А то не бурундукам, а зекам на Колыме будешь читать лекции.

Трусов хотел намекнуть первому о его «платонических похождениях» с библиотекаршей, но не осмелился. Может намек дорого обойтись.

Шествие сексуально неудовлетворенных было похоже на бразильский карнавал. Проходя мимо обкома партии, демонстранты дружно скандировали:

— Даешь сексуальную революцию!

— Долой партийное руководство сексом!

— Изберем первым секретарем Кощеева!

— Ну, это уж слишком. Педераста на престол? Где это видано, чтобы голубой возглавлял областную парторганизацию — крупнейшую в стране?

Предчувствуя разборку, помощник попятился к двери. Когда до заветного порога оставалось полшага, путь к отступлению преградила преданная душой и телом Юлия Григорьевна. Ее бюст пылко дрожал, а щеки стали одного цвета с напомаженными губами.

— Вы куда?

— От партии все равно не скроешься. Достанет из-под земли. Значит, под меня копаешь, голубчик сизокрылый? Соратников себе разноцветных нашел? Уже задницей своей траханутой кресло примеряешь? Не рановато ли? У-у, морда! — костлявые пальцы, будто с рентгеновского снимка, скрутили перед носом несчастного Димы фигу.

Флирский заложил руки за спину и семимильными шагами дефилировал по кабинету.

— Откуда они у нас взялись? — бурчал под нос. — Никак пятая колонна империализма? Не иначе. Знаете, — резко развернулся на одном каблуке, — когда гостили у голландских коммунистов, те водили нас на улицу «красных фонарей». Мы еще долго дискутировали: стоит ли нам, советским коммунистам, переться в гнездо разврата? Помню, первый секретарь Заче-

пиловского райкома была настроена крайне решительно. Сказала, хоть из партии исключайте, но негоже мне, женщине со стажем, глядеть на голые сиськи. Иль своих не видала? Зато большинство мужиков высказались за культпоход по местам соблазна. Против оказался куратор из КГБ — явно международный киллер, специализирующий на отстреле неудобных президентов и прочей политической шушары в неудобных странах. Поездкой в Голландию, наверное, премировали за очередной теракт. Тогда еще пригрозил нам, что в отчете зафиксирует все наши проделки, недостойные высокого звания коммуниста.

Присутствующие, раскрыв рты, с упоением слушали пикантные воспоминания шефа. Приливы откровения у того случались довольно редко. Умел вовремя прикусить язык. Но если ностальгия по пережитому и случалась, то рассказывал даже о том, чего под пытками не следовало бы предавать гласности.

— Мне тоже хотелось сравнить наших «жриц любви», работающих в подполье, с раскрепощенными амстердамками. Сразу предупредил стукача о необходимости все-таки правильно понимать руководящую и направляющую роль партии. Ведь партийную дисциплину никто не отменял.

— А зачепиланочка подчинилась большинству? — поинтересовался Кощев.

— Попробовала бы... Пошла, как миленькая. Ну, что я вам должен сказать? «Красные фонари» еще те. Встал по стойке смирно даже в участника трех революций и двух воен. На любой вкус. Даже нашей строптивой даме не пришлось созерцать пышногрудых. Накачанные мужики в набедренных повязках подмигивали и подмахивали всем проходящим представительницам слабого пола. Сто гульденов за час и масса удовольствия. Мы уговаривали нашу единственную поддаться соблазну, обещали на Родине никому не проболтаться, пригрозили особисту евнухом его сделать, если доложит о походе первого секретаря райкома. Но она оказалась истинной марксистской. Настоящая железная леди — Тетчер не вышла фейсом даже в

ее сторону посмотреть. Зато на второй витрине «сдох» заворг из Задунайского обкома. Внешне — вылитый председатель колхоза. Просто родня быку-рекордсмену Буцефалу из нашего Зачепиловского района.

— И как же он с такими габаритами сподобился?.. — удивилась Юлия Григорьевна.

— А ты не подслушивай, карга старая!.. Тот загнал десять банок икры горничной в отеле, командирские часы со звездой на циферблате какому-то бомжу негритянской наружности, с шайбами в ушах, носу, веках и губах. Просто ходячая металлобаза. Хотел было заработать еще пару гульденов на комсомольских значках, полсотни которых провез в полиэтиленовом кульке, привязанном к мошонке — подальше от бдительных голландских таможенников, но бизнес не удался. Оказывается, красные значки в таком количестве даже обкуренной молодежи были не нужны. Держа одной рукой 90 гульденов и значки члена ВЛКСМ, а другой — припухшую мошонку, он засеменял к смазливой блондинке с грустными глазами, неистово изгибающейся возле шеста. После мы спрашивали, чем привлекла его в этом разнообразии задниц и грудей эта шалава? «Исключительно стратегическими формами», — ответил заворг.

— И на сколько хватило полового гиганта из Задунайска?

— На пять минут.

— Такой шустряк? Значит, еще не перевелись богатыри на земле русской!

— Вот именно. Вылетел оттуда, ако дебошир, пнутый вышибалой без их гульденов и комсомольских значков. Атеист, а крестился, словно заядлый прихожанин возле иконы Святой Богородицы. При этом харкал, как дед, обкуренный махрой, и старательно носовиком вытирал губы... Блондинка то оказалась мужиком. Только когда тот свою задницу подставил, наш любитель экстрима все вразумел... Вот так нас, наивных и доверчивых, дурят за границей.

— А что с мошонкой? — распереживался Дима.

— У человека могла крыша поехать, а тебе мошонка в голове.. Ну, ты и фрукт! С мошонкой все в порядке. Только поси-
нела да опухла. Стала на арбуз похожа. Ходил, как ты, Кощеев.
Задницей вилял, словно на приеме у проктолога, и семенял,
будто беременная утка. Уже дома к докторам ходил. Те сказа-
ли, если бы еще день потерпел, то кастратом стал бы. Кранты
мужику — отлаял бы его бобик. Вывод какой? Нехрен гонять-
ся за экзотикой. Дома хоть и триппер подхватишь, но свой, род-
ной. Так сказать, поддержишь советского товаропроизводите-
ля.

Гул улицы все усиливался. Казалось, на бесплатный цирк
съехался чуть ли не весь Голомойск.

— Вместо того, чтобы выполнять и перевыполнять планы
пятилетки, они глазают на безобразия. Это какой-то панопти-
кум. Кто-нибудь наведет порядок? По улице Ленина марширу-
ют отбросы общества, с руководящим и направляющим мес-
том между ног, а никакая блядь не принимает мер.

— Так все смотрят на вас, — моментально среагировал
Храпов.

— Без разрешения партии не можете и в сортир сходить?
Хотите, чтобы партия и задницы подтирала? Ладно... Юлия
Григорьевна, свяжи меня с Безрукавным. Я ему, олуху царя не-
бесного, популярно объясню, чем должна заниматься его служ-
ба.

На столе противно задрожал красный телефон с гербом
СССР на номеронабирателе. Прямой с ЦК.

— Еще этого не хватало, — тяжело вздохнул хозяин обла-
сти и нехотя поковылял к столу. Боль в ноге отдавала аж в моз-
жечок.

Чувствовал мягким местом, что дело стремное. Сейчас вот
поднимет трубку, а на том конце провода знакомый зычный
голос скажет: у него родной кот преставился, или в ЦК комму-
нисты с Чада пожаловали, или у какого-нибудь секретаря име-

нины, или, еще доброго, у его дочери свадьба. И следует ему, первому секретарю Голомойского обкома партии, что-то сообразить на этот счет...

— Ал-ло!

— Здорово! Че трубку не берешь? Рассмеши меня, скажи, что заработался?

— Никак нет, Арсений Кириллович. Бдю денно и ночью во благо партии и всего советского народа, — бодро оттрапортовал Петр Иванович.

Присутствующие от греха подальше попятнулись к выходу.

— Только бдишь ты как-то хреноватенько, едрена вошь!

— Да что вы? Никак нет. Пашу в поте лица. Бдее меня просто нет никого.

— Еще раз тебе говорю: не гони фуфлятину. Мы в ЦК хоть и сидим далеко, но видим близко. В том числе лицезрим и массовые выступления в Голомойске голубых, розовых и других серо-буро-малиновых... Ты, бляха муха, уже мышшей не ловишь — напрочь потерял пролетарскую смекалку и марксистское чутье. Вы там все буржуазной близорукостью страдаете или через одного? Так сейчас пришлю Пупенкова и он в момент всех вылечит... И скажи мне еще, заноза ты в заднице. Почему у тебя в области, то невидаль откуда взялся странный «мерседес» и спокойно колесит городом, то непонятные простым гражданам иностранные слова по велению палочки появляются на домах?

— Арсений Кириллович, ситуацию контролируем... — попытался оправдаться первый секретарь.

— Ты хозяин или жук навозный? — недвусмысленно заинтересовались на том конце провода и бросили трубку.

От неліцеприятных слов первого секретаря ЦК Мушустина током прошло весь организм Флирского. Зачесалось в одном месте и захотелось в туалет. От страха. С руководителями такого пошиба не шутят. Может не только в сортир захотеться...

Чтобы чего-нибудь не накаркать, Петр Иванович трижды перекрестился под столом. Первым делом поинтересовался у секретарши, явился ли Безрукавный.

— Уже ждет в приемной.

— Запускай.

От вызова в обком даже такой Кощей Бессмертный, как начальник областного управления КГБ, чувствовал себя простым смертным. Партия — это не фунт изюма, а направляющая и цементирующая сила. Она в руках своих лидеров страшное карающее оружие. Не увернулся — пропал.

— Входи, входи, дорогой Александр Трофимович, — с распростертыми объятиями встретил своего чекиста.

От такого радушья тот съежился, голову вобрал в плечи, глаза забегали, как у шаловливого щенка.

— И что ты по этому поводу думаешь? — показал палкой в окно.

— Занимаемся. Наши люди, переодетые оперативники под прикрытием, фотографируют зачинщиков.

— Каким таким прикрытием?

— Значит, косят под клиентов. Соблазняют геев и лесбиянок.

— Ты хотя бы своей башкой пораскинул: какая лесбиянка упадет на мужика, тундра ты непаханная?

— Ну, что вы, Петр Иванович? Думаете мы не в курсе? Я спровадил на улицу всю канцелярию управления. Вот они под лесбиянок и канают. Кого соблазнили, аккуратно с толпы выводят и в «воронки» препровождают.

Вдруг «ожил» телефон. С динамика, вмонтированного вместо номеронабирателя, послышался встревоженный голос секретарши:

— Петр Иванович, возьмите трубку. Снова ЦК...

— Привет! Как дела? — интересовался Пупенков. — Сорочка на хвосте принесла, что в Голомойске голову подняли прихвостни Запада. И как вы думаете побеждать этих гидр?

— Рафаил Сулейманович, я уже докладывал Мушустину. Действительно демонстранты разрозненными группками снуют по улице Ленина, постепенно приближаясь к обкому. Но ситуация нами контролируется...

— Замечательно. Значит, ждем благих известий. До свидания!

С дрожащим правым веком Флирский возобновил начатый разговор.

— И сколько тебе, Александр Трофимович, надо времени, чтобы зачистить улицу вождя мирового пролетариата?

— Если еще милиция подсобит, то до вечера аккуратно управимся.

— Петр Иванович, прибыл Гвира. Вы его вызывали? — в узкую щель просунулась голова секретарши.

— Не вызывал, но будет кстати. Пускай заходит, новоиспеченный крендель.

Дверь отворилась и на пороге застыл в мундире с оторванными погонами начальник ГАИ. Он сиял, будто эстрадная звезда на сцене. Правда, увидев Безрукавного, вмиг потух. Встреча по приятному поводу с первым — это одно, а присутствие здесь еще и кегебиста — это совсем другое. Он мысленно стал ломать заблаговременно подготовленный спич и корректировать свое поведение относительно сложившейся ситуации.

— Не чаял увидеть здесь такое изысканное общество! — не придумав ничего лучшего, сморозил Гвира.

— А какое бывает в моем кабинете? Одни придурки? Ну, ты как раз и будешь первым из них. На себя со стороны смотрел, красавец ты наш?

— А что?

— Шельменко-денщик, — проявил литературные познания первый.

Все захихикали.

— Да что вы? Никакой я не придурок и не лакей. Я подполковник, — пробасил.

— Неужели? Бог с тобой. Впредь думай головой, а не зад-

ницей, когда едешь в областной комитет партии. А теперь о наших баранах. Александр Трофимович тебе обрисует свой наполеоновский план. Примешь участие в ликвидации гейско-лесбийского кода.

— И какие такие отношения моя служба имеет к этому отребью?

— Самое прямое. Проезжую часть они перекрыли? А безопасность дорожного движения твоя парафия?

— Да, моя.

— Значит, выполняй.

Флирский заковылял к столу, тем самым демонстрируя завершенность аудиенция. И тут снова раздался раскатистый голос Юлии Григорьевны:

— Возьмите трубку. Центральный Комитет.

Спокойный, как кнур на выгоне, Пупенков вновь интересовался голомойскими событиями.

— Да и пяти минут не прошло. Что может кардинально измениться? — первый секретарь обкома пытался держать себя в руках.

— Дражайший Петр Иванович! За пять минут может мир перевернуться, не говоря о вашем областном центре. Обком сметут — кто будет отвечать? Вас по стенке размажут. Что возьмешь с фекалий, кроме анализа, а я, как куратор, останусь жив. Вот с меня и спросят. Так что потрудитесь отвечать.

Глотая ком обиды, отчеканил:

— Смотрю в окно. Пару человек митингует перед обкомом. В целом ситуацию контролируем...

— Весьма благодарен, — инструктор ЦК положил трубку и прогунявил:

— Старый потрох.

В коридоре Безрукавный в общих чертах обрисовал свой план под кодовым названием «Презерватив».

— А почему именно такое названием? — проявил свою наивность подполковник.

— Потому что мы за безопасный секс.

Гвира тут же набрал Машу и приказал собрать весь личный состав

— И постовых? — удивилась та.

— Без исключения.

Пока Гвира доехал до управления, все подчиненные уже толпились на плацу.

— Ну, что, импотенты, лодыри и миллионеры-подпольщики, будем служить Родине или как?

— А как же! Нельзя иначе! Будем, — дружно вторили ему милиционеры, радостные от принятого с утра.

— Вот и славно. Слушай меня, как мать свою. Мигом переодеться в штатское и на улицу Ленина. Там не на шутку разгулялись всякие нетрадиционно сориентированные...

— А точнее можно?

— Для особо непонятливых уточняю: это мужики, имеющие мужиков, бабы, любящие баб, и прочие, пришивающие себе члены и сиськи. Вразумели?

— Фу-у, пакость.

— Не фукайте. Растворяетесь в толпе митингующей пробляди, соблазняйте приглянувшуюся кадрю, тянете ее в кусты и там... дружно вяжете.

— А если будет сама сильно приставать?

— Тогда применяете спецсредства. Не те, что в штанах, а те, что в карманах. В смысле, газовый баллончик и наручники. Поняли? Разойтись!

За происходящим на улице Флирский осторожно наблюдал из-за шторы. Оголтелая толпа сексуально озабоченных буйствовала. Особенно раскрепостилась одна дама с губами «а-ля Африка» и с бубликами в ушах. Задрав юбку выше пупка, бросилась на какого-то деда, который мирно зевал под деревом. Придавила старикашку к своей мощной груди, ногу забросила тому за поясницу и давай лобзать темечко. Хрипя, предок отбивался что есть мочи, но вырваться из цепких объятий агрессора не мог. А мадам что есть мочи орала:

— Даешь раскрепощенный оральный секс!

Вдруг из кустов выскочили две страшно интеллигентные барышни. Юбочки, пиджачки, галстучки, волосики аккуратно собраны в «кулачек» на темечке. С виду, ну, чистокровные капиталистки.

— Как вам не стыдно! — начали орать. — Вы же женщина! Будьте выше этих сволочей мужиков. В мире полно других радостей кроме хрена между ног...

И начали агитировать обладательницу сногшибательных губ примкнуть к их феминистскому движению «Мы тоже имеем право стоя...».

Флюиды уличной атмосферы половой вседозволенности докатились и до Петра Ивановича. В его душе что-то забурило, ниже живота защекоotalo. Неведомая сила подняла аппарат и поставила его по стойке смирно, что приятно удивило партийного босса. В последние годы он давал сбой в самые ответственные моменты, от чего Флирский систематически впадал в меланхолию. Начинался нервный тик правого яичка, сердце билось в ритм азбуки Морзе, ладони потели, взор затуманивался. Не до секса — быстрее бы к дивану.

«Не пропадать же добру, коль счастье так внезапно привалило», — решил Петр Иванович.

— Юлия Григорьевна, зайдите, — позвал секретаршу.

Двойные двери кабинета служили надежной звукоизоляцией. Пришлось идти к телефону. Гормоны так ударили в голову, что забыл о ноющей ноге. Мизинцем зацепил стол и взвыл фальцетом..

Ворвалась встревоженная Юлия Григорьевна.

— Что стряслось?

— Чем дольше болит, тем больше ненавижу котов... Подь сюда.

Женщина безропотно повиновалась. Эта покорность была неотъемлемой частью ее лучших профессиональных качеств. За это Петр Иванович и ценил своего секретаря. Не надо было срываться с места и мчаться сломя голову к Люське. Тем более, что пока доедешь и инструмент может расстроиться.

Стресс в таких случаях снимался, как говорится, не отходя от психотерапевта.

Левой рукой нежно обнял ее за талию и ковыляя, будто по больничному коридору, повел в комнату отдыха, дверь в которую маскировалась под книжные полочки.

— Петя, лучше вечером. Мне же на людях сидеть.

— Я сам знаю, когда надо.

Не обращая ни малейшего внимания на секретаршу, поспешно взялся раздеваться, педантично складывая одежду на спинку стула.

— А ты чего застыла, как не родная? Давай, давай, раздевайся. Времени совсем в обрез. Мне еще ехать...

Юлия Григорьевна молча спустила на пол юбку, обнажив стройные ноги, которым позавидовала бы семнадцатилетняя. Женщина находилась в том возрасте, когда красота расцветает независимо от бассейна, косметики и одежды «от кутюр». Она или есть, или ее нет. О таких говорят: ее одень хоть в мундир, она будет все равно сексуальной. Кокетливо расстегнула блузку.

— Может, все-таки не надо? — больше от безнадеги, чем надеясь на положительный ответ, спросила еще раз.

Флирский в трусах цвета ромашкового луга застыл в растерянности у стола. Задумался. Наклонил голову, многозначительно осмотрев то место, где должно еще колоситься. Там, как ни странно, была первозданная равнина. Петр Иванович трагически вздохнул:

— Шабаш. Проклятая работа скоро в могилу сведет. И умереть, и жить некогда.

Юлия Григорьевна тоже глянула на пикантное место своего соблазнителя и все поняла. Ей было не привыкать к подобным ситуациям. Ведь был и неудержимый секс до истощения, но были и подобные минуты разочарования. Что поделаешь? Не солоно хлебавши, она взялась одеваться.

— Машину к подъезду, — забыв о назначенном совещании, буркнул вслед.

— Помочь? — предложила больше из милосердия, глядя как ее патрон, кривясь, всовывает забинтованную ногу в штанину.

— Обойдусь.

Опять противно зазвонил телефон. Флирскому ничего не оставалось, как взять трубку. На том конце провода прозвучал знакомый баритон.

— Волнуется весь аппарат ЦК. Петр Иванович, с геями и лесбиянками не шутят. Уже «Голос Америки» и «Свобода» разрываются по поводу угнетения сексуальных меньшинств в Голломойске. Договорились до того, что будто бы партия хочет подвести марксистско-ленинскую идеологию под нетрадиционный секс. Вроде бы хотим таким способом контролировать этих сдвинутых. Поэтому, уж не обессудьте за надоевший вопрос, что новенького?

Флирский изнемогал от желания послать Рафаила Сулеймановича на три веселых буквы, но вовремя укусил себя за язык, чтобы не нарываться на выговор с занесением в учетную карточку.

— Один транссексуал с татуировкой на носу пытался прорваться через охрану в обком. Дежурный милиционер доложил, что тот хочет увидеться со мной. Только я отказал. Я традиционной ориентации. А так в общем ситуация контролируемая...

— Машина у подъезда, — таким разъяренным своего босса секретарша еще не видела.

Костя, ожидая шефа, сидел в машине и читал книгу. Флирский с палочкой подошел к заблаговременно распахнутой двери «Волги». Кряхтя, влез в салон, как пес в будку. Костя с опозданием подхватился, чтобы помочь.

— Не ту профессию выбрал. В библиотекари шел бы... Давай на улицу Ленина.

— Там сексуальные меньшинства протестуют. Еще соблазнять будут.

— Ты слышал, что сказал!

Шествие половых извращенцев напоминало первому секретарю обкома пляжное дефиле. Правда, поначалу стройные шеренги уже изрядно поредели. То тут, то там выходили из колонны обеспокоенные парочки, на ходу нежно обнимаясь и жеманничая, и куда-то быстро удалялись.

«Хорошо работают», — мысленно похвалил оперативников.

Флирский не сомневался в успехе операции. Стыла задница от непонимания странностей, происходящих в последнее время в вверенной ему области. Оно на столько не поддавалось здравому смыслу, что порой сносило крышу — не галлюцинации ли, не под кайфом ли он и не сон ли это? Грешил на происки претендентов, замусоренное сознание советских граждан, не способных распознать разницу между «вот тебе» и «на тебе». Только настоящие партийцы способны не поддаваться на провокации и всякие ухищрения лизоблюдов и гнид разных мастей. К таким себя относил и первый секретарь Голомойского обкома партии. Потому и было ему обидно, что могут отправить на заслуженный отдых с букетом цветом в лучшем случае, словно какого-то слесаря Петю.

— Заедем к Люсечке, — с нежностью и грустью вспомнил о любовнице.

Не хотел ворошить прошлое. Тем более его анализировать. То, что недавно произошло в Люськиной квартире, списал на собственную выходку в пьяном угаре. В голове роились лишь отдельные события того чрезвычайного происшествия, которые не мог связать в логическую цепочку. Отворяющаяся дверь, горящая лампочка, ванная, мужские трусы на Люськином диване. Явно не его ... Писк, брань, угрозы. И главное, Люська разговаривает с ним, как фашист с партизаном.

Вот и знакомый дом, подъезд. С багажника Костя достал дежурный пакет с шампанским, конфетами, икрой и шпротами. Набор ухажера периода развитого социализма. Не забыл подать и палочку.

— Может, сопроводить?

— Еще и свечку подержать предложи. Сами с усами.

Веко правого глаза продолжало дергаться. «К чему бы это?» — подумал. Но предчувствие сладостного вечера притупило бдительность лидера областных коммунистов.

Не успел поднести руку к звонку, как дверь резко отворилась и взору Флирского предстала женская голова с бигуди, клипсами в ушах, тенями под глазами, похожими на синяки, и губами, будто по ним прошелся бульдозер. Голова сидела на мускулистом, волосатом туловище, которое весело теребило труссы-парашюты и подтанцовывало в комнатных тапочках с бубенчиками цвета подмороженной хурмы. Петр Иванович на всякий случай еще раз взглянул на номер квартиры. Все сходилось. Посмотрел на половичек в коридоре — знакомый, тигровой окраски. Не спутать.

— Люся дома? — вырвалось на подсознании.

Особь неопределенного пола подняла ресницы-опахала и томно заявила:

— Папаша, что надобно?

— Я, собственно, к хозяйке квартиры.

— О чем ты базаришь? Никакой хозяйки здесь отродясь не водилось. Тут башляет хозяин...

На шум из кухни выплыло еще одно чудо.

— Скажи им, Люсьен, кто царь-государь в этом оазисе всеобщего мира и спокойствия.

Недоумевающий Петр Иванович кинул презрительный взгляд на друга этой кикиморы. Мелькнуло что-то до боли знакомое. «Да это же Люся! Какой это Люсьен?», — чуть не крикнул.

— Ты что с собой сделала, девочка? — пытаюсь сорвать маску с ее лица, Флирский шагнул с палкой через порог.

Лучше бы он этого не делал. Со словами «Ты куда, инвалид, гребешь?» его схватили мускулистые руки. И в тот же миг кулак, как молот, приложился к правому глазу. Потом его согнули пополам и попытались завязать бантиком. Вот в этот момент и выручила палочка — Флирский просунул ее между ног,

тем самым мешая амбалу завязать себя в узел. Рассерженный баклан начал згнать злость тумками, хуками и пощечинами. В провонявшейся перегаром, чесноком и табаком морде Петр Иванович заприметил знакомые черты. Эта харя напоминала ему сурло Приходько. Он, может бы, и поинтересовался героическим прошлым юродивого с серьгами, да внезапно впал в отключку. Бездыханное тело непрошенного гостя схватили за руки и ноги и спустили по лестнице. На улицу первый секретарь выкатился кубарем. И прямо под колеса своей «Волги».

Костя бросился спасать своего патрона. Кое-как втянул в машину, стремясь побыстрее доставить того в обкомовскую больницу.

Что значит пройти хорошую школу «железного Феликса». Глаз заплыл, с носа и губ сочилась кровь, а все равно голова работала, как счетная машинка «Железный Феликс».

— Домой!

— Вас надо показать врачам.

— Себя будешь показывать. И желательно психопату.

— Может, к психиатру?

— Не нуди! Домой давай! Зараза, таки отомстил... — припомнил угрозы бывшего начальника областной ГАИ.

— Что вы сказали?

— Не твое дело! Рули.

Ослушаться шефа — смерти подобно.

Первой хозяйина увидела Фрося, вышедшая на крыльцо с помойным ведром. От пейзажа под названием «Приплыли» она охнула, схватилась за наличник и медленно присела на корточки. Гервасий, который хронически находился в состоянии недоедания и недосыпания, ходил по кухаркиным пятам. Он не узнал любимого хозяйина. Фыркнул. Его шерсть вздыбилась от головы и до кончика хвоста. Зверь стал на пороге, демонстрируя всем своим грозным видом, что посторонние в дом не войдут.

На шум выбежала Галина Борисовна. Ее реакция была

адекватной. Кого-кого, а родного мужа не могла даже представить в таком состоянии.

— Синяк — это средство наглядной агитации. Я тебе давно говорила: без охраны не то, что нельзя, а просто неприлично ходить. А ты все: нескромно да неудобно... Неудобно на полке сексом заниматься.

— И ты туда же?

— Твое стремление быть поближе к народу выходит боком. То есть лицом. А еще точнее — бланжом. И чем же представитель нашего трудового народа был недоволен, что выразил свой протест таким образом? Отсутствием майонеза в магазинах или туалетной бумаги? Надеюсь, КГБ его в кутузку за проторил?

Костя поддерживал раненного босса за руку. Тот молчал и никак не реагировал на словесные тирады благоверной.

— Зубы склеились? Чего молчишь? — Галина Борисовна не праздновала высокий ранг мужа. То он на работе шишка, а дома — прыщ на ровном месте.

После первых минут замешательства все ринулись спасать фейс Петра Ивановича, который первому секретарю нужен так же, как и голливудской «звезде». В придачу еще и ноющая нога. Завтра на работу. Конечно, можно взять больничный. Партийные чины ведь тоже люди. Им свойственно болеть. Фрося бросилась за бодягой, Галина Борисовна — за водкой. Окружили бедного и несчастного: одна примочки ставила, другая кровь вытирала.

— Петр Иванович, Безрукавный подъехал. Пригласить? — прошептал Костя.

Не дожидаясь разрешения, вихрем влетел в комнату радостный главный кегебист области.

— Петр Иванович, Петр Иванович! Все кончено...

— Что кончено? — подхватился с кушетки перепуганный Флирский. — Голубые ворвались в обком или приехала комиссия?

— Да нет. Успешно завершили спецоперацию. Все голу-

бые и розовые в каталажке. Разбираемся, кто их надоумил митинговать. У нас в управлении «копатели» хорошие. Накопают аж бегом...

— А-а, — простонал больной. — Свободен.

— Есть, — полковник взял под козырек.

— Дорогой Александр Трофимович! А злодеев, которые покусились на жизнь первого секретаря обкома партии, вы изловили?

— Каких таких злодеев?

— Натуральных. Вы не видите портрет Петра Ивановича? Так посмотрите, Ван Дейк так не выписывал свои портреты, как выписали моего мужа мастера на наших улицах. Кто призван охранять первых лиц?

Безрукавный такого напора никак не ожидал. Попятился.

— А я ничего не знаю, — пролепетал.

— Вот это и плохо. А еще ЧК.

— Да вы не серчайте. Разберемся и накажем по закону.

Пенитенциарное учреждение по ним уже плачет.

— Какое учреждение? — переспросил Флирский.

— Петр Иванович, по-простому — тюрьма.

— Никакой тюрьмы. Отставить.

— Как скажете. Тогда выздоравливайте. Всего наилучшего!

С примочками да компрессами так и уснул на кушетке. Никто не стал тревожить пострадавшего.

ГЛАВА 8

Не учи ученого. Козленочком станешь

Когда Андрей Иосифович в периоды припадка ностальгии вспоминал свое босоное детство, он обливался крокодильими слезами. Да так, что полотенца не хватало. Господи, как ему себя было жалко в эти минуты! Детство вычеркнуто из жизни.

В такие моменты раздражало солнце и недавно приобретенный «Бентли», жена нервировала постоянными придирками: «Козел, ты собираешься когда-нибудь меня вывести в театр? На какую-нибудь «Жизель» или другую хренотень. Я уже неделю никому свою новую блузку не показывала!» Болезненная аналитика давно прошедших лет обостряла знаковые события того времени: первую самокрутку из конского навоза, поцелуй в темном подъезде и сто грамм «Солнцедара», хронический дефицит денег на ситро и мороженое. Каторжный труд воспитателя младшей сестры, прополка огорода и борьба с колорадским жуком, еженедельный капремонт отцовского мотоцикла «ИЖ» — не давала покоя Андрею Иосифовичу даже в минуты розслабухи за чтением баланса своей фирмы «Чистотел +». «Агата Кристи и Лимонов не каналы с поэзией цифр, — любил повторять. — А детство у меня, что фашистский концлагерь, и родители у меня, что палачи развитого социализма».

Голливуд потерял кучу долларов, не экранизовав сногшибательную биографию Мансуровича. Сценарий поразил бы киноакадемиков: голый и босой уникум «от сохи» выбился в олигархи. И как? Чихал на законодателей, показывал на свое мягкое место судьям, делал многозначительные непристойные жесты в адрес прокуратуры и налоговой службы. И все сходило ему с рук. Щедро финансировал предвыборную кампанию и левых, и правых. Никто не был в обиде, а Андрей Иосифович при этом не оставался в накладе. Пришедшие к власти отдавали долги с процентами. Проходить между капельками дождя и оставаться сухим — умение, приобретаемое не с молоком матери. Философию жизни он познавал в подворотнях, банках, на биржах и «стрелках». И поэтому свой аттестат зрелости выпускника средней школы Андрей Мансурович сравнивал с диплом Гарвардского университета. Если бы кто-то и снял фильм об этом крутом перце, то зрители всех стран перед экранами обрыдались бы. Душераздирающие индийские триллеры показались бы кинокомедиями. Мансурович затмил бы голливудских «звезд» и стал бы для миллионов образцом удач-

ливого парня, схватившего птицу жизни за хвост. Кинолента обязательно номинировалась бы на дюжину Оскаров. Актеры, режиссер и продюсер брали бы награды оптом.

Кто мог поспорить с такой акулой бизнеса? Да она кого угодно в Голомойске проглотит, как тюльку.

— О лирике потом, — призвал к порядку присутствующих. — Давайте подробнее о стратегии и тактике нашей предвыборной кампании... Имею ввиду мою партию «Порядок и беспорядок», которую финансирую со своего кармана. И смотрите мне! — для убедительности продемонстрировал кулак.

До выборов оставались считанные дни, а социологические исследования особой любви электората к «Порядку и беспорядку» не демонстрировали. Впрочем, социсследования проводятся для того, чтобы население знало, что оно думает.

— Пиявки халявные! Думаете пипл хавает вашу лапшу? Между прочим пипл пошел грамотный — мелочь в своем кошельке хорошо считает. Не дашь достойную хавку народу — взамен получишь кукиш с нафталином. А вы мне торочите об какой-то вшивой антикризисной программе и национальной идее. Ими сыт не будешь. Так что срочно выдавайте на-гора что-то хлесткое и убийственное, иначе вместо зарплаты получите пинка под зад. И отдел ваш расформирую к едреной фене.

Подчиненные, открыв рты, не сводили глаз с желтой рубашки и галстука с вышитым ирисом попугаем в стиле рококо.

— Мозгоеды, в глаза смотреть! Если за оставшееся время не поправите рейтинг моей партии, то ваши паршивые языки попрививаю к столу и скажу, что так и было.

Вскочила с виду недоношенная еще в младенчестве девчушка. Ей бы не пиарить серьезных людей, а соску сосать и в погремушку греметь. Мансурович такого специалиста впервые видел в своей фирме. Когда и кто ее принял на работу — понятия не имел.

— Предлагаю всех конкурентов — одним ударом...

Для пущей убедительности проиллюстрировала свои сло-

ва красноречивым жестом, от которого сильная половина сидящих покраснела до кончиков волос.

— Завтра в телеинтервью заявим, что все ваши соперники финансируются из-за бугра. Поэтому продажны изначально. Только вы, представитель патриотических и истинно демократических сил, способны вывести страну из тьмы на широкий европейский автобан.

— Кроме того, надо обставить всех лидеров других партий любовницами, зарубежными консультантами и криминальными элементами, чтобы в обывателя сложился сплошной негатив о ваших недругах, — посоветовал тщедушный заучка с линзами в очках, как в телескопе.

— Делайте, как знаете. Мне важен результат, — махнул рукой.

Вся эта предвыборная возня раздражала Мансуровича и отвлекала от размеренного и такого привычного дела — приумножения собственного капитала. Это под стать наркотику. Постоянно хочется и все время мало и мало. Может, и не ринулся в политику, если бы в одно прекрасное время не ощутил себя ущербным. Вон другие, только вылупились, а уже имеют тугие кошельки, восседают на мягких креслах да еще могут с бюджетного корыта хлебать и свой бизнес скорейшим образом расширять. Андрей Иосифович со своим «Чистотелом +» хоть и не в просителях ходит, но акселераты на пятки ему наступали. Ну, приобщили борзописцы его к сонму олигархов, назвал Президент одним из самых богатых... Только от этого не обломилось. Продолжал скромно считать себя только пупом Голомойска да всея окрестностей и не больше.

И решил бизнесмен все-таки попробовать прошвырнуться во власть. К тому же последнее время стал ощущать, что именно от этой власти ему как-то скучновато. Деньги есть, а от людишек, кем можно покомандовать и от кого почтение в свой адрес услышать, катастрофически не хватало. Такая «прогулка» обойдется в пару миллионов. Ну, парой больше, парой меньше — эка невидаль.

Правда, жена боязно попыталась отговорить от такой затеи. Ведь может в этом походе голову потерять. Сшибут и никто извинения не попросит. «И останусь тогда вдовой в золотой клетке. На первый взгляд перспектива хоть и приемлема — молодого можно найти. Только в молодом надежды мало. Еще объегорит к лешему», — рассуждала супруга.

Но Андрей Иосифович отличался нестигаемым характером и твердой рукой. Коль решил, то так тому и быть. И пошел ва-банк.

Для начала вызвал к себе Васю. Он хоть и не в помощниках или охранниках ходил, однако порученные дела исполнял усердно. Военная косточка видна издалика. Можно, конечно, поручить создание партии соратникам по бизнесу или, на худой конец, школьным друзьям. Но практика свидетельствовала, что среди них как раз больше всего неблагонадежных и трусливых. Надуют и все провалят. Потому ставить решил на зеленых новичков. Во-первых, в таком случае человек чувствует, что ему доверяют. Во-вторых, захочет себя показать, в люди выбиться. В-третьих, резкое повышение зарплаты обостряет чувство преданности. И так Вася из лакея сделался чуть ли не правой рукой босса.

Название будущей партии обсуждали на Андрея Иосифовича кухне за рюмкой коньяка с лимоном. Мозговой штурм принес успех — партию решили назвать «Порядок и беспорядок». Просто и емко. В инициативную группу включили профессионалов: менеджеров по продаже настойки чистотела, охранников, бухгалтеров, кладовщиков и уборщиков. Во имя процветания родной фирмы каждый должен был внести свою лепту в строительство светлого будущего. Оказанное доверие некоторым членам коллектива поучаствовать в организации партии и привести ее к победе рекомендовалось воспринимать, как аванс незаслуженного, но со стороны хозяина добровольно проявленного хорошего отношения к ним.

В партию принимали, как стеклянную тару. Били, мыли,

катали и складывали, но результата добивались. Партбилеты получили все без исключения труженики фирмы, поставщики, дилеры, смежники и реализаторы, педагоги соседней школы и детского сада. Первым десяти при блеске софитов, щелкании фотокамер и кинокамер торжественно вручили членские билеты цвета морской волны с разводами нефтяного пятна (именно такой фирменный цвет по замыслу пиарщиков из столицы стопроцентно характеризовал суть «Порядка и беспорядка») в Доме культуры троллейбусного депо.

— Поздравляю! Первый шаг сделан. Теперь семимильными вперед к нашей общей цели, — лидер лично напутствовал рядовых партийцев.

Партийные ячейки создавались по всей стране с энтузиазмом ударников первых пятилеток — в жеках, магазинах, больницах, детсадах, мастерских по ремонту обуви и на спасательных станциях. Последних призывали под знамена вновь организованной партии спасать не только утопающих, но и заблудшие души граждан во имя и вопреки... Дальше полпреды Мансуровича несли идеологическую пургу, разобрать которую было не под силу даже умудренному опытом политику или профессору политологии, а не то, что доярке и дворнику. Новоиспеченные «спасатели державы» изображали умные лица, гордо поднимали подбородки и выпячивали колесом грудь, радуясь возможности приобщиться к решению глобальных государственных задач. Им тут же на колене кладовщица Галя выписывала партбилеты, а менеджер Митя вручал их вместе с конвертом, в который вкладывалось десять долларов, как компенсация за беспокойство.

— И смотрите мне! — страшал. — Теперь знаете, за кого голосовать! А не проголосуете за «Порядок и беспорядок», уроем. За нами не заржавеет. Усекли?

Напуганный до смерти люд уверял ходатаев в своей искренней преданности идеалам «Побеса» — так сокращенно успели окрестить новую партию Мансуровича.

В Минюсте зарегистрировали партию с комитетами во всех областных и районных центрах, с 569 ячейками по месту жительства. Партия создала свой боевой орган — газету «Крик души», где публиковались разоблачающие проделки чиновников статьи авторитетного журналиста, лауреата, призера и дипломанта Антона Соколова под псевдонимом Зоркий Сокол. За одиозный подбор фактов и скоропалительные выводы на скандального журналиста успели подать несколько исков в суды о защите чести и достоинства. Но благодаря вмешательству Мансуровича Зоркому Соколу удавалось выходить сухим из воды. Естественно, обиженные возмущались и угрожали в поисках правды дойти до Верховного Суда. Что там до Верховного Суда, до Страсбурга. Благодаря этому рейтинг газеты рос. Читатели восхищались боевитостью журналистов и все больше их обращалось в газету за помощью, как в последнюю инстанцию...

Следующим этапом борьбы за власть стал поиск свежих мозгов для инициативной группы, способной развить и приумножить грандиозные планы «Побеса». На пиарщиков из своего отдела по связям с общественностью Мансурович хоть и надеялся, но на всякий случай решил подстраховаться — добавить «свежей крови». По протекции Васи таких срочно отыскали в столице:

— Армейский дружбан организовал фирму. Там спецы высочайшего класса. Смогли сделать мэром одного торговца «ножками Буша», вора в законе — губернатором, а дворника Федю, двоюродного дядю президента банка « $2 \times 2 = 5$ », — министром ЖКХ. Словом, гении в своем деле!

Хотя мастера на все головы располагались в подвале пятиэтажки, амбиций имели на десятикомнатный офис в центре столицы с компьютерами, факсами, Интернетом и валютным расчетным счетом в банке. Их генеральный директор с банданой на голове и шприцом в ухе благодушно заверил заказчика:

— Все будет тип-топ, папаша! Отслюнявь деньги и пакуй чемоданы.

— А вдруг не получится?

— Фирма семечками не торгует, фирма делает вождей! Считай, ты одной ногой уже в парламенте и тебя, неприкосновенного, десятой дорогой будут обходить не только менты, но и все дворовые псы. Не сыпь трухой — все будет в шоколаде.

Пиарщики свели Мансуровича с «нужниками» — нужными в определенном месте и в определенное время людьми. Ими оказались начальник управления по содержанию исправительных учреждений, военный комендант, начальники управлений здравоохранения и социального обеспечения и директора десятка детских садиков. Встречи носили конспиративный характер. Встречались исключительно в саунах, боулинг-клубах, ресторанах и дискотеках. А с директорами детских садиков — на конспиративной квартире, снятой олигархом для встреч со своими любовницами. Тема переговоров была неизменной: обеспечить партии «Порядок и беспорядок», список которой возглавляет достойный гражданин своей страны, крепкий семьянин, олицетворение чаяний простого народа и просто «закадычный парень», полную поддержку силами подведомственных учреждений. За это директор фирмы «Чистотел +» обязывался помогать, обеспечивать, консультировать и направлять куда надо всех «нужников»... Конечно, исходя из реальных возможностей своего кошелька и расчетного счета в банке учрежденной им фирмы.

Консенсуса достигли со всеми. Правда, не с первого захода. Начальники и директора оказались «твердыми искровцами». На пятак не разменивались. Шантажировали не хуже махровых террористов. Аргументы были вескими, и Андрею Иосифовичу приходилось не единожды капитулировать.

И вот через некоторое время предвыборная кампания, возглавляемая уже «пиарщиками из подвала», тоже начала пробуксовывать. Мансурович собрал команду нанятых бузодеров вместе со своими бездельниками и сказал каждому из присутствующих все, что он думает не только о каждом конкретно, но и о всех его предках до десятого колена включительно.

— Мне глубоко насрать на то, что вы промямлите в свое

оправдание. Реалии не оставляют мне надежды на положительные эмоции. Потому вынужден незапланировано расстроиться. Но если я действительно расстроюсь, то вы не представляете, как все здесь присутствующие от этого накладывают в штаны.

Пиарщики и имиджмейкеры сидели, втянув головы в плечи, как черепахи с перепугу. Какой-то навороченный металлом кадр (с серьгой в носу, цепью на шее и шайбами в мочках ушей), сплюнув сквозь зубы, спокойно выдал:

— Господин хороший, осторожно на поворотах. Ты не принц Эдинбургский в Голомойске. Тебя кто благословлял на выборы?.. Вот то-то. Сиди и не чешись! Ишь, выискался крутой! Мы таких крутых видели в одном месте. Не подумай, что в хорошем. В заднице. Понял?

Андрей Иосифович вмиг посинел от злости. Его, метра отечественного бизнеса, так еще никто не макал в грязь. Он попробовал установить статус-кво, но после первого слова предусмотрительно закашлялся. Да так, что только через пять минут стакан воды возвратил прежнюю силу голоса. Конечно, к этому времени никто не удивился, что хозяин запомнил, о чем говорил.

Каждый пиарщик тихо сопел в свои две дырочки.

— «Царица Сафская» с моего отдела предлагает соперников, как волков, красными флажками обставить, а очкастый ботан-краснодипломник — политикам шлюх в постели подкладывать... Хрен редьки не слаще. Хоть на ушах танцуйте, но мне цифры на стол положите. Хорошие цифры, от которых бы моя душа запела. Уразумели, бестолочь голопузая? За что я вас только спонсирую?

Все присутствующие понимали, что положение необходимо срочно исправлять, иначе потом не оберешься приключений на задницу. Люди при деньгах в таких случаях воспринимают действительность адекватно своему настроению. Если им мир кажется черным, то почему другие должны видеть его розовым?

Неординарные мысли, как ни странно, чаще всего посещают бестолочь. Башковитые гонят прочь то, что не укладывается в определенные ими же самими рамки умовыводов, и поэтому сногшибательные идеи в море других гениальных мыслей просто теряются.

— А что, если заказать разовые носовые платки с партийной символикой, трусы — с портретами партийных лидеров на пикантных местах с лозунгами типа «Поцелуй меня сюда, тогда проголосую!» или «Я хочу трахнуть политика!», пурген — с надписью «Коммунисты за светлое будущее»? — неожиданно порадовал своей искрометностью всезнайка.

Обсуждали предложения недолго. Вскоре черту подвел хозяин:

— Не доведи Господи вам споткнуться на финишной прямой.

Такое светлое благословение лидера партии «Порядок и беспорядок» окрылило команду. Все дружно бросились воплощать сказанное в жизнь.

Андрей Иосифович взял мобильник, украшенный бриллиантами, стразами от Сваровски и белым золотом, и небрежно набрал какой-то номер. Вскоре в трубке послышался хриловатый голос:

— Чего хочешь? Ты меня отрываешь от важных дел. Тут карта поперла...

— Глубокоуважаемый Петр Иванович! Извините, конечно, за беспокойство и бестактность. Хотел бы проинформировать о последних шагах моего штаба...

— Какого штаба? Генерального? Так я из него каждый день известия получаю. Еще есть какой-то штаб? Я что-то не припоминаю.

— Нет, нашего... Дорогой Петр Иванович, мы еще скрутим дулю либералам и покажем козью морду реформаторам. Учтите, не мы вырыли топор войны.

— Ну-ну, времени вобрез. Смотри, окончательно в дерь-

мо не вяпайся. Отмыться никакая сауна с химчисткой не может. Я лично мыть буду.

Мансуровичу намеки растолковывать не надо. С полуслова все понял. Если в банщики просится Сам, значит, разборки полетов будут самыми крутыми. Авторитет Петра Ивановича в городе был незыблем. Стоит пропустить изданный им какой-нибудь невнятный звук и можешь до последнего вздоха расхлебывать собственное ротозейство. Это он напутствовал олигарха на участие в предвыборной гонке. А не спроси Андрей Иосифович разрешения у такого человека, было бы, как Шелудивому.

Захотелось пять лет назад президенту банка «Недра счастья» тоже сходить во власть. И сходил себе на голову. Очень умным и самостоятельным захотелось быть. Нет вопросов — побыл. Выбросил на выборы миллион, обклеив своей физиономией полгорода, вещая о себе хорошем 24 часа в сутки на всех радиостанциях и телеканалах, давая налево и направо интервью газетчикам, позируя перед фотокамерами, раздавая кильку, пшено, сахар и сгущенное молоко жаждущим и страждущим, критикуя на митингах власть, начиная со столицы и заканчивая забытыми Богом хуторами, подобрав «своих в доску» для представительства в избирательных комиссиях, но при этом не сделал пустяка: не явился на поклон к Петру Ивановичу. И результат не пришлось долго ждать. В одно прекрасное утро на глазах у притихших охранников банкира за шиворот вытянули из служебного авто и бросили, как шаловливого котенка, на заднее сиденье «Москвича-408».

— Ты что это, интеллигент подзаборный, удумал? — поинтересовался рядом сидящий. — Пошел на такое дело и не спросил разрешения. Ай-яй-яй! Это есть нехорошо. Значит, так, орел ты наш сизокрылый. Забираешь документики с избирательной комиссии и шуруешь назад в свой банк считать вонючие денежки. Во власти и без тебя сопливого обойдутся. Есть более достойные на казенных финансах восседать. Не тебе чета. Подрасти немного. И без фокусов! А то могу крупно пе-

редумать, и тогда протухлую кильку жрать будешь до конца дней своих праведных. Потому что на другую жратву у тебя просто денег не будет.

После такого разговора не то, что о кровном миллионе и «корочке» нардепа забудешь, а с головы вылетят все номера счетов в зарубежных банках. Шелудивому оставалось только перекреститься и облегченно вздохнуть. Мол, отделался легким испугом.

Дабы не повторять чужие ошибки, Мансурович за полгода до предвыборной кампании выпросил через дворника Пашу, подметающего двор особняка, выстроенного в стиле то ли раннего, то ли позднего барокко по эскизам какого-то заезжего французского художника-импрессиониста, аудиенцию у Петра Ивановича и за рюмкой шотландского виски подробно поведал тому о своих далеко идущих планах по поводу строительства партии нового типа, бескорыстного служения родным избирателям и заодно Отчизне в качестве народного депутата. Вскользь, правда, намекнул, что не прочь бы зайти с парадного входа в дом правительства с шикарным букетом цветов и занять не трухлявое и покосившееся кресло министра культуры, которое отдают оппозиции, а добротное, которое украсило бы его доселе никем не востребованную персону. К примеру, то, что стоит в министерстве энергетики.

Умудренный жизненным опытом Петр Иванович без труда раскусил этого смазливого пришельца-гуманоида в чепчике. Собрав весь свой синклит, показал рукой на гостя:

— Слушайте и запоминайте. Это наш парень по «Марусин поясок». Поддерживать его в благом деле, как утопающего своего должника. Поняли? А теперь можешь банковать! — снисходительно повелел пахан.

Такое распоряжение не требовало дополнительных комментариев. И так все понятно. Если человек хочет быть «шишкой», ему надо помочь.

Таким вот робом Мансурович добро и получил. Собрал бабки от инвесторов, которые рассчитывали в будущем «по-

иметь» за вложенные в кандидата деньги. Даже любовница согласилась выйти замуж, если того изберут депутатом и разведется со своей дражайшей.

Только жена такой стратегией не прониклась. Своим орлиным клювом все клевала да клевала муженька. Она не могла взять в толк: зачем тратить «зеленые» на то, что нельзя носить, хавать и на чем нельзя ездить? А тут еще гоп-компания пиарщиков-пустозвонов не то, что не подняла рейтинг суженного, а умудрилась угробить завоеванный им кровью и потом имидж фирмача-филантропа и просто солнцеподобного человека.

На жителей Голомойска из биг-бордов смотрел улыбающийся банкир с прикрепленными к щиту фанерными руками. Складывалось впечатление, что мужик во фраке и бабочке, будто из дипломатического приема, протягивает всем проходящим и проезжающим в ладонях подаяние — бананы, йогурты, колбасу, горчицу и черную икру. И подпись: «Хотя я и не Моисей, но накормлю всех!»

Голомойчане сложили массу анекдотов о своем уникальном коммерсанте.

Пять действий финансовой арифметики Андрея Иосифовича:

- Мансурович любит умножать деньги.
- Он любит делить деньги.
- Также любит вычитать деньги.
- И не против складывать деньги.

А всем остальным из его окружения оставалось только откладывать то, что от первых четырех действий Мансуровича оставалось.

В избирательный штаб заглянула какая-то старушенция с клюкой и попросила членов «Побеса» отремонтировать ей в доме форточку.

— Сколько не обращалась в жэк, райсовет, областную администрацию, приемную Президента, везде отвечали одно: «В связи со скудным государственным бюджетом, мы не можем сейчас отремонтировать вашу форточку. При утвержде-

нии бюджета эти работы запланируем на следующий год». И так из года в год», — плакала бабушка. Одна надежда на хорошего человека Андрея Иосифовича и его «побесят». «Обязательно буду за него голосовать и молиться. Да снизошлет ему Бог многие лета и денежек на хлеб насущный».

А потом присела на белый кожаный диван в партийной приемной и заявила:

— Никуда отселе не уйду, пока не почините форточку.

Металлист, высморкавший серьгу из носа, попытался ста-рушку успокоить, вразумить и поставить на путь истинный. Не конец света в поломанной форточке. Главное — здоровье. Пиарщик блеснул профессиональным красноречием и обольщением. Начал с эпидемий в Эфиопии и Гондурасе, а закончил условиями проживания чукчей в своих чумах без газа и телевизора. Проблемы необустроенности собственного быта у бабушки отошли на второй план, когда она узнала, что в Африке умирают от коварного СПИДа сотни тысяч любителей извращенного секса и наркотиков.

— Всевышнего на них нет, — снова заревела старая. Но, прочувствовавшись, растаяла, как снежная баба на весеннем солнышке. Остатки ее девичьих гормонов заиграли в крови, глаза чертовски заблестели, а щеки налились румянцем.

— А что? Правильно говоришь, сынок. Такая мелочь какая-то форточка по сравнению с геморроем.

Заряженная оптимизмом от «побесят», бабуля подхвати-лась и помчала на автобусную остановку, будто семнадцати-летняя на танцы.

— Пока я жив, учитеесь, салаги, как надо работать. Это вам не лохов разводить. Избиратель хитрее и коварней. Он обеща-ниям не верит. Ему вынь сейчас и все. Даже получив то, что просит, обманет и глазом не моргнет.

Пиарщики решили не искушать судьбу и таки немного по-работать за заплаченные деньги. В офисе собрался весь цвет фирмы: башковитые мальчики и девочки, считавшие себя не-превзойденными метрами по продвижению в депутаты того,

кто платит. За крепким кофе, в дыму табачного дыма рождались ими гениальные идеи. Естественно, при этом спорили до заикания, доказывали и убеждали до посинения, выбирая из всего предложенного мусора «золотую крупицу», способную увенчать предвыборную кампанию результативным финишем.

Прежде всего разработали Мансуровичу такой график посещений предвыборных собраний, при котором у него не оставалось времени ни в нужник заглянуть, ни чихнуть.

— Нашего босса простой люд должен зреть в лицо, иметь возможность с ним здороваться и фотографироваться. Заочно выбирают только проститутку. И то по телефону, а не на избирательном участке, — рекомендовала пучеглазая «камбала» с грудью нулевого размера, возомнившая себя гением в разработке PR-технологий.

— А я считаю, что партия «Порядок и беспорядок» должна учредить благотворительный фонд и спонсировать сиротам и бездомным противозачаточные средства. То есть презервативы, — высказал идею рыжий дылда с яйцеобразной головой. — Это поднимет авторитет Андрея Иосифовича, как ярого борца с заразой XXI века — вирусом приобретенного иммунодефицита.

— Я еще могу понять бездомных. Нечего им размножаться, как кроликам. А зачем изделия № 1 сиротам? — поинтересовался продвинутый металлосодержающий чувак.

— Скумбрия ты под зонтиком. Сейчас модно помогать сиротам. Вот мы и организуем такую широкомасштабную акцию во имя всеобщего оздоровления нации. Пускай сироты тоже не плодятся.

— Так у новорожденного ребенка уже будут отец и мать. Хоть и сироты.

— Ну и что? В нашем деле что важно: пиар с привлечением прессы и телевидения. Вот и привлечем.

— Давайте заявим, что Мансурович выступает за скорейшее принятие в парламенте жизненно важных законов: персингистов и всяких иных пупковертов приравнять к членовре-

дительству. Эти подушечки для иголок должны быть вне закона. Кроме того он должен пообещать, что зарегистрирует законопроекты, согласно которым можно будет ввести видеонаблюдение в общественных туалетах, чтобы не воровали туалетную бумагу, запретить содержание крокодилов и слонов в квартирах, разрешить отстрел банкиров, если их численность превышает 100 человек на квадратный километр...

— А я предлагаю сосредоточить усилия Андрея Иосифовича на решении злободневных проблем нашего города. Вот какая сегодня актуальная проблема для голомойчан? Да, как известно, канализация. Фекалии подтапливают первые этажи многоэтажек, детские площадки, парки и улицы. Скоро горожане погрязнут в них по уши. И все потому, что городская канализация, из-за непомерного аппетита мера, перегружена, не справляется с потоком нечистот.

— Ты хочешь сказать, что мер много жрет?

— Я сказал то, что хотел сказать... Поэтому, если бросим на прорыв стоков Андрея Иосифовича и всех партийцев, то сможем спасти тонущих и завоевать такую симпатию горожан, которая соперникам и не снилась, — блеснул свежестью ума киндерсюрприз с ноутбуком под мышкой.

— А че? — подытожил коллекционер металла. — Вполне может быть. Подретушируем идею, направим ее у фекальное русло и въедет наш Мансурович в парламент на белом коне...

— На осле! — с порога рявкнул лидер партии. — Вы хотите посадить меня в дерьмо? За что я вам только бабло плачу? За подобные срамные идеи? Да до них пятилетний ребенок не додумается, потому что у него мозгов больше, чем у вас, вместе взятых.

Пиарщики дружно бросились успокаивать босса, разъяренного, словно бенгальский тигр при спаривании, завидевшего самца-соперника. Дерьмо, если оно идет на пользу делу, совсем не дерьмо. В таком случае оно называется удобрением. Если за дело взяться с размахом, то на этом удобрении произрастет невиданная до селе популярность главы фирмы «Чис-

тотел + ». «Тогда, считайте, депутатская корочка в кармане», — молвил старшой с тряпочкой на голове.

Андрей Иосифович стремился выиграть вчистую при этом, разумеется, не замаравшись. А тут предложили окунуться в настоящее говно, да еще и улыбаться на тридцать два. Можно было послать этих недотеп на три веселых буквы, но до часа икс осталась всего неделя. Коней на переправе не меняют. Пока новые освоятся, то пора будет с избирательных участков возвращаться.

— Валяйте! — сказал в сердцах.

Первой массовой акцией стала чистка «ершом» канализационного колодца возле дома № 6 по Ассенизаторскому переулку. Пригласили журналистов, представителей власти, правоохранительных органов, жильцов из ближайших домов, лидеров общественных организаций, начиная от экстрасенсов и заканчивая кролиководами-любителями. Мансурович, по совету референтов, вышел из своего авто за квартал, чтобы избиратели не завидовали. Одетый в оранжевый комбинезон, на котором красовалась ярко-красная надпись «Я вычищу город», с тросом через плече в сопровождении свиты, соблюдавшей вечерний дресскод. Зрелище не для слабонервных.

Увидев героя, толпа зааплодировала, а группа поддержки из числа работников фирмы «Чистотел + » и друзей ринулась к Андрею Иосифовичу с охапкой роз. Челядь вмиг отреагировала на нештатную ситуацию, окружила шефа, выстроившись впереди заградительной стеной. Протаранив фанатов, новоявленный слесарь-сантехник устремился к объекту приложения своих сил и стараний. То есть, к дурнопахнущей яме, где бурлил поток, похлеще Ниагарского водопада, способного унести всякого, кто по неосторожности оступится и полетит вниз.

— Дорогой вы наш спаситель! — заголосил дед на костылях. — Вот эта зараза не дает ни жизни, ни покоя. Периодически низвергается нечистотами, разливаясь по окрестностям. И тогда ходи хоть в противогазе. Поскольку у большинства

оний отсутствует, то все задыхаются, как от газовой атаки в первую мировую.

— Ты что, дед, Фердинанда-Вильгельма помнишь? — блеснул эрудицией чистильщик.

— И не только. Еще вот этими кулачищами раскрывал глаза на мир узкоглазым в русско-японскую.

Может быть, воспоминания о давно минувших днях затянулись бы надолго, если бы охрана не оттеснила бойкого старика на задний план действия, незаметно подбросив тому в штаны кусок ветки розы. Дед сразу переключился на новый объект, вызывающий у него жизненный дискомфорт. Залез рукой в штаны, пытаясь отыскать то, что причиняло ему беспокойство.

Тем временем Мансуровича, облачившегося в водолазный костюм, дюжие парни спускали на шнурке в яму. Партийный лидер что-то кричал, но что именно, в беснующейся толпе разобрать было невозможно.

— Голосуйте за партию «Порядок и беспорядок»! — призывал юркий менеджер Митя.

— Только мы способны очистить вас от дерьмовой жизни, — вторил тому металлист.

— Господин Мансурович не боится грязной работы. Нет места фекалиям в нашей жизни! — драла горло кладовщица Галя.

Героя дня не было десять минут. Что он делал внизу, никто не видел. Но зато все узрели президента «Чистотела + », когда того вытянули на поверхность.

— Глиста в обмороке, — перекрестившись, поставила диагноз бабушка с перевязанной платком щекой.

— Юродивая, накаркаешь, — показал ей двухпудовый кулак охранник.

— Уймись, сынок. Я же не пророчица.

Тут подкатили на машине пожарные и со шланга окатили спасателя Голомойска. Вырвавшись из плена скафандра, Андрей Иосифович победоносно вскинул руку и завопил:

— Я это сделал! Прочистил трубу!

В доказательство вытянул трос, на конце которого болтались чьи-то спущенные в канализацию панталоны. Бурлящий поток нечистот, еще недавно наводивший ужас на прохожих, вмиг утих. Уровень упал, обнажив чугунные трубы.

— У-ура-а! — заголосили вокруг.

На следующий день Зоркий Сокол низвергся передовицей в «Крике души». На полполосы красовалось фото Мансуровича — ассенизатора на общественных началах, держащего панталоны 64-го размера. Ярко-красный заголовок «Если не я, то кто же?» бил в десятку и выдавливал слезу у неопределившихся в своем выборе избирателей.

— Завтра будем чистить канализацию возле дома № 13 по улице Гренадерной, — пиарщики «Побеса» решили делать ставку на сантехнические работы.

Впрочем, конкуренты не дремали. Лидер аграрной партии «Красный землешеец», бывший директор совхоза «Путь Ленина», а ныне коллективного сельхозпредприятия «Пути Господни неисповедимы» Иннокентий Павлович Желудь дал душещипательное интервью местному телевидению, в котором обвинил соперника в дешевом популизме. Дескать, чистить трубы сможет каждый дегенерат. Ты попробуй кардинально решить проблему. Обозвав Андрея Иосифовича политическим импотентом, Желудь предложил собирать разлившееся по городу дерьмо, перевозить его на окраину, высушивать там и впоследствии использовать в качестве удобрений на полях членов его партии.

— Каждому голомойчанину по редьке с кулак и хрена до колена, — закончил свое выступление.

Тут же режиссер передачи высказал фе выступающему.

— Прошу прощения, но вы неправильно сказали. Надо говорить «хрена по колена», а не «до колена».

Желудь невозмутимо смерил с головы до пят наглого телевизионщика и брезгливо кинул:

— Парень, не ровняй то, что «до...», с тем, что «по...». Зна-ток мне с клуба «Что, где, когда».

Все конкретно вяпались в то, во что меньше всего хоте-лось вяпаться. Прокатилась молва, что политики вытянут всех из дерьма и смрадный Голомойск превратится в сплошной пар-фюмерный магазин. Наверное, построят новые очистные со-оружения или, на худой конец, поменяют проржавевшие тру-бы.

Газета «Крик души» опубликовала график посещений Мансуровичем канализационных коллекторов. Этот номер стал бестселлером. За него переплачивали в газетных киосках, а ксерокопии улетали по цене рулона туалетной бумаги. Ажи-отаж возник такой, что редакции пришлось на второй день пе-чатать дополнительный тираж вчерашнего номера, чтобы удов-летворить возросший читательский спрос. Дотационная газе-та вмиг стала прибыльной.

— Молодцы! — прихваливал свой штаб Андрей Иосифо-вич. — Вот это пиар-кампания: умно, свежо и злободневно. Так держать!

До выборов оставалось два дня, и пиарщики уболтали сво-его шефа увеличить интенсивность чистки канализационных труб.

— Да я устал. Рук и ног не чувствую. Провонялся до мозга костей. Французский парфюм за 500 долларов не перебивает зловоние. И после душа семья все равно заставляет меня ноче-вать в отдельной комнате. Супругу уже неделю не топтал. Спер-ма в голову бьет. Галлюцинации по ночам донимают.

— Крепитесь, босс! Наше дело не безнадежное. Легких побед не бывает. Прорвемся!

На улице Гренадерной под светом софитов и шелканье фо-тоаппаратов владелец «Чистотела + » чуть не захлебнулся во-нючими экскрементами. Хотя и был одет в свой любимый во-долазный костюм. Неизвестно когда, мыша успела прогрызть сапог, и фекалии устремились под костюм. Неладное заметил Митя, который снимал видеофильм для истории о своем

партийном лидере. Потом он в ярких красках рассказывал журналистам о своей врожденной бдительности (отец — пограничник, а мать — контролер в женской колонии строгого режима), которая и помогла спасти жизнь кандидату в депутаты:

— Меня встревожили глаза навывкате. Такими они были у Андрея Иосифовича только один раз, когда одна из проституток в нашем городе укусила его за детородный орган. Тогда шеф вылетел из своей машины (а мне в тот вечер пришлось стоять невдалеке на шухере) с визгом раненого поросенка, за которым гонится с тесаком хозяин. Тогда перебинтованный бедняга месяц провалялся в больнице. Жена и любовница так и не переступили порог палаты. Я покупал лекарства и еду. Врачи думали, что в расцвете лет останется импотентом. Их переживания оказались напрасными. На молодом организме все зажило, как на собаке. С женщинами тоже помирился — жену вывез на Мальдивы, а любовнице купил «BMW-кабриолет». После этого те сделали вид, что шрамов на пикантном месте не замечают.

Уже вечером местные телеканалы свои новости начали из сенсации: лидер партии «Порядок и беспорядок» оказался импотентом. Дальше следовал комментарий: нужен ли гражданам политик и депутат — импотент, некудышный семьянин, ловец, неспособный личным примером зажечь земляков на решение демографической проблемы страны? На такой риторический вопрос нетяжело было предугадать ответ зрителей. Без соцопроса было понятно, что ни мужикам, ни бабам дефективные не нужны.

Утро началось в офисе «Чистотел +» с поиска «этого сукина сына, которому сейчас поотрывается все, что на нем висит».

— Я, слава Богу, этого не лишился. Но сейчас лишится достоинства болтливый паскудник, который, как змей на солнышке, пригрелся на моей груди. А ведь я вывел его в люди!

Мечась коридорами и кабинетами, Андрей Иосифович столкнулся со своим менеджером.

— Ты поп Гапон! Иуда! Мерзавец! Надеру задницу и пуцу голым по Африке на съедение мухам цеце.

Неизвестно, чем бы закончилась стычка с Митей, если бы из приемной не выскочила секретарша и простужено не прогунявила:

— Андрей Иосифович, по первому каналу Желудь уму-разуму всех учит.

— Ну и шут с ним.

— Так вас гадом ползучим обзывает...

Телевизор вмиг облепили все работники офиса. Защитник «красных пахарей» и «кровно заработанных трудодней» с пеной у рта рьяно клеймил позором Мансуровича, не способного довести до ума то, за что взялся. «А в этом ничего удивительного нет, — подвел итог аграрий. — Ведь импотенты всегда стремятся начать, но никогда не кончают».

Удар, что называется, был ниже пейджера. В глазах кандидата в депутаты заискрилась ярость людоеда, вышедшего на тропу войны со всем человечеством. В другой ситуации, может, и переморгал бы, только не сейчас.

— Растопчу! — затопал ногами олигарх. — Сотру в порошок и крысам скормлю! Токсичней яда не бывает.

Вердикт вынесли избиратели. В воскресенье им пришлось выбирать достойного среди олигофренов, импотентов, дебилов, шизофреников, кастратов и прочих, обделенных природой. Другие в бюллетенях не были представлены.

Одна бабушка поинтересовалась:

— Я хочу проголосовать за честного и верующего человека.

К ней подскочил мужичонка с внешностью пьяного Чебурашки.

— Агитация в день выборов категорически запрещена. Все кандидаты исключительно порядочные христиане. Ставь, бабка, галочку напротив достойного!

— Так, милоч, по телевизору как только они не обзывали друг друга. Язык не поворачивается повторить. Какие же они после этого достойные?

— Много не разглагольствуй, а то еще окочуришься от переживаний! Не ровен час, сорвешь выборы на моем участке, так Иннокентий Павлович тебя, воблу сушеную, втрамбует в навозной куче, а меня, как его полпреда, подвесит за интим. Такие лаве им запулены в выборы! Тебе и не снилось. С такими «бабками» шутки плохи...

— Да не собираюсь я с ним шутить. Христа ради, пускай отцепится от меня!

— А ты своей политической тупостью не дискредитируй сознательную общественность и не срывай выборный процесс. Ну-у, бегом в кабинку, кому говорю! — свои пять копеек в демократизацию ситуации вокруг несмышленной старухи вставил наблюдатель от еще одного рвущегося в народные слуги.

Доверенные лица кандидатов в депутаты и полпреды партий были похожи на мужиков, обделенных женской лаской. Претенденты на мандат обещали им поправить материальное положение, записав фамилии добровольных блюстителей выборного законодательства в почетные члены своих партий. А это сулит блага, несоизмеримые ни с компенсациями вкладов в Сбербанке СССР, ни с льготами на уплату жилищно-коммунальных услуг, ни с профсоюзной путевкой на сафари в Кению.

К примеру, партия «Порядок и беспорядок» решила вручить своим почетным членам учрежденный нагрудный знак с надписью «Я». Такому избранному члену на съездах будут бесплатно предоставлять место в президиуме, приглашать сопровождать своего кумира в зарубежных поездках и поддерживать выступления на теледебатах. На дверь квартиры прибивалась латунная табличка с выгравированной надписью «Здесь живет золотой фонд "Побеса"». И сразу соседи судачили об умственной неполноценности хозяина квартиры и всецело поощряли своих четвероногих питомцев поднимать лапку у дверно-

го косяка. От этого на пороге квартиры партийного активиста всегда стоял смрад, как в привокзальном сортире.

В целом выборы в Голомойске прошли без эксцессов, если не считать поданного Желудем заявления в суд, в котором он требовал признать выборы по участку №315/4А-8 несостоявшимися, потому что в восемь утра в тамошнее помещение ворвался какое-то чувырло с мешком за спиной и в шапке «а-ля маски-шоу». Члены комиссии проглотили языки. Зато не потерялся гость. Махом опрокинул мешок. Оттуда с визгом и ором выскочили коты. Кто в дверь, кто под стол, а кто на люстру. А непрошенный визитер вышел в окно.

Члены комиссии успели разглядеть неприятную масть котов. Беря во внимание особенное отношение общественности к черным котам, перебегающим дорогу, первый секретарь аграрной партии просил признать несостоявшимися выборы на упомянутом участке, поскольку там с утра поселилась нечистая сила, отрицательно влиявшая на волеизъявление избирателей.

Пока комиссии подсчитывали бюллетени, административный суд Голомойска рассматривал жалобу Желудя по существу. Вызвали свидетелей, парапсихологов и экстрасенсов. Чтобы вложиться в определенный законом срок, заседали с утра до вечера. На пятый день судья огласил решение: поскольку коты не вели предвыборной агитации, не нарушили целостности бюллетеней и протоколов, то четвероногих смутьянов спокойствия не считать таковыми. Решение суда обжалованию не подлежит.

Рьяного защитника бедного крестьянства такой вердикт удовлетворил, если бы удовлетворили результаты выборов. Проходной процент набрала партия «Порядок и беспорядок».

Как же ликовал Мансурович! Празднование землянами Миллениума не идет ни в какое сравнение с грандиозным весельем по случаю победы на выборах команды Андрея Иосифовича.

То ли жаба задавила за вложенные деньги, то ли понима-

ние того, что теперь соперник переберется в столицу и там сможет развернуться с новыми возможностями, вынудили Иннокентия Павловича пойти на неординарные поступки. Он призвал однопартийцев выйти на улицы с зонтиками, на которых было бы написано: «Наш парламент хуже коза nostrы». Манифестанты на улицах города из разрисованными зонтиками от дождя — это должно быть круто, высшим пилотажем гражданского протеста.

То ли у защитников отечественных землепашцев и животноводов не хватило зонтиков, то ли призывы их лидера оказались тщетными, но аграрии на защиту обиженной ЦИКом партии не вышли. Предпочли дачи и огороды скандированию на площади.

— Хрен с ними! — выругался Желудь. — Других дуралеев наберем. Мало ли хурахурщиков по помойкам рыщет?..

ГЛАВА 9

Капиталист с человеческим лицом по-строит социализм в отдельно взятом городе

Поутру, едва продрав хлопалки, Петр Иванович ощупал травмированные места. Боль пронзила аж до пяток. Стиснул зубы, как подпольщик-коммунист перед пытками.

— Галя, Галя! — не нащупав жены в кровати, завопил Флирский.

— Чего тебе? — на пороге возникли супруга и Фрося.

— Подайте-ка зеркало.

— Зачем?

— Полюбоваться на себя любимого.

— О чем речь? Просто красавец! — съязвила супруга.

— Молчи, деревня! На кого хайку открыла? Совсем мозги атрофировались?

В полосатой пижаме, с всклокоченными на голове волосами вышел в столовую. Гервасий, увидев своего хозяина, защи-

пел, усы у него стали торчком, а хвост трубой. С места хотел набрать скорость, но выпущенные когти лишь скользили по паркету. Он завыл от безысходности и, сбивая с ног присутствующих, кинулся под диван.

— Где Костя?

В этот момент дверь распахнулась и на пороге показались водитель и женщина вне времени — в шляпке с вуалью, ажурных перчатках и кейсом для косметики.

— Знакомьтесь, Иллионора Михайловна! Гример нашего областного драматического театра.

Величественная дама испепелила взглядом Флирского. Она не знала, где оказалась, потому что директор театра телефонным звонком поднял ее с постели и приказал срочно спускаться к подъезду и садиться в уже ждущую там «Волгу».

— Какого черта? — возмутилась.

Но вместо ответа услышала уточнение:

— Саквояж с гримом уже в машине.

— И зачем меня привезли в эту дыру? — она нарочито презрительно бросила взгляд на картины на стенах, камин и огромный персидский ковер на полу с портретом человека, стоящего перед ней в пижаме в полосочку, как у каторжанина. — Так где же покойник?

Все ополоумели от такой наглости.

— Мадам, вам предстоит не покойника гримировать, а вот этого уважаемого товарища, — первым сориентировался Костя.

Иллионора Михайловна предпочитала театр университету марксизма-ленинизма, стремлением заполучить партбилет не обременялась и флаги на демонстрациях не носила. Естественно, первого секретаря обкома партии отродясь не видывала.

— И где же этого оборванца так разрисовали?

— Гражданочка, ваше дело тринадцатое: рисуй и мажь, — уточнил Петр Иванович.

Устроились возле трюмо. Гример театра колдовала возле

«фасада» с час, припудривая и тонируя ссадины и кровоподтеки. Потом отошла на почтенное расстояние, любуясь, будто монументалист своим творением, и сказала:

— Я так Гамлета не гримировала, как вас. Мордашка у-ух, словно попа ребенка. Так бы и расцеловала. Враз лет на сорок помолодели.

— Вот это другой коленкор! Теперь и на работу можно, — обрадовалась Галина Борисовна.

Флирский появился на крыльце дома лоснящийся, как вареник в масле. Щеки пускали «зайчики», от которых Костя щурился. На ощупь намазал ручку двери и учтиво распахнул ее перед Хозяином.

— Сначала заедем на электромеханический, а потом в обком, — уточнил тот.

Мягко шурша шинами, авто миновало полосатую будку охраны дачи. Петр Иванович ерзал на переднем сидении, пытаясь отыскать удобное место для задницы, пораженной геморроем. Этой аристократической болезни, в основном были подвержены все секретари и заведующие отделами, руководившие нижестоящими партийными организациями с помощью директивов, телефонограмм и постановлений. А эта немощь как раз и любит такой стиль работы. Врачи обкомовской больницы при каждом профосмотре выявляли все новых и новых пациентов для проктолога.

— Ты можешь тише ехать! Не тракториста везешь!

От каждого ухаба Флирскому казалось, что в его анальный проход медленно всовывают раскаленный штык от винтовки Мосина. «Неприменно надо всыпать на ближайшем пленуме первому секретарю горкома и председателю горисполкома за ямы на дорогах. Совсем оборзели и не думают о рядовых гражданах», — решил Петр Иванович.

Выскочили на проспект Карла Маркса. В это раннее утро народ спешил на работу. Первый секретарь открыл глаза, чтобы полюбоваться знакомыми местами, вспомнить юность, когда парнишкой тоже спешил по этому проспекту на родной за-

вод, к своему станку, на котором точил втулки, перевыполняя ежемесячный план на 112 процентов. Даже его портрет, как передовика и победителя социалистического соревнования, висел на Доске почета цеха.

Бросил взгляд направо. В этом продмаге покупал зельц и кефир на ужин...

Но то, что почувствовал Флирский в тот момент, можно было сравнить с тем, что ощущает награжденный энурезом человек, когда мчится к заветной дырке в заборе. И вдруг оказывается, что проем между досками на заброшенную стройплощадку кем-то наглухо заколочен. Тогда окружающий мир меркнет, ни вздохнуть, ни пикнуть, зябки бегут по коже. Наступает полный коллапс всех внутренних органов.

Ведь таких привычных слов с неоновой подсветкой «Продмаг № 45» не увидел. Будто испарились. Вместо них глаз Петра Ивановича радовала странная надпись «Банк АБВ». У входа, похожему на вход в Мавзолей Ленина, стоял какой-то металлический ящик с непонятным советскому человеку слогом «Банкомат».

Пока протирает глаза, проехали перекресток и на месте парикмахерской, где до армии любил у дяди Васи подстригаться «под бокс», теперь виднелся какой-то супермаркет. Что это за хрень на палочке, Флирский не понял. Но зато вызвали подозрения его витрины, на стеклах которых были приклеены огромные фото с изображением невероятного (как показалось первому секретарю) количества сыров и колбас. Хотя Флирский считал себя не дебилом, а весьма продвинутым человеком, проштудировавшего «Идиот» Достоевского и «Войну и мир» Толстого, закончившего высшую партийную школу в Праге и ускоренные курсы дипломатов (как-то над Флирским сгустились тучи и его норовили сослать послом на Гаити), но такого количества съестного он не видел не то, что в «Елисейском», а даже в Париже и Сен-Тропе.

—А-ну-ка, тормозни! Посмотрю, кто это вздумал поиздеваться над народом. Слюни ему попускать.

Опираясь на палочку, с трудом вылез из машины и установился на взбудоражившую его партийную нервную систему витрину. Названия на головках сыров не укладывались в голове. Это ж какая стерва придумала такие слова — «Костромской», «Голландский», «Российский», «Пошехонский», «Эдем», «Гудаута», «Колбасный», «Звенигородский», «Тамбовский», «Маздам»...

—Тьфу-у ты! — сплюнул подступившую желчь.

Глазами пробежался по колбасам, пытаюсь пересчитать все сорта. Но уже на 36-м сбился со счета. До этого знал только варенную «Любительскую», «Московскую» да еще «Ливерную» и «Сервелат» в обкомовском буфете. А тут такой ассортимент!

— Рехнуться можно. Что за буржуазные выходки? — выругался. — Наверное, директору продторга кресло жмет задницу. Это хорошо, что я первым увидел безобразную антисоветчину, а если бы шептуны и злопыхатели... Так, мол, и так, написали бы куда следует, в Голомойске пробуждают у граждан нездоровые вкусы к копченой колбасе и твердому сыру. Тяжело представить, что бы тогда со мною было. А сколько голов бы полетело в области? Не сосчитать. А по количеству инфарктов и инсультов неотложка перевыполнила бы десятилетний план, — бормотал под нос.

От предчувствия очередных неприятностей зашевелились волосы. И не только на голове. Решил, что Безрукавный стал явно близоруким, если под носом контрреволюция проснулась, а он ни черта не видит. Чем только занимаются бойцы невидимого фронта? Ничего не докладывают. «Тут надо бы срочненько разобраться с непонятными иностранными словами на фасадах домов и черным «мерседесом», как «летучим голландцем». А эти елопы-торгаши тоже подбрасывают проблем», — размышлял.

— Удавлю, словно удав кролика. Растопчу, как козявку. И не пикнут. Обласкал иуд искаримотских под боком. Падлы! — рывкнул так, что вороны на деревьях испуганно закаркали.

Негоже первому секретарю общаться с завмагом. Прыгнул в машину, совсем забыв о больной ноге.

— Трогай!

Не успели отъехать и десяти метров, как взору предстал сияющий стеклянный куб под названием «Bacardi».

— А это еще что за сияющий пьяный абстракционизм в архитектуре? Это сколько электроэнергии жгут среди бела дня?

Через стекло Петр Иванович успел разглядеть молоденьких продавщиц, одетых словно школьницы, но с ножками до подмышек, как у топ-моделей, шныряющих среди стеллажей с множеством разноцветных коробочек. Такие коробочки Флирский держал в руках только два раза в году: когда баловал французским парфюмом свою Люську в ее день рождения и на 8 Марта.

Рядом с экстравагантным кубом дразнили взор витрины с разнообразием ручных часов. Столько видел только в магазине детских игрушек. Над дверью висело добротное название магазина «В ногу со временем», украшенное битым стеклом. Рядом к стене была прибита картонка с надписью «Не влезать. Убьет. Стразы от Сваровски под сигнализацией». Витринное стекло расписано непонятными иностранными словами Tissot, Bvlgari, Chopard, Rolex, Montblanc.

— А-ну, стой! — снова скомандовал водителю. — Какая непонятная хренотень творится в городе и никому нет дела до нее, — бурчал. Брови сошлись на переносице, напоминая вороний размах крыльев. Ничего хорошего это не предвещало.

На противоположной стороне проспекта на здании Ленинского райкома партии, украшенного шариками, как новогодняя елка игрушками, восседал надувной клоун и тыкал пальцем в мигающие буквы «МакDonald». Возле райкома в это раннее утро стояло с десятков иномарок. «Явно припарковалась иностранная делегация», — решил первый обкома. Столько иномарок стоит только возле МИДа.

Авто навели Петра Ивановича на другую мысль. За пер-

вым секретарем этого райкома давно замечал чрезмерную самостоятельность, граничащую с хамством. Если другие партийные лидеры спрашивали у него разрешения сходить в сортир, то этот на протяжении месяца без спроса по десять раз звонил в ЦК. Кому и зачем? — спрашивается. Какие такие отношения у первого какого-то вшивого райкома с высоким столичным начальством? Флирский давно пытался решить этот ребус — да все руки не доходили. А тут вдруг иностранцы пожаловали не в обком или облисполком, а прямо в Ленинский райком партии. «Цаца нашлась! Клизма трехведерная! При этом никто не поставил в известность его, не второго человека в области. «Меня уже за промокашку имеют?» — стонал отрешенно.

В какой-то момент Петр Иванович даже изменился в лице. Пластический хирург не сделал бы ничего похожего, если бы Интерпол объявил Флирского в розыск. Видок был еще тот: в задницу будто бы вставили электрошокер. Глаза стали похожи на буйки, рот перекосило, а ухо вздернулось к затылку. И все потому, что из райкома вышел в окружении странных лысых типов в темных очках первый секретарь Ленинского райкома партии. Из черного лимузина, похожего на боевую машину пехоты, выскочил худосочный кент и учтиво распахнул заднюю дверцу. Тот проворно нырнул в середину, а охранники, окинув взором окрестные тротуары, окна и крыши, вскочили в подъехавшее авто сродни бронированной консервной банке.

Затем из райкома вылетела щебечущая детвора с разноцветными шариками и флажками, что еще больше запутало Флирского.

И тут кто-то сильно толкнул в плечо.

— Папаша, колеса есть? — перед первым секретарем стоял оборванец непонятного возраста с конской гривой, выкрашенной во все цвета радуги.

— Даун? — поинтересовался тот.

— Ес-ес! — с перепугу перешел на английский.

— Штатник? Тейбел, зашибись! Герзы гут, зер гут! Марарфет есть? Отвалю бабло по самые глиноземы.

Петр Иванович бил себя кулаком в грудь и мычал, как корова в стойле.

— Че ты глазенки вытарацил и локаторы опустил? Сквозняк в шарабане? Не хрен приезжать в страну, если ни бельмеса не фуриычишь по-нашему. Понаехали тут всякие туземцы-лохотронщики — нормальному чуваку негде закумариться, — оглянулся по сторонам и засеменял в подворотню.

Флирский еще долго своими телескопами смотрел ему вслед.

Вспомнился вчерашний разговор с сыном. Федька в таких душеспитательных беседах не праздновал высокое положение своего отца. Становился в позу Наполеона и резал правду-матку на всю катушку: «Буду носить джинсы и ирокез на голове, рубаху завязывать на животе и курить травку. А в тюрьму не упечешь — кишка тонка. Перебздишь за свой партбилет и скандала не захочешь. Ведь все заинтересуются, как это у такого папы могло вырасти свихнутое дитя?»

«Змееныш», — подытожил тогда разговор. И пришлось взяться за валидол.

Флирский чувствовал, что в последнее время его крышу конкретно рвало. Этот чекнутый изподворотни, сын-оболтус... Да этот парад полуголых растлителей на центральной улице города. Он мог бы понять в таком случае тунеядцев, которым невтерпеж стали издевательства ментов и они вышли с протестом. Но этих жополазов уразуметь не мог.

Было страшно самому себе признаться, но из-за непонимания последних событий иногда хотелось добровольно сдать-ся на милость психиатров из Сабуровой дачи. Очко играло при одной только мысли, что придется делить парашу не только с убежденными «зелеными человечками», лауреатами Нобелевской премии, изобретателями вечного двигателя, но и с этими дуриками, отстаивающими непонятную свободу секса. Их изолируют от советских людей, как носителей сифилиса, проказы и желтой лихорадки. Ненароком окружающих заразят своими бредовыми идеями.

Рассказы на кухнях о тамошних порядках в палатах-камерах психушек возобновлялись в народе всегда, когда на центральной площади какой-нибудь чужак вознамеривался сжечь себя во имя вселенской справедливости или слесарь-орденоносец на заводе имени выдающегося большевика сдавал партбилет в знак солидарности с демократическими силами Нигерии. Инакомыслящих и взяточников-партийцев в СССР быть не могло априори. Стенограммы откровений простых граждан Безрукавный периодически клал первому на стол. Поэтому Петр Иванович хорошо знал место, куда его стало так тянуть.

Флирского пучило от безнадеги: в этой жизни, как оказалось, ему не на кого положиться, потому что все были коммунистами.

— И вот с таким генофондом мы вознамерились построить светлое будущее для всего человечества, — шевелил губами. — Да с ними не то, что коммунизм не построим, а просрем все, что нажили. За колбасу и заграничную тряпку в задницу поцелуют. Напрочь атрофировано чувство самосохранения. Враги возьмут нас голыми руками. Тепленькими. Бросят в каталажку и таблички на дверях пришпандорят «Красная сволочь». Но мы не сдадимся, — подбадривал себя Флирский. — Мировой пожар раздуем. Подымятся с колен угнетенные бедуины, униженные пигмеи, обездоленные папуасы, одураченные бездомные Парижа и Нью-Йорка, жертвы зелья и алкоголя во всех странах, сексуально неудовлетворенные пролетарии. И освободят нас из застенков дурак. И пойдем тогда дружными рядами с гордо поднятыми головами и красным знаменем в руке на узурпаторов. Выпустим им кишки, а добро, нажитое эксплуатацией поработенных народов, разделим по совести: каждому по личному вкладу в мировую революцию.

От внезапно нагрянувших далеко идущих планов вспотела спина.

А еще недавно в жизни первого секретаря Голомойского обкома партии все было расписано, как в партийном уставе —

работа, Галина Борисовна, непутевый наследник, кот Гервасий и, конечно, же Люська. Петр Иванович вспомнил о ней и в ноздре закрутило. «Клялась в постели в вечной любви, а не устояла перед другой раскрытой ширинкой» — сокрушался в сердцах.

Хотя Люська и оказалась гадиной, но от воспоминаний о ее бюсте в штанах зашевелилось...

Стоя у машины, Флирский рассуждал о превратностях своей судьбы. Другого места для самоистязания не нашлось. Только в это утро и только у этого стеклянного куба. Так на небе звезды расположились, что именно здесь Петру Ивановичу следовало определиться со своим предназначением на брэнной Земле. Наверное, чтобы жизнь малиной не казалась, партия подбросила ему такие испытание. Поэтому, если достойно выкрутится со всех передрыг, то обязательно изберут секретарем ЦК. Если же обгадится с головы до пят, то отправят возглавить какой-нибудь районный совет ветеранов.

Из душевного смятения Петра Ивановича вывел странный перезвон тормозов.

Инстинктивно повернул голову на звук. От увиденного нижняя челюсть отвисла, будто к ней привязали пудовую гирию.

Черный «мерседес» остановился перед собачонкой, перебегающей дорогу.

Флирский отреагировал, как подобает бдительному сторожу на бахче.

— Держи негодяя! — в этот момент его голос был сродни тенору Хосе Карераса.

Первый секретарь обкома бросился к «Волге».

— Дави на газ! Если гаишники не способны слापать неуправляемое приведение на четырех колесах, то вместо них это сделаем мы.

Костя рванул — аж завоняло паленной резиной. Но сразу же ударил по тормозам. Старушка-немошь ходячая пыталась проскочить перед машиной. Шеф лбом достал «торпеду». Ойкнул и медленно сполз из сиденья на резиновый коврик.

Костя не на шутку перетрухнул. Пока оббежал машину, Флирский уже закатил глаза и начал издавать тревожные хрипы. Личный водила и телохранитель тотчас представил себя в пыточной в окружении коллег-головорезов из «конторы глубокого бурения», вставляющих ему иголки под ногти, натягивающих полиэтиленовый кулек на голову и бьющих по голове рукавицей с песком. При этом изверги дружно повторяли:

— Ты зачем, гондурасский шпион, замочил народного любимца Петра Ивановича Флирского?

Костя подтянул грузное тело на сиденье и стал делать искусственное дыхание «рот в рот». Проходящая мимо тетенька с авоськами, глядя на них, перекрестилась.

— Ни стыда, ни совести нет. Уже с утра на проспекте вождя занимаются черти чем. А ну, пошли вон, проклятые! — замахнулась на них хлебным батоном.

Искусственное дыхание, массаж грудной клетки и нагнетание дверью свежего воздуха в салон не помогли — Флирский не оклемался. Боязнь неприятностей подтолкнула Костю к единственно верному в таком случае решению — везти пострадавшего в обкомовскую больницу.

Дежурный врач в приемном отделении глянул на вспотевшего носильщика, держащего на себе полуживого мужика, как кассир на горсть мелочи.

— Милейший, вы, наверное, заблудились. Здесь не вытрезвитель, а больница.

— Да вижу, что не гараж.

— У нас солидное медицинское учреждение — коммерческая клиника высшего класса «Айболит».

— Что значит — коммерческая?

— То есть платная. За анализы кала и мочи, консультации, рецепты надо платить в кассу. Прейскурант вон там, на стене, — показал пальцем куда-то вдаль.

— Вы охренели? Да это же первый секретарь. Сам Петр Иванович... Какие деньги? У нас медицина бесплатная.

— Хоть Владимир Владимирович! По барабану, — обор-

мот в белом халате жадно откусил очередной бутерброд с черной икрой. Рукавом стер прилипшие к губам икринки, языком облизал жирные губы.

— Бесплатная только дырка в сыре.

— Вы совесть имеете? Спасите человека!

— Только на слезу не надо давить. Слышь? Разве не видишь — мне некогда. Обедаю.

Костя свалил грузное тело шефа на топчан. Флирский не подавал видимых признаков жизни. Зрачки глаз расширились. Проявился синяк под глазом. Травмированная нога неестественно вывернулась.

— Люди, помо-оги-ите-е! — заорал неистово.

ГЛАВА 10

Коррупции в аду нет. Надеяться на спасение напрасно

Флирский стоял на коленях перед Вельзевулом. Преисподняя оказалась страшнее, чем подвалы «хрущовок» и голомойская камера следственного изолятора с четырьмя ярусами нар. Рогатый, хвостатый, с пяточком величиной с бублик восседал на кованном троне, как император Нерон. Правой лапой держал рогач, левой — клеймо с цифрой 13. Вокруг все пылало и дымило, словно в мартеновском цеху. Только вместо передовиков-сталеваров суетились черти в войлочных фартуках. То и дело были слышны команды:

— Шестому котлу поддать жару, сорок третьему подбросить дровишек, двадцатому подлить смолы!

С темных пещер выскакивали демоны (эти падшие ангелы, предатели идеалов рая, со своим предводителем Люцифером захотели лучшей жизни). Кто с куском смолы, кто с охал-

кой дров, кто с кочергой. Вкалывали не так, как правофланговые пятилетки. Если бы так, то гиена огненная погасла бы на второй день. Крутились, будто их Сатана подгонял шомполом, а в наказание грозился отправить обратно в рай. Рай им казался страшнее цветущей фиалки с сидящей на ней пчелкой на зеленой лужайке. На первый взгляд беспорядочная суeta бeсов на самом деле была четко отлаженной системой, направленной на изобретение изоощренных пыток для грешников. Не хотели каяться и поститься при жизни, так теперь после смерти десятилетиями в казанах с кипящей смолой будут просить прощение за содеянное, носить на шее стопудовые камни, учить наизусть «Капитал» Карла Маркса и вышивать крестиком портрет Вельзевула к его очередному столетнему юбилею.

Петр Иванович успел рассмотреть копыта здешнего шефа и заметил, что с гигиеной у того не все в порядке. На копытах отсутствовал маникюр, хвост в репейнике, шерсть всклокочена, а рога поросли мхом. От него несло, как от выгребной ямы. Первый секретарь обкома партии попробовал рукой прикрыть нос, но главный бес кочергой заехал по сопатке.

— У нас не парфюмерный салон. Нюхай, зараза, — под хвостом черта будто хлопнула выхлопная труба КАМАЗа.

Флирский сморщился. Он никак не мог понять, почему оказался именно в аду, а не в раю. Предпосылок попасть в лучшую загробную жизнь, как ему казалось, было больше, чем предостаточно. Как-никак лидер областной парторганизации — это не фунт изюма. Человек, занимающий этот пост, автоматически причислялся к сонму праведников при жизни. Разве может высокопоставленный коммунист быть грешным? Да это же нонсенс.

В воздухе висел смрад похлеще смеси сероводорода и нестиранных носков. Гранитные стены были покрыты вековой копотью, а темнота давила на мозги. Поскольку страшнее ада ничего нет, то бояться было больше нечего. Передвигаться приходилось на ощупь. Факелы, дымящиеся в расщелинах камней, давали больше вони, чем света. Дышать, как и смотреть, было

нестерпимо тяжело: постоянно першило в горле и слезились глаза. Ожидание своей очереди жариться на сковороде или кипятиться в котле становилось для обитателей преисподней не отдыхом между процедурами искупления грехов, а еще одной разновидностью пыток. Как и в СССР, в аду тоже не было порядка.

— Ну, что скажешь в свое оправдание? — шморгнув морщинистым пятакон, спросил хозяин потусторонней жизни. — Ты знаешь, сколько тебе надобно жариться, париться, кипятиться и гореть в огне, чтобы искупить вину за все содеянное?

Перепуганный Флирский невинно захлопал глазами.

— А я тебе скажу. Если при светлой жизни достаточно трех дней поста для искупления объявленного подчиненному незаслуженного выговора или одного совокупления с любовницей, то тут тебе понадобится для этого десять лет. Учитывая нагрешенное, тебе придется у нас долго и нудно принимать все назначаемое.

Петр Иванович со страха покрылся цыпками, в голове вмиг промелькнули ужасные картинки жизни в Освенцеде, на Колыме и на строительстве Беломорканала. Не сдюжит издевательств, наложит на себя руки.

Мысли страждущего, но не кающегося прочел бес.

— Понты не гони. Мертвые не умирают.

Колени заныли, будто стоял на гречке. Вспомнилось босоное детство и педагогические эксперименты матери. За то, чтобы подняться на ноги, отдал бы полжизни.

— А у тебя ее попросту нет. Просрал. Прокопчил небо. Теперь тут почувствуешь вкус настоящей жизни. Только под землей она откроется во всех прелестях, которых не познал там, наверху. Усладой будет казаться еж в заднице и тлеющая парашная тряпка под носом. Это тебе не секретаршу за задницу щупать и не взятки ныкать в книги классиков марксизма-ленинизма. Разве этому учили тебя в университете да в высшей партийной школе? Элита из подворотни. Ум, честь и совесть сортира.

Флирский не мог поверить в такую уготованную ему судьбой вечность. Комок подступил к горлу, глаза налились слезами. Хвостатый и рогатый со сверкающими глазами-угольками казался ему не демоном, а средневековым инквизитором, занесшим карающий меч над головой слуги народа.

— Из партийного лидера превратился в уголовника, казнокрада и сутенера, — не унимался фуцман. — За содеянное можно представлять к ордену Пакости третьей степени. На первую потянул, если бы подпакостил еще с годок. А так, слава Люциферу, ты загнулся раньше и обрадовал ад своим появлением.

Доселе молчавший новопреставившийся грешник вдруг насмелился вякнуть:

— Это кто решает вместо меня, кому в рай, а кому в ад?

— На вратах Господних ангелы проявили такую бдительность. Не пустили в желанное тобою светлое царство. Ты, антихрист, апостолу Петру тыкал взятку в десять тысяч долларов, положенных правильными пацанами тебе в гроб на карманные расходы на том свете. Тот подобной наглости никак не ожидал и попросил летающих над райскими кущами ангелов зафиксировать этот вопиющий факт, а самого взяткодателя отнести подальше от врат, чтобы не пугал своим непотребным поведением праведные души. Поскольку душа не может скитаться между раем и адом, тебя под белые рученьки Карро и Асмодей спустили к нам.

— А это что еще за пупы Земли?

— Демоны подземелий. Это они да Велиал, Левиафан, Карниван, Грессил и другие собратья по искушению человечества вели тебя по жизни, подталкивая и направляя туда, куда ты был уверен, что идешь по собственной воле, а на самом деле — по велению нечистой силы, испытывающей денно и нощно тебя на стойкость. Слаб ты оказался, как и все члены с красными книжечками. Тьфу-у! — Вельзевул харкнул и угодил прямо на плешь Петра Иванович. Тот брезгливо попробовал вытереть

вонючую, как у скунса, слюну, но предводитель подземного царства рогачом заехал по руке.

— Не тронь чертово знамение... Соблазнить тебя сначала рублем, а потом долларом было раз плюнуть, — Флирский руками прикрыл голову. — Не бзди, на два знамения мордой не вышел. А увидишь юбку с носовой платок — слюной исходишь. Похоть била фонтаном. На ширинке молнии не выдерживали. В такие минуты забывал о пятиминутках, докладах и информациях в ЦК. Бежал на красивые ножки, будто советский турист на красный фонарь в Амстердаме. Коммунист-трахальщик первого эшелона. Тебе не в обкоме партии работать, а в институте искусственного оплодотворения. Сколько бесплодных женщин осчастливил бы, сколько бы пользы принес обществу. Потомки слагали бы песни и оды о стахановце-осеминителе. А так кто вспомнит первого секретаря? Даже уборщица забывает о тебе, как только получает расчетные...

— Врешь! Меня и компартию будут помнить в веках, потому что мы предлагали поголовное равенство на электроэнергию за четыре копейки, варенку «Московскую» за 2,20, проезд в трамвае за три копейки и пенсию 132 рубля.

— А сам получал зарплату 800 рублей, отоваривался в обкомовском буфете, лечился в спецбольнице, ездил 24 часа в сутки на служебной «Волге», отдыхал в закрытом пансионате в Крыму и была гарантирована тебе персональная пенсия «за особые заслуги перед советским народом»...

— Ну и что? Мы работали на износ, зарабатывая геморрой, воспаление седалищного нерва и двенадцатого желудочка, искривление левого полушария заднего места и глухоту мениска правой пятки. Профессиональные заболевания косили нашего брата, как тиф в гражданскую. Разве могли при такой занятости и самопожертвовании стоять еще в очереди и отдыхать на общем пляже? Конечно, нет. Поэтому народ с пониманием относился к нам и не считал зазорными наши маленькие излишества.

— Маленькие? Накоμμунисдил: хоромы в престижных до-

мах, прислуга в семье, красная икра на завтрак, обед и ужин, машины, хрусталь, ковры, импортная радиоаппаратура и пачки червонцев в коробках из-под обуви на чердаках и подвалах. И это при том, что простой народ вкалывал в шахтах и возле мартепов, дышал ядовитыми газами на химзаводах и горбатился с тяпками на бескрайних колхозных плантациях свеклы... Разве получали, по-твоему, столько же, как и первый секретарь обкома? Только последний, червь навозный, шикавал на зарплату, а рабочий и колхозник потом заработанное несли в сбербанк, где на книжках, подчас, накапливали по 100—200 тысяч советских рублей. Ведь на «деревянные» могли купить дырку от бублика. В последствии нажитое непосильным трудом «сгорело» в пламени перестройки и развала СССР.

— Какого развала? Я ни к какому развалу не причастен. СССР? Ополоумел? Это же глыба, монстр. Берег Слоновой Кости даже нашей Зачепиловки не стоит. Так что увольте-подвиньтесь. Наша здесь не стояла, — удивился Флирский.

— Конечно, разве виноват в этом лидер областной парторганизации? Да никоим образом. Только ты за свою жизнь нагрешил больше, чем средневековые варвары вместе взятые. У тебя, радетеля всеобщего равенства и чистоты партийных рядов, после роспуска твоей партии-кормилицы не заиграло очко, не началась нервная чесотка. Не растерялся. На второй же день собрал сходняк на квартире у Люськи. Присутствовали партийцы-соратники по дерибану, «твердые искровцы» Голомойска — Мансурович, Кацнельсон, Деригуз и Безрукавный. А ну, колись, защитничек трудового народа, — черт пнул своим рогачом побелевшего Петра Ивановича.

Тот был обескуражен происшедшим и конкретным наездом волосатого, лохматого, с бычьими рогами и поросычьей мордой чудища, которое заливало не по понятиям, а гнало ботву, не ставя ни во что его, Флирского — не последнего чувака в Голомойське. «Муть какую-то несет. Сходняк, развал, партийцы-соратники... Партия стояла и стоять будет. Он что себе возомнил, крендель на вертеле? — возмущался про себя экс-пер-

вый секретарь. — Да и в аду на него найдем управу. Не таких вертухаев в угол ставили».

— Не доверяй всему, что стоит, — ехидно хихикнула нечисть на троне.

Внутри грешник хоть и харахорился, но снаружи смахивал на пойманного карманника, которому светил пятак, потому что смындил кошелек не у того, не в то время и не в том месте. Смотреть снизу вверх было тяжело — ныла шея. Глаза мозолили грязные копыта властелина тьмы. Это все равно, что стоять на коленях возле вокзального унитаза. Флирский попробовал закрыть глаза, чтобы отогнать от себя этот кошмарный сон. Не тут-то было. Голос Вельзевула, как иерихонская труба, гудел над каменными сводами, усиливаясь эхом и каким-то скрежетом, словно серпом пытались разрезать водосточную трубу. Новичку в аду обещал обеспечить «сладкую жизнь» в казанах с кипящей смолой и на раскаленной сковородке. Мерзнуть не придется.

— Забыл, чему учил советский народ? Прежде всего общественное, а потом личное, план любой ценой, думай о работе, а не о еде... Ну-у ты, и зараза. П-шел вон! — заехал грешнику копытом по уху.

Из дыма возникли два черта в прожженных войлочных фартуках и увесистыми плетьюми за плечами. Схватили «голомоиского царька» за руки, заломили, как заправские «омоновцы» и потащили катакомбами. Несчастный попытался было выскользнуть из цепких ног чудовищ, но те еще сильнее сжали его.

— О-ой! Даже ничего с собой не дали взять: ни теплой одежды, ни денег, ни сухарей. В тюрьме и то лучше.

— Ты мужик или баба? Покойники не стонут.

Пока Флирского волокли по уступам над пышущей огнем лавой, отовсюду слышались истерические вопли бедных грешников. Разнообразию голосов позавидовала бы консерватория.

— Выкричались! — заметил черт с обломанным рогом.

— Скоро и у тебя будет колоратурное сопрано, — хмыкнул второй.

В глаза ударил яркий свет. Петр Иванович попытался прикрыть рукой привыкшие к полутьме глаза. Несмелые потуги пресекли дюжие хозяева преисподней: один из них канчуком врезал по голове строптивного.

— Не крутись, bestия! Тут тебе не обкомовский пансионат. Скорее — пыточная парткомиссии.

И они дружно заржали, как вороны.

— Прибыли!

Постепенно глаза привыкли к свету. И перед Флирским открылась жуткая картина. Гестапо отдыхает в сравнении с изощренностью пыток демонов. В пещере стояли три котла, под которыми пылали костры, похожие на пионерские. То и дело шустрые чертята подбрасывали дровишек, поддавая жару кипящимся новопреставившимся грешникам. Те, бедолаги, плакали, стонали, выли, сопели, орали, ругались, угрожали, матерились, рывкали, гаддели, ныли, рыдали, всхлипывали, чертыхались и сморкались. Рев стоял такой, будто тысяча волков зимней ночью выло на луну и одновременно взлетали несколько «Боингов». Им помогала завывающая первоклассница Маша от первой полученной двойки.

Когда при жизни Петр Иванович ходил на встречи в парторганизации, он загонял под мозжечок свои сострадания и всякие прочие морально-нравственные сантименты к просящим и ноющим «войти в их положение». Из лодырями, непонятливыми и чистоплюями-директорами расправлялся жестко, радикально и просто. Выгонял из партии с «волчьим билетом» и освобождал от должности. «Мне некогда с вами цацкаться. Вы же не пальцем деланные», — наставлял провинившихся. Поэтому о Флирском говорили как о человеке, у которого вместо сердца четырехцилиндровый ДВС.

Новопреставленный упал на камни скорее не от усталости, а от бессилия как-то переломить ситуацию. Он не привык к такому, поскольку там, наверху, он управлял и изменял ход

событий так, как ему требовалось. Здесь оказался во власти других. Лохматые бестии снова подхватили ослабевшего экс-коммуниста и потянули к казану с кипящей смолой. Его обдало жаром. Инстинктивно закрыл глаза и приготовился принять неминуемую смерть в страшных муках.

— Господи, за что? — скупая слеза скатилась по щеке и упала в казан. Зашипела и тотчас же испарилась.

— Не чертыхульствуй, ирод, — нечистая сила щедро обдала кипятком.

Раскаленная жижа оказалась не такой уже и раскаленной. Горячей, обжигающей, но не настолько, чтобы свариться. Масса бурлила, пузырьки на поверхности лопались, обдавая всех смолянистыми каплями. Петр Иванович открыл глаза и радостно улыбнулся. Память не отшибло, шевелились конечности, даже «корешок», невзирая на почтенный возраст, задиристо поднялся в поисках женского пола. Оглянулся. Рядом извивались, как стриптизерши возле шеста, мужики. Все матерились: лексика биндюжников в сравнении с их словотворчеством была похожа на детский лепет в песочнице.

— Здоров, хмырь! — первым протянул руку лысый детина.

— Разговорчики в котле! — рывкнул плешивый демон и огрел того кочергой по башке. Дядя протяжно взвыл. Из этого Флирский сделал вывод, что в аду, как и в строю на плацу, всякие разглагольствования пресекаются самым радикальным способом.

Запекло в заднем проходе и мошонке. Другое дело — сауна. Не было такого партийного босса в СССР, который не обожал бы парную. Ведь не ради чистоты и удовольствия ходили туда, а ради того, чтобы решить жизненно важные для парторганизации вопросы, которые не решаются в кабинетах или, тем более, в конференц-залах. А там среди оголенных торсов и в крошечном дыму всегда находились ответы на самые запутанные и каверзные. Практически в одночасье.

Закрутило в пупке. Обдало огнем икры ног. Захотелось

подпрыгнуть и зависнуть над кипящим чаном хотя бы на секунду, дабы нижняя половина туловища успела хоть на мгновение остыть.

Петр Иванович огляделся и поплыл к краю, стремясь на руках приподняться над накаляющимся дном. Схватился за бортик и взвыл, будто поросенок, которому прищемили дверью хвост. Металлический казан имел температуру, величину которую новый обитатель ада не учел через пробелы в освоении школьной программы по физике. С ладоней пошел дым.

— Ой, мама! — вспомнил кормилицу, которая коротала свой век в одиночестве на заброшенном хуторе, когда ее ненаглядный Петюнчик заправлял всем, греб под себя и клал хрен моржовый на всех.

Соседи-грешники дружно посмотрели на странного новичка. В их холодных взглядах он прочел равнодушие и поразительное отвращение к ближнему. Мол, о какой помощи зываешь при этом беспределе чертовской ненависти к попавшим сюда?

Флирский окончательно потерял надежду правдами и неправдами выбраться отсюда и предстать перед ясные очи апостола Петра у райских врат. Он почувствовал, что вот-вот отделится его плоть от костей и его сваренное тело выбросят на помойку.

Страдая и корчась в муках, хотел понять смысл прожитой жизни. Неужели действительно все не то и не так делал? Неужели был лишним на том, белом свете? Еле поворачивая языком, поинтересовался у стоящего за спиной окаянного.

— Я то скажу. Но тебе не понравится, — ответил тот.

— Говори. Неужели артистом стал бы?

— Помнишь, 25 лет назад? Ялта, море, солнце...

— Ну?

— Не нукай. Не запряг. Научная конференция в пансионате...

— Да.

— Рядом сидела блондинка из Мыловаренска. Еще попро-

сила у тебя ампулку для авторучки. А ты ответил, что надо свою иметь...

— Помню.

— Ну вот....

Какому-то лысому детине, вопящему, словно иерихонская труба, наверное, надоела до чертиков вся эта бодяга и он сиганул из котла, ако горный козел. Прокопченная рогоносная братва не успела вовремя среагировать на выходку полоумного. Подругому того никак не назовешь. Куда дурачку под землей можно убежать? Разве что попасться в копыта к другим кочегарам. Хвостатые топочники хотя и оказались славными ротозеями, но в погоню бросились дружно. Настигли беглеца в соседней пещере. Скрутили и связали бантиком руки и ноги за спиной. При этом человек был погож на колесо. Проволокли беднягу животом по камням к родной смоляной купели. Тот с крика перешел на хрип, при этом пытаясь хотя бы укунить ближайшего конвоира за хвост. Тянулся, тянулся и таки тяпнул за кончик. Не клыками, а вставной челюстью, но, видно, хорошенько хватанул.

Теперь пришла очередь вопить дьяволу. Но тот не взвыл, а завизжал, будто кнур, которого распяли для кастрации. Кажется, свод пещеры сейчас опустится на головы плавающих в огненном месиве. Все заткнули уши. Увидев такое безобразие, черти кинулись на выручку: подняли бедолагу на кочергу, как на дыбу. У черного от смолы здоровяка блестели глаза, с которых капали скупые слезы.

— Нюни тут не распускай! Теперь мы тебя будем разводить, как ты разводил при жизни правильных пацанов.

И бросились нечистые усмирять строптивного. Кулаками, ногами, кочергами, палками, камнями... Всем, что попадалось под копыта. При этом приговаривали:

— Это тебе не в Лас-Вегасе жетонами метрополитена играть или втюривать водилам по 500 долларов ксивы офицеров Интерпола.

Все кипятящиеся в чанах пристально наблюдали за истя-

занием собрата по несчастью. Хотя и грешники, но жалости к ближнему не потеряли. Кто-то несмело бросил: дескать, пока не сварились окончательно, как петухи в новогоднем холодном, и не потеряли человеческий облик, надо делать ноги. Смельчака поддержал весь котел. Зароптали, загудели, словно в очереди за водкой за пять минут до закрытия магазина. Волнение перебросилось на других обитателей чистилища. Бесправные и обездоленные засвистели и заулюлюкали. А потом, ведомые стремлением вырваться с преисподней в рай, повыпрыгивали из казанов.

Обалдевшие от такого дружного неповиновения подопечных, кочегары захрюкали. Из ноздрей повалил пар, будто в подземелье стоял сорокаградусный мороз. Не ожидали подобной прыти от варенных мужиков. Но те как раз показали, на что способен загнанный в кипяток грешник. К восстанию.

— Даешь революцию! — у Флирского самопроизвольно вырвался призыв к толпе. В эти минуты он не контролировал себя. Желание все крушить, не оставляя в темных тоннелях ничего, что напоминало бы об экзекуции и бесправии, переполняло его душу.

Он вскочил на гору дров и заорал благим матом:

— Дорогие товарищи!..

Давно забытые слова ножом резанули по сердцах тех, кому было за шестьдесят и кто еще помнил товарищеские суды и журнал «Крокодил» с рубрикой «Пьянству — бой!». Взбалмошные повстанцы замерли. Их невинные, будто девы Марии глаза, блестели в темноте. Все наострили уши.

— Видать, смелый, — заметил кто-то.

— Не боится, что поймают и в отдельный казан с соляной кислотой бросят. Растворится, как сахар.

Бывший партийный функционер вошел в раж. Увидев перед собой людей, воспринимающих его, как Моисея, Флирский поверил в себя. Он внутренне подтянулся, выпрямил сторбленную от чертовых побоев спину, надел на лицо не совсем забытую маску партийного глашатая.

— Собратья! Сколько можно терпеть издевательства этих бесов? Надоело, — грешники задакали. — Так вспомним славные дела наших предков! Они свершили Великую Октябрьскую социалистическую революцию и раздули мировой пожар восстания против узурпаторов-капиталистов. Эти с рогами, клыками и копытами ничуть не лучше тех толстосумов, пивших пролетарскую кровь. Так ударим, товарищи, по зловонной нечести, опрокинем ее в гиену огненную и создадим у себя благодать Божью. Получше небесного рая. Коммунизмом тот рай и назовем.

Все стояли, как замороженные. То есть ополоумевшие от страстной речи борца за свободу и равенство в аду.

Агитатора прервал истошный вопль замурзанного доходаги, расчищавшего кулаками дорогу к импровизированной трибуне.

— Не знаю, что нам обломится от той революции, но то, что сейчас сюда вломятся бесы с бесенятами и поддадут нам жару, так это точно!

Испуганные обитатели подземелья всполошились. Кто-то призвал возводить баррикады и дать бой ненавистой черной силе.

Воодушевленный собственной речью бывший первый секретарь обкома партии решил брать ситуацию под собственный контроль и возглавить восстание, приведя массы покойников к победе и воцарению в подземелье всеобщего благоденствия. Поначалу новоиспеченный фортификационных дел мастер распорядился валить из булыжников — этого грозного пролетарского оружия, заторы в пещерах. Благо, камней в старых выработках осталось дофига. Затем складывать кучки боеприпасов — увесистых глыб из гранита, которыми можно хорошо припечатать между рог.

Работа спорилась. Всем надоело до чертиков вариться в котлах. Соскучились по настоящей черной работе, которой некоторые там, наверху, боялись, как черт ладана. Крутились, будто стоял выбор между жизнью или смертью.

Вдруг где-то в темноте послышался гул. Он постепенно нарастал, от чего у слабонервных начался приступ диареи. Такой, которой не могло вызвать даже обжорство зелеными яблоками, опрысканных дустом. Угнетенный народ втянул головы в плечи и спрятался за возведенными баррикадами.

Вскоре в конце тоннеля показались огни факелов и светящихся бесовских глаз. Уже отчетливо слышался топот сотен копыт и громкое фырканье.

— Приготовиться, — попросил передать по цепочке Флирский. — Подпустить поближе и бить наверняка и только по голове.

Армада разъяренных чертей, вооруженных до зубов коцерами, ковшами и колунами, без регноскопики ринулись на штурм препятствий.

Первым заскулил и опрокинулся навзничь седой черт с надломленным рогом. Камень угодил ему прямо в хрюкало. На миг штурмующие замерли. Оценивающе посмотрели на застывшее тело собрата и снова стремглав бросились вперед. Следующими пали странный, бесхвостый бес, пытавшийся как каской, прикрыть свой балбешник. Но тот его все равно не спас, ибо кусок гранита замандюлили ему промеж задних лап, где висело что-то похожее на член. И скопытился не черт, а симментальский бугай. Свалить такого удалось непосредственно Петру Ивановичу вместе с соседом по котлу. Вдвоем подняли над головой огромный валун и что есть силы метнули в нападавших. И надо тебе — попали прямо в великана.

Потеря могущественного из могущественных вызвала сумятицу в рядах нечисти. Бойцовского пыла у них поубавилось. Ведь считали себя бессмертными, способными вечно мучить грешников, пока это отродье не переведется на земле.

Замешательством наступающих воспользовался бывший первый секретарь обкома. Он, как Гаврош, вскочил на груды камней. В руках грозно блеснуло оружие уличных борцов.

— Товарищи! Раздуем пожар на зло чертям. За мной!

Недоваренных обуяло стремление к райской жизни и не-

ненависть к эксплуататорам. Перемахнув через преграду, они понеслись навстречу бесовщине. Увидев несущихся голых мужиков, те оторопели. Растерялись, их ряды дрогнули. Отсутствие великой идеи и вождя сказалось на сплоченности. Рогатые бросились врассыпную в ближайшие пещеры. Задние нагоняли передних. Те, держа хвосты трубой, валились под напором. По этому трепещущему и стонущему насту, спотыкаясь через рога и копыта, мчались дальше разъяренные восставшие из ада. Своим истошным криком подзадоривали сами себя. Кто-то запустил кочергу своему врагу в анальное отверстие. Мужик с надорванным ухом пер ведро с дымящейся горячей смолой. Оценив расстояние до ближайшего изувера, плеснул содержимое на споткнувшегося беса.

Тот на собственной шкуре ощутил то, чем сам потчевал грешников. Подземелье содрогнулось от истошного ора, будто отсюда стартовала межконтинентальная баллистическая ракета.

Обитатели вечной тьмы оцепенели. Не все привыкли к реву ракетных двигателей под ухом. Но всеобщее замешательство царило доли секунды. Потом дружный спринт стартовал заново. Одни стремглав убегали, другие, тяжело сопя, догоняли.

Просто детские салочки.

— Загоним аспидов в тупик и уничтожим, как жуков навозных! — по-наполеоновски командовал Флирский со своего командного пункта, оборудованного на горе угля. Его гордая фигура, возвышавшаяся над массой восставших, блестела в зареве многочисленных костров. Заложив, будто французский император, руку за пиджак с оторванной пуговицей, в котором Галина Борисовна и Федя спровадили на тот свет, он величественно созерцал поле революционной борьбы. С удовольствием предвкушал скорую победу над узурпаторами и воцарение мира. Даже не на толику не сомневался, что коллеги по несчастью изберут его председателем ревкомитета. Разве могут найтись другие претенденты?

И тут он вспомнил смельчака — строптивого соседа по казану, которого черти скрутили в бараний рог. Сострадание к этому ближнему как раз и послужило толчком к всеобщему неповиновению. «Может, тот захочет возглавить построение светлого будущего в темном царстве?» Петр Иванович нахмурился. Почувствовал неладное. Многолетний опыт подковерной суеты в обкоме и ЦК не прошел даром. Соперники были ему всегда, как флюс. Только кардинальное вмешательство могло спасти ситуацию.

Тем временем из дальней пещеры прибежал посыльный — хромающий юнец, при жизни в пьяному угаре сбивший своей машиной столб с правительственной связью. Того сразу же обвинили в терроризме и уpekли на зону, где вскоре и окочурился.

— Петр Иванович! Враг повержен, а его останки разбежались по пещерам, спрятавшись в расщелинах и за валунами.

— Молодцы! — величественно произнес командующий.

Возвращающиеся с победой люди, собирались вокруг кучи «черного золота», которое тут не стоило и ломаного гроша.

— Братья! Друзья! Мы с вами сделали то, что должны были сделать. Освободились от гнета рогатых сволочей. Теперь дорога в рай открыта. Однако святые врата стерегут архангелы Гавриил и Петр. Силы наши неравные. Архангелов и всяких ангелов там тьма-тьмушая. Поэтому подождем, окрепнем пока, наберемся военного опыта, перегруппируемся, а потом уже ударим по раю, чтобы аж перья у ангелов полетели.

Все согласились.

— А пока нам необходимо избрать ревкомитет и ревтрибунал.

— Последний зачем? — удивились присутствующие.

— Для поддержки революционной дисциплины.

Быстро укомплектовали два органа. Его члены стояли, как дубы. Все герои. Среди них и Флирский. Хотя даже и не яшень, но зато тверд духом. Предложил новоиспеченным членам из-

брать председателем ревкомитета себя, как наиболее стойкого идеологически — способного воодушевить, зажечь и направить куда надо. Растерянные ревкомовцы согласились.

Ревтрибунал возглавил хромоногий нарушитель правил дорожного движения. Флирский согласился с таким решением, поскольку увидел в первом достойного помощника, который не будет задавать неудобных вопросов, зато будет рвать когти для достижения поставленной цели.

Костры потушили. Всех расселили по чанам. Входы в пещеру загородили колючей проволокой. Возмущенным ответили твердо:

— Для вашего же блага печемся. Чтобы бесы-диверсанты не пробрались и не разожгли под вашими котлами костры.

Обустроенными резервациями Флирскому стало легче управлять. Народ сидел по своим пещерам, будто мыши по норам, ожидая своей дальнейшей участи.

Каждый вечер Петр Иванович собирал обитателей подземелья на политчас. Чтобы не расслаблялись. Грузил об обязанностях, зажигал идеей строительства здесь нового рая, обещал искоренить оставшиеся раздробленные банды нечисти.

— Только необходимо вкалывать, вкалывать и еще раз вкалывать.

Задачи были поставлены сногшибательные. Необходимо было выдраить добела котлы. Чтобы сияли, как котячьи яйца. Перебрать горы угля, порубить дрова, перегнать смолу на воду, керосин и водку. Последняя должна была выдаваться исключительно по сто грамм за перевыполнение нормы на 10 процентов, 20 грамм — на 20 процентов и так далее. Лишь бы было желание пахать на благо будущего рая и пить во здравие.

— Я здесь не обещаю легкого пребывания. Но вы должны понимать, что рано или поздно комфорт вы получите.

Порядок поддерживался железными членами ревтрибунала. Малейшее непослушание либо отлынивание от общественно-полезного труда каралось решительно и жестко. По-революционному. Первой жертвой пал смельчак, выдержавший в котле нападение всей бесовщины и спровоцировавший пере-

ворот в аду. В нем Флирский увидел потенциального конкурента.

Того ревтрибуналовцы взяли тепленького ночью, когда безмятежно дрыхнул на осиновых поленах. Чтобы случайно не поднял шум, один воткнул в рот клочок чертячьей шерсти, а еще двое знакомым приемом скрутили колючей проволокой руки и ноги. Бросили на тележку, которой нечисть подвозила к котлам уголь, и увезли в неизвестный тоннель.

Больше никто бунтаря не видел.

Вскоре стали исчезать, будто проваливаться в преисподнюю, и другие грешники. Хотя в работе были благочестивыми. Пили по пол-литра каждый вечер. Это так перевыполняли план!

Некоторые сознательные созидатели прекрасного завтра начали возмущаться. Даже попробовали созвать сход униженных и оскорбленных у врат рая. Но когда желающие «поговорить по душам» пришли к пещере, где висели черно-синие вывески «Ревкомитет» и «Ревтрибунал», их уже ожидали вооруженные кочергами активные члены. Ощетинившись этим подручным оружием, они недвусмысленно дали понять, что применяют его невзирая на былые заслуги в революционной борьбе присутствующих. Собравшиеся помитинговали, помитинговали и разошлись.

Новый порядок в аду стал поперек горла всем его обитателям. Не был ничем лучше чертячьего. Недовольство возросло после того, когда бывший пьяница и вор, стыбривший картину Гоя у одного олигарха и пропивший ее за один присест в кабаке, принес известие, что в дальней штольне видел за колючей проволокой всех пропавших братьев по несчастью. О них забыли, а они оказались почти рядом. Копали выход наверх. Черные, как смоль, оборванные, будто последние биндюжники, исхудавшие, словно фотомодели-туберкулезницы, рыли и рыли.

— Это что же такое получается? — возмутился свидетель изуверств новой власти. — Свергли одних, а на смену на наших горбах пришли другие.

Народ зароптал. Одни предлагали придать анафеме самого главного революционера Флирского, другие требовали того самого сослать за колючку, третьи призывали к новой революции. Гнев нарастал. А с толпой не шутят. Она на раскаленную сковородку может бросить всех избранных членов с любыми полномочиями.

Шептуны сразу доложили Петру Ивановичу о народном волнении. Свиснув помощников, поставил задачу — разогнать если не метлой, то горячей смолой.

От перегонки сохранили стратегический запас смолы. Моментально заначку разогрели в чане и разлили в ведра. Ревтрибуналовцы ринулись в атаку. Перед кипящей жижей никто не мог устоять. Все разбежались по укрытиям.

Флирский начал действовать стратегически. Не дав опомниться бунтарям, разжег костры под чанами. Остатки смолы вылили в емкости. Вольнодумцев хватали, как омовцы оппозицию, и бросали в котлы.

— Строительство рая, как и строительство коммунизма, требует жертв. Демократия — враг порядка, инициативность — признак дебилизма, индивидуальность — пережиток загнивающего капитализма. Только коллективизм и безоговорочное послушание способствуют гармоничному перевоспитанию падшего, — поучал недавних своих собратьев-мучеников коммунист с богатым опытом.

Преисподняя вновь наполнилась смрадом, сизым дымом и копотью. Ревтрибуналовцы носились с тележками, наполненными углем и дровами, как угорелые. Флирский с ватагой комитетчиков подгонял их, угрожая после смены лишить законных сто граммов за перевыполнение плана.

— Бестолочь, лодыри, придурки, голодрань! Задницы на поздри натяну, воскрешу и сошлю рабами на Соловки.

В этот момент он был похож на лагерного конвоира с Джульбарсом на поводке, который свято верил в то, что только каторжный труд сделал из обезьяны человека, а грешников

он способен превратить в праведников. И только тогда наступит в преисподней желанный рай — покруче, чем на небесах.

Раскрасневшиеся бедняги в чанах подпрыгивали и скулили. А им все поддавали жару.

— Рая захотели? Будет вам и рай, будет вам и белка, и свисток. Зачем вы нам такие сплющенные сдались?

Из всех углов и щелей бесы повысовывали рога. От изумления пооткрывали пасти. Интенсивность, с которой крутились у костров кочегары, повергла их в ступор. Какой-то новый кочегар на секунду остановился, чтобы вдохнуть и почесать за ухом. Так его сразу по спине огрели поленом. Бедняга носом проорал угольную пыль. Но не пикнул. Подхватился, будто упал на йоговскую доску с гвоздями, и покатил нагруженную тележку, как коляску с младенцем. На ходу подпрыгивая.

Вельзевул о такой организации адского труда и не мечтал.

— Офи-иге-еть! — причмокнул бесенок, испуганно прячась за хвост Люцифера.

— Нам такое и в кошмарном сне не могло присниться.

ГЛАВА II

*Полный триндец подкрался незаметно.
И показал кузькину мать*

Флирский очнулся от дискомфорта. Его донимала муха, сидевшая на носу. Попытался отогнать рукой, но та никак не реагировала. Хотел пошевелить носом. Не удалось. Задрав нижнюю губу и набрав полные легкие воздуха, что есть мочи дунул. Вьедливое насекомое, наконец, оставило нос в покое.

Постепенно возвращалось сознание.

Повернул голову и увидел дражайшую. Сидя на стуле, Галина Борисовна вязала носки.

Ее терпению и преданности мог бы позавидовать любой телохранитель из девятого управления КГБ. Ночами, скукожившись на соседней кровати, стерегла покой мужа. Просыпалась

от малейшего шороха и вздоха милейшего. Лучше всякого пульсоксиметра, электрокардиографа, капнографа и пикфлоуметра и всякой другой медаппаратуры следила за состоянием здоровья родного Петюньчика. С оптимизмом смотрела в будущее. В свободные минуты вязала носки. Как тогда, в суровые 30-е годы. Он, секретарь райкома в Казахстане, оставил бы ноги в заглохшем «бобике» в холодной степи, если бы не добротные носки с овечьей шерсти, любовно связанные ею и подаренные Пете на Покрова. Хотя и были безбожниками, но в народные приметы все-таки верили.

Коммунисты не ноют. Коммунисты мечтают.

— Пить, — то ли простонал, то ли приказал Петр Иванович.

Шепот показался Галине Борисовне душераздирающим криком.

— Оклемался, голубчик, сиротинушка моя ненаглядная, подранок ты мой несчастный, — заголосила женщина. — Это сколько дней, бедолажечка ты мой, пролежал в коме! Чего только не передумала глупой своей головой.

На душещипательные вопли сбежался чуть ли не весь медперсонал больницы. Не часто увидишь немощного повелителя судеб. Дружно запричитали, захлопали в ладоши. Главврач неистово тряс руку каждому своему коллеге, поздравляя с победой отечественной медицины над тяжелым недугом, перед которым опускали руки зарубежные хирурги и терапевты. Кто-то из ассистентов даже попытался провозгласить здравицу в честь еще недавно безнадежно больного, а сегодня уже исцеляющегося.

— Как он себя чувствует?

— Тс-с, — просипела старшая медсестра.

— Что со мной? — тихо поинтересовался пациент.

— Все хорошо. Ты в больнице, — ответила жена.

— И какого лешего я здесь делаю?

— Отдыхаешь.

— Разве я переработался?

— Да еще как...

К больному несмело подошел консилиум врачей. Один постучал молоточком по коленкам, другой осмотрел глаза, третий, как жеребцу, зубы...

— Кажись, здоров, — поставил диагноз стоматолог.

— И у меня без патологии, — резюмировал проктолог.

Флирский ошалелыми глазами смотрел на белохалатчиков. Он все еще не мог въехать в ситуацию и сориентироваться в происходящем.

— Вы будете меня мумифицировать? В мавзолее пристроите?

От такого вопроса у врачей повяли уши.

— Невропатолога и психиатра срочно сюда! — по-армейски приказал главврач.

Рыжеволосая медсестра с косынкой «а-ля ударница первой пятилетки» пулей выскочила из палаты. Доктора дружно стали успокаивать больного.

— Да что вы такое говорите, Петр Иванович? Бог с вами! Как можно живого человека мумифицировать? Вы же не вождь...

— А кто я?

— Петр Иванович Флирский. Человек и гражданин. Хотя это и не фунт изюма, но все-таки... Впрочем, в нашей жизни все бывает... Бывает, что и щука летает.

Враз приметелили психиатр с невропатологом. Услышав от главврача о симптомах болезни, однозначно заявили:

— Наш клиент. Забираем...

Первой завyla Галина Борисовна. Упала на мужа и со слезами на глазах сказала:

— Только вдвоем. Я, как Надежда Константиновна Ильича, свою половину тоже не оставляю. И в дурке будем вместе.

И вдруг на пороге палаты выросли, будто трое из ларца, Храпов, Деригуз и Трусов.

— И кого это вы собираетесь упрятать в психушку? Нашего дорогого Петра Ивановича? А ху-ху не хо-хо?

Визит высокопоставленных попечителей привел в замешательство медиков. Ситуацию взял под контроль Храпов.

— Вы выписываете нашего пациента как целиком выздоровевшего. Есть возражения?

Не дожидаясь ответа, сам же и ответил на свой вопрос:

— Нет возражений. Единогласно.

Деригуз достал из дипломата походный паек: датскую салями, баночку черной икры, оливки, лимон и бутылку шотландского виски.

— Ну, что, ребята? Вздрогнем за здоровье многоуважаемого Петра Ивановича. Пусть ему еще много лет хочется и может.

— Да вы в своем уме? Он же больной. Ему нельзя.

— Это лекарство, — Борис Никифорович нежно обнял бутылку, — лечит амнезию, простату, воспаление седалищного нерва, пупочную грыжу и еще массу страшных заболеваний.

Он привычным движением скрутил крышку и нюхнул содержимое. Блаженство расплылось по лицу.

К столу подскочил Деригуз. Вытянул из заднего кармана складной ножик и, как заправский шеф-повар, покромсал колбасу и лимон.

— Ба-ба-анкет нача-а-ался, — заискрился Трусов. И не ожидая команды, наполнил стаканы, сиротливо стоявшие возле графина. Его дурковатость граничила с детской непосредственностью.

— Ополоумели! — Галина Борисовна попыталась призвать гостей к здравому смыслу. Но те и ухом не повели. Борис Никифорович взял стакан и подошел к Флирскому. Поднял тому голову и поднес к иссиня-красным губам виски.

— Пейте! Этот божественный напиток делает чудеса. Плясать будете, ако скоморох на ярмарке.

— Не отравите?

— Да Бог с вами, милейший Петр Иванович! Да мы за вас хоть в дерьмо по уши. Не дадим замарать ваш светлый лик. Мы видим в вашем лице образец беззаветного служения своему на-

роду и всего прогрессивного человечества.

Флирский нахмурил брови, пытаясь понять сказанное.

— Ты кто? — еле прошептал.

Деригуз опешил.

— Я Деригуз.

— Ни фига. Ты козел мичуринский, кикимора заморская.

Вскочил с постели и твердой поступью подошел к стулу, где висел халат.

— Значит, так. Слушай меня и запоминай. Дважды повторять не буду. Во-первых, убрать эту заграничную снедь. Где только взяли эту отраву? Во-вторых, — обернулся к Трусову, в которого от удивления глаза смотрели в разные стороны, — через час собрать бюро обкома. Повестка дня — промахи райкомов партии нашей области в морально-нравственном воспитании строителя коммунизма. Понял, Вадим Петрович?

Внезапное перерождение почти безнадежного больного вызвало недоумение. А учитывая властный характер того, то и некую дрожь в поджилках. Инстинкты всегда сильны.

Тот недоумевая, покорно кивнул головой. Ведь еще час назад Флирский лежал трупом. И тут такая внезапная метаморфоза. Воистину медицина делает поразительные успехи.

— И машину к подъезду, — гипнотизирующим взглядом пронзил Храпова. — А ты, Борис Никифорович, завалил всю работу. Ничего нельзя поручить.

Молчание того сначала удивило Флирского. Второй секретарь славился в аппарате своей резкостью и подчас несдержанностью. Порой мог достойно ответить даже первому. А тут ведет себя так, будто флюс во рту.

— Заболел, что ли? Так я койку освободил — обустройвайся.

Храпов покосился на Деригуза, потом на Трусова. Те за спиной шефа соорудили странные гримасы, но никак на мишуку Бориса Никифоровича не отреагировали.

— Какая может быть работа в твоем состоянии? — закрыла собой двери Галина Борисовна.

— Цыц, ведьма, когда мужчина говорит!

У женщины накатились слезы.

— И это благодарность за то, что вытянула тебя с того света? Подонок ты после этого.

В халате и комнатных тапочках таранил супругу и выскочил в коридор. Его походка напоминала походку шоумена, который для продолжения своей карьеры выкачал ведро целлюлита с бедер. За время, проведенное в больнице, он стал похож на жертву анорексии.

Врачи, молча наблюдавшие за происходящим, вжались в стены. Проведывающие вылетели вслед за своим патроном.

Знакомая «Волга» стояла у парадного больницы. Все тот же Костя (правда, теперь в темных очках «от Диор», скрывающих возле глаз углубившиеся морщины, сделанные плугом жизни) блаженно покуривал не болгарские «Стюардесса», а «Мальборо». С приемника доносился тяжелый рок. Тяжелее которого просто нет на свете. От децибел машина дрожала, как осиновый листок на ветру.

— А веселее ничего нет? «Катюши» или «...Трутся медведи о земную ось»?

— Это же форменный отстой, Петр Иванович! — категорически возразил Костя.

— И с каких таких времен устарели эти популярные песни?

— Еще... — но вовремя прикусил язык.

Флирский уместился на переднем сидении, сзади запрессовались Храпов, Деригуз и Трусов.

— Трогай!

Машина, скрипя, как несмазанные двери, выкатила с территории больницы и помчалась по проспекту. Соскучившись по городу, Флирский крутил головой чуть ли не на 360 градусов. Все было интересно.

«Волгу» обгоняли «порше», «БМВ», «лексусы», «инфинити» и прочие экзотические авто. Квартиры на первых этажах многоэтажек странным образом преобразились. Вместо окон

с кактусами и разноцветными шторами манили взгляд шикарные витрины магазинов с названиями, написанными латинскими буквами, офисы банков, обменных пунктов валюты, кафе и туристических агентств. Первый секретарь Голомоиского обкома компартии взглядом ленивца созерцал окружающую обыденность. Даже реставрированный особняк с трехцветным флагом на крыльце и синей вывеской на стене «Партия справедливости и порядка» нисколько не удивил. Лицо было, как у Тутанхамона.

— Стой! — вдруг истошно заорал Флирский. Даже вздрогнул, испугавшись собственного голоса. Его мозг хоть и с задержкой, но все-таки смог переварить действительность, в результате чего в его башке произошло «короткое замыкание». Два полушария между собой конфликтовали. Мгновенно с мумии превратился в желчный пузырь с повадками глисты в обмороке. Машина еще не успела остановиться, как Петр Иванович открыл дверь и выскочил на тротуар в халате и комнатных тапочках. Заросли на груди колыхались, как камыш на ветру, кавалерийские ноги напоминали две ходули, которые вот-вот могли сломаться. Он суетился, пытаясь то бежать прочь от «Волги», то обратно сесть в нее. Своим неадекватным поведением привлекал внимание прохожих. Некоторые особо бдительные граждане взялись звонить «по сотовым» в «скорую помощь».

— Приезжайте поскорей! Тут какой-то сумасшедший посреди улицы форменный стриптиз устроил, — жаловалась одна дама, свободной рукой закрывая глаза взъерошенному терьеру.

Флирский обеими руками отчаянно тер виски, при этом неистово причитал:

— До чего довели страну! Развалили, негодники. На полдня стоило оставить область без присмотра и социализм будто в унитаза смыло. Славные завоевания большевиков — коту под хвост? Ну, я им покажу! Я им носы на жопу натяну и будут пердеть носом.

Храпов, Деригуз и Трусов молча наблюдали за происходящим. Каждый многозначительно ухмылялся и злорадствовал: так, мол, ему, дураку, и надо.

— Швабра бегаёт и ничего понять не может.

— Разве крыша не поедет от происходящего? Тебе бы попасть в следующее столетие. Хотел бы посмотреть, как бы смотрел на летающие авто и баб с квадратными сиськами...

— А по-по-очему имен-о-о с ква-ква-квадратными? — не мог понять Трусов.

— И квадратные лифчики будут шиться. Потому что мода будет такой. Как сейчас на квадратные арбузы, — ответил провидец Храпов. — И члены будут бантиками завязываться. Чем больше бантик, тем красивше мужик...

— Да не заливай, — тут уже Деригуз, видевший в саунах и не такое, не поверил. — Гони, да знай меру. Где это видано, чтобы мужики свое достоинство завязывали бантиком? И какой это величины должно быть хозяйство, чтобы вырисовался бантик? Очумел!

Возле бордюра затормозил белый микроавтобус с красным крестом. Из него выскочили три бритоголовых амбала со смирительной рубашкой в руках. Ничего не подозревающий Флирский продолжал резвиться, словно мальчуган на детской площадке, приставая к прохожим с вопросами:

— Девушка, как вам не стыдно идти с голым пупком? Да на вас все мужчины смотрят...

— У вас миниатюрная рация в руках? А разрешение соответствующих органов имеется?

— Борис Никифорович! Борис Никифорович! Немедленно звоните Безрукавному. Группу захвата сюда. Вон тот, в очках, доллары считает. Я его задержу до их приезда!

Петр Иванович набросился на мужичонку, на которого не подняла бы руку даже женщина. Схватил того за шиворот и потащил к «Волге»

— Где, мерзавец, взял иностранную валюту? Поса-ади-ить обалду-уя!

Верзилы поспешили к дерущимся. Внешний вид Флирского не вызывал сомнения — их клиент. Уединенная палата с мягкими стенами явно плачет по нему. Еще мгновение и даже рота телохранителей не спасла бы своего подопечного от пентатала или амитриптилина... Хорошо, что вовремя подоспели Храпов, Деригуз и Трусов.

— Шо? Хотите, чтобы банки вам поставили? Я щас бебики потушу, в натуре. И не вайдоньте! Чешите вальсом, валенки, пока пельмени не поотрывал, — Деригуз стал гоголем перед санитарями. Его глаза налились кровью, как у симментальского быка перед случкой. Пальцы добела сжал в потных кулаках. Немного — и разнесет биндюжников в белых халатах. Даже не извинится. Григорий Афанасьевич был во гневе страшен, будто лев.

— Мы что-то не поняли? — дружно возмутились ребята.

Не обращая внимания на обезумевших и «Богом обиженных» усмирителей, тройка подхватила под руки их потенциального пациента и потянула к машине. Тот сучил ногами, махал руками, при этом искренне возмутился:

— Я еще разберусь, кто наводнил нашу страну этой зарубежной дрянью! Кому-то не сносить головы. Расстанется с партбилетом и должностью. Сгною, урою, четвертую и псам скормлю... Отпустите меня. Че прилипли, как к бабе. А ну, пшли вон!

Но соратники по партии не очень-то обращали внимание на угрозы шефа. Открыв заднюю дверь «Волги», кинули, как мешок с картошкой.

— По-по-по-е-ехали! — запыхавшись, скомандовал Трусов.

Ссади мелодией из хита «А я девушкой была, пока замуж не пошла...» посигналили Косте. И в то же мгновение мимо промчался черный «мерседес».

— Во-о! Это он, сука! — показывая пальцами на скрывшееся за поворотом авто, Флирский попытался выскочить из салона. Но его вовремя схватил за халат Храпов.

— Сидеть!

Пояс халата развязался. Труссы перекрутились. Вывалившееся добро уже оценке не поддавалось. Тем более удивляло, что на такие драгоценности в свое время могла позариться Люська. Лучше быть нищим, чем с таким состоянием.

— Петр Иванович, прикройте срамоту! Люди ведь смотрят, — посоветовал Деригуз.

— Что ты раскомандывался? В исполкоме будешь советовать и приказывать. Здесь я Бог, царь и первый секретарь. Хочешь, чтобы оттрахал? В элементе... — Флирский попытался снять халат. О злополучном черном «мерседесе» уже напрочь забыл.

— Ну-ну! — пожурили его.

— А де-деду ко-ко-о-ма боком вы-выходит, — тихо осиливал слова Трусов.

— Пускай коммунисты и беспартийные Голомойска смотрят на руководящую и направляющую роль партии. Как она дерет советскую власть во все дыры... Давай в обком! — Петр Иванович разошелся не на шутку.

Все загадочно переглянулись. Одно дело — недоразумение из санитарями, а другое — крик души у стен обкома. Этого подчиненные Флирского боялись больше всего. У их шефа и так в голове два полушария друг за другом гоняются, а тут может случиться, что вообще свалится с катушек, услышав новость не только об отсутствии его любимой КПСС, но и СССР вместе со странами Варшавского договора, автомобилями «запорожец», серпасто-молоткастым красным флагом, столом-заказов в универсамах да и самими универсами тоже, пятилетками за четыре года и праздником Дня конституции 7 октября. А вместо этого все то, что уже успел заметить из окна «Волги». Если ему врезать правду-матку обо всем сразу, то он, явно, быстрее поверит в приземление корабля инопланетян на огороде бабы Феклы в каком-то Нижнем Хряпове и подписание с ней большого договора о взаимном ненападении, чем во фразу «спекуляция землей олигарха П. с молчаливого согла-

сия генерального прокурора С. позволила первому стать лидером в рейтинге журнала «Форбс» самых богатых людей страны».

Уже не коммерсанты, но еще и не олигархи Храпов, Деригуз и Трусов понимали, что для решения проблемы у них имеется не более пяти минут, пока Костя доедет до бывшего здания обкома партии, на котором уже висит синяя табличка «Голомойская областная администрация». Что такое надо втюрить бедолаге с остатками коммунистического прошлого в голове, чтобы понял, в какой именно эпохе его угораздило очутиться?

— Мо-может, рва-а-а-нем в кинопро-про-окат и по-покажем фильм «За-замороженный» с Луи де Фюнесом? А по-по-сле потолка-у-уем... — прошептал коллегам Трусов.

— А почему бы не Сильвестра Сталлоне? Очень актуально, — съерничал Деригуз.

Пока судили-рядили, машина подкатила к зданию обкома. Увидев до боли родные ступеньки и двери, Флирский пустил скупую слезу.

— Мне кажется, я здесь не был вечность.

— Вы недалеко от истины, — заметил Храпов. — Только учтите: в халате и тапочках первый секретарь обкома на работу не ходит.

Немного раскинув мозгами, тот согласился.

— Костя, домой. Переоденуть и обратно на работу... А вас, — покосился на сопровождающих, — я больше не задерживаю. Можете идти работать. Первичные партийные организации и народное хозяйство не выдержат вашего продолжительного отсутствия.

Зубная боль просматривалась на их лицах. Они терзались мыслями: сейчас открыть все карты или подождать удобного случая? Ведь в самом деле — не ложиться же под колеса и не устраивать сцены с вырыванием остатков волос на голове. Нигде не описаны случаи, каким именно образом первый секретарь обкома партии после нескольких лет пребывания в коме воспринимает окружающую действительность. Одно дело, слесарь Петя вляпался в аварию на горбатом «запорожце» и ок-

лемался, когда по улицам, например, уже шныряют «бентли», «ниссаны» и «мазератти». Или с дворником случился казус со здоровьем. Напильник и метла, между прочим, сто лет назад такими были и через сто лет такими останутся. Удивляться ему придется разве что собственной бороде, похожей на старообрядческую. Да и только.

А вот партийной птице подобного полета есть от чего шарахнуться во вторую. Имеется ввиду кому. Ни кабинета, ни автомобиля под задницей, ни партийной кассы, ни спецраспределителя, ни подчиненных... Сам, как хрен на бугре.

Пока гадали и обсасывали проблему, Костя дал по «газам» и «Волга» скрылась в потоке автомобилей. Всю дорогу к дому Флирский тупо смотрел в окно и никак не мог осознать происходящего. Странности наблюдались на каждом шагу. От непонимания их он то смеялся, то рыдал.

Подъехав к дому, первое, на что обратил внимание, отсутствие охраны на воротах. Сами ворота держались на одной петле, отчего накренились, как на заброшенной ферме. Во дворе рос бурьян по пояс, а стекла в особняке, который теперь лишь некоторыми уцелевшими архитектурными излишествами напоминал какое-то барокко, были выбиты.

— Что это? А где мои?

Костя морально был готов к такому исходу событий.

— Петр Иванович! Эти ссыкуны побоялись вам все рассказать. Придется мне выдать на-гора сермяжную правду...

И понесло Еропку. Начал из событий пятнадцатилетней давности, точнее, с аварии на проспекте Ленина... Только когда стемнело, Костя закончил свое повествование об исторических событиях, человеческих судьбах и прегрешениях политиков. Все это время Флирский не проронил ни слова. Сидел, как изваяние Будды.

— У меня все, — вздохнул с облегчением.

На воцарившуюся тишину бывший первый секретарь никак не отреагировал. Костя не на шутку перетрухнул. Поводил

рукой перед его лицом, но стеклянные глаза Флирского не подавали признаков жизни.

— Петр Иванович! Петр Иванович! — схватил того за уши и начал трепать, словно шаловливого щенка. Голова мотылялась, будто горшок на тыну.

— Вытрусись последнее, что осталось, — взъерепенился. — Лучше скажи, где живу?

— На Демократической...

— Какой, какой?

— Фу ты, ну ты! Бывшая Коммунистическая. Ну, в той, что подарили Феде...

— Кому?

— Сыну вашему.

— А-а... Ведь там же двухкомнатная? Конура собачья. Только и блохам просторно.

— Уж не знаю. А ваш загородный дом прибрал к рукам Мансурович. Здешний олигарх. Но что-то руки к нему не доходят. Совсем рушится.

— Он же на балансе управления делами ЦК. Это особняк в стиле (эка невидаль, запоматовал каком), а не погремушка.

— Как вы не поймете? Больше нету ни ЦК, ни КПСС, ни СССР... Есть сплошное огромное «можно». Если, конечно, позволяют возможности.

— У нас анархия?

— Никак нет. Страна «купи-продай».

— Называется: целовали лягушку. Вышла потом не красавица-царевна, а царь. А все потому, что лягушка была самцом, — раздосадовано махнул рукой Петр Иванович.

Аллегии Костя не понял. И не стал переспрашивать.

— Тогда давай к Федьке...

Пока Флирский катался по Голомойску, Галина Борисовна приметелила домой, дабы к приходу мужа по-быстренькому что-нибудь состряпать. Сколько лет питался одной глюкозой — организм уже и забыл вкус лучка, мясца, селедочки, не говоря о водочке.

Переступив порог, Петр Иванович первым делом поинтересовался:

— А Нюрка где?

— Где, где? В Караганде!

— У нее там родственники? Впервые слышу.

— Я понимаю, ты, трахнутый в машине, долго лежал в больнице без сознания. Рецидивы, адаптация и такое прочее. Ну, ты быстрее въезжай в действительность, пока она по тебе не проехала. Какая прислуга в наше время? Мы с хлеба на воду еле перебиваемся. Нюрку пришлось уволить, потому что твоих червонцев и пятидесяток в коробках из-под обуви хватило ненадолго. Сначала Павлов забубенил менялово, а потом инфляция, друг мой, шарахнула так, что мало не показалось. А потом еще обмен наших деревянных! В результате поимела лишь интерес.

— Да я взяткок нагреб и на загробную жизнь тоже. Их просто нельзя было потратить.

— Олух! Ты хоть понимаешь, что такое Павлов и инфляция?

— Об инфляции читал в «Капитале» Карла Маркса. А с собачками Павлова знаком со школы.

— Лучше бы сказки читал. Было бы больше пользы. Это как огонь без дыма. Деньги в одночасье превращаются в прах, макулатуру, туалетную бумагу... Как хочешь назови. Становишься, как церковная мышь. Поэтому приходилось выживать. Вспомнила, что в молодости на швейной фабрике работала. Начала дома с кальсон шить ползунки на реализацию...

— А это что за параша?

— Сошью и отдаю людям для дальнейшей продажи. Ночами порола, кроила, по утрам с тобой сидела, а после обеда шила. Вот так и жизнь прожила.

— Не прибедняйся! Как жена первого секретаря шубы норковые покупала, золото, парфюмерию... Купалась, будто перец в водке. Кстати, барахло сохранилось?

— Ага. Разбежался... Распродала. Думаешь, ползунки прокормят?

Вечер воспоминаний в семье Флирских удался на славу. Было выпито две бутылки водки, бутылка коньяка, вина и шампанского. А к полуночи полирнули пивком. Глава семьи очередной раз удивился, что не «Жигулевским».

— А разве есть какое-нибудь еще? — пролепетал, еле ворочая языком и роняя голову в остатки картофельного пюре.

— Батя, ты тундра непаханая! Времена настали клевые. Сейчас столько разного пива, что ежедневно можно год пить разное и не повториться, — мудрствовал Федя. Его лысая голова с пирсингом бровей, носа, губ и языка выглядела, как арбуз, утыканный булавками. Прежнего ирокеза с флибустьерской серьгой сдуло с головы.

— Пройденный этап, гниляк. Времена изменились. Я скинхед. Теперь конаю по-крупному, чтобы нищак было с герлзой проковылять центрифугой...

— Может, прокатиться в центрифуге?

— То по-вашему. А по-нашему, пройтись центром...

И задумался горемыка над своим светлым и счастливым прошлым и неопределенным будущим. Возник извечный вопрос: как по Чернышевскому. Он даже в кошмарном сне не мог представить себя безработным. У проклятых капиталистов такой факт имелся. Но не в Советском Союзе. И тут тебе, бабка, Юрьев день — клюнул жаренный петух в задницу. Таки приплыла этакая гадость и сюда.

— Господи, а где работают мои молодцы — Храпов, Трусов и Деригуз? — поинтересовался у супруги.

— После разгона партии...

При этих словах с пеленок не ощутившей священной купели Флирский остервенело перекрестился.

— Устроились кто куда, — женщина всхлипнула. — Деригуз организовал физкультурный институт. Кует кадры тренеров для спортивных секций. Говорят, делает уклон исключи-

тельно на самбистов, дзюдоистов, боксеров и таэквондистов... — бля муха, язык сломаешь.

Трусов пристроился в банке «Недра счастья». Помощником самого Шелудивого. Газеты писали, что на Рождественские праздники колядовать к нему приходят все клиенты банка. И посевают исключительно стадолларовыми купюрами. За какое ему такие щедроты, не ведаю... А вот Борис Никифорович настоящий марксист — до пятки, до мозга костей. Он первый секретарь областной организации Коммунистической партии, издает газету «Горькая правда», депутат, на митингах всегда на высоте, на демонстрациях — впереди.

— А я, ети его налево, кто такой?

— Элементарный бомж.

— Не было отчетно-выборной партконференции, меня коммунисты не освобождали от должности. Я это хорошо помню. Да и на больничном я был. А больного с должности не снимают.

— Петя, тебе время дало пинка под зад. Пролежал свою должность. Все продрыхнул. А теперь проснулся... Доброе утро, козленок. И думаешь Голомойская область по-прежнему у твоих ног? Нифига подобного. Область, все жители и коммунисты в том числе уже другие.

— Коммунисты другими не могут быть, по той простой причине, что они коммунисты. А коммунисты и в Африке коммунисты, а не лапотники позорные.

Годы духовно укрепили Галину Борисовну и она из паиньки превратилась в самодостаточную женщину, способную реально смотреть на мир. Эйфория мужа ее просто умиляла.

— Не знаю, какой у тебя будет пенсия. Скорее, вспомоществование. Поэтому, дорогой, завтра дуй искать работу. По друзьям-товарищам, коллегам-однопартийцам. На что-нибудь сгодишься. Если не дворником, то сторожем.

Таких перспектив Флирский не догонял. Тут бы чуток оклематься после пережитого стресса: понежиться на юге, пивка попить, баб пощупать. Но напор жены не оставлял вариан-

тов — придется всерьез задуматься над проблемой собственного трудоустройства.

...Утро выдалось ленивым. Солнце подолгу не подымалось над крышами. Чувство вывернутости наизнанку и подвешенности на бельевой веревке было сродни горькому похмелью. Петра Ивановича обуял «депрессняк». Впрочем, совсем не хотелось мириться с мыслью, что придется жизнь начинать сначала. Ведь испарилась вместе с обкомом партии трудовая книжка (не говоря уже о партбилете и учетной карточке), где видна была яркая биография коммуниста, восходящего на партийный Олимп. В одночасье не стало атрибутов, характеризующих положение «олимпийца», друзей и коллег. Как оказалось, одни осели «за буграми, за ярами», другие переродились-перекрасились, третьи упали в вечную «спячку», чтобы их не трогали по этой жизни.

— Хамелеоны, ети его в качели!

Из дому вышел с полной решимостью посетить своих близких единомышленников. Кто, как не они, считал, должны помочь попавшему в беду за правое дело? Ничего, что угораздило лбом. Хуже было бы, если б хреном. А так, можно сказать, отделался несколькими годами легкого испуга.

Банк «Недра счастья» был первым на пути. Решил проведать своего подчиненного. Авось, предложит теплое местечко по старой дружбе.

Увидев своего бывшего патрона в дверях, Вадим Петрович побагровел, словно аллергик, понюхавший пробку от бутылки вина. Ожидал какого-нибудь заемщика, ноющего отложить погашение займа, но никак не экс-первого секретаря обкома партии. На лицо одел улыбку на все 32. Ну, вылитый банкир. Милейший человек в рубашке в горошек и в клеточку, болотного цвета пиджаке. Умение одеваться — было коньком Трусова.

— Ка-какие-е лю-люди и без охра-аны! — вышел навстречу из-за стола с футбольное поле. — Петр Иванович, ка-каким ве-ветром? Как здоздо-о-ровье? Что-то ра-рановато на ноги ста-

стали. Не мешало бы по-по-полежать, лека-ка-арства попить. Обще-ще-еукре-е-пляющие, так сказать.

— Пилюли сам глотай, если надо. А мое здоровье не тронь. Еще на твою могилу цветы положу.

— Кто бы сом-сомневался! Дай Бог вам мно-многие лета. На-на-аверное, дела бес-беспокоят? Про-проходя мимо, решили навестить бе-бе-едного клерка? Как сла-лавно, как сла-лавно, — пытался говорить быстро. — Спе-пешите? Спешите, спешите... Куда нам, гре-гре-ешным, до вас! Мы про-прозябаем, будто че-че-ерви наво-о-озные. А у вас ма-ма-масштаб, возможности, фи-финансы... Что, и ко-кофе не попьете? Как жаль, как жаль, — не давая гостю раскрыть рта, медленно подталкивал того к двери.

Флирский отошел от заикающегося только в коридоре. Попытался вернуться и хотя бы поздороваться, но не тут-то было — дверь оказалась запертой.

Петр Иванович все понял без подсказки — его выставили за дверь, будто лишайного кота. И было вдвойне обидно: без каких-либо объяснений и обещаний.

— Жаль, тогда при назначении на должность не обратил внимания на отсутствие у этой ходячей простаты стержня коммуниста. Вылетел бы с обкома, как комар на бреющем полете. Со свистом.

К самому Шелудивому не стал просится на прием, потому что к буржуйам большевику ходить не пристало.

И подался к Деригузу с надеждой пристроиться хотя бы учителем физкультуры. Не с тем, что особенно обожал этот предмет, любил школьников или имел физические данные хотя бы перворазрядника, просто от безысходности. Кем-нибудь. Ведь более универсальной профессии, чем партийный работник, не существует. Он кузнец, жнец и на дуде игрец.

— О чем ты шепчешь, дорогой Петр Иванович? — по-свойски обнял Флирского за плечи. Будто и не было многолетней «пионерской дистанции» в их взаимоотношениях. Обращение на «ты» ударило по амбициям бывшего партийного функцио-

нера. Но переморгал. Сейчас находился в интересном положении, которое не располагало к выяснению отношений. Зато кротость и безоговорочное повиновение располагали.

— Будь, Петр Иванович, попроще и люди к тебе потянутся. А на работу? Ох, милый... Конечно, возьму. Как бросить на обочине такого человека. Преступление.

Как по аллее, бродили вдвоем по ковровой дорожке — туда-сюда. Интерьер кабинета был далек от аскетизма, что удивило Флирского. Он, правда, раз был в кабинете Деригуза в облисполкоме, но до сих пор помнит, что излишеств в нем не было. Полное собрание сочинений Ленина и Маркса, Энгельса, письменный стол для совещаний, приставной столик и стулья на львиных ножках в стиле ампир, доставшихся власти из дореволюционного губернаторского особняка, напольная ваза с портретом хозяина кабинета к его юбилею и гранитный письменный прибор — над оформлением рабочего пространства председателя тогда не заморачивались.

Здесь же все, начиная со стола из красного дерева и заканчивая французскими шторами и коллекцией самурайских мечей на стене, говорило о том, что ректор физкультурного института — человек не бедный. На книжных полках выставлены труды по единоборствам и мировая классика. Посетителям внушалось, что Григорий Афанасьевич кроме любви к деньгам тяготеет еще и к литературе и вполне может отличить Гоголя от Гегеля, Гегеля от Бебеля, Бебеля от Бабеля, Бабеля от кабеля, кабеля от кобеля и кобеля от суки...

— В моем вузе уклон делается на подготовку мастеров по всем видам борьбы и бокса. Выпускаем тренеров для спортивных школ...

— А я думал, учителей физкультуры, — проявил свою наивность Петр Иванович.

— Времена изменились. Теперь я за тебя буду соображать. Твое дело телячье — выполнять. Станешь моим замом по административно-хозяйственной части...

— Завхозом?

— Проректором...

Флирский покрутил носом, но счел, что лучше с чем-то, чем ни с чем. В этой новой жизни, хорошо понимал, необходимо было с чего-то начинать. Прежних предпочтений не видеть, как вчерашнего дня. Это было ясно, и к гадалке не ходи. Но что делать с обидой, затаившейся в сердце? Он не виноват, что опоздал со своей ложкой к общей тарелке и ему не досталась положенная порция. А она, между прочим, у первого секретаря обкома должна была быть соответствующей.

— Ничего. Не святые горшки обжигают. Засунешь свою гордыню в задницу и будешь вкалывать. Там жизнь покажет, — Галина Борисовна благословила мужа на ратный труд.

Только на это и приходилось уповать.

Новый кабинет был похож на курятник. Раньше это была кладовка уборщицы с зарешотчатым окном. Наверное, чтобы никто не потянул швабру или веник. Если бы не полочки от пола и к потолку, то вполне смахивала бы на камеру-одиночку в Бутырке. От увиденного Флирского перекосило, будто после инсульта. Он понимал, что опустился ниже плинтуса и бывшие соратники по партии сейчас выкручивают его, как помойную тряпку. Но решил во что бы то ни стало не сдаваться, не идти просить другой кабинет. На миг представил себя таким себе большевиком-твердым искровцем, которого царские сатрапы за распространение листовок упекли на каторгу. И он, под партийным псевдонимом Стойкий, в сорокаградусный мороз, в пургу и в кандалах под пристальным взором казаков бредет «сотоварищи» по бескрайней степи...

— Б-р-р, — съезжился. Вмиг захотелось в теплую постель, под пухлый бок жены.

— Ничего. Стерпим.

Стол и стул принесли, установили телефон. Сонечка (преданная, как собачонка своему хозяину) не изменила Деригузу. Куда иголочка, туда и ниточка. «Видать, не только хорошим шефом оказался бывший председатель облисполкома», —

крамольная мысль промелькнула в голове. Еще принесла авторучку, карандаш и блокнот.

— Плодотворной вам работы, — при этом мило улыбнулась. Приличный слой импортной косметики не мог скрыть шарма. О таких говорят: на них нацепи хоть марлевую повязку и все равно мужики будут облизываться.

Первые дни на новом месте прошли в сплошных знакомствах. Особенно новый проректор восхищался студентами. Боксеры и борцы были друг друга краше. Что лицом, что фигурой. Сплошное загляденье.

— Не студенты, а производители спермы. Надо поддерживать отечественного товаропроизводителя, — не сдержался Флирский.

— А как иначе! Фуфло не держим, — гордо парировал Григорий Афанасьевич. — Хотя осеменение и не наш профиль, можно подумать и над этим бизнесом. Одиночки-страдающие женского пола в очередь записывались бы.

Опыт не пропьешь. Петр Иванович довольно быстро обтерся в вузе и уже через неделю чувствовал себя не хуже профессора. Познал не только тряпки и швабры, но и бухгалтерию. Экстремальные условия сказались на умственных способностях. Тело мобилизовалось: стал шустрить ногами, активной варить башкой, руки, оказывается, сразу выросли оттуда, откуда положено. Словом, приспособился.

Даже к уборщице. Вовремя предложенная ей жвачка обрачивалась улыбкой и чистым полом в кабинете, а проявленная любознательность к успеваемости ее отпрысков выливалась в заботу, в сравнении с которой внимание родной жены просто меркло.

А вот компьютер Флирский не понимал. Даже на уровне «чайников». Это все равно, что понять человека, который ежедневно летает обедать на Альфу Центавру.

Пролетарская подозрительность — не понос. Не излечима. Проректор был на страже днем и ночью. И таки дождался своего «звездного часа». Что значит обостренная ненависть ко

всяким махровым прохвостам, мудакам и жлобам! Петр Иванович подметил одну странную аномалию: богатыри физкультурного института начинали усиленно упираться на матах, брусьях, кольцах и боксерских рингах только с обеда. До этого ходили на бровях, реагируя на действительность, как кассир на деньги. Ректор не мог не заметить такой аномалии у своих подопечных. И тем не менее продолжал создавать вид благочестивого руководителя института «благородных девиц».

ГЛАВА 12

Сколько вошь не корми, все равно на голову прыгнет

Деригуз никогда не считал себя умственно отсталым и похожим на Трусова — этого скудоума на свободе. Мог в трудную минуту мобилизоваться и пройти между каплями дождя. А в том, что обладал таким уникальным талантом, никто из ближайшего окружения не сомневался. При советской власти находил общий язык и с Флирским, и с Кацнельсоном, и с Безрукавным. В результате, свое «золотое яйцо» всегда имел.

После ухода «руководящей и направляющей» в небытие, а вместе с ней и размеренной жизни, Григорий Афанасьевич не сдался на милость «зубатым демократам», пришедшим во власть (как ему казалось) на волне митингов, эзоповского красноречия и поголовного зомбирования масс. Он помахал кулаком на здание бывшего обкома партии, где облюбовали кабинеты приверженцы «общечеловеческих ценностей», и прошептал, оглядываясь по сторонам: «Вы еще узнаете Деригуза».

Вскоре голомойчане действительно услышали о бывшем председателе облисполкома, но уже в качестве ректора. Никто и никак не отреагировал на такое перевоплощение. У каждого было забот — мало не казалось. Детей пристроить в детсад, в ЖЭКе с дворником разобраться, на анализ мочи денег скопить, депутатов избрать, шефу поляну накрыть, чтобы зар-

плату добавил, с президентом страны определиться... Голова шла кругом. Не до ректора какого-то физкультурного института.

Поначалу с набором студентов было туго. Больше шли учиться на юристов и экономистов. Учителями физкультуры мечтали быть только дети учителей физкультуры и фермеров. Последние ввиду страстного стремления любой ценой вырваться из заколдованного круга «кухня — хлев — пастбище — колорадский жук на огороде». И им это удавалось. Поначалу приемная комиссия принимала в вуз даже кривых и слепых. Авось научатся. А не научатся — на последнем курсе отчислят. Но ни в коем случае не на первом. Ведь какой дурак рубит сук, на котором сидит?

Когда первого сентября на посвящении в студенты ректор видел «участников перехода через Альпы», то скупая слеза скатывалась по щеке. Сколько надо приложить труда, чтобы с этих бревен сделать успешно прыгающих хотя бы на скакалке?

Команду единомышленников Деригуз сколотил из отставных офицеров армии и милиции, которые в это смутное время остались не у дел. Им армейские будни — за счастье. Салабонам устроить Хиросиму — хлебом не корми. Именно такие бойцы и брали в оборот студентов — будущий цвет спортсменов-педагогов страны.

Уже через несколько месяцев первокурсников нельзя было узнать. Сплошь гераклы, антеи и атланты. Пока думали о том, как бы себе курдюк набить, проблем не было. Когда оперились на втором-третьем курсе, дурь в голову стала бить. На подвиги тянуло, когда выпьют, в карты проиграются, когда накурятся.

И решил ректор направить эту неугомонную молодую энергию в нужное русло. Вызвал старост курсов и предложил вспомнить дежурство дружинников на темных улицах городов СССР.

— Вы не представляете, какое нужное они дело делали,

сколько преступлений предотвратили, скольким женщинам в темных переулках сохранили целыми лифчики, трусики и колготки. Давайте возродим это благородное движение!

В любом деле главное зажечь. Деригуз такую школу прошел в комсомоле. Поэтому зажег, как следует. Уже второго дня несколько групп просто рвались на дежурство.

Поскольку никто из местной власти таких стараний вуза на благо общества не оценил, то вскоре у Деригуза исчезло всякое желание бороться со всякими грабителями, наркоманами, пьяницами и дебоширами. «А не проще ли было бы контролировать их, если нельзя коренным образом переломить ситуацию?», — решил он. Тем более, что доблестной милиции тоже было ни холодно, ни жарко от погромов, нападений и убийств на улицах Голомойска.

Энтузиасты-лавочки, спекулянты-демократы, оптовики-затейники только-только подымали головы, искренне доверяя декларациям, постановлениям, указам и законам, регламентирующим строительство правового государства по два мытаря на каждого предпринимателя.

Такой наивностью мелкого бизнеса и решил воспользоваться ректор. Благо, в институте училось достаточно завистников, похожих на несгораемые шкафы, у которых кулаки чесались все экспроприировать и поделить по справедливости. Их колбасило от одной только мысли, что кто-то заедает икрой виски, когда дети фермеров и учителей давятся горбушкой черного хлеба с чаем. Притом без сахара.

— Для начала пройдете по всем значным местам на улице Независимости. Вежливо попросите у хозяев плату за отсутствие у них проблем. Если кто не согласится отстегивать нам часть прибыли, скажете, что трудности с ведением бизнеса у них обязательно после этого возникнут... И немалые.

— А что это значит? — переспросили студенты.

— Дубины стоеросовые! Мы им предоставим «крышу».

— Построим крытый рынок?

— Крыша в данном случае — это зонтик...

— От дождя?

— От человеческой тупости. Не морочьте голову. Неужели нельзя сообразить, что «крышей» для них будем служить мы. Так сказать, гарантируем им безопасность. Нежелающих ее иметь станете потихоньку поджаривать и подвешивать. Все выбитое (конечно, не зубы) придется сдавать в кассу института. Взамен будете получать стипендию. Повышенную.

Вскоре Деригуз превратился в повторно уважаемого человека в области, а его вуз стал лидировать в рейтинге высших учебных заведений страны. Институт физкультуры стал как-то стремительно расстраиваться, а его студенты заметно отличались от других. Правда, не всегда умом.

— Вот что значит крепкий хозяйственник! Сам зарабатывает и студентам дает подзаработать, — говорили граждане.

Вскоре сюда норовили поступить отпрыски новоиспеченных олигархов, депутатов всех мастей, мэров и губернаторов. Отслюнявливали любые бабки, лишь бы заполучить вождеденный диплом института физкультуры. Дети фермеров и педагогов больше не мечтали сюда поступить — семейная казна не позволяла.

Именно здесь предстояло адаптироваться к жизни Флирскому. Его мозг, пропитанный умозаключениями классиков марксизма-ленинизма, не всегда адекватно реагировал на происходящее.

Как-то он застал в туалете спецов по классической борьбе за починкой общественного сливного бачка. Поскольку рвения к сантехнике студенты никогда не проявляли, то подобные старания вызвали у проректора закономерное подозрение. Свою любознательность Флирский удовлетворил вечером. В бачке он нашел полиэтиленовый пакет, в котором оказалась пачка зеленых купюр. Таких отродясь не видел. Казалось бы первый секретарь обкома должен был валюту знать в лицо. И Флирский знал. Он командировочные ими получал. И «презенты» тоже. Но при этом долларов все равно боялся, как клопов в постели. Прищурился. «Евро», — прогугнявил под нос.

И в ту же секунду его пронзила молния. Насквозь. От головы до пят. В глазах заиграло ночное небо.

«Евро? А это что за макулатура?» — поинтересовался сам у себя. Брезгливо бросил пачку на пол. Поплевал на ладони, вытер их полами пиджака, тем самым пытаясь уничтожить возможно оставшиеся от меченных купюр следы на пальцах. Прислушался, не доносится ли топот сапог кегебешников. Хотя тут же поймал себя на мысли, что с исчезновением компартии тех тоже не стало. Ну, не совсем не стало... Безусловно, они присутствовали. Явно под другим названием. «Как пить дать, укут за валютные операции на Колыму, — чуть не расплакался. А в том, что это валюта, носом чуял. — Пропаду во цвете лет. А сколько еще не сделано на благо и во благо...»

Обитательница туалетов зеленая муха села Петру Ивановичу на голову. «Вот! Уже загниваю!»

Флирский злобно смотрел на рассыпанные деньги. Хотелось сейчас же, как подобает настоящему коммунисту, позвонить куда следует... Но при этом обуреваем соблазнами, не присущ настоящим партийцу. А может, взять? «Вот Деригуз, сейчас живет гораздо лучше, чем я тогда. А я, между прочим, был не последним винтиком... И откуда такие деньжищи у простых студентов?» — не мог понять.

Выяснить, откуда ноги растут у этого клада, Петр Иванович стал просто — по-ленински... Он вызвал одного из верзил в свой кабинет и со всей пролетарской ненавистью прижал рукой ... мужское достоинство того. Да так, что здоровяк стал белее мела. И веснушчатый, стриженный «под бокс» переросток раскололся: все рассказал о происхождении «нажитого непосильным трудом». Оказалось, «дружинники» наглым способом тырили часть выручки, создавая собственный «страховой фонд» для походов «по девочкам». Премияльные, выдаваемые Деригузом ретивым молодчикам за «интенсивность труда», вмиг привили у них вкус к естественным человеческим порокам — вину, сигаретам, азартным играм и, конечно, «ноч-

ным бабочкам». А как без них? Дело молодое: спорт спортом, а гормоны пузырят штаны... На все про все наличности катастрофически не хватало. Вот и сообразили студенты заначивать...

Флирский сам был бурсаком и поэтому из-за солидарности не стал закладывать ушных парней. А вот пострадать, внушить решил, как следует.

— Если не хотите проблем, параллельно будете работать и на меня.

Конопатый вышел из кабинета проректора, обеими руками поддерживая свое драгоценное достоинство. Оно нестерпимо ныло. Трафарет будто сняли с покойника. Друзья набросились с расспросами: им нетерпелось узнать, как мог проректор издеваться над студентом? Да еще так изуверски.

— Он отмороженный?

Более шустрые пытались прорваться и напастылять зарвавшемуся завхозу. Но их остановил сам пострадавший.

— Нас накрыли, — только и сказал.

Коммунист коммунисту явно не товарищ. Проректор постепенно выходил из образа умалишенного, свято вверовавшего в победу коммунизма, и превращался в прагматика. Обстоятельства формировали мировоззрение. При этом понимал, что для воплощения всякой идеи в жизнь могут быть попутчики-единоверцы, а вот пополнение банковского счета требует сугубо личных усилий. В этом убедился, анализируя нынешнюю жизнь бывших своих коллег по партии.

Петр Иванович услышал шум в коридоре и выглянул. Перепуганные студенты сразу же забились в угол.

— А ну, зайдите, страусы голомойские!

С десяток парней еле поместились в бывшей коморке уборщицы.

— Так, желторотики неоперившиеся! Что прикажете с вами делать?

Тишина воцарилась, как в склепе.

— Слушай и запоминай! Два раза повторять не буду. То,

что откладывали на своих блядей, теперь будете отдавать мне. Вопросы есть?

Не дожидаясь ответа, резюмировал:

— Вопросов нет. Вот и чудненько. Считаем, что пришли к консенсусу.

— А если пожалуемся Григорию Афанасьевичу?

— Настоячиво не советовал бы. Вот если я ему скажу, что вы прячете от него часть выручки... Хм-м, даже тяжело представить, что с вами будет. Хорошо отделаесть, если только, как ляхи казаков, на кол посадит.

Студентов передернуло.

Петр Иванович со словом «бизнес» был знаком только из книг по политэкономии. И то, что этой ерундой придется когда-либо заниматься, не мог представить себе даже в припадке буйной фантазии.

— Ну, как? Осваиваетесь? — как-то полюбопытствовал ректор.

— Уже половой акт от половой тряпки отличаю.

— А я переживал, как бы ваш летаргический сон отрицательно не сказался на ваших умственных способностях. Вдруг Маркса с Энгельсом захотите перечитать?

Окружающий мир, изменившийся за несколько лет отсутствия, Флирский познавал более или менее успешно. Хуже обстояли дела с употребляемыми словами. Изобилие неологизмов нервировало. Чувствовал себя неандертальцем в библиотеке. Чтобы не выглядеть тупым еще и перед подчиненными уборщицами, записывал незнакомые слова в блокнот, а потом вечерами доставал Галину Борисовну расспросами. Ноутбук, Кличко, хакер, дефолт, миноритарный акционер, сотовый телефон, ваучер, микроволновка, Боря Моисеев, «газель», рэкет, девелопер ... Приходилось ежедневно списывать по несколько страниц.

— Лучше сидел бы дома. А то свихнешься на старости лет, — советовала супруга.

— ...И смотрел бы голых баб по телевизору. Господи, со-

храни и отверни! Срамота. Никогда не бывать этому! Ведущие свои сиськи повываливали, певицы, плавки одев, будто на пляж собрались, жопы повывставляли... Осталось только трахаться перед камерой для полного счастья. Разве такой коммунизм мы строили? Во-от, до чего дожили!

— Угомонись. Ты в больничной палате продрыхнул приход демократии. А вместе с ней и голых баб в журналах и на экранах. Поначалу ваш брат не мог поверить такому счастью. Как по ним, так, оказывается, шлепохвостки все разные. Наверное, буфера треугольные и между ног балалайка. Иначе зачем им за умопомрачительные бабки скупать «глянцы», со страниц которых подмигивали красотки? Чтобы потом кончать в подворотнях и туалетах. Я что-то не пойму. Неужели для этого нужна буйная фантазия?

Вот и тебя, представителя мужеского пола времен очаковских и покорения Крыма, в свое время тянуло на новеньких. Небось, тоже искал острых ощущений? Извращенец! Думаешь, я про твою Люську ничего не знаю? Так что поубавь обороты, моралист долбаный.

Петр Иванович горбатых слов в таких случаях не говорил. От греха подальше уединялся в туалете с томиком вождя. Ностальгия мучила, новая жизнь была не в кайф. В трудах Ильича находил успокоение.

Но появившиеся в кармане деньги, на которые можно было купить даже то, о чем при развитом социализме и мечтать не приходилось, способствовали скорейшей адаптации в обществе. Перед расширившимися возможностями нельзя было устоять. Флирский и тогда не страдал особым партийным аскетизмом. А тут вдруг перед его глазами предстало такое изобилие. Конечно, становился таким, как все. С большим упоением вкушал жизнь. Тоска по прошлому постепенно проходила, как насморк.

Как-то Петр Иванович все же решил объясниться с ректором по-мужски. Как раньше — как коммунист с коммунистом. Недолгое общение с правильными пацанами в полной мере

сказалось на лексиконе. Партийно-руководящую лексику применять было негде — не стало заседаний бюро и приветственных речей с трибун.

«Стрелку» решил не забивать. Табличка на двери с указанием времени, когда хозяин кабинета может видеть посторонних, не послужила препятствием для одержимого разборкой. Тем более, что Сонечка с морщинами и целлюлитом во всех пикантных местах, еще трепетала перед Флирским, который для нее все еще ассоциировался с первым секретарем, не могла противостоять начальственному напору и наглости.

Разговор получился нелицеприятный. Ректор, почетный профессор трех европейских и одного американского университетов, лауреат рейтингов и премий, член всемирных обществ защиты сусликов и майских жуков, обвинил заносчивого подчиненного в махровой неблагодарности. Тот в свою очередь пригрозил благодетелю публикацией разоблачительной статьи в «Горькой правде», дабы голомойчане узнали, с кем дышат одним воздухом.

— А не пошел бы ты, партяк, на три веселых буквы! — режюмировал Деригус.

— Осторожно на поворотах. Заметь, ты когда шел туда, я уже возвращался обратно.

Чтобы в бытность председатель облисполкома послал первого секретаря так далеко... Быстрее в СССР стали бы депутатов избирать на альтернативной основе, в Азовском море появились бы акулы или концерн «BMW» построил бы в Нижних Глухарях филиал своего завода, чем такое могло случиться.

— Так и закатал бы в бубен! Да жалко руки марать о мразь.

Топор войны был вырыт. Понтовые ночных улиц, а днем прилежные грызуны науки тоже разделались. Одних прельщала ректор с его незыблемым авторитетом, другие умилялись щедрости проректора по АХЧ, способного скрутить в бараний рог строптивного, но и щедро воздать по заслугам...

— Иваныч мужик правильный. Сразу видна наша косточка. Держимся его, как вошь кожуха, — советовали одни.

— Да катится он с горки да впрысядку...— вторили им одноклассники.

Прямо из кабинета своего шефа Флирский решил звякнуть Трусову в банк, так как тот занимал конкретную должность и вполне мог по-свойски подставить плечо. Храпов со своей газетой вызывал у Петра Ивановича сожаление. Не тем делом мужик занялся. Ему бы копать окопы в секторе Газа или работать разведчиком КНДР — цены бы не было.

— Ува-важаемый Петр Иванович! Я ра-разве по-по-о-хож на фила-а-а-нтропа или ши-шизоида? То, чем вы предлагаете за-за-заниматься, не би-би-и-знесом называется, а не-неприкрытым рэкетом и грозит пре-пре-пребыванием в местах не столь от-отдаленных. Если вы по-по-подумали о пляжах Таиланда, то глубоко о-о-о-шибаетесь. Имею ввиду ура-а-ановые рудники в на-на-намордниках и лесоповал в противокмарниках до приобретения цинги, язвы же-же-желудка, туберкулеза, рев-рев-ревматизма и колита с ци-ци-и-иститом... Однако, как вы быстро у нас притерлись, — не унимался Трусов.

— У тебя нет психических отклонений. Ты просто дурак! — проректор поставил конкретный диагноз своему бывшему подчиненному.

Уже в коридоре в глаза бросилась газета на подоконнике под названием «Крик души». Привлек внимание не бренд, а красочное фото на первой странице. Конкретный плейшнер, с глазами среднеазиатской полукровки, бульдожьим носом и ушами от слона ему непременно кого-то напоминал. К тому же до боли знакомую личность. Под череп будто ежа бросили. Никак не мог вспомнить.

— Да как же я не мог узнать?! Да это же Пупенков собственной персоной! Инструктор ЦК. Куратор нашей области. Во дает! Словно передовик пятилетки на первой полосе...

Чтобы убедиться в отсутствии сна и галлюцинаций, ущипнул себя за нос. Малость не рассчитал. Слезы накатились на глаза. Схватил газету и начал жадно читать. Оказывается, Ра-

фаил Сулейманович теперь работает министром в новом правительстве. И ни какого-нибудь затрапезного жилищно-коммунального хозяйства или занюханной экологии, а всей экономики.

— И что этот вонючий партократ понимает в рыночных отношениях, капитале, добавочной стоимости и дивидендах? — Петр Иванович вспомнил выученные накануне слова.

Тем не менее порадовался за бывшего однопартийца, который, в отличие от него, уже нашел свою нишу в этой жизни. И довольно сносную. Скажем, даже завидную. Значит, кто-то оценил его самоотверженное прошлое и доверил ему свое светлое будущее. Не побоялся, что подставит ногу на повороте или променяет на целковый. Но кто же это? Ему с нетерпением хотелось узнать фамилию того благодетеля.

Флирский понимал, что Деригуз — отрезанный ломоть. Его вполне можно скovyрнуть с насиженного места.

Необходимо было искать новых и, главное, надежных союзников. Поэтому без колебаний решил попытать счастья у Рафаила, с которым не один литр выпит, не одна баба в обкомовской гостинице по-братски разделена. От ностальгии под ложечкой мучительно заныло. Вот времена-то были! Кабинет с ковровой дорожкой от двери и до стола, подчиненных хренова куча, сауна по понедельникам, икорка по 4,50 за баночку, цемовский пансионат на море, новенькая «Волга» под жопой...

Петр Иванович окунулся в бытие с такими неограниченными возможностями, где превалировала «капуста» над здравым смыслом, где попросту не бывает нерешаемых проблем — все зависит от финансовых возможностей пытающегося их решить. Никто никого и ничего не боится, потому что в обществе перестали существовать вопросы, на которые нельзя получить ответ. Он еще до конца не познал реальность и все еще чувствовал себя человеком, который на необитаемом острове полез нагишом в воду, а вылез из нее... на центральном пляже Сочи. Вроде бы радуешься, что спасся, а с другой стороны не можешь приобщиться к всеобщему празднику.

С каждым днем чувствовал себя все уверенней и уверенней. Обошелся без психотерапевтов, аутотренингов и баб-шептух.

Руководить бригадой из будущих учителей физкультуры проректор взялся с конспиративного офиса. Вспомнил рассказы старых большевиков о революционном подполье. Советы бывалых пошли на пользу — снял подвал в ЖЭКе для занятий кружка юных шахматистов. Ничего, что внешний вид любителей интеллектуальной игры вызывал сомнение в наклонностях кружковцев, тем не менее в подвале на столах всегда присутствовали шахматы и книги.

— Я полагаю, что мне не надо напоминать о шухере. Будьте всегда на стреме и у вас все будет тип-топ.

Зона патрулирования студентов потихоньку расширялась. Доходы общака и премиальные пацанов с каждым днем увеличивались. Под влияние Бесика (таким стало погонялово Флирского, которое ему прилепили пацаны за крутой нрав) перешли даже торговки семечками и хурахурщики, отстегивавшие фиксированную плату — червонец ежемесячно.

— Не должно быть не охваченных нашей заботой! Кривой и слепой должны узнавать вас в лицо, а об упоминания моего имени дуть в штаны, — наставлял подопечных.

Бизнес разрастался. Петр Иванович мягким местом чувствовал, что теперь и ему не обойтись без крыши. Тем более, что на Подоле крепили головорезы Мансуровича.

Решил побеспокоить Пупенкова — столичную цацу. Авось что-то подскажет, порекомендует по старой дружбе. Хорошо зная этого столичного прохвоста, Петр Иванович был уверен, что тот, как и в былые годы, время зря не терял.

Номер телефона отыскал в справочнике. Естественно, в приемной министра к нему отнесли, будто к душевнобольному. Какой-то проректор физкультурного института с зачуханного Голомойска хочет пообщаться с Самим. Что за невиданная наглость? Сколько бы Флирский ни звонил, постоянно

получал отказ: Рафаил Сулейманович занят, на совещании, в Кабинете министров, в командировке во Франции...

Ничего не оставалось, как ехать в столицу.

Швырнул Деригузу заявление на отпуск «за свой счет по семейным обстоятельствам» и махнул на свидание с бывшим однопартийцем. Поскольку он в Голомойске, не говоря уже о стольном граде, король только одного района, то понимал, что двери министерства перед ним никто не откроет. Поэтому решил подкарауливать кадра у подъезда. Когда-то да подъедет.

Клопы в четырехзвездочном отеле и диарея после всякого обеда в ресторане не сломали дух Флирского. Ему все-таки удалось увидеть своего бывшего покровителя. Когда ранним утром тот вылезал со своего «Майбаха», Петр Иванович, уставший и обессиливший от скитаний столицей и прозябаний под кустами у парадного министерства, с распростертыми объятиями и улыбкой пенсионера, ждущего от государства субсидий, бросился к Пупенкову. Благо, охрана Рафаила Сулеймановича вовремя заметила несущегося на хозяина какого-то хмыря.

— Рафик, Рафик! — неистово вопил тот.

Как и подобает *vir*-персоне, министр и ухом не повел. Но душераздирающий крик не мог не привлечь его внимание. Любопытство взяло верх.

— Рафаил Сулейманович, Рафаил Сулейманович, не узнаешь меня?! Это я — Флирский! Помнишь Голомойск? Я — бывший первый секретарь тамошнего обкома партии...

Охрана частоколом окружила своего шефа, демонстрируя решимость грудью защитит его от пули киллера. А Флирский был стопроцентно похож на убийцу. Ну, выкопанный гангстер: в ковбойской шляпе со следами воробьиного помета, бостоновом костюме времен пика своей партийной карьеры, к которому был подобран галстук цвета красной глины, а в руках держал портфель с крокодилей кожи, купленный во время братского визита к коммунистам Нигерии.

Пупенкову в этом уроде показалось что-то до боли знакомое. Особенно кавалеристские ноги и галстук.

— Никак, Петр Иванович, это ты? Минингитку сними, а то действительно тебя тяжело узнать... Пропустите! Свой, — приказал сейфообразным секьюрити.

Разговор в кабинете получился хоть и не душещипательный, но взаимопонимающий. Как-никак, а прошлое объединяет. Тем более, такое. Секретарша, погожая на сплошные ноги, к которым прилеплены уши и губы, подала кофе и виски.

— Ну, что я должен тебе сказать, Петя? Предлагаемый тобой бизнес интересный, но требует масштаба. Иначе это мышиная возня. Нужен капитал. Пока с наличностью кризис...

— Разве это кризис? Кризис, когда распродаешь фамильную бижутерию. А это, как я мыслю, временные трудности.

— Ты, погляжу, оптимист, — поднял рюмку Пупенков. — Давай за твою удачу. Она тебе понадобится.

Выдохнув, опрокинули. Дружно причмокнули.

— У-ух, хороша, зараза! Так во-от, доложу о тебе нашему общему знакомому. Так сказать, мозговому центру. Благодаря его своевременным шагам удалось спасти лучшие «цековские» кадры от алкоголизма, партийную казну — от дерибана, а зарубежные связи — от провала. Теперь мы имеем четко структурированный бизнес. Интегрирован во все отрасли экономики, финансовые структуры, общественной организации. Подбирались и к Голомойску. Как на духу скажу: делали определенную ставку на... Кацнельсона. У него деды и прадеды сплошь ростовщики и лавочники. Не вздохнет, чтобы кого-нибудь не нажучить. Еще в советские времена на трусах и бюстниках сколотил приличный капитал. Ну, ты не хуже меня осведомлен. Думали, проникнется общепартийными интересами. Наладит работу на периферии — заберем в столицу. Партийным казначеем назначим. Так сказать, на партийный общак посадим. А он, быдло, нам вешал на уши даже не лапшу, а спагетти. Кроме как своим базаром «На толчке», ничем больше не интересовался. Как менты ему яйца прищемляют за продажу трусов без сертификатов, так вонидло подымает в газетах:

власть, видите ли, не дает жизни предпринимателям! И метелит к нам за помощью. Так, мол, и так, поддержите с парламентской трибуны... А как копейкой спонсировать благое дело, так жаба давит. Словом, гнилым оказался ваш Кацнельсон.

— Понял. А кто же все-таки нас мобилизует и нацеливает? Кто рулит нами?

Рафаил Сулейманович загадочно прищурил правый глаз. Дескать, пойми. Говорю только из большого уважения к тебе.

— Известно кто! Товарищ Мушустин. Арсений Кириллович теперь депутат. Возглавляет нашу фракцию в парламенте.

— Меня это вполне устраивает. Только сомнения гложут. Как мой бизнес соотносится с Уставом и Программой партии, учением классиков марксизма-ленинизма? Рядовые коммунисты ведь не индюки на выгоне. Рано или поздно — раскусят. Начнут интересоваться, мою фамилию полоскать, всякие аналогии проводить...

— Не заморачивайся! Забудь, как кошмар, долбанный план, фуфловые пятилетки и моральный облик советского человека. В жизни, как в поликлинике — четких рецептов не бывает. Поэтому теперь время требует от коммунистов повернуться лицом к действительности. Прямо как у Фейербаха. И цели наши изменились. Деньги — средство, а власть инструмент. Чихать на всех. Иди смело вперед против ветра и пускай остальные плюют тебе в спину.

— Тогда мы строили коммунизм. Что теперь?

— Тоже коммунизм...

— Не понял.

— ...В каждой семье. Будет в отдельно взятой семье коммунизм, значит, будет коммунизм и в государстве в целом. К примеру, построим коммунизм в моей семье, в твоей, в товарища Мушустина, в семьях депутатов нашей фракции, считай, построили в столице и Голомойске. А там чуть-чуть поднатужимся — и страну обделаем. Ведь так все легко и просто.

Новое время диктовало новую стратегию и тактику. Но такого поворота от своих товарищей Петр Иванович, честно, не

ожидал. Думал, сведут с людьми, кому близок его бизнес. Он с ними найдет общий язык. А тут, выходит, ни кто-то, а сама партия берет его под свое крыло.

Флирский впитывал информацию. Ему необходимо было время, чтобы детально обмозговать услышанное и определиться с дальнейшей позицией.

«Хотя какая тут, в жопу, позиция!» — Флирский уже во время разговора выстроил вектор своего поведения. Деваться было некуда. Вокруг бедлам и он в нем ржавый гвоздь.

— И кто закоперщик этого дела? Извиняюсь, главный идеолог?

— Известно кто! Все тот же Арсений Кириллович — собственной персоной, — радостно извлек звуки из желудка Пупенков.

— И где его так угораздило получить мешком по голове?

— Не ерничай. Умник. Товарищ Мушустин три дня просидел в КПЗ. В казематах его и осенило. Партия должна на свою деятельность добывать деньги. Опыт семнадцатого года пригодился только частично. Поэтому нужны новые методы. В частности, такие, как твои...

— Явно всунул палец в розетку. Иначе... Кстати, за что страдал наш узник?

— Это неважно. Главное, что новая власть лишила свободы борца за правое дело... Впрочем, скажу по секрету. По пьяне в парке задрал подол какой-то бабке. Та завопила. Мол, насилюют, девственности лишают. Это в семьдесят-то лет? За счастье сочла бы, что в гроб ляжет, ощутив оргазм. А так преставилась бы целомудренной... Наряд тут как тут, словно молодцы из ларца. Если бы знали, кому руки крутили! В былые времена за это в Тмутаракань ссылали. А тут — демократия. Вшивым блюстителем нравственности пришлось отслюнявить из общака.

Министр глянул на часы.

— Заболтался с тобой. Опаздываю к премьер-министру.

Теперь быстренько о главном. Будешь нашим смотрящим в Голомойске.

— А что это? — удивился бывший первый секретарь обкома «руководящей и направляющей».

— Наши глаза и уши в регионе. Бизнес станешь расширять, в наши члены новеньких принимать, партийный общак пополнять, правильных коммунистов в обиду не давать и всячески их подкармливать. Еще сгодятся. Ведь не все потеряно.

Рафаил Сулейманович подхватился, будто сел на рубероидную кнопку.

— Бывай, Петя. Ни тротила тебе под капотом, ни киллера под кустом. Береги тебя от напастей партбилет.

Домой Флирский вернулся окрыленный несказанным доверием. Живая работа ему нравилась. Тем более был удовлетворен совпадением собственных жизненных ориентиров с общепартийными. Выходит, он и партия по-прежнему едины.

Пацаны обрадовались возвращению шефа, потому что во вверенном им районе некоторые несознательные элементы из числа торгового люда норовили зажать бабки за «предоставление мира и спокойствия». В воздухе пахло неповиновением. Бунтом. Как ни крутили перед их шнобелями битами, кастетами, утюгами и финками, как ни убеждали бросить ломаться, как мокрые кальсоны на морозе, не помогало. Смотрели на белый свет глазами младенца, вроде были вчерашними.

— Распадючились по самое некуда. Петр Иванович, надо что-то делать, иначе они сделают нас. И будем мы сосать палец на стипендию, а вы — на одну зарплату.

Перспектива вырисовывалась безрадужная, если не сказать — фиговая.

— Бляха-муха, этого допустить нельзя, — будто с трибуны областной партконференции, рубанул Флирский. — Будем субчиков крушить и мочить, как вшей взбесившихся.

Собравшиеся в подвале «шахматисты» кличем воинствующего австралийского племени аборигенов вальбири продемонстрировали готовность идти походом на «мандавошек».

— Покажем зарвавшимся торгашам, по чьим правилам живут в нашем районе!

Уже к вечеру на столе у Флирского лежала куча, будто пожеванных коровой, долларов, евро, швейцарских франков, английских фунтов-стерлингов, японских иен, китайских юаней и монгольских тугриков.

— Гады в лифчиках, трусах и даже в носках прятали свои заначки.

А на утро омон с собаками-ищейками прочесывал подворотни в поисках улик вчерашнего налета на коммерсантов-лоточников, магазинщиков и барменов. То ли выпавшие тугрики, то ли «бычок» выброшенный под забор каким-то сумоистом, но что-то таки вывело пинкертонов на физкультурный институт. Поскольку alma mater пользовалась авторитетом в городе, потому что здесь грызли гранит науки все неудачники из благополучных семей, которым Бог дал здоровье, а обделил головой, то милиционеры не решились по горячим следам переступить порог этого «богоизбранного» заведения. Доложили по инстанции.

Начальником Голомойского областного управления МВД служил Безрукавный. Эта нервная работа ему претила. При всяком удобном случае он подчеркивал: «Вот когда я возглавлял областное управление КГБ...» Воспоминания о «давно минувших днях» будоражили его душу, отчего давала о себе знать запущенная простата. Поэтому старался пореже впадать в меланхолию, а почаще думать о себе, любимом.

Когда подчиненные доложили о вчерашнем рейде рэкетиров-студентов по значным местам, Александр Трофимович быстро смекнул, что и к чему. Решил не вызывать Деригуза, а поехать самому в институт: то есть нанести визит вежливости и за рюмкой «Бордо» с сигарой обсудить шалости незадачливых отпрысков, которым грозит пристойная ходка, а ректору — дополнительные расходы на улаживание проблемы в министерстве.

Увидев в приемной живого генерала с аксельбантами, орденами и позолоченными пуговицами, Сонечка вскочила из-за стола, как перwokлассница, завидев учителя. Тот по-барски махнул рукой. Мол, не утруждайся, дорогая. Сиди. Я обойдусь и без доклада.

Он вошел в кабинет ректора, как интеллигент в десятом колене, который всегда бревно называет бревном, если даже через него споткнулся и грохнулся. Безрукавный питал отвращение к этой шельме после того, когда тот дал губернатору нелицеприятную характеристику на него при назначении на должность начальника управления. «Видите ли, не нравится, что был кегебистом и преследовал за инакомыслие нынешних демократов. Чистоплюй говенный. Сам-то какой? Я хоть за идею ловил и сажал, а этот до мозга костей советский элемент даже не чихал даром. Не каждый новоиспеченный олигарх почувствует себя таковым рядом с этим гавриком-ректором», — возмущался про себя милиционер.

— Кого я вижу? Мне кажется или это все-таки Александр Трофимович собственной персоной? — обрадовался хозяин кабинета. Его сладкая улыбка вызывала икоту.

— Мой разлюбезный Григорий Афанасьевич! Ты не представляешь, с каким нетерпением я ждал этой встречи, — парировал генерал, оскалившись взаимной ухмылкой.

Встретившись посреди ковра, они обнялись и троекратно по-мужски расцеловались, как учил их дорогой Леонид Ильич.

— Как житье-бытье? Студенты не донимают?

— Да по-всякому... А милиция, наверное, бдит по принципу: лучше работать на себя, чем работать на совесть.

— Ханжа...

— Шту-учка...

Обменявшись любезностями, мужики присели за журнальный столик. «Незаметная» Сонечка сервировала столик. Под португальское «Бордо», икорку, фундук и маслины беседа потекла по-светски. К консенсусу пришли без особых прений по вчерашней вылазке студентов.

— Я должен реагировать кардинально. Ты же понимаешь?

По тону Деригуз понял, что Безрукавному придется приложить «титанические усилия», чтобы замять это дело. Тем более щелкоперы из «желтой прессы» уже смакуют подробности истязаний потерпевших. Пресс-конференции устраивает всякий глухой и слепой, лишь бы покрасоваться перед телекамерами.

— Саша, а знаешь, кто руководит бандюками?

— Подключили всю агентуру. День-два и выйдем на главаря.

— Слабаки. А я вот знаю.

Фейс Безрукавного стал цвета Сонечкиной помады, кадык надулся, будто тот проглотил теннисный шарик.

— Ну-у!

— Тебе только в сортире с поносом в очереди стоять... Сам Флирский!

— Да ты че?

— Я не че. Имел неосторожность взять этого засранца проректором. А он вместо того, чтобы дворников и уборщиц нацеливать на чистку и мытье, призвал под свой красный флаг всяких дефективных и неперспективных. Словом, инвалидов на голову. Вот и сколотил организацию. Только не партийную, а рэкетирскую, и теперь втюхивают доверчивым гражданам идею свободного предпринимательства под сенью покровительства мужественной братвы.

— А где он пропадал столько времени? Ни слуху ни духу.

— Говорят, за границей. Там учился подрывному делу... — загадочно предположил Деригуз. Ему захотелось подзадорить сыщика. Пускай пораскинет мозгами.

— Да ты че?

— Я не че. А вот ты че? Подрывать устои нашего демократического общества. Так сказать, идеологический диверсант. Вот такая гнида на палочке.

— Значит, засланец? — высказал гипотезу Безрукавный.

— Кто, кто?

— Засланец, говорю. Заслали его коммунисты тринадцатого Интернационала угробить нашу неокрепшую государственность.

— Разве есть тринадцатый Интернационал? — удивился ректор.

— А ты думал! Они там плодятся, как мыши. Не за горами и четырнадцатый... Прут на нас коммуняки, словно саранча.

— Ты сам недавно был причастен к этому сонму. А теперь кроишь их вдоль и поперек.

— Сознаюсь, грешен. Теперь они мне в печенках сидят. Хочу свободно дышать, куда угодно ездить, читать не только «Историю КПСС» и диамат, трахаться с женой под порнофильм и иметь загородный дом, а не дачу.

Поскольку за Флирским еще не известно, кто именно стоял, решили не действовать опрометчиво. Сначала Деригуз даст Петру Ивановичу пинка под зад. Чтобы не вонял в институте. А доблестная милиция на «хвост сядет» и подхватит под рученьки, как только тот споткнется. Опростоволоситься никому не хотелось, ибо бывший первый секретарь обкома — не гусь лапчатый. Вполне возможно, что резидент вовсе и не шпион.

— Говно расплывется. Воня будет аж до столицы. Тогда не отмажемся? — сник ректор.

— За тобой первый шаг. Тут уж я не советчик, — на том Безрукавный надел фуражку и попрощался: — Бывай! Только не забудь и о своей мере ответственности. За то, что пригред засланца, по голове не поглядят. Впрочем, как и за бандюков со студенческими билетами, — бросил уже на пороге.

Так замечательно у Григория Афанасьевича начинался день и так паскудно заканчивался.

— За что такое горе? — всхлипнул. А вытерев сопли, сказал Сонечке:

— Флирского ко мне.

Разговор начался о погоде, а закончился взаимными обвинениями с употреблением слов, среди которых «сука» и «пи-

дор» были проявлением взаимного уважения. Проректору по АХЧ пришлось написать заявление «по собственному желанию» и уйти на «вольные хлеба».

— Смотри, как бы не остался при бубновых интересах, — пригрозил Деригузу напоследок.

Разошлись бывшие соратники по коммунистическому строительству, как собутыльники в беседке. Попали в жернова и начинающие рэкетеры. Лишенные студенческого билета, некоторые из них с вещами перебрались в шахматный клуб. Помогли там обосновать свой угол и Петру Ивановичу. Иные подались на съемные квартиры, к корешам на хаты, в общаги к своим девочкам.

Флирский взялся рьяно расширять собственный бизнес. Понимал, что потерянная даже минута сегодня обернется миллионными убытками завтра. В соседних районах не дремали такие же шустряки, способные проломить голову всякому, кто попытается припрятать доллар, не отстегнув от него десять процентов за «удобства» на рабочем месте. Им тоже хотелось новых территорий.

На баре «Море пива» сошлись интересы бесиков и кацарских. Последние наметили «стрелку» для выяснения отношений на пустовавшем кирпичном заводе.

Когда об этом зарулили Флирскому, тот взъерепенился. Чуть ли не огнем плевался.

— Хотят свинца испробовать? Получат с лихвой.

Бесику пришлось лично ехать на «стрелку». Если спрыснул, стал бы для всех мокрой курицей с подмоченной репутацией.

Бывшие студенты-физкультурники подкатили с кастетами, цепями и арматуринами. Соперники — со стволами. Ледовое побоище могло показаться невинной забавой в сравнении со сражением на Голомойском кирпичном заводе и войти в новейшую историю как образец разборок «типа чисто конкретно».

— Семеро одного не бояться, — браво заявил рыжий чемпион по городошному спорту.

— Пацаны, разворотим им морды от уха до уха, — кинул боевой клич чемпион по фигурному катанию.

— Не вопрос, — согласился Бесик и поплелся навстречу к главному из кацарских.

И тут за спиной закрипели колеса. Петр Иванович обернулся. От неожиданности сперло дыхание. Увидел до боли знакомый черный «мерседес». Те же затемненные стекла, издающий сотню децибел ревущий двигатель и колпаки на колесах желтого цвета, будто позолоченные.

— Во-о! Так это ж он... — в этот момент гроза лоточников был похож на наркомана, которого посетил «приход». — Держи-и морду, а то кончусь!

Водитель поддал газу и авто скрылось за поворотом.

Тут перед Флирским возник детина с расплющенным носом и скулой с лопату. Глаза были глубоко посажены, а уши приплюснуты, отчего казалось, что они попросту кем-то обрезаны.

— Ну, что скажешь: по-хорошему отдадите «Море пива» или мы перед этим вам малость языки подрежем и на задницах перышками распишемся?

Петр Иванович вдруг понял, что энурез — болезнь не только детская. В его штанах резко потеплело и по всему телу разлилось блаженство и умиротворение. Но не надолго. Новый прилив адреналина напряг мышцы лица, и кровью налились глаза. Такого превращения нельзя было не заметить.

— Ты чего? Псих?

— Лошара! Ты перед кем икру мечешь, падаль? А ну на колени, девочка-целочка! Сейчас задницу надерем, кишки на швабру намотаем и по асфальту размажем, — внезапно вошел в раж Бесик. То ли от безысходности, будто держал последнее слово, то ли в детине увидел ту, костлявую с косой. Только терять было нечего.

— Что-то не понял. Еще раз спрашиваю дебилов и немощ-

ных: на кого пасть разинули? Ты в пеленки счал кипятком, когда я таких шинковал, как капусту, давил, словно гнид. Сейчас фишаки выдеру, уши в трубочку сверну, грабли бантиком завяжу, — медленно пошел в наступление Флирский. Пальцами сделал «козу» и попытался реализовать свои угрозы. Не ожидая такого натиска, амбал попятился. Инстинктивно ребром ладони прикрыл переносицу. Голову втянул в плечи и стал похож на динозавра в сачке.

— Бар «Море пива» остается нашим. Понял, хорек моченный? Дальше своего переулка Немытого нос не высовывайте, иначе рога пообламываем. На этом наш базар закончен, — смело развернулся на каблуке и поковылял к своим. Мокрые штаны прилипали к ногам. Чувство было мерзкое. Хотелось побыстрее переодеться, чтобы никто не заподозрил его в трусости.

— Иваныч, ну ты даешь стране угля! Где ликбез проходил, где так научился лопотать? — удивились кенты.

— Вам, босяки, ее не пройти. Партийная школа — это вам не фунт изюма. Научишься и не такому.

— В какой партии состояли?

— Ваша там не стояла и стоять не будет... Не хлопнуть ли нам по рюмашу по такому случаю? — взбодрился Флирский. — Сиречь, все на нервах. И расслабиться бы не мешало.

ГЛАВА 13

*Если трезво смотреть на свою зарплату,
то сразу хочется выпить*

Кацнельсона нельзя было назвать йолопом. Ну, со средними странностями — с кем не бывает. Человек, который даже при тотальном контроле всего и вся смог обеспечить собственной семье безбедное существование, возглавляя фабрику бе-

ля, заслуживал того, чтобы его хотя бы не выставляли за дверь. Малахольное лицо, костюм, сшитый во времена коллективизации на селе, брюки, подвязанные куском сыромятной кожи ниже пупка, от чего ширинка всегда была на уровне колен, стоптанные башмаки... Впрочем, своим внешним видом Мефодий Карлович не был обеспокоен.

— Трусы — не рейтинг. Если упали, можно и поднять, — говорил любящей жене.

В школе разведчиков преподавать бы. Доктором конспиративных наук стал бы. Профессором.

Нашествие турок и китайцев все изменило. Женские трусики слип, стринги и танга, бюстгалтеры пуш-ап и балконет с лейблом «made in Golomoisk» не выдержали конкуренции. Пришлось директору фабрики всех распустить и повесить на проходной амбарный замок.

Но забитые склады кому-то надо было разгрести. Не продавать же как ветошь, чтобы автослесари ажурными трусами вытирали поршневою...

Пришлось Мефодию со своей дражайшей Сарой грузить тюки в авто и переть все на местный рынок под названием «На толчке». Базар располагался в квартале от здания бывшего обкома партии. Испокон веков служил объектом нападок местных властей. Коммунистам хотелось перенести торжище куда-нибудь на окраину, а на освободившемся месте выстроить университет марксизма-ленинизма с офигенным конференц-залом. Демократам — приватизировать и сдавать в аренду.

Все лотки были заняты. Пришлось бывшему директору фабрики, который с партийными бонзами разного калибра еще недавно парился в одной сауне, идти на поклон к какому-то директору рынка.

Тот как раз бутылкой пива заливал «огонь души», разгоревшийся не на шутку еще вчера и тлеющий еще сегодня.

Выслушав потешную историю о панталонах и лифчиках, благосклонно разрешил чете Кацнельсонов занять переверну-

тый мусорный ящик возле общественного сортира типа «удобства во дворе».

— Бумаги оформите в бухгалтерии. Арендную плату приносить будете мне. Лично. Просрочите хотя бы на один день — охрана вышвырнет.

Вот так начался новый виток незатейливого бизнеса Мефодия Карловича. Если бы в 70-х годах ему кто-нибудь сказал, что через четверть века будет стоять на базаре и торговать своим фейсом, он такому голову окунул бы в аквариум с пираньями. Конечно, тогда у него были и рыбки с Амазонки, и тигры уссурийские, и кобры индийские. Питал слабость к экзотическим тварям. Особенно тем, которые наводили страх на окружающих, потому что директор фабрики белья был непредсказуем в поступках.

Теперь еврей с кучей женского белья боялся, как ворона, даже придорожного куста. Мог каждый проходящий потянуть трусики, харкнуть в лицо, «кинуть» на покупке, пригрозить лоху кастрировать то, что недокастрировали.

Стоял бы до опупения возле общественного клозета, если бы не случай. Зоркий Сокол из газеты «Крик души» заинтересовался контрафактными товарами. Блуждая базаром, взгляд бросил на красочные лейблы с надписями «Papillon», «Leilieve», «Lormar», «Sielei», «Lilly», «Kelitha», «Pierre Cardin». Кацнельсону хотелось побыстрее одеть в свой товар всех голомойчанок. Для этого поотрезал тканевые этикетки с чернильными штампами о приемке ОТК, сорте, артикуле и цене, а пришил картонные с непонятными ему словами. Антон Соколов был холост и в женском белье, естественно, не шарил. Впрочем, женатые разбираются тоже только на уровне цены, не понимая, почему так получается: чем меньше трусики, тем дороже они стоят.

Он прикупил гарнитур, будто бы для любимой. Бросил в сумку, где уже лежали штаны «Adidas», туфли «Ессо» и клей

«Ceresit», чтобы затем компетентные службы разобрались, что именно шилось и фасовалось в подворотне.

— Уважаемый, вы еврей? — журналист полюбопытствовал у продавца.

— Неужели что-то случилось? — испугался тот.

Панталоны с начесом, будто бы их стирали в зеленке, и лифчики десятого размера со швами, вроде бы шили шинель, с этикетками «Сделано в Милане» не вызывали сомнения о месте происхождения. Вскоре на первой полосе «Крика души» по этому поводу вышел фельетон Антона Соколова.

Над Мефодием Карловичем сгустились тучи.

Лавочник Кацнельсон чувствовал жопой, что грядут неприятности. Да такие, по сравнению с которыми извержение Везувия, Вторая мировая и вопли тети Моти на третьем этаже сущий пустяк. Ему грозила конфискация всего и вся.

Не выдержав душевных истязаний, поплелся к раввину, дабы тот отпустил ему грехи.

— Ребе, я согрешил с чужой женой...

— Отвечай, с кем ты совершил грехопадение?!

— Не могу, ребе.

— Можешь и не стараться! Я и так знаю, что ты согрешил с женой директора фирмы «Пуп Земли» — она известная блудница.

— Нет, ребе.

— Нет?! Так, значит, ты согрешил с дочерью сантехника из жэка?! Как ты низко пал, несчастный!

— Нет, ребе.

— Что-о-о-о?! Неужели ты спутался с этой распутницей, племянницей лидера аграрной партии Желудя?!

— Нет, ребе.

— Значит, врешь?! Вон отсюда, развратник! Не будет тебе никакого отпущения!

Кацнельсон вышел из синагоги довольный, как мартовский кот после бессонной ночи. Во дворе его встретила тетя Мотя с умиротворенным лицом.

— Ну, как, Мефоша, отпустил тебе ребе грехи?

— Нет.

— А чего ты тогда такой довольный?

— Да просто так.

— Просто так только птички поют. А ты, что слон после случки!

— Я тебя прошу, Мотя. Я такие три адресочка узнал. Закачаешься.

Но улыбка от уха до уха никак не вдохновила Сару.

— Ну-у? — многозначительно поинтересовалась.

— Не нукай! Раввин такие грехи, как у меня, отпускает за деньги.

— И пожертвовал бы на синагогу приличную сумму. Удостоился бы благословения шамеса. Или бросил бы в купат цдака завалявшийся в кармане еще с поездки в Америку цент?

— О чем ты шепчешь, Сара? Где я, а где «приличная сумма». Об этом можно было бы поговорить при Советском Союзе. Но не сейчас, когда ветер гуляет в дырявых карманах.

— Давай зашью, еврей-бродяга.

— А зачем? Все равно оттуда могут выпасть только хлебные крошки.

Фельетон прожженного газетчика попался на глаза депутату парламента Мансуровичу, который наслаждался жизнью за бокалом «Мартини» в своем «бьюике» по дороге с Зачепиловки в Голомойск. От нечего делать пробежал его по диагонали и понял, что такие обалдуи, как Кацнельсон, на дороге не валяются. Кадр с такой хваткой просто находка. После такой рекламы его может прибрать к себе Флирский или Шелудивый. Вполне могут приголубить и какие-нибудь отморозки и кокаинщики из теплотрасс.

По возвращении в офис вызвал Васю.

— Сходи «На толчек». У нужника торгует один жид. Приведешь ко мне.

— А если...

— Никаких «если». Берешь за шкирку и волочишь сюда. Въехал?

Вася решил не заикливаться на обходительности. Обозначенного «Соломона», который стоял возле «мэ и жо», как почетный караул, нашел сразу. С полной уверенностью в благородности своего поступка смял барыгу и поволок одной рукой к машине. Тот, пытаясь позвать на помощь, лишь издавал тщедушное хрипенье. Сара, увидев такой наезд со стороны какого-то незнакомца, впилась гаденышу в волосы.

— А-ах, ты стерва пузатая! — возмутился Вася.

Не выпуская добычу, другой рукой легко смял жену купца. И уже двоих, будто мешки с отрубями, понес бравой походкой к авто. Торговый люд попробовал заступиться.

— Беспредел! Рэкетеры наших мындят!

Некто даже схватил ведро с помоями, пытаясь надеть его на голову бандюку. Но Вася не был валенком. По опыту знал, что в таких ситуациях всякого можно ожидать: и яйцо в глаз, и укол проносного в тухес, и пинка в копчик, и клопа-спидоносца за шиворот. Бросил на пыльную брусчатку еврейку с трусами на ушах, бляевшую, как коза, за ошейник повесившаяся на штaketнике, и выхватил газовый пистолет.

— Разошлись, молокососы! Иначе всех тут порешу — сто пудов!

— Шо ты тут пукалку выставил? — подкатило на четырех колесиках полчеловечка в камуфляже. — Я таких в Афгане десятками вертел на своем сморчке. Засунь ее в штаны и не пугай девочек. А то я как пугну, зайкой на всю жизнь останешься, в больнице многотомной карточкой обзаведешься, на таблетки зарплаты не хватит.

Пришлось Васе бросить пленников и убраться восвояси.

Если сказать, что Мансурович от выходки подчиненного был недоволен, это, значит, ничего не сказать. Он исходил желчью, плевался и костил всех подряд.

— Только мне не впаривай, будто от инвалида у тебя жим-жим!

Вася попытался что-то промямлить в свое оправдание.

— Униженного и оскорбленного не корчи!

Тот молчал и сопел. Попробуй сказать невпопад — так неприятностей наживешь на одно место.

Как-то перед встречей с избирателями посмел заметить хозяину, что на ухо нагадила ворона. Мол, висит дерьмо, как серьга у цыгана.

Что тут началось! Мансурович пригрозил отобрать биту (это универсальное оружие правильного пацана) при выезде на «стрелку» и доплаты к зарплате на жвачку.

— Твое дело тринадцатое — сопеть в две дырочке, слушать и выполнять. Не на ухо надо глядеть, а мне в рот. Оттуда, а не с уха, вылетают ценные указания. Вот теперь поборешься с карьером не «Орбитом», а пальцем.

Андрей Иосифович все больше сомневался в умственных задатках подчиненных.

— Дебил на дебиле и дебилем погоняет. Какую только рвань собрал под знамена своей фирмы? Дуракам закон не писан, если писан, то не читан, если читан, то не понят, если понят, то не так, — констатировал напоследок.

С растерзанным сердцем и растрепанной душой сел в «бьюик» и махнул на рынок лично улаживать проблемы. Охранники Гнедой и Пыж на джипе поспешили за босом.

Чету Кацнельсонов заметил сразу. Их нельзя было не заметить: две кучерявые спирохеты стояли за стойкой и вопили, будто им на животы положили горячие утюги:

— Кому трусики и лифчики! Кому стринги и бикини? От лучших европейских домов мод! Налетай! Не пожалеете.

— Дамочка, возьмите вот этот бюстик. Как раз впору.

— Мальчик с хвостиком, купите своей девушке белье на вечер. Скучно не будет.

Проходящий мимо мужик во френче скептически заметил:

— На такое даже не подымится.

— А вы свет выключите, — ехидно парировал Мефодий Карлович.

— Это чревато. Можно в розетку попасть.

Его благоверная не отставала.

— Заменит отсутствующие, поддержит падающие, соединит разъединяющиеся! Девочки, добирайте ходовые размеры!

— И какие это? — поинтересовалась блондинка с декольте аж до пупка.

— Второй, третий...

— Бабуля, у тебя только балерины покупают? Что ли? Все нормальные имеют пятый.

— Вы знае-ете, у нас такой пагшивый двог, такой пагшивый двог. Соседские пацаны спегли у меня лифчик и сделали из него гамак. Погекомендуйте достойную замену, — заскулила нагруженная авоськами тетенька.

Увидев тусовку у прилавка, прильнул к дамочкам мужичонка метр пятьдесят в прыжке.

— Слышь, кореш, — подозвал Кацнельсона. — Жене хочу на день рождения прикупить лифчик. Пособи.

— Какой размер?

— А черт его знает...

— Ну, хотя бы намекни: это персики, яблочки или маленькие дыньки.

— Даже не абрикоски? Уши пуделя.

Рядом жена чуть ли не на колени становится перед мужем.

— Дай двадцатку. Куплю бюстгалтер.

— Зачем? — удивился тот. — Тебе же туда нечего класть.

— Но я же тебе трусы покупаю!

Бритоголовые Мансуровича отогнали покупателей, как назойливых комаров.

— Ну, драсьте! — Мансурович был поражен коммерческой смекалкой бывшего директора фабрики. Втюхивать, считай, тряпки под видом французского эксклюзива — это надо быть гипнотизером, фокусником и коробейником одновременно.

— Нам общие дела стоит обкашлять. Твой лохотрон хавают разве что хуторяне. Усек? Хватит колбаситься тут за три алтына. Шото другое надо делать. Понял?

Мефодий Карлович стал похож на Крюгера. Для пущей убедительности даже вооружился ножницами.

— Не сцы в калошу — пионером станешь. Меня зовут Андрей Иосифович... Впрочем, мое имя тебе ничего не скажет, хотя твоя сумасбродная особь мне до боли знакома. Уточню. Я Мансурович — президент фирмы «Чистотел + », депутат, филантроп и вообще по жизни еще тот сиськохват, которых мало.

Тут и Сара ушки наострила, пытаясь понять, что за гешефт-махер нарисовался.

— Извиняюсь, конечно. Я не Богом обижен и в этой паршивой жизни кое-что кумекаю. Коль вы почтили своим присутствием мою скромную персону, выходит, имеете ко мне определенный интерес. Иначе не тратили бы свое драгоценное время на бедного еврея.

— Не прибедряйся. Отделяйте, милостивый государь, мухи от котлет, агнцев от козлиц и зерна от плевел и поймете, что не гоже врать глядя в глаза. Тем более первому попавшему человеку. Это, как минимум, некрасиво, а как максимум, небезопасно. Можно и по сопатке схлопотать. Я к вам с чистой душой, а вы в нее наплевали. Мироед вы после этого.

Кацнельсоны понимали, что перед ними не праздный покупатель. Не у каждого за спиной волкодавы стреляют глазками, играют бицепсами и трицепсами.

— Ну, и что вам надо?

— Вот это уже теплее. Хочу, чтобы работали на меня.

От этого человека всякое готовы были услышать. Но только не такое.

— И кем? Сторожем и уборщицей? — съехидничал Мефодий Карлович.

— Ну, зачем? У меня таких, как блох на собаке, — и кивнул головой на рядом стоящих Пыжа и Гнедого. — Не хватает

предприимчивых и сногшибательно настойчивых. В дефиците, понимаете. Идете или будете тут прозябать и дальше?

— А подумать...

— Думают в сортире. И то не дольше, чем нужно...

Кацнельсоны переглянулись. Они понимали, что рано или поздно придет им полный кердык. На панталонах с лампасами и красочными лейблами счета в оффшоре не открыть.

— Согласны! — дружно ответили.

— Вот и прекрасно. Заморский товар можете презентовать нищенкам. Они особенно нуждаются в ваших стрингах. Поехали!

Мансурович бросился к «бьюику», за ним поспешила чета.

— Я знаком с твоим послужным списком, — уже в машине сказал Андрей Иосифович. — Он меня вполне удовлетворяет. Я приобрел у города рынок. Ты, Мефодий Карлович, отныне его генеральный директор. То есть управляющий. Думаю, будете иметь значительно больше, чем на паршивых бюстиках. Приступай прямо завтра и не кашляй.

Он распластался на переднем сиденье и перед носом супружеской пары захлопнул дверь. В нос ударил смрад газов и пыли.

Тем ничего не оставалось, как свернуть торговлю и податься домой.

Честно говоря, предложение незнакомца польстило Кацнельсону. Он уже считал себя пропащим и отработанным материалом. И вдруг петля на шее ослабла и на расстоянии вытянутой руки оказалась куча деньжищ и «бычек» для снятия стресса. Судьба оказалась весьма благосклонной к еврею.

— Сарочка, мы столько в жизни пострадались, что Бог решил подсластить нам старость. Мы так сетовали на демократов, сравнивали их с партократами-антисемитами советского периода, а оказывается, и среди них есть люди. Обидеть бедного еврея может каждый, да не каждый способен в тяжелую минуту подставить ему плечо.

В кабинете директора рынка «На толчке» восседал такой себе хореk цвета помаранчевой побежалости с глазами, как у кролика. Потенциальный объект для фотошопа. Типичный представитель дистрофиков в рубашке «Гавайи» чувствовал себя по меньшей мере повелителем вселенной.

Он испепеляюще измерил взором Мефодия Карловича, пытаясь понять, очередной ли это проверяющий или просто проситель выгодного торгового места. Тем более, что лицо визитера ему показалось отвратительным. Где видел этого оборота, не мог никак припомнить.

— Какого фуцмана надо?

— Я назначен директором, — скромно проблеял Кацнельсон.

Сморчок скукожился, будто ему нанесли удар ниже пояса. Хотя там явно не по чему было бить. Загогулина была пропорциональна росту экс-директора рынка.

— Я имею право на один звонок, — не понятно, констатировал или просил.

— Не вопрос.

Кент набрал чей-то телефон и умоляюще спросил:

— Тут пришли... Да нет. Слава Богу, не лягавые. Новый директор... Но я же регулярно отстегивал. Думал... Понял... Есть...

Разговор оказался бесполезным и лузеру пришлось собирать манатки.

— Не по-христиански поступаете. Прощайте!

Новый управляющий рынка вздохнул на полную грудь. Неужели его мытарствам и лишениям пришел конец! Не верилось, что выбьется в люди после ухода со сцены красных. Было о чем жалеть. Тогда директор фабрики белья жил при коммунизме: было для себя и для праправнуков. И под яблонькой зарыто, и на чердаке припрятано, и в банке замариновано. Только бери и трать.

И вдруг все пошло прахом из-за этих маразматиков. Он их не то, чтобы ненавидел. Больше себя, чем их, презирал за

непредусмотрительность. Такой расторопный, а понадеялся на «твердый советский рубль» и неизбежность партийно-советской системы. Дензнаки оказались макулатурой, а система — пьяной. А этих болванов попросту жалел. Инвалиды на голову. Что возьмешь?

После того долгие годы приходилось после телевизионных новостей читать анекдоты. Иначе никак не мог уснуть. Кошмары мучили. И тут такое предложение — значит, знают, каким он патроном был, помнят его способности.

Сейчас хозяйство Кацнельсону досталось довольно хлопотное. Одних торговцев две тысячи. Да обслуживающий их персонал — сторожа, охранники, уборщики, учетчики и всякая другая мелкая шушера. Но перспективы дела были заманчивы. Тут можно было развернуться.

Поначалу собрал в кабинете зама, главного бухгалтера и начальника охраны.

— Неповиновения не потерплю, ибо отныне и присно и чихнуть не смеее без моего разрешения.

Местами «На толчке», сбором арендной платы, утрясанием конфликтов между торгашами занимался лично.

Вскоре позвонил Мансурович и поинтересовался выполнением решения мэрии по благоустройству вверенной территории.

— Все тип-топ.

— Ты не сучи там ножками, потому что ссучишься. Не забывай, для какой миссии посадили тебя в это кресло, инордец.

Снисходительно-вульгарное обращение единоверца обескуражило новоиспеченного директора. «За кого имеет?» — задался вопросом. Но вскоре сам на него и ответил: «Конечно, предлагая теплое местечко, такие люди, как Мансурович, не думают, что воздвигают на пьедестал наивное дитя. Понятно, что я не мальчик. Должен все понимать».

Игра в придурка не удалась. «Придется делиться», — ре-

шил. И по тону благодетеля Мефодий Карлович, понял, что делить станут вполне конкретно. Торговаться будет неуместно.

Вся эта байда повергла в уныние Кацнельсона. Хотя скрягой уже не слыл (врожденной жадности помог избавиться еще Флирский — в бытность первый секретарь обкома партии), но жаба все-таки хватала: столько нищенствовал, чтобы, сидя на злачном месте, отдавать львиную долю ни за понюх табака.

Дома Сара целиком и полностью приняла сторону мужа.

— Ты что, последний лох у меня, чтобы пресмыкаться перед каждой падалью? Да имей ты этого пижона в виду!

Что директор рынка вполне конкретно и сделал.

Правда, чувак не подумал хорошенько о последствиях. И зря. Явившийся в один прекрасный день сопляк остался недоволен отказом директора вышлатить благотворительную помощь партии «Порядок и беспорядок». Пригрозил доложить по инстанции.

— Смотри, не споткнись! — посоветовал с ухмылкой.

Уже утром дверь кабинета вывалилась на пол. В проеме показались два жлоба в очках, с арматурой в руках. Их намерения не вызывали сомнения.

Они сделали два шага навстречу Кацнельсону, подписывающего документы за столом. У того от страха выпала авторучка и лицо перекосило, будто объелся марора.

— Не хотите ли суши? Тут в соседнем баре подают чудесные суши, — ничего более умного не мог предложить.

— В суше понтов больше, чем калорий, — ответил один из них с ушами-локаторами.

Что было дальше, директор рынка не помнил. Очнулся подвешенным вверх ногами на крюку, на котором висела люстра. Один из мамонтов стоял на табуретке и баловался возле его пятки электропроводом, свисавшем с потолка. Второй перетащил аквариум с тумбочки на стол. Достал из принесенной сумки полиэтиленовый пакет с водой. Развязал и вытряхнул в аквариум рыбешку, похожую на леща, но с зубами, как у кроко-

дила. Та в момент проглотила вуалехвостов и меченосцев. Те ей были на один зуб, потому что продолжала метаться в поисках съестного.

— Глянь на нашу Мотю. Со вчерашнего дня не кормили. Думаем, зачем переводить харчи, если обглодает твою морду.

Глядя на пиранию, неизвестно откуда взявшуюся в Голомойске, Мефодий Карлович скукожился, подняв голову над водой, подальше от зловещей пасти.

Но хитрость не удалась. Его кулаком, похожим на кувалду, врезали по животу. Боль пронзила все клеточки и тело снова избрало вертикальное положение.

— Вот и пришел твой триндец, свинья неумытая! Молись, потому что настало время обеда. Не твоего, а рыбьего... Правда, Пыж?

— Девочки, послушайте! — даже вися вверх ногами не потерял чувства юмора. — Зачем все это? Давайте миром...

— Про мир вспомнил, хорек. Когда тебя босс садил в это кресло, он надеялся, что нашел себе порядочного, честного и башковитого помощника. Из грязи да в князи. А ты нос задрал, великим себя возомнил, в Крещение льда у тебя не выпросишь... Поэтому папа и прописал тебе водную процедуру.

— Гнедой, не теряй время. Поехали!

— Окунаем! Только потихоньку. Смерть должна быть клевой.

Попустили веревку и макушка достала водного зеркала. Пряди кучерей покрыли поверхность. Холодная вода достала ушей.

— У меня отит! — проблеял на издыханье.

— Вылечим.

И тут, будто сотня лезвий, вонзилась в правое ухо.

— Помо-оги-ите! — заверещал.

Снятые с директора носки, скрутили валиком и втолкали в рот. Раздался жалкий хрип.

Вода приобрела багрово-красный оттенок. Кацнельсон

извивался на крючке, словно червяк перед рыбаком. Каждая его попытка поднять голову сопровождалась хорошим тумачком. Каналья в воде неистовала.

— Ишь, как дядю плющит! — обрадовался Пыж.

— Отпад. Я торчу. Такой комедии еще не видел в жизни.

— Хорошую нам работенку подкинул Иосифович?

— Отличную! Подымай, а то коньки на беду откинёт — приключений на задницу не оберемся, — не на шутку испугался Гнедой.

Несчастливого подняли. С уха текло, как с недорезанного кабана.

— Дурик, нам показалось, ты что-то хотел сказать. Или как?

Тот в ответ замычал.

— Носки изо рта вытяни...

Дыша, как стайер после дистанции, выдал икая:

— Я-я бу-бу-ду все-е отда-авать-авать. Только-о от-отпусти-ите ме-ме-ня, — захныкал напоследок.

Удалые молодцы сняли горемыку с крюка. Тот, сидя на столе, был похож на тифозную вошь после дезинфекции. Так и хотелось бравым ребятам пригреть и обласкать несчастного.

— Что хотите, то и сделаю: шпионом в Америку полечу, выступлю на митинге с обвинениями президента в изнасиловании несовершеннолетней, продаже чертежей конструкции последней подводной лодки или на урановых рудниках буду организовывать движение ударников капиталистического труда.

— Полный отстой! Слушай сюда: каждого пятого и двадцатого числа к тебе зайвится человек и ты ему 30 процентов выручки отстегнешь. Усек?! И не думай мухлевать! Тогда уже точно скормим не пиранье, а крокодилу.

Незванные гости удалились, а директор рынка еще долго зеленкой замазывал свое ухо. Чтобы все-таки остановить кровь, перебинтовал голову. В таком виде и явился перед ясные очи любимой Сарочки.

— О-ой, что же это делается! О-ой, помогите люди добрые! Изверги окаянные изводят бедных тружеников со света белого! — запричитала с порога.

— Не вопи, дура! Живой я, живее всех живых.

Совещалась чета до полуночи. И так, и сяк норовили обойти хитромудрых, стремящихся на чужом горбу в рай въехать, но не получалось. Аргументы в рэкетиров были чересчур весомы. Надо было отдавать дань, если не хочешь радоваться жизни в инвалидной коляске.

На следующий день главбух объявил по громкоговорителю, что в связи с инфляцией теперь рыночный сбор повышается на 50 процентов. Кацнельсон полагал, что личная прибыль всегда должна быть величиной неизменной. Пока на костяшках подсчитывал убытки и доходы, мечтал стать крутым из крутых, похерить всех этих кровососов на теле честных тружеников, наступил обед.

По привычке бросил дела и направился перекусить в забегаловку за углом. Перебивал аппетит, как правило, чаем, тошнотиком и бубликом не первой свежести. На больше директор рынка раскошелиться не мог — копил деньги для будущего большого прорыва в бизнесе.

Кроме того, провожая на работу, Сарочка каждый раз напоминала:

— Смотри там, экономней будь. Не забывай, что кроме бизнеса надо детей на ноги ставить. Учеба в «Симха-Хабад» стоит немалых денег.

Подойдя к двери, он как ни в чем не бывало протянул руку к замку. В это время дверь резко отворилась и припечатала Мефодия Карловича по носу. У того в глазах засияло северное сияние, и он шлепнулся на пол.

Очнувшись, открыл глаза. Перед собой снова увидел двух горилл с детскими панамками на головах.

— Оклемался, Мефоша? Будем базар держать, или как?

Не понимая, о чем речь, Кацнельсон на всякий случай согласился.

— Я за базар...

— Удивил, — сказал один.

— Сразу предупреждаем: не гони туфту. Мы не для того оторвались от покера, чтобы выслушивать детский лепет на лужайке, — поддержал своего братана второй.

Явно в последние дни звезды не благоволили директору рынка «На толчке». К раненному уху добавился нос. Шморгая и вытирая рукавом кровь, Мефодий Карлович пытался установить цель визита этих «вежливых молодцов».

— Вы, собственно, не перепутали адресок? — робко поинтересовался у молодцов.

Подтянув несчастного к дивану, визитеры ногами с остатками куриного помета на кроссовках придавили хрупкие плечи своей жертвы.

— Слушай сюда, дятел! Ты разумеешь свою миссию на брэнной Земле? Червь навозный, гнида вонючая. Вот кто ты. Зажрался. Смотри, не подавись.

Мефодий Карлович вспомнил, чем на завтрак кормила жена. Яйцо вареное и зеленый чай без сахара. От воспоминаний о еде заурчало в животе. Невольно глотнул слюну. Эти испортили ему весь обед.

— Вы хоть знаете, очумелые бараны, на кого наезжаете? Да вам после этого жопу наизнанку вывернут. Хозяин рынка почтеннейший Андрей Иосифович. А мой разбитый нос вам еще аукнется.

— Испугал козу гармонию. Мы твоего тимуровца имели глубоко в виду. Нас забавляешь ты... Смотри на меня: из сего дня и этой минуты будешь пополнять копилку Бесика.

— Зачем мне Петр Иванович? Мне Петя ни к чему, — воспротивился.

— Осел на двух копытах, тебе не спрашивают, тебе приказывают. Десять процентов ежемесячно каждого последнего

числа месяца... А попробуешь sprыснуть, достанем до аппендицита и на Голландских высотах. Четвертуем и скормим собакам на глазах твоих отпрысков.

Кацнельсон не мог понять, почему его жизненный путь так извилист. Чем согрешил перед Богом? Регулярно ходил в синагогу, чтил Тору, воспитывал в строгости детей. Уже поверил в судьбу, которая вновь подарила ему «счастливым случаем» поправить личные финансы, когда предложили возглавить рынок. Думал, обратились как к профессионалу, способному загаженное место превратить в конфетку. «Получается, что не хозяйственник понадобился Мансуровичу, а сборщик наличности. Кассир, спонсор, «дойная корова»... И Флирский хорош. Защитничек рабочего класса, строитель всемирного коммунизма... всплыл в городе, как нечистота в реке. Оборотень, курва. Наехал чисто конкретно», — погрузился в размышления.

Кацнельсон набрал номер телефона Мансуровича. Попытался как можно внятнее обрисовать ситуацию. Но голос дрожал, предложения получались обрывчатые, и необходимы были мозговые усилия, чтобы понять испуганного еврея. Правда, в конце своеобразного телефонного спича он четко произнес:

— Моя жизнь в опасности. Спасите!

— Ложный шухер, Мефодий Карлович. Не обращай внимание на пустяки, а сосредоточься на главном — сборе тугриков. Мне они позарез нужны.

Утрясти проблему Мансурович попросил Васю.

— Еще раз обделаешься, я тебя так обделаю, что даже комары не станут пить твою поганую кровь — крокодильими слезами будут обливаться над твоим фейсом.

Вася с необыкновенным рвением взялся за дело. Сперва наперво заказал «стрелку» пацанве Бесика. И не где-нибудь, а в городской сауне под названием «Грязным здесь всегда рады», выстроенной племянником любовницы Шелудивого. Говорят, та полгода послушно удовлетворяла все изощренные фантазии банкира, получившего необыкновенное вдохновение от про-

смотра Кама-сутры в камне в храмовом комплексе Кхаджурахо в Индии. После 333 позы выдохлась его буйная фантазия. Дама с фигурой топ-модели и лицом, которое во время секса стоит прикрывать журналом «Плебой», сразу же попросила спонсировать бизнес своего племянника. «Бедный мальчик, видите ли, организовывает дело на "черный день". Жалко бросить кровинушку на произвол судьбы», — сказала она. Чтобы банкир проникся идеей, тотчас побежала, вертя крутыми бедрами для пущей аргументации своей просьбы, в туалет попудрить носик. Перед такой походкой Шелудивый устоять никак не мог. И когда та вернулась, поверг в объятия и послушно согласился...

После банкета на честь открытия бани, хахаль попытался со своей спутницей стать первым посетителем джакузи, парилки и бассейна. Но красавицу будто инопланетяне похитили. Ни увидеть, ни дозвониться больше не мог. Злые языки болтали, как бы краля на заработанные денежки не сделала пластическую операцию. Ведь вскоре у ее племянника объявилась метресса ну очень смахивающая фигурой на герл-френд банкира.

«Стрелка» вышла на славу. Неудачники из физкультурно-го института, проходившие школу мудрости под крылом бывшего первого секретаря обкома партии, пришли дружно помыться. В полотенцах и березовых вениках спрятали кастеты, финки, нунчаки, телескопические дубинки, арматуру и кистени.

Не хуже экипировалась шпана Мансуровича. Впереди мальцов, каждый из которых сгибался в три погибели под тяжестью своей сумки, не иначе как с мылом, мочалкой и полотенцем, браво шагал Вася с черным чехлом за спиной для перевозки лыж.

— Обхезался ваш Мансурович? Бздун. Слабо законать на «стрелку»? — бравурничал Бесик. Ему подхихикивали бритоголовые с боевыми шрамами на портретах.

— Чья собака гарчала б, а твоя молчала. Не возникай!

— Заткнись, чучело! Голимую гаубицу за спиной тащишь для поддержки штанов?

Народ, мирно потягивающий пивко с рыбкой, в недоумении наблюдал за цирком. Словесные перепалки тинэйджеров ничего хорошего не предвещали и потому некоторые начинали собирать вещи и потихоньку делали ноги.

— И с кем тут базар держать? С вами, сопливые? — поинтересовался предводитель физкультурников.

— Ах, ты гад! Да я тебе... — Вася со звериным оскалом бросился на Петра Ивановича. В мгновении ока расчехлил сверток и достал оттуда вязку двухметровых палок — это страшное оружие дворовых гуляк, и вооружил ими подопечных.

— Ну, и кто тут самый смелый? — занял позу разъяренного монаха Шаолия.

При виде вооруженного чмо, Бесик предусмотрительно ретировался, пропуская вперед свою оголтелую шантрапу.

— Руби сучар на капусту!

Если бы из массажной не выскочил банщик с мокрым полотенцем, не миновать кровопролития с увечьями и инвалидностями. А так Тимофеевич с боевым кличем «Звоните в милицию — я их беру на себя!», размахивая полотенцем, как саблей, бросился в гущу событий. Его душераздирающий клич вынудил противоборствующие стороны оглядеться. Из заточками и битами смелые только баб за прилавками щупать и бизнесменов с тюками турецкого барахла на вокзалах штрафовать за переход железнодорожных путей в неустановленном месте. А против банщика с мокрым полотенцем — кишка тонка. Тимофеевич в жизни не держал ничего страшнее кухонного ножа и в каждом видел потенциального клиента, а не разбойника с какого-то Арматурного переулка. Поэтому вид тесаков и цепей в сауне стимулировал у него выброс критического количества адреналина. Грудью стал на защиту голых и беззащитных.

Кто пробовал на себе скрученное вафельное полотенце,

тот знает ему цену. Одного огрел им по спине, другого — по голове, третьего — по заднице, на четвертого только замахнулся, а его и след простыл.

— Полундра-а! — заорал Пыж.

Первыми выскочили, будто увидели не банщика, а Кинг-Конга, Бесик и Вася, за ними — участники банного побоища. Одни налево, другие направо. Так и громыхали по брусчатке холодным оружием.

Зализывать раны Флирский с сотоварищами прикатил в свой шахматный клуб. Настроение было хоть вешайся. Особенно самобичеванием занимался босс, назначенный самим Мушустинным главным надзирателем в регионе. Его ослушались. Какой-то директор козьявочной фабрики смел хавальник открыть... На кого? На него, которого еще недавно считали за счастье поцеловать во все значные места.

— Хунвэйбин чертов! Выскочка. Тогда в Голомойске о нем и слухом не слыхивали. Но, я больше, чем уверен, он тоже стоял в очереди среди жополизов. А теперь перья распустил. Дорогу пытается перейти. Да в бараний рог скручу и на муравейник посажу, — бубнил Флирский.

...А Васю ноги не несли к хозяину. Понимал, что, получив последний шанс исправиться, не использовал его. Наоборот, по самые «воздуханы» погряз в дерьме. Ведь и заступиться за «несмышлениша» было некому. Оттрахает сейчас босс во все дыры. Дай Бог, чтобы живым остался.

И как накаркал. Мансурович встретил свою палочку-выручалочку за трапезой: наслаждался холодцом и запивал бургундским 1913 года.

— Выходит, Василек, ты приехал! Теперечи слазивай! Другие будут баранку крутить, а ты подь ко мне... Да ближе, ближе. Не бойсь. Ухо не отгрызу.

Но Вася считал себя не настолько олухом, чтобы крокодилу в пасть свою голову класть. Осторожно подкрадывался к чавкающему бугру. И когда оставался шаг, Мансурович вскочил и что есть силы замантулил ногой по заднице неудачника.

— Ты клоун по жизни! Исчезни с моих глаз!
Наблюдавшие рядом Пыж и Гнедой заржали, как жеребцы.

— Чего скалитесь? И вас не минет сия участь. Что в бане делали? По углам шарились?

Охранники дружно завертели головами.

— Сгиньте!

ГЛАВА 14

Счастливая жизнь наступит тогда, когда на нее заработаеть

Вася с неимоверным усилием открыл веки, будто они были железобетонными. Попробовал подняться. Не удалось. Руки и ноги были крепко связаны за спиной.

— Живучий зараза, — услышал голос.

— А что нам стоит осиновый кол забить? Долго ли умеючи, — вторил ему некто.

Голос показались ему весьма знакомыми.

— Ну, тебя торкнуло конкретно. Битый час ждем, а ты все балдеешь. Думали, окочурился. Видать, башка чугунная, если сдюжила трубу. Значит, жить тебе долго и счастливо...

— Брось, Пыж, заливать. Эта крыса надумала поживиться нашими кровными, потом заработанными зелеными... У-у, ублюдок! — пнул ногой под ребра.

— Поосторожней, Гнедой. Еще, чего доброго, пришибешь...

— А если и кончу, одной заразой будет меньше.

— Лучше скажи, что будем делать? Тут замочим или в посадку отведем?

— Надо обмозговать.

Пыж и Гнедой сели на Васю. Тот замычал от такого пресинга.

— Думаешь, нам мед? Нас тоже прижимают по этой жизни. Если бы сладко было, разве умыкнули у шефа чемоданчик? Ага-а! Молча вкалывали бы на нашего благодетеля и дальше.

— Ты ж, Вася, знаешь сам. Босс платил смехотворные копейки. На них ни вздохнуть, ни перднуть.

Заманчивая идея спереть деньги посетила охранников, когда им в очередном загуле после выпитого не хватило бабок на девочек. Получить полного расслабона не вышло, что крайне раздосадовало парней. Они проклинали эту лохматую жизнь, по вине которой приходилось пресмыкаться перед хозяином — этим разбойником с большой дороги, нагребшего столько, что не прожрать, не пропить, не прогулять даже за десять жизней. А им на этом пиру человеческих слабостей достаются сплошь одни объедки.

Когда в очередной раз после сбора мзды по вверенным точкам насобирался полный чемоданчик разной валюты, Пыж сказал:

— Женщин и деньги нельзя любить одновременно. И потому советую сделать выбор. Лично я — за последнее.

Гнедой с ответом не замедлил:

— Согласен, друг. Сколько той жизни! Надо когда-то и рискнуть.

И дружбаны рискнули. Мздоимца Мансуровича решили кинуть по полной программе. За последним баром на маршруте завернули за угол и погнали прочь из Голомойска. На выезде из города притормозили.

— И что дальше? Теперь на нас спустят всех собак, — заныл Пыж. — Не хочется быть замурованным в тазик и брошенным на съедение рыбам.

— Не скули. Прорвемся. Тут недалеко есть бункер...

— Откуда знаешь?

— Здесь школу жизни проходил. На холме люк в тепло-трассу. Вообще-то там зимой бомжи обитают. Но сейчас они больше на свежем воздухе. Хлама полно. В нем и спрячем наш чемоданчик.

— А сами на трубах будем ночи коротать подальше от неприятностей? Только учти — те самые неприятности могут достать нас и тамочки.

По веревке, спрятанной Гнедым под кустом лет пять назад, спустились вниз. Засыпали мусором свой саквояж. Поднялись наверх. И тут Пыж хлопнул себя ладонью по лбу.

— Гнедой, а карманные деньги есть?

— Зачем?

— Да хотя бы сигарет купить или пирожок с ливером. Жрать то охота.

— Не-ет, — вывернул карманы.

— Давай спустимся. Хоть соточку возьмем на мелкие расходы.

И спустились. От увиденного глаза стали, как у бегемота. Какой-то гоблин пересчитывал их заработок — их пропуск в счастливое и безоблачное будущее, лапал своими ручищами их «страховой полис». Да кто он такой и что он тут лазит?

Пришлось беглецам применить приемы самообороны: долбануть вора куском трубы по башке.

— Ой, сколько сейчас будет слез! Да прольется кровушка на землю смрадную. Помогите, Господи, сохранить крепость духа рабу своему, — наговаривал Пыж, пайнкой сложив две ладони на груди и подкатив глаза под лоб.

Васю гложила мысль, почему не услышал шагов этих прохвостов. Он собственными глазами видел, как те вылезли наверх. И вдруг такой облом.

— Прикинь! Пришить мы всегда успеем. Давай-ка подтянем его к этой балке и привяжем, чтобы не смылся. А там посмотрим, на что сгодится... — успокоил подельника Гнедой.

Жертву надежно привязали. Даже попробовали, не шатается ли балка — а вдруг вырвет и слиняет.

— Кажется, все путем. Айда!

Пыжа грела сотка долларов в кармане. Уже можно было заморить червячка.

Авоська и нахренаська рванули в город. Пытаясь замести

следы, наматывали километры по окраинам. Все ямы и кочки пересчитали задницами. Потом в проходных дворах разгоняли котов и алкашей.

— Кажись, никого, — вращая головой на 360 градусов, изрек Гнедой.

Остановились у какой-то забегаловки под названием «Не крути носом». Ловили мандраж от любой тени, от любого маломальски подозрительного шороха.

— Ходу!

Вскочили в кафе, зал которого смахивал на столовую мусороперерабатывающего завода, где мухи были вежливей за хозяев. За барной стойкой, напоминающей лоток для торговли семечками, стоял барыга в засаленном колпаке. Ужин предвещал стать вечерней кормежкой. Но выбор был невелик. И так искали забегаловку подальше от мест возможного пребывания Мансуровича.

— Четыреста водки, два пива и пиццу...

Морда посчитала что-то на костяшках и выдала:

— Двадцать два...

Гнедой подал сотку.

— Ты что суешь? Тебе что здесь, круглосуточная обменка? Отечественные гони.

— Нету. Если были бы, зашли в «Асторию», а не в твою гадючню.

— Разве тут хуже?

— Да похожи, как Куршавель и Крыжополь.

Халдей взял зеленого Бенджамина Франклина, посмотрел на свет, помял, рассмотрел под разными углами, зачем-то попробовал на зуб.

— Возьму только с дисконтом...

Посетители обменялись недоуменными взглядами. Им незнакомое слово явно не понравилось. Чувствовали в сказанном подвох. Не знали, какой именно, но то, что хочет их нагреть вполне реально, понимали нутром. И до бабки не ходи.

Показать этому толстомордому за стойкой, какой есть пирожок с маком, первым ринулся Пыж. Он по-молодецки перемахнул через барьер и что есть силы заехал хуком по шнобелю бедному буфетчику. Естественно, тот с катушек.

— Не смей грубить клиентам!

— Молоток!

Сидящая в углу гопкомпания не восприняла инициативности двух недоразвитых мужланов. Они давно искали повод поразмяться. И тут этот казус белли сам нарисовался. Бригада ринулась защищать хозяина заведения. В эту минуту они были готовы стоять горой хоть за таракана. Гнедого дружно взяли за задницу и загривок и выбросили за дверь. Пыж, соизмерив силы, попытался смыться. Но сбросить хвост не удалось. Возле двери его головы достигла швабра, метко запущенная одним из приверженцев наведения порядка кулаками. Средство для мытья пола сбило с ног понтоватого Пыжа и тот носом проехался по кафелю.

— Ой, мамочка! Убива-аю-ют! — позвал на помощь кормилицу.

— Так ты, оказывается, еще от сиськи не оторвался. Ребята, дави гада, как таракана, чтобы не размножался!

Услышав призыв бить по вполне конкретному месту, подхватил свою выхлопную трубу и мотыльком выпорхнул из кафе. Там наткнулся на лежащего товарища, пытающегося из последних сил подняться хотя бы на четвереньки. Пролетев метра три, затормозил на асфальте своим хрюкальником. Кровавый след был похож на след раненного бугая, вырвавшегося из бойни. Лицо будто пропустили через мясорубку.

— Вот так похавали...

— Знаешь, лучше быть голодным, чем есть без аппетита, — успокоил Гнедой.

Без гроша в кармане, побитые и затравленные, поддерживая друг друга и охая при каждой ямке и бугорке, поплелись бедолаги к своему схрону на пустыре. Хотя в животе кишки

играли полонез Огинского, горечь неудачи превалировала над голодом. Их сделали, как простофиль, как первоклашек.

— Мы отомстим...

— Обязательно...

— В жопы вставим фитили и запустим в космос...

— И назовем их бэтманами.

Сидеть на банке и не отомстить — это запаadlo. Ковыляли к теплотрассе, исполненные надежды отомстить всем и вся за искореженный нос, за поруганную честь, за несбыточные мечты. Это придавало им уверенности в своей непоколебимости.

В ночных сумерках отыскать люк в убежище было непросто. На корточках излазили все вокруг, час от часу натываясь на следы человеческой жизнедеятельности.

— Ну и канитель закрутилась! — чертыхались.

Упорство всегда побеждает. Через несколько часов поиска в непролазной тьме все-таки нашли долгожданный проем. С облегчением нырнули туда не глядя. Отсутствие веревки сказалось на приземлении. Битые кирпичи и доски с гвоздями добавили испытаний бранным телам. Братки уже не взвизгивали. Руками терли новые раны, пытаясь таким способом уменьшить страдания.

Кое-как доползли до кучи лохмотьев возле трубы и там, обессилив, скрутились калачиком и притихли. Где-то журчала вода, наверху лаяли псы, а в углу кряхтел... Вася.

Утром проснулись от того, что кто-то их обильно поливал. И не просто поливал, а норовил попасть на морду. Попытались отмахнуться, прикрыть руками фасад, но ничего получалось. Струя все равно попадала то в нос, то на лоб, то в рот. У нее был какой-то странный привкус: солоноватая, будто морская. Пришлось подняться.

Откуда-то сверху раздалось ржанье. В лучах восходящего солнца виднелись две фигуры стражей порядка, застегивающие свои ширинки.

— Оклемались, замухрышки? С добрым утром, клизмы хо-

дядчие, паразиты на здоровом теле нашего общества! А ну, подымайтесь, поглядим на вас, очаровашки вы наши.

Увидев милиционеров, бывшие охранники сразу все поняли. Их бранный путь обрывался в шаге от счастья. Виднелся финиш. Мысленно молились о спасении душ. Ведь подзалетели — мама не горюй. По полной программе. Кряхтя и сопя, медленно карабкались наверх, тем самым продлевая собственную свободу.

— Живей, оборванцы! Добропорядочные граждане ждут, а обезьянник за вами плачет, — не унимались блюстители законности. При этом так виртуозно жонглировали дубинками — глаз не оторвать.

— Ксивы, малявы имеются?

Гнедой, как более прожженный в общении с «мусорами», не дал Пыжу сказать какую-нибудь ерунду.

— Начальники, ничего нету. Буду падлом батистовым. Мы парижане...

Тут и Пыжу захотелось вставить пятак.

— Мы...

— Заткни паяльник! — резко оборвал собрата. — Он шалывый... Просто перезираем новую хату. Хотим перековаться, правильной жизнью пойти.

— Неужели? Бабулички и шалашовки имеются?

— О чем шепчешь, командир? Одни пентухи и пенчики, — для убедительности вывернул карманы, с которых на траву посыпались мелочь, махорка и фантики от конфет.

— А лакшовки?

— Так уже забыли, что это. Постимся третью неделю.

— Топайте отсюда по живу по здорову. Еще раз увидим — будете небо в клеточку созерцать. Пшли вон!

Пришлось дать деру. Уже продираясь кустами, задыхаясь, Пыж жалобно проблеял:

— Я-я не-не думал, что и-иметь ла-аве, это та-акой го-оловняк.

— Головняк конкретный... Стой! — вдруг рывкнул Гнедой.
— Что случилось? Ногу подвернул?
— Язык бы себе подвернул! Вася... Там Вася остался.
— Да хрен с ним, с тем Васей. Там остался чемоданчик, — вспомнил Пыж.

Дружбаны затормозили. Надо было срочно выбирать между страхом и жаждой... Конечно, желание иметь все и побольше взяло верх над чувством страха. Решили возвращаться, не смотря на то, что могут загреметь на нары.

Упали на землю и поползли к теплотрассе.

— А если арестуют легавые? — представил свою плачевную судьбу Пыж.

— Тихо...

Невдалеке от люка затаились под кустом боярышника. Осмотрели окрестность, как диверсанты в тылу врага.

— Гнедой, а, Гнедой, а если все-таки повяжут?

— Отморозки Мансуровича?

— Не-ет. Эмвэдэшники...

— Накаркаешь — глаз подкрашу.

Пока добрались до люка, пересчитали животами все сучки и камешки. По очереди, не задумываясь, нырнули внутрь.

— Давай за чемоданчиком, а я — к Васе, — скомандовал Гнедой.

Вася уже прощался с белым светом. Руки и ноги отнялись, голова гудела, как домна, в глазах бегали зайчики с кроликами, под себя сходил не одиножды, поэтому испытывал отвращение к своей натуре. «Зачем такая жизнь, если лишен возможности даже закурить», — думал себе.

И тут, когда собирался отдать Богу душу, кто-то дотронулся к узлу на руке.

— Просыпайся, мать твою за ногу.

Васю подняли и прислонили к стене. Развязали ноги и руки, всунули в рот зажженный «бычек». Вася затянулся по полной и сразу почувствовал, что жизнь наладилась.

— Отдышался? Вот и ладненько. Что прикажешь, крыса, с тобой делать? Шинковать, рубить, ломать или подвешивать?

— Гнедой, мы не мокрушники. Оставь ты его в покое. Пусть гниет со своими бомжами.

— А если заложит?

— Тогда мы этому фраеру ушастому, как мафиози на Сицилии, забетонируем ноги в тазике и поставим по горло в городском канализационном коллекторе. Чтобы жизнь малиной не казалась.

— Ну, смотри! Проколется — я тебя на пару поставлю тем «парфюмом» наслаждаться.

Схватили чемоданчик и направились к лазу. В проеме снова мелькнула чья-то тень.

— Никак, бомжи вернулись.

— Кабы...

И тут неожиданно раздался трубный глас:

— Вылази по одному, недоноски! Только с вещами. А попробуете что-то спрятать, я вас выверну наизнанку, как плюшевого мишку.

У друзей по несчастью от страха чуть геморроидальные колики не начались. По тону сказанного поняли однозначно: это не мильтоны. Значит, жди неприятностей, по сравнению с которыми средневековая инквизиция — укус комара.

Решили вылезать.

Наверху их встретило бритоголовое шобло во главе с Бесиком.

— Приплыли, — заскулил Пыж.

— Интересно, как они узнали о чемоданчике?

Флирский был настроен по-боевому. Вовсе не интересовался беглецами Мансуровича, стянувшими у того саквояж долларов. Тому самому стоило разбираться со своими подонками. Петра Ивановича как раз манили деньжата. Если в бытность первым секретарем деньги считал мусором, который у него всегда присущ в определенном количестве и не было необхо-

димости погрязнуть в нем по уши, то теперь стал трястись над каждой копеей. Понимал, что надо остерегаться не больших расходов, а малых доходов.

— Смотри-ка, где кучкуются голуби наши сизокрылые... Докатились до нельзя. Вонючими подвалами не брезгуете. Корстой обрастаете. И что сподвигло вас, тюфяков, на такие лишения? Аль Андрей Иосифович не кормил и не поил? Какой бессовестный!

Пыж и Гнедой решили промолчать. Дешевле обойдется. При этом скукожились в три погибели. Их вид прошибал слезу. Если бы кто-то не знал, что у тех в «дипломате» куча долларов, непременно подал бы несчастным пятак на пропитание.

— Ага-а, гоните саквояжник!

Гнедой нехотя, как будто расставался из заначкой, подал нажитое непосильным трудом. Флирский выхватил «дипломат» и раскрыл. Глаз порадовали пачки «бывших президентов». Их количество не могло не умилять.

Петр Иванович облегченно вздохнул. Теперь-то воплотит в жизнь с недавних пор главную свою мечту. Просто с недавних пор его преследует одна мысль: оказывается, он самый большой грешник на этой земле. И гореть ему в гиене огненной, если не замолит грехи, не очистится перед Всевышним, не станет на путь праведный во имя мира и всеобщего благоденствия.

Поначалу эту назойливую идею Флирский гнал от себя прочь. Но со временем она превратилась в навязчивую. Уже подумывал, не обратиться ли к психиатру. Ведь галюники стали косить конкретно. Дошло до того, что просыпался ночью от гласа утробного. Какой-то придурок внутри экс-первого секретаря обкома спрашивал его: а что ты сделал сегодня для очистки совести от скверны? В терзаниях проходила вся ночь. Утро встречал с мешками под глазами.

Такие потусторонние голоса с навязчивыми требованиями мучили Флирского пуще нового ботинка. Он изнемогал от

истязаний собственного эго, достававшего его постоянным вопросом: почему всю жизнь грешил, душегуб? Его истерзанная, еще полностью не адаптированная к новой жизни нервная система начала давать сбои. Замечал за собой довольно странные вещи: то попрошайке возле подземного перехода мог запросто подать десять долларов, то ни с того ни с сего мог подойти к одному из своих архаровцев и погладить по голове. При этом поцеловать в темечко и невзначай поинтересоваться:

— Как здоровье матушки?

А одного из своих бывших студентов спросил:

— Скажи ка, милоч. В каком году отменили крепостное право?

Хоть каким двоечником ни был рэкетир, но такие азы все-таки сек.

— Да, блин, в 1861 году.

— Правильно. У меня как раз в этом году случилась золотуха. Наверное, по этому поводу и подхватил...

А по утрам бывшего партийного лидера областного масштаба посещали зеленые человечки и предлагали за существенное вознаграждение слетать к ним на Альфу Центавру и построить коммунизм, поскольку кибер-общество им надоело, как горький полынь, которым вынуждены питаться на планете Земля. Видите ли другие харчи созданы с помощью генной инженерии и им не подходят на атомно-молекулярном уровне. А полынь-трава как раз без ГМО.

Флирский всучил кейс помощникам.

— Свободны, как птицы. И запомните: никто на моей территории не чихнет, чтобы я не знал.

Шайка молча развернулась и побрела к своим авто, замаскированным в кустах.

— Во, влипши, — чуть не заплакал Пыж.

— Не бзди, прорвемся.

В это время из люка показался яйцеголовый Вася.

— Проворонили джек-пот, кретины? — как-то враз осмелел.

— Молчи, а то вновь спутаю, как вороного.

Тройка присела на банки из-под краски в позах роденовского «Мыслителя». Блаженство ума придало их лицам окрас детской непосредственности, от чего стали похожи на «троих, сидящих на горшках». Не нашлось мастера кисти, чтобы достойно запечатлеть для истории эту сакраментальную сцену.

— Я предлагаю штурмовать шахматный клуб Бесика, — предложил Вася.

— Голос прорезался? Так мы быстренько язычок подрежем, — огрызнулся Гнедой.

— А действительно, какого лешего тебе надо? — поддержал Пыж. — Ты не при делах. Поэтому сиди и сопи в две дырочки.

«Совет в Филях» не мог достичь консенсуса. Боялись решительных действий. При этом понимали, что, уйдя от хозяина и не сумев удержать в руках жар-птицу, обрекали себя на жизнь изгоев вместе с Васей. Такая перспектива не грела. Только что мечтали о Малибу, яхте и номере в пятизвездочном отеле и вдруг оказались с дыркой от бублика.

— Погнали к Бесику, — осенило Пыжа.

— Ты с дерева навернулся? Хочешь, чтобы Бесик со своими отморозками нам ноги повыдергивал. Что мы там не видели? — взъерепенился Гнедой.

— Упадём на колени. Скажем, так, мол, и так: сделали ноги, потому что Мансурович не давал братве житья — ни вздохнуть, ни кашлянуть. Сходить по нужде разрешение требовалось. Поэтому хотели начать самостоятельную жизнь. Да, видать, не фартовыми оказались.

— Ну, ты, братэлло, чисто гонишь! А если у него настроение гадкое... Проигрался ночью или баба с утра не дала. Перышком распишет аж до пятой точки. Закопают тогда в навозной куче и таблички не поставят. Предкам же скажут: пропали при выполнении важного государственного задания, и передадут

им комсомольские значки — все, что останется от нас, истинных патриотов.

— Почему именно комсомольские?

— Потому что медалей и орденов у тебя нет.

— Бесик — мужик башковитый. Не посмеет. Верные люди ему всегда нужны.

— Разве мы верные?

— А то! Вернее нас только псы и жены олигархов.

Взорвавшись, Пыж и Гнедой попавшейся под руку куском газеты заткнули Васе рот. Поскольку руки остались свободными, вытянул его. Харкая и сморкаясь, боязно проблеял:

— Я-я с-с ва-ами.

— С тобой нам наверняка бошки оторвут.

— Почему? — удивился тот.

— По кочану. Разве не видно — голубой. И не просто голубой, а в горошек. Так сказать, конченный педик.

— Никакой я не жопник. Служил в армии и баб люблю, как все нормальные люди.

— Тогда это железный аргумент.

На штурм цитадели Флирского тройка тронулась без особых сборов.

Голомойском дефилировали, как brave гусары. Ничего, что через дыры в штанах зияли мягкие места, в штиблетах пальцы ног крутили фиги проходим, а вокруг них стоял штын, как в городском клозете.

— Чего они шарахаются от нас, как от прокаженных? — удивился Пыж.

— Потому, что ночевал не в постели с накрахмаленным бельем, а в теплотрассе по соседству с мышами и крысами, — объяснил Вася.

— Так мы там не ночевали.

— Зато со мной тесно общались.

Шахматный клуб охранял явно не мастер спорта по шахматам. Качек, хоть поросят об лоб бей. Такому не ферзя гонять по доске, а гири вокруг шеи.

— Куда прете, морды? Не видите — тутечки чемпионат микрорайона проходит. Велено не беспокоить!

— Нам бы главного тренера, — захныкал Пыж. — Хотим за город выступать. Перворазрядники мы, — и для пущей убедительности, закатав рукав рубахи, поиграл бицепсами. Хотя у воробья на коленях и то поздоровее.

— Нифига. На таких дохляков шефу запахло и время свое драгоценное тратить. Подучитесь эндшпилю и миттельспилю, а потом подкатывайте.

Категоричность тона бычары смутила просителей. Они отошли и стали советоваться. Вася, как имеющий армейский опыт, взялся руководить операцией по прорыву обороны и проникновению в логово Бесика. Ни Пыж, ни Гнедой не насмелились качать ущемленные права. Их зависание окрылило Васю и придало четкости отдаваемым командам.

— Ты, Пыж, подходишь к мордовороту и паришь ему мозги до посинения. Так сказать, отвлекаешь. Ты, Гнедой, залазишь вон на тот карниз у второго подъезда, — тыкнул пальцем на выступ в стене, проходивший между первым и вторым этажами. — Идешь по нему ко входу. Тихо, как таракан, сползаешь на крыльцо за спиной этого бедуина, которого в это время будет отвлекать своими баснями Пыж, и спокойно проходишь в клуб к Флирскому.

— А ты?

— Не смоюсь. Обойду дом и попытаюсь влезть в подвал через окно.

Когда Пыж подошел к верзиле, тот своим торсом перегородил проход. Прорываться сквозь заслон кандидат в рэкетире не собирался. Он поинтересовался мнением дылды на сквозняке по поводу плодовитости самки дрозофила и неурожая бананов в Бразилии через непомерный аппетит тамошнего черного долгоносика. У пожарной каланчи глаза сразу приклеились к ушам. Он долго обмозговывал проблему. Его явно глючило от перегруза. Морщился, кривился, кусал губы. И все-таки «процессор» гренадера успешно справился с поставленной

задачей. Как оказалось, мухи его достали, а вот бананы обожают с детства. Особенно сорт Гро-Мишель.

Хотя Пыж не знал, кто такой «мишель», но морду сделал ящиком и попер рассказывать о фермере Мигеле с хутора Хрюкино, куда тот приперся с Барселоны, чтобы помочь решить нам продовольственную программу. А познакомился с ним на столичном железнодорожном вокзале, где Мигель встречал жену с детьми, исполненных таких же патриотических чувств в отношении нашей великой страны...

Гнедой со своим упитанным задом еле взгромоздился на карниз и прилип к кирпичу, будто его намазали суперклеем. Ноги, казалось, были пластилиновыми и по шее скатывался пот. Вася сразу определился с диагнозом — митрофанушка еще тот. Из-за дерева пытался жестами подзадорить того, для пущей убедительности даже показывал фигуры из пальцев. Тщетно.

Видя, что Гнедой собирается простоять на карнизе до нового пришествия, Вася бросился лично спасать ситуацию. Булыжником выбил стекло. Вытянул осколки. Достав подбородком колен, протиснулся в раму. Прислушался. Из соседней комнаты доносились голоса. Зычный принадлежал Бесику. Петр Иванович, используя вводные слова, кому-то читал нотацию. Ни возражений, ни оправданий не было слышно.

Вася на цыпочках подкрался к двери. В щель просунул свой пятак, пытаясь на нюх определить тот момент, когда можно будет стать перед ясные очи Бесика.

И уже был готов идти в пасть ко льву, как внезапно послышался шум. В шахматный клуб ввалился дылда, держащий на вытянутых руках за шиворот, как котят, Пыжа и Гнедого. Вася понял — дураки ходят парами. Охранник разжал кулаки и непрушники оказались на полу в позах, ищущих выпавшую золотую коронку.

— Шеф, два вот этих поца валяли ваньку у входа.

Флирский ехидно улыбнулся.

— А-а, знакомые все лица! Чего у нас забыли? — оставив

в покое одного из своих боевиков, подошел к корефанам. — Вынюхиваете? — его глаза и зубы искрились. Такой вид не предвещал ничего хорошего.

Пыж стал на колени и запричитал:

— Петр Иванович, примите нас, псов бездомных, в свою будку. Верой и правдой служить будем, — скупая слеза скатилась по замурзанной щеке. Руками пытался схватить ладонь Бесика и поцеловать.

— Только без этих телячьих нежностей. Хронически не терплю плебейства.

В это время Вася почувствовал, как что-то многоножное и мерзкое свалилось за шиворот. Всякий цивилизованный человек, а не папуас, жрущий корешки и букашки, взвыл бы. И Вася заорал так, что бутылка водки на столе лопнула. Тут настала очередь испугаться Флирскому. Свалился на пол и пополз под стол. Заикаясь, проблеял:

— Ч-ч-ч-то-о э-это-о?

Первым проявил завидную сообразительность жердья. В мгновение оказался у двери. Сгреб под мышку незадачливого гостя. Вася захрипел.

— Ба-а, явление кикиморы народу, — выбираясь из-под укрытия, простонал Бесик. Его желваки ходили, как жернова, от чего создавалось впечатление, что он перемальвает целлофан, попавший ему в рот вместе с печеньем. — Отпусти его, Христа ради, а то задушишь и грех возьмешь на душу.

Вася, массируя шею, постепенно приходил в себя. Пыж, стоя на коленях, сгреб руками голову, пытаясь ничего не слышать и не видеть. Гнедой скукожился на полу, будто мокрая туалетная бумага. Картина «Помилуйте нас, калек». Перфоманс еще тот.

— Чего мутите? Я вас к себе не просил — сами приперлись. Так будьте добры, просветите, с какой целью закатились? Может, в шахматишки побаловаться?

Поскольку два коня педальных не чесались, Вася решил

быстренько брать ситуацию в свои руки. Иначе шакалы Бесика порвут всех на кусочки. Родакам некуда будет и на могилку прийти.

— Петр Иванович, возьмите к себе. Не пожалеете.

— Разве? Бедного Мансуровича кинули и меня под монастырь подведете. На вас надеяться все равно, что крокодилу протягивать руку помощи.

— Мы не такие...

— Вы еще хуже!

— Ну-у, возьмите!

Флирский насупил брови, пытаясь правильно оценить сложившуюся ситуевину.

— Ладно. Где наша не пропадала. Пригрею вас, голопузых, на свой страх и риск. Но только смотрите: малейший шаг влево или вправо — я пожалею о своем времени, впустую потраченном на вас. Ну, а вы пожалеете о том, что со мной познакомились. И сокрушаться будете долго и нудно.

Тройка прибодрилась, нахохлилась, придавая своей внешности, которая еще недавно терлась о канализационные трубы и укрывалась тряпьем, пущей важности. Пыж кинулся отряхивать пыль со штанов, Вася за шиворотом начал доставать мерзкую дрянь, мешавшая ему сосредоточиться на важности момента, а Гнедой вообще задрал нос, осматривая на потолке лепнину.

— Имеется для вас одна работенка. Справитесь — будете в почете, а не справитесь — грош цена вам в базарный день. Пеняйте тогда на себя... Хочу заняться благотворительностью...

Внезапно всех скосила аллергия. Закашлялись, будто пыльцы надышались.

— Чем, чем? — несмело переспросил Вася. Его удивление было нарисовано на физиономии в виде широко открытого рта, похожего на вход в тоннель.

— Чем услышали! Глухим не рассказываю, слепым не

показываю... И закрой пасть — бегемот влетит. Так вот, надумал я спонсировать сооружение храма Святого Петра...

Вася, как человек служивый и не просто служивый, а бывший прапорщик, естественно, образованный и интеллигентный, вежливо заметил:

— Смею сказать. Православные сооружают храмы только в честь святых апостолов Петра и Павла, не отделяя одного от другого. Святого Петра чтят католики. Вы католик?

— Больно умный с первой минуты.

Флирский уже хотел признаться о своем вероисповедании, как вовремя прикусил язык. Как коммунист был атеистом. Так что вроде бы не гоже якшаться с попами. Да дело в том, что с недавних пор заметил, что среди умных людей стало модным башлять капусту на благочестивые дела.

Бесик считал себя ничем не хуже остальных, а в некоторых моментах и значительно лучше. В частности, в сексе. И если правильные мужики таким способом разруливают сегодняшнюю ситуацию, то, значит, так надо. Он тоже будет следовать им. Этим традициям. К тому же за свою бурную жизнь успел много нагрешить: и при коммунистах, и теперече. А получить индульгенцию при здоровом уме и твердой памяти — более чем заманчиво. Разве выброшенные на это богоугодное дело фитимити не стоят того, чтобы гарантировано попасть в рай, имея все предпосылки угодить в ад?

— Как понимаешь, рассюсюкивать я с вами не собираюсь. Заметьте, не я к вам пришел, а вы ко мне заявились, как татарва. Поэтому или делаете, что велю, или пошли восвояси.

Установившаяся гробовая тишина служила показателем всеобщего согласия.

— Познакомьтесь с отцом Михаилом. Хорош хват — предприимчивый и башковитый. Он покажет освященное место под храм. Ваша задача построить там лялю-церковь. Чтобы в округе краше не было. Вразумели?

Те, как жеребцы ретивые, закивали головами.

— Только не думайте, простофили, что удастся у меня денег переполовинить. Вот выкусите! — и Флирский, не смущаясь своего номенклатурного прошлого, скрутил отборную фигу. — Вы будете организаторами строительного процесса, а финансового — мой казначей. И не доведи Господи что-либо слямзить или где-нибудь схалтурить. Вы меня знаете — на земной шарик, как презерватив, натяну.

Пыж шморгнул носом, многозначительно толкнув локтем Гнедого.

— Видишь, все тип-топ. А ты боялся. Оно совсем и не больно, — прошептал.

— И чуть не забыл, — подошел к столу, где лежал до боли знакомый кейс. Нежно погладил его рукой. Ехидно улыбнулся.

— Как раз и ваши, то есть Мансуровича мани, пойдут на богоугодное дело, — и наложил на себя крестное знамение. — Знаете, жадность фраера убила. Я о Мансуровиче...

ГЛАВА 15

Боже, помоги мне стырить миллион!

Храм вышел на славу. Пыж, Гнедой и Вася вкалывали на совесть: недосыпали, недоедали, недокуривали и недопивали. Из кожи лезли. Прониклись святым делом, потому что на путь истинный своевременно наставил батюшка Михаил. Оказывается, святое слово — страшная сила. После знакомства со священником Гнедой вечером сознался собутыльникам:

— У этого, в рясе, такой страшный голос, что до сих пор уши дрожат.

— А он мне даже снится. Все тянет руки ко мне и повторяет: «Не грехи! Иначе гореть тебе в гиене огненной», — жаловался Вася.

Строителей отыскивали в соседнем дворе — те сооружали там мусоросборник по договору с местным жэком. Три стены и крышу возводили с чувством гордости за порученное дело. Их не пришлось долго убалтывать взяться за ответственный объект.

— Ешкин кот, нам бы предоплату и можем строить хоть шахту для ракет, — взбодрился бригадир — дядя с умиляющей улыбкой диверсанта.

Их обескуражили условия, когда один заказывает музыку, а другой расплачивается. Но Гнедой нашел веские тому аргументы, от которых у шабашников и уши завернулись дудочкой.

— Мы все поняли, — подняли вверх руки.

Храм воздвигали под неусыпным контролем казначея Флирского. Тот самолично пересчитывал привезенный кирпич, мешки с цементом, перемерял кубометры песка, доски, бетона. Он дорожил не местом, а больше собственной задницей: достаточно было проколоться раз и угрозы босса реализуются незамедлительно.

Поп тоже был «на стреме». Подымая рясу выше пупа, лазил этажами, по строительным лесам подымался на верхотуру, чуть ли не на зуб пробовал качество кладки...

Короче, по три «бдиста» приходилось на одного рабочего. Те стонали, роптали, грозились все бросить, так им «настохерячила» жизнь, но приходили два лома от Бесика, ничего не делая, просто становились рядом, и недовольство порядками на стройплощадке выветривалось быстрее паров спирта.

Иногда спецы от кельмы и мастерка все-таки срывались. Особенно после зарплаты. Дружно мчались в ближайший супермаркет типа «продторг», чтобы отовариться «божьей росой». Присаживались на ящики в своей бытовке и квасили по черному. До поросячьего визга. Выгоняли из себя весь ненавистный «стройбат».

После такой процедуры полпредам Флирского приходи-

лось долго и нудно приводить их в чувства. Всякие уговоры, нотации и угрозы, как правило, воспринимались строителями, как писк комара. Приходилось звонить Бесику. Тот незамедлительно присылал гонцов и те зуботычинами похмеляли распластанные где ни попадя тела. А кто не поддавался, того еще и буцали, будто футбольный мяч. Когда у них открывались моргалы, дружно грузили в бадью и поднимали на рабочие места под колокольней. Правда, по пути туда от перепада высоты некоторых мучило с вытекающими обстоятельствами.

Петр Иванович иногда лично интересовался, как воплощается в жизнь мечта его жизни. И вот однажды решил кардинально проинспектировать строительство. Приехал инкогнито — совсем инкогнито. То есть с бородой, бабочкой в горошек и в штанах, из-под которых виднелись носки-тельняшки. Представившись инспектором по охране труда, поперся к апсиде, где штукатурили двое с посиневшими носами.

— Как работается?

— Отлично, шеф! Лучше не бывает.

Флирский похлопал тех по плечам.

— Всевышний не забудет ваших трудов праведных во имя и во благо... Работайте, работайте! — и поплелся в сопровождении секьюрити к пряслам. Там его уже ожидали вспотевшие от переживаний Пыж, Гнедой и Вася. Докладывать доверили Васе, как самому прожженному и стрелянному воробью. Тот оттараторил, как на плацу. Со всего сказанного Флирский только понял, что гвозди завезли. Попробовал уточнить, но тут слышался грохот и откуда-то раздался душераздирающий крик. Затем возник из клуба пыли один из штукатуров.

— Мы только-только леса убрали... А стена... завалилась, — виновато промямлил.

— Лошара, бляха муха, тебе же было сказано: не демонтировать леса, пока стены не поштукатурите, — возмутился Пыж.

Возмущению Бесика не было предела. Обвинил всех в смертных грехах, издевательствах над святынями и богохульстве.

— Я вам такой содом устрою, в сравнении с которым ад покажется вам раем.

Инкогнито не вышло. Взбешенный Флирский сорвал бороду и бабочку. Раскрасневшийся, с трясущимися губами и руками он метался, как мышь в тазике. Добела сжал кулаки, скрежетал зубами...

Чтобы умерить ярость шефа, строители опосля не спали двое суток. Страх перед возможным бичеванием в стиле средневековья брал верх над желанием передохнуть.

Но больше всего расстроился отец Михаил, увидевший в этом бесовщину. Не иначе, как нечистый сподвиг неокрепших в вере на халтуру.

— Покайтесь, дети мои, и Бог простит. Его милость безгранична. На колени, грешники! — подняв руку вверх, призвал строителей к покаянию. — Избави мя, Господи, от обольщения богомерзкого и злохитрого антихриста, близгрядущего, и укрой меня от сетей его в сокровенной пустыне Твоего спасения. Дажь ми, Господи, крепость и мужество твердаго исповедания имени Твоего святого, да не отступлю страха ради дьявольского, да не отрекусь от Тебя, Спасителя и Искупителя моего, от Святой Твоей Церкви. Но даждь мне, Господи, день и ночь плачь и слезы о грехах моих, и пощади мя, Господи, в час Страшного Суда Твоего. Аминь.

С Божьей помощью, благодаря наставлениям отца Михаила и Бесиковому неусыпному контролю храм святого Петра все-таки соорудили. На молебен по случаю открытия храма Флирский обязал прийти всю свою рать.

— Не мешало бы и вам очиститься от скверны.

— Так, босс, наша работа делается не в белых перчатках. Грешим исключительно по принуждению.

— Разговорчики!

Перешагнув через себя, пригласил Деригуза, Храпова, Трусова, Мушустина, Шелудивого и, конечно, не забыл о Мансуровиче. Конкурент конкурентом, но утереть нос сопливному

не мешало бы. Набожность Бесика удивила приглашенных: атеист девяностошестидесятой пробы приобщился к вере. Еще чего доброго подается в монахи.

Мероприятие вышло грандиозным. На освящение вновь построенного храма привезли духовой оркестр с военной академии, обустроили сцену для концерта со звездами эстрады, пусковую площадку для фейерверка, доставили бочку с пивом для бесплатной раздачи страждущим, по периметру стояли бритоголовые для охраны верующих от тлетворного влияния испаскудившегося общества.

Отец Михаил пробовал урезонить пыл Флирского.

— Петр Иванович, не гневите Бога. Что вы творите? Это же не предвыборная кампания, а православное богослужение.

— Тс-с! — приложил палец к губам. — Вы шуршите не по теме. Знаете мудрость, кто башляет, тот и сливки собирает? Поэтому ваше дело, батюшка, десятое: молебны служить и о своем приходе беспокоиться.

Гуляли до полуночи. На фуршете, накрытом в ризнице, Мушустин поднял рюмку виски и сказал:

— Я знаю товарища Флирского неприлично давно. Выпили вместе не одну цистерну, съели не одну бочку икры и ведро артишоков. Я рад его трансформации в современное общество, где в одном ряду с материальными благами стоят и духовные. Сегодняшнее открытие врат в храм святого Петра стало возможным благодаря неумемной энергии, подвижничеству и бескорыстию нашего любимого Петра Ивановича...

Флирский чинно поклонился и по-девичьи застенчиво потупил взор.

— Нынешнее и будущее поколение Голомойска будут с благодарностью вспоминать имя своего благодетеля, давшего свои кровно заработанные на постройку этого удивительного храма духовности и милосердия. Так выпьем же за Петра Ивановича — человека кристально чистой души, патриота и гражданина!

Пока не осушили с десяток бутылок шотландского виски,

не полирнули шампанским, а на десерт не добавили, как полагается, по пивку, из-за стола не поднялись. Еле держащийся на ногах Бесик крикнул охране:

— А теперь баб сюда!

Присутствующий отец Михаил от стыда чуть не полез под стол. Покрылся пунцово-бурыми пятнами, руки дрожали, губы пересохли от волнения. Казалось, еще миг и может случиться непоправимое. Но священник, что разведчик. Невзирая на внешний раздражитель, никогда не поддается эмоциям. Он подошел к Флирскому и попытался урезонить разбушевавшегося покровителя.

— Петр Иванович, может, достаточно? Разошлись бы по домам от греха подальше.

— Что? Ты будешь мне указывать? А не пошел бы ты к чертям собачим!

Отец Михаил перекрестился.

— Я вынужден дважды повторять одно и то же! Где девочки?

— Сейчас будут! — ответил кто-то из расторопных.

Услышав, что вот-вот ризница может превратиться в апартаменты публичного дома, священник решил на безысходный шаг.

— Одумайтесь! Они все больны.

— Чем? Насморком?

— Триппером...

— Не ври, старик. Мы месяц назад с ними кувыркались и хоть бы закапало.

— Мое дело предупредить. Ведь я с помощью Всевышнего ниспослал на них кару небесную.

— Да он все врет!

— Можете попробовать...

В дверь постучали и на пороге застыли три девицы, разрисованные, как матрешки.

— Гоните их в шею! — скомандовал Бесик.

Фуршет, плавно перешедший в пьянку, закончился три-

виально. Хотя Петр Иванович с утра был настроен на длительную народную гулянку по такому случаю.

— Айда на воздух! — призвал всех.

Сцену смонтировали впритык ко входу в церковь, чтобы артистам было где переодеться и откуда выйти к зрителям. Поэтому Петр Иванович, а за ним «дорогие гости», тоже сразу очутились перед собравшимися. При этом меценат споткнулся через воздушные шарик, разбросанные повсюду для красоты, и врезался лбом в микрофон. Будто ударили в барабан. Публика ладонями прикрыла уши. Показалось, рядом взревел А-310.

Флирский не успел оклематься от удара, как ему на плечи село что-то большое и в перьях. Оказалось, режиссерская находка — в одеянии Архангела Гавриила спустился откуда-то сверху кент с микрофоном и завопил, как мартовский кошак. Ему бросилась подвывать девчушка в юбочке с носовой платок и с косичками-антеннами на голове. Она опустила на колени рядом с Флирским и умоляюще смотрела на небеса... Присутствующие зарыдали, как перед усопшим.

Шатаясь и икая, Петр Иванович сполз со сцены. Спрятавшись за березой, глазами искал своих телохранителей. Ввиду нечеткого восприятия окружающей действительности, к сожалению, их никак не мог распознать в пестрой толпе.

Вдруг в кустах что-то зашуршало и оттуда весь в репейнике, с помадой на носу, жабой-ропухой на голове и следами зубов на подбородке, подтягивая на ходу штаны, вылез один из качков. Увидев своего блаженного патрона, плюхнулся тому в ноги.

— Не велите казнить своего верного пса, попутал бес с силиконовыми сиськами, губами, как вареницы, и формами 90-60-40... И это только ноги.

Внезапно небо озарилось фейерверком. Такой местные жители видели только по телевизору. Стреляли с полчаса, будто производили артподготовку перед штурмом небесной канцелярии.

— Да-а, вот это погуляли! Могли и лучше, если бы не батюшка со своей целомудренностью.

Бесика, еле ворочая языком, поддержал Трусов:

— Вы, Петр Ивано-ович, ни-никогда не вы-выпен-н-ндри-вались, а действо-о-вали по при-принципу: му-мужик сказал — му-мужик сделал.

— Соорудить такое!... Это же какие грехи надо иметь, — удивился Мансурович.

— Не бойсь. Грехов хватает. Могу одолжить... Впрочем, у тебя их не меньше. А как ты собираешься предстать перед Страшным судом?

— Об этом еще не думал.

— И зря. Наша работа такая, что каждая минута может быть последней...

— Не накаркай! — перекрестился Шелудивый.

— ...И поэтому надо загодя подумать о загробной жизни.

Дискуссия грозила перерасти в торги за комфортное место — кому в раю, а кому в аду.

— Если не побеспокоитесь сейчас о вечном, потом будете, как говорится, кусать пятки, но кораблик счастья к берегу не причалит.

К своим машинам пошли вразвалочку. Кто-то пытался ударить по «песнякам», но бляение никто не поддержал. Певуна вмиг затюкали.

Батюшка Михаил пытался в очередной раз пристыдить разбушевавшихся, но его потуги Флирский снова пресек на корню.

— Миша, я тебе церковь построил? Если что, я из тебя быстро вакансию сделаю...

— Ну?! Так вы не мне ее выстроили, а своим согражданам, стремящимся жить в гармонии с Богом.

— Зубы тут не заговаривай! Если что, так можешь и безработным остаться. Другого попа найдем.

Каждого «пупа Земли» персональный водитель и «члено-

хранитель» подсаживал под задницу. Иначе влезть в машину никак не могли.

Петр Иванович долго и нудно пытался ключом попасть в замочную скважину. Уже и двумя руками пробовал, головой, даже языком и ногой... Ничего не получалось. Обессилив, спустился на половик. В позе эмбриона и застала его Галина Борисовна, которая отворила дверь, чтобы посмотреть, кто там цапается в такое позднее время.

— Нализался, пес поганый! Ни стыда, ни совести! В доме хоть шаром покати, а он до одури напивается: как она тебе колом не станет!

— Че ты возникаешь, спирохета ходячая? Пью, потому что наливают хорошие люди. А денег поменьше трать — больше будет.

— Да-а куда уж меньше! В холодильнике и так мышшь повесилась: ливерка, маргарин и огурцы.

— Не шикуй! Реально рули. Больше, чем даю, не дам. Ты же знаешь, Галочка, для победы коммунизма во всем мире коплю капитал. Ведь эти, толстозадые прихвостни империализма и ЦРУ, просрали завоевания Октября, пустили по ветру советский рубль, Ленина и Брежнева бросили в макулатуру, а СССР — оплот мира и защиту всех обездоленных арабов и негров, раздербанили, как воровской общак. Вот такие пироги с котятами...

Бесик отрешенно всхлипнул, приподнялся на четвереньки и кувыркнулся через порог. Уже в прихожей попытался встать на ноги, но неудачно. Упал на пятую точку. Да так и завалился на бок. Правда, успел подложить под голову туфли и тут же зашелся молодецким храпом.

Галина Борисовна не стала будоражить надежду мирового пролетариата, дабы нечаянно не разгорелся пожар мировой революции. Потом коммунисты еще будут корить ее: не вовремя спохватились, стоило бы малеха подождать, когда «низы созреют взяться за «коктейль Молотова», а верхов уже не станет удовлетворять размер украденного».

Утро у Петра Ивановича началось с дикой головной боли. В череп, будто черти в барабан, лупцевали. На душе штормило, руки тряслись, как отбойные молотки. Язык, что рашпиль. Ни присесть, ни лечь, ни сказать. Сплошной тормоз.

— Вчера был цимус, а сегодня протухший бигус... Так хорошо, что наизнанку выворачивает? — за благоверной не заржавело вставить своих «пять копеек».

Флирский собрал в кулак расшатанные нервы и решил для поправки здоровья отвезти утреннюю в храм святого Петра. Исключительно ради похмелья. Ну, запах ладана разгонит кровь, а вид распятого Христа взбодрит сознание. Может, облегчает. Кроме того не мешало бы исповедаться: давно мечтал излить Богу грешную душу. Такое неистовое желание, как ни странно, возникло у Петра Ивановича, когда стал крышевать голомойских «кур-несушек», сидящих на зелени, и экспроприировать у тех, у кого можно было что-то еще экспроприировать. Дабы оправдаться перед самим собой, тешил себя мыслью, что занимается рэкетирством исключительно руководствуясь благими намерениями. Нет, он себя не отождествлял с Кропоткиным и Бакуниным. Одно дело — они, другое — он. Это все равно, что сравнивать хрен с палочкой. Там, в столице, собратья знают, что делают. А он неотъемлемая часть «всеобщего дела».

«Бог видит. Он все поймет», — тешил себя иллюзиями.

Ничего не сказав Галине Борисовне, вышел из квартиры. Храм святого Петра построили на окраине, идти было далеко-далеко. Флирский решил вызвать братьев-напарников. Набрал по мобильнику пару телефонов и стал ждать.

Свежий воздух и дворник, поливающий тротуар, раздражали, будто оперные певцы на свадьбе. Ощущал себя беременным на последнем месяце, потому что ко всему прочему тошнило даже от воспоминания об огуречном рассоле. Шел к батюшке Михаилу, как к урологу с запущенной простатой. Либо пан, либо пропал.

Кавалькада черных джипов выскочила из соседнего переулка, как в телесериале, преследуемая доблестной милицией. Затормозили возле Бесика. Дверь в переднем учтиво открылась, и Петр Иванович по-молодецки вскочил на подножку. И тот-час армада, взвизгнув колесами, тронулась с места, оставив на асфальте лишь черный след от покрышек. Глядя на авто с затемненными стеклами, напоминающими катаfalки, дворник лишь чертыхнулся.

В это время к храму подтягивались старушки. Услышав за спинами рев автомобилей, бросились врассыпную, на ходу крестясь. Джипы подкатили прямо ко входу. С задних машин выкатились, как колобки, здоровяки и, растолкав локтями возмущенных прихожан, организовали живой коридор перед дверью головной машины. Оттуда томно, с чувством собственной значимости вылез Флирский. Подняв воротник на пиджаке и прикрыв правую щеку носовиком, будто спасаясь от зубной боли и маскируясь от любопытных, потупив взор, прошмыгнул пряником в церковь.

Хотя запах раствора, краски, шпаклевки, лака еще окончательно не выветрился, но уже воспринималось благовоние, приятный запах которого присущ только церкви. Вдохнув на полную грудь воздух, замер. Перед глазами замерцали звездочки и круги. Испуганно выдохнул, осмотрелся и поплелся к свечной лавке. Его встретил умиротворяющим взглядом «божий одуванчик» в черном платке. Молча бросив с широкого плеча стодолларовую купюру, взял жмут свечек и брошюрку с молитвами. Не зная, куда их девать, сунул в карман. Вчера не успел как следует познакомиться с богатым убранством храма. Теперь попытался рассмотреть иконы. Их было множество, но все похоже, как близнецы. Ему даже показалось, что лики святых укоризненно смотрят на него, как бы спрашивая: что ты тут забыл, атеист-разбойник?

От таких богохульских мыслей пламенно перекрестился. То в высшей партийной школе заставляли штудировать, каки-

ми вилками есть устрицы, с какой стороны читать секретные постановления ЦК и во что можно, а во что нельзя посвящать рядовых коммунистов, а общаться с Богом никто не заставлял. По жизни Бесик не пересекался с верующими — так что некому было привить грешному элементарное...

Наложив на себя католическое знамение, плюхнулся на колени перед иконостасом. Выбрал глазами нарисованного симпатичного мужика с крыльями (как ему показалось, самого важного здесь), развернул книжечку на первой попавшейся страничке и забубнил:

— О добрый наш пастырю и богомудрый наставниче, Святителю Христов Николае! Услыши нас грешных, молящихся тебе и призывающих в помощь...

«Господи, какая нечистая меня сюда занесла? Дай Бог памяти... А-а, телу прошу здоровья, а душе покоя. Так хреноватенько после вчерашнего — мочи нет. Чего очи вылупил? Не веришь? Я тоже не верил, когда вчера отжигал по полной. Зато сегодня все черти в моей голове летку-енку отплясывают. Думал, пронесет... Я в смысле, не до ветру, а в смысле попустит. Ну, не совсем попустит. Что-то и останется. Зачем тогда употреблять, если ничего в голове не затормозится? Это первое.

...Виждь нас немощных, отовсюду уловляемых, всякого блага лишенных и умом от малодушия помраченных...

Ой, какие мы помраченные. Ну, елкин тузик, совсем рассудка лишенные от этой проклятой житухи. Подсоби малеха, Чудотворец, чтобы извергам окаянным ни лечь, ни встать, подмышечной дизентерии им, остеохондроза ушной лопатки и язвы двенадцатиперстного мизинца. Особенно Мансуровичу. Это же каким сукой надо быть, чтобы наехать. И на кого? У меня конкретно все схвачено, у меня реальный движ, а он смеет открывать хавало и качать права. Да кто он такой, сморчек тифозный? Вот я — это как прыщ на сраке. Посему Мансуровича надо срочно нейтрализовать. Ты, понял, чувак-Чудотворец? Чтобы он не путался у меня между ногами и не мешал...

Сукин кот, язык, как помело. Николай-Угодник, или какая у тебя там кликуха, только не надо трогать мое драгоценное между ног. В отличие от Мансуровича меня оно не стесняет. Не перепутай, ты слышь? Это я прошу кару небесную Мансуровичу, а не себе.

...Отче наш, сущий на небесах; да святится имя Твое, да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши...

Ахинея. Это явно не с той оперы. Католики тут при чем? Да черт с ними. Главное, Господи, реструктуризируй долги мои, в том числе и супружеские. Все, кому должен, забудьте меня, ако кошмарный сон.

...Мы виновными были, изменяли, грабили, порочили, поступали криводушно и преступно, злоумышляли, обирали, возводили ложь, давали дурные советы, лгали, насмехались, бунтовали, относились с презрением, притесняли, были упрямы, творили зло, губили, совершали гнусное, заблуждались, вводили в заблуждение... Запиши нас в книгу благополучной жизни, запиши нас в книгу заработка и пропитания.

И какая зараза подсунула в карман иудейский молитвенник?.. Никак Кацнельсон. И как тут без греха прожить? Сам не отнимешь, так у тебя отнимут. Да не ведись ты, Господи, на эту шмару. Думаешь, Шелудивый в своих «Недрах счастья» всем пасхальные куличи с утра до вечера бесплатно раздает? Загребает бабло волосатыми ручищами, как экскаватор. Разве мне не запахло? Обидно не за всякую шулупень-вкладчиков. За себя лично, потому что не могу в белой рубашечке и с галстучком тянуть столько, сколько этот народный кровопийца, упырь и захребетник пролетариата.

А Дерезуг обдирает, словно молодой картофель, полугодных студентов. А доценты с профессорами бдят, чтобы ни один прогульщик или двоечник не получил «на шару» зачет или экзамен.

На твои заповеди, друг мой Всевышний, сегодня ведутся только в детсады. И то лишь те, кто еще ходит на горшок. Постарше эту жвачку не хавают. Поэтому, будь добр, делай свою работу молча и эффективно: отпущай грехи, и точка. Все у нас не без греха. Если будешь одних отправлять в ад, другим прощать их прегрешения, получится вакханалия. Зачем это?

...Прибегаю к совершенным словам Аллаха, возвыситься над которыми не в силах ни праведный, ни нечестивый, от зла того, что Он сотворил, создал и сделал, и от зла того, что нисходит с небес, и от зла того, что восходит к ним, и от зла того, что Он создал в земле, и от зла того, что выходит из нее, и от зла искушений ночи и дня и от зла всякого приходящего ночью, кроме того, кто приносит с собой благо, о Милостивый!

Стоп! Что за ересь? Аллаха зачем-то приплел? Впрочем, какая разница, кто подсобит скovyрнуть Мушустина. О Милостивый, обращаюсь к тебе! И к вам, сияющие и блестящие с нимбами на головах. Подсобите одолеть Мушустина... Тьфу-у, тьфу-у, тьфу-у, какие глупости говорю... А почему вдруг глупости? Разве я не достоин заменить Арсения Кирилловича? Ста-тен, хорош собой, предприимчив, в меру богат, инициативен, скор на крутые разборки... А этот увалень в столице только способен бабуленции тырить да приказывать. Задаром и за ухом не почешется. Зачем нам такой ленивый Папа? Я сам вполне управлюсь: общак крепко держать буду, по понятиям разбираться, братву не обижу, воровские законы чтить и чтить буду.

Ничего, что зону не топтал. Теоретически-то мог, если бы господу сраные демократы взялись как следует за коммунистов. Полетели бы головушки наши. Как пить дать сел бы. Поэтому теоретически могу стать во главе региона. Пойми, Боже, что не о себе, сироте твоем, пекусь, а исключительно об интересах пацанов правильных.

...Не оставит нас в греховном плену быти, да не будем в радость врагам нашим и не умрем в лукавых деяниях наших; моли о нас недостойных...

Владыка Небесный, ниспошли на головы недругов моих вечную реформу демократии, чтобы им икалось и чесалось при виде купюры больше доллара, чтобы запор и диарея чередовались у них из завидной регулярностью, чтобы страдали они ночным энурезом и мочились водкой, чтобы любили их исключительно вши, клещи, мухи цеце и комары, а менты ежедневно присылали повестки. Пускай на небесах все ангелы молятся за меня денно и ночью, потому что я лучше всех.

...Святой Ангеле, предстояй окаянной моей души и страстной моей жизни, не остави мене грешнаго, ниже отступи от мене за невоздержание мое.

Мне срочно нужна капуста. Всевышний, не для хавла, для толкового дела. Вот построил я святой храм, чтобы и ублажить тебя, Боже, и было где бедному vip-прихожанину помолиться для искупления грехов своих. Заметано? А теперь хочу казино невдалеке построить для рабов твоих, Вседержателю. Почему поблизости? Для удобства заведения. У проигравшего всегда депресняк или агрессия прессуют. Видите ли, жалко ему проигранных деньжат. Чтобы, значит, не натворил глупостей, пускай ходит в церковь и духовно очистится. Помолится и, глядишь, успокоится. Всем хорошо и ему приятно. А полегчает, может, снова захочет в рулетку сыграть. Так что валюта мне позарез нужна. Подскажи, кто даст. На ушко шепни, приснись... Я догадливый — все пойму. У бывшего своего подчиненного Трусова взять? Ага-а! У него драных носков не выпросишь, не то, что цент.

...Прошу Господа великую помощь дать Небесную. Для человека места нет в мире без силы Господней. Чашу с водой мучительных страданий принесу к светлому лику Неба, и просить буду у трех сил Господних дать удачу мне и Свет дать на пути мои. Аминь.

Воистину убереги меня от конкурентов богомерзких, киллеров всюду сущих, паразитов-нахлебников, хитрых трусов, сексуальных извращенцев и прочей нечестии, которая встре-

чается на моем пути сплошь и рядом. Хотя, говорят, гомики пользуются на небесах бешеной популярностью.

Апостол Петр у врат небесных встречает клиентов:

Одного спрашивает:

— Грехи были?

— Ну, были, пару раз прелюбодеяния.

— В ад...

У другого интересуется:

— Грехи были?

— Да, постоянно чревоугодничал. Но теперь раскаиваюсь...

— В чистилище, на тысячу лет на воду и гербалайф...

Обращается к третьему:

— Грешен?

— Очень грешен, сексуальный извращенец, конкретно мазохист.

— В рай гада...

Вот так-то, святые!»

Флирский поднялся с колен и подошел к иконостасу. Взор остановил на иконе великомученика и целителя Пантелеимона в серебряном окладе.

— Очищаетесь, дорогой Петр Иванович, или придаетесь скорбным думам? — услышал сзади мягкий баритон отца Михаила.

— Да вот прошу у Всевышнего заступничества от разных мастей законников. Наступают мздоимцы на пятки. Пиявки ненасытные.

— Не оскверняйте злословием Божьего храма. Не пристало вам употреблять такие слова и выставять на поругание церковь.

— Вот поставил свечку за то, чтобы у начальника областной милиции сторел джип, а начальник управления по борьбе с организованной преступностью потерял свой пистолет.

— Вы меня просто удивляете. Разве можно с такими скверными мыслями приходить в церковь?

— Не можно, а нужно. Пускай Господь знает своих чад. Его святая обязанность помогать. Особенно таким, как я... К Богу приближенным.

Флирский расправил плечи, поправил пояс на брюках, в собственных глазах поднялся над социумом. Аура церкви вселяла уверенность, что и в загробной жизни все схвачено. Что значит, вовремя подсуетиться.

— Петр Иванович, перед храмом какой-то пижон нагло заявляет, что он должен срочно взять у вас интервью. Мы сказали, что вы никому никогда ничего не даете. Только берете, — тихо прошептал за спиной один из секьюрити.

— Дураки. Что за один?

— Представился Антоном Соколовым из газеты «Крик души».

Если бы к нему, первому секретарю обкома партии, в свое время вот так на колхозном току или в цеху завода пытался прорваться журналист, да он уже на второй день крутил бы коровам хвосты. Теперь иное время. Всякая шушара возомнила себя классиком и норовит на жареных фактах воскреснуть из пепла.

— Чего надобно?

Зоркий Сокол — гроза голомойского гламура и бандюков, трубадур олигарха Мансуровича и власть имущих не привык хороходы водить. Знал себе цену и на равных разговаривал с сильными мира сего.

— Петр Иванович, не желали бы вы стать депутатом? И не простым, а народным.

Вопрос застал врасплох уважаемого горожанина. Хотя непосредственно в Голомойске лично решал, кому идти в народные избранники, а кому еще рановато...

— Ты кто такой, чтобы интересоваться? Шпионишь? Провокатор? У двух телок молоко захотел сосать? А если скажу о твоей выходке хозяину? Да он тебя за мошонку подвесит. Посему не пошел бы ты, как говорила незабвенная Раневская, в жопу.

— Конечно, я мог бы туда сходить. Мне не тяжело. Однако, кажется, этот вопрос для вас весьма актуален.

— Не тебе судить об этом.

— Я не спору. Только к предстоящим парламентским выборам готовятся загодя и обстоятельно. А ваш имидж для электората расплывчат и противоречив. Необходимо поработать над ним коучам, имиджмейкерам, стилистам, ораторам и прочей братии. А Мансурович — карта бита. Не смог в депутатах реализоваться. Потому за базарника электорат не пойдет.

— Не пыли, рахит. Короче, сделай так, чтобы я тебя искал. Понадобись со своей паршивой газетенкой — найду.

Бог весь откуда взявшийся пронырливый писака посеял зерно сомнения в голове Флирского. По его разумению, в жизни необходимо было сделать три вещи: заработать миллион, построить церковь и взойти на вершину власти. Первые две задачи успешно решил. На властном олимпе при Брежнев, Андропове, Черненко и прочей братве побывал. Хотя уже и запаматовал, когда это было. Снова хочется. Власть, как наркота. Сел на иглу — не спрыснешь.

Бесик иногда лелеял себя надеждой, что рано или поздно вырвется из периферийного круга и выйдет на орбиту «слуг народа». Но все не насмеливался озвучить свои наполеоновские планы Мушустину. Боялся, что тот пошлет вполне конкретно. А где это видано, чтобы даже экс-первого секретаря обкома кто-нибудь мог посылать на три веселых буквы! Хотя без Арсения Кирилловича и вода не освятится.

И в машине Флирского гложила мысль о новой жизненной орбите.

— Петр Иванович! Что прикажете сделать с этим охламом? — в машине поинтересовались подчиненные.

— Пока ничего. Еще согдится.

Внезапно джип резко затормозил, и Бесик лбом снова чуть не травмировался о переднюю панель. Слетела шляпа, которой верен был еще с тех советских времен. Зацепилась об опущенный козырек над передним стеклом.

Флирский стал испытывать некий страх перед упомянутой частью машины после того злополучного случая, когда в обкомовской «Волге» встретилась его голова с «торпедой». Но при этом продолжал садиться исключительно спереди. Партийную привычку не искоренить даже дустом. Именно та авария, по его мнению, стала причиной неадекватного восприятия им окружающего мира.

— Что такое?

— Гляньте, Петр Иванович! Там какой-то недоделанный на «мерсе» выскочил из переулка и перегородил нам дорогу.

Действительно, впереди стоял «черный немец» с затемненными стеклами.

— Мальчики, приготовились!

Флирский хорошо узнал авто, гонящее по городу, словно по пустыни, участвуя в гонках Париж—Дакар. Будто вокруг нет ни пешеходов, ни машин. Это авто не давало ему покоя еще с тех, тех времен. Он весь скукожился и вдавился в сиденье. Носом чувствовал, что могут быть грандиозные неприятности. Ведь неспроста этот членовоз появился в это время и в этом месте.

Тут же «мерседес» взревел, из-под колес повалил дым и он рванул, как болит в «Формуле-1».

— За ним! — у Бесика азартно загорелись глаза, руками схватился за сиденье, ногами уперся в полк. — Глухие? Заложило? Давай, за ним!

Водитель «Лэнд крузера» — тертый калач, до Флирского перевозивший чемоданами нал в столицу и обратно, повидавший на трассе всякого, вдавил педаль до предела. Двигатель джипа зарычал и всех, будто в самолете на взлете, вдавило в кресла.

Судачившие возле калитки бабушки однозначно определили:

— Вишь, депутаты помчали. Чтоб им, аспидам, по головам так ездили.

Псы и коты врассыпную. Чья-то курица с перепугу взлетела над дорогой. Но не успела спланировать на обочину, как ее стукнул лобовым стеклом «мерс». От неожиданности птица в изобилии справила естественные надобности, тщательно затонировав триплекс. Водитель авто ударил по тормозам.

— Поймали, поймали, поймали! — по-детски захолопал в ладоши Бесик.

Бритоголовые дружно окружили беглеца. Но оттуда, как ни странно, никто и носа не показывал.

— Берите биты!

Только после угрозы сделать с «мерса» консервную банку дверь отворилась. Сначала на землю стала правая нога в сапоге со шпилькой, как Эйфелева башня. Затем дверь распахнулась пошире и к левой присоединилась левая. Взоры «гвоздодеров» Флирского с каблуков поползли по сногшибательным ножкам в ажурных чулочках и уперлись в кожаную мини юбку. Это даже была не юбка, а скорее широкий пояс. Не надо было непристойно пялить глаза, чтобы разглядеть ажурные трусики под ней, явно приобретенные не «На толчке» у Кацнельсона. Фирму видно издалека. Блондинка, будто только что сошедшая с обложки глянцевого журнала, кокетливо поправила одежду, стыдливо попыталась стянуть вырез на блузочке, через который просматривалась пышная грудь, озорно пытающаяся выскочить из воздушного бюстгальтера, с пикантной складочкой и родинкой. Втянула живот и изогнула породистую спинку. Линиям ее тела позавидовали бы нагие женщины Пуссена.

Небрежно двумя пальчиками с ухоженным маникюром вынула из сумочки длинную и тонкую, как соломинка, сигарету.

— Мальчики, кто даст даме прикурить?

Десятки рук с пылающими зажигалками вмиг окружили девицу неопределенного возраста.

Гераклы сглотнули слюни, обильно текущие по подбород-

кам. Их челюсти отвисли, а языки вывалились, будто у кобелей, почуявших течку. В этот момент помани их пальчиком и они пойдут на край света.

— И кого это я вижу?! — вдруг раздалось зычное. — Люсьенка собственной персоной! Киса моя, рыбка ненаглядная. Вот кого-кого я не мог даже предположить здесь увидеть — так это тебя, дорогуша! Сколько лет, сколько зим? Наверное, за это время перетрахалась со всем, что дышит, — Петр Иванович с распростертыми объятиями ринулся к цыпочке. Мозг сверлили воспоминания, когда его, шишку областного масштаба, будто подзаборного бомжа, выставили за дверь. Не пустила в квартиру, которую купил за кровные этой проשמандовке. Видите ли, не узнала меня, в дураки пошла при здравом уме и светлой памяти. Надо было ей на лестнице подъезда напомнить об соблазнительной татуировке на лобке — грехе молодости. Может, тогда наступило бы просветление.

— Ш-ша-а! Не парься, — оттолкнула бывшего хахаля Люська.

— И где, позволь поинтересоваться, отхватила такого четырехколенного зверя? Аль одним местом заработала?

— Не твое собачье дело! В отличие от тебя нашлись порядочные и, главное, нежмотистые люди. Подарили... на день рождения.

— И что же ты такое вытворяла, чего я не знаю? — Бесик попытался схватить спермовыжималку за горло.

— Но-но! Только без рук. Ты хоть и по-прежнему важная шишка, но на каждого крутого находится свой густой. Заруби себе на носу!

Флирский ретировался.

— И убери своих «пингвинов». Не нарывайся на неприятности. Мой тебе совет.

Напористость этой клуши умиляла Петра Ивановича. Какая-то терка соизволила на него наезжать!

— Да кто ты такая, чтобы мне указывать? Ты дистрофик

на подиуме, чучундра халявная, кобыла с геморроем, гнида с ушами, головастик на ходулях... Если у тебя пятизвездочная гостиница между ног, так можешь зубки скалить?

Бесик сделал паузу, пытаясь понять реакцию этой зачуханной леди. Та же опешила от выслушанной тирады. Люська, конечно, боялась Флирского, потому что тот был способен на одиозные поступки, но не предполагала, что за несколько лет человек может так трансформироваться. Мурашки пробежали по спине, и струйка холодного пота скатилась до копчика.

— Дед, не мути! Ковыляй своей дорогой и оставь меня в покое.

— Уж нет. Скажи мне, кто твой ухажор, и я скажу, кто ты.

ГЛАВА 16

Если жизнь вас совсем не удовлетворяет, удовлетворите ее сами. Иначе она удовлетворит вас по полной программе и тогда по жизни вас больше ничего не будет удовлетворять

Мэр Голомойска Тыркин был членом аграрной партии «Красный землепашец». Горожане отдали за него свои голоса в надежде, что, в принадлежащих ему супермаркетах, будет продавать дешевые продукты — практически по цене, какая была в советских гастрономах. Кандидат в мэры бил себя в волосатую грудь и свято обещал: «Падлом буду...» А лидер партии Желудь гарантировал приятные изменения своей головой: «Если изберете нашего Семена Захаровича, будете жить, как в олигарха в кошельке».

Когда Тыркин отмечал сто дней своего «мэрства», избиратели напомнили о его красноречии, а Желудю — о голове, поскольку в магазинах покупатели, глядя на ценники, падали в

обморок. На это аграрии на пресс-конференции сделали бровки домиком, глазки бантиком, вращающую ресницы, наращивающую зубы.

— Вы понимаете, если фьючерсные контракты достигнут юнидо и повернут аккредитивы назад, то возникнут предпосылки для факторинга, предполагающие откат. Этот дедринг необходимо рамбусировать до пределов трассанта. Пока что, к сожалению, гильоширование преобладает над секвестированием и не идет с туотом. Поэтому надо немного потерпеть, пока абандон не поправится.

За сто дней Тыркин преобразился до неузнаваемости. Из рубахи-парня превратился в музыканта симфонического оркестра: неизменно стал носить черный костюм, белую рубашку и желтую «бабочку» в синий горошек. Был неотразим, как Бог. Когда в приемные часы вместе с бабушками, молящими о помощи на похороны, которые у них не за горами, пришел Мансурович, мэр осознал значимость своей персоны. Ведь такие люди просто так не приходят с визитом.

— Милости прошу, — вежливо пригласил в кабинет дорогого гостя.

Чиновник — что поэт. Ранним и застенчив. Когда депутат высказал просьбу к местной власти выделить кусок земли для нужд партии «Порядок и беспорядок» под строительство такого необходимого «побесовцам» развлекательного центра с «американскими горками», боулингом, катком, барами, саунами, фитнес-клубом и супермаркетом, Семен Захарович понял, что пришел его звездный час. Значит, недаром потратил на избирательную кампанию мешок «зеленых», изживал со свету своих конкурентов. Вот оно, счастье, приплыло. Ухватить бы его покрепче!

Мэр зарделся, как девственница в первую брачную ночь, забарабанил пальцем по столу. Собирался с мыслями.

— Оно, конечно, можно... Дело полезное. Тем более, наша святая обязанность пособлять парламентским партиям. О чем разговор! К тому же, разве вам, Андрей Иосифович — уважае-

тому голомойчанину, можно отказать? — он неистово крутил пуговицу на своем пиджаке. — Все сделаем, что в наших силах. Я тотчас же отдам распоряжение и решением проблемы займуться соответствующие службы. А вы позванивайте...

В эти слова Тыркин вложил весь свой артистизм, обаяние и убедительность. Если только собеседник не болван, он все поймет. Поскольку Мансурович считал себя немного умнее за неандертальца, он догадался с полуслова.

— Да нет, Семен Захарович, так не пойдет. Мы люди взрослые, поэтому давайте разговаривать по-взрослому. Сколько?

От этого вопроса мэр чуть в штаны не намочил. Человек всю жизнь ждал, чтобы дали, и тут вдруг не только дают, но еще и спрашивают, сколько именно дать. Это садомазохистское истязания.

— Что вы имеете в виду? — Тыркин удивился тому, что сам сказал.

— Я имею в виду то, о чем вы подумали.

— Вы, Андрей Иосифович, оказывается, проказник. Чужие мысли читаете. И что прочли?

— Понял, что полмиллиона хватит для успешного решения проблемы, остро стоящей перед нашей партией.

— Ясновидящий! И только в СК...

— Предпочитаете колбасой? — удивился олигарх.

— Не смешите. В моих супермаркетах хотя и торгуют сырокапченкой, но я на диете. И если бы и ел ее, то столько не осилил бы. Я о свободной конвертируемой...

— Заметано!

— Без базара!

На ближайшей сессии горсовета уже обсасывался вопрос о выделении земли под строительство... офиса партии «Порядок и беспорядок».

Флирский не был бы самим собой, если бы не знал, что творится у него под носом. В тот же день ему доложили о затее Мансуровича. Мало того, что тот подмял под себя рынок, не

спросив на то разрешения. Так еще и захотел превратить родной Голомойск в штат Мэриленд. И без благословения смотрящего. Что скажет Мушустин о таком своем полпреде? «И, конечно, будет прав», — Флирский согласился с самим собой.

Петр Иванович решительно взялся за наведение порядка на вверенной ему территории. Жестко и бескомпромиссно.

Сначала позвонил этому защитнику угнетенных скотников и доярок.

— А знаешь, козел вонючий, что ты уже висишь в бойне за нижнее левое ребро?

Из телефонной трубки послышался какой-то грохот, похожий на падающее тело.

— Но ты себя можешь снять с крючка, если явишься с повинной.

Тыркин покинул заседание исполкома так, будто его вызвали для награждения в администрацию Президента, и стремглав помчался на дачу. Там под яблонькой в шести полиэтиленовых мешках были зарыты «зеленые». На «черный день». Не долго пришлось наслаждаться с неба свалившейся кругленькой суммой и мечтать о прелестях Баунти. «Хреновы товарищи» выследили. Мэр из жизненного опыта знал, что колесованием может не отделаться, если не возвратит то, что просят. Эти применяют более изощренные методы, чем даже средневековая инквизиция.

Дрожащими руками вытянул пакет, огляделся и, маскируясь кустами и деревьями, прошмыгнул в домик. Еще раз пересчитал купюры. А вдруг Мансурович дал больше — хоть что-то останется. Но депутат всучил столько, сколько сказал.

К шахматному клубу подкатил со слезами на глазах.

— Не рви сердце, Захарыч! — по-отцовски потрепал того за ухо. — Ты знаешь, что классики марксизма-ленинизма в своих произведениях учили нас делиться. Так почему не поделился по-братски, немощь коварная? — резко изменил тон Бесик.

Тыркин стоял перед голомойским авторитетом, как малыш перед отцом девочки, которую озорно потянул за косички.

— Петр Иванович, извините меня, дефективную тварь, молокососа недоразвитого... Не со злого умысла. Исключительно из-за помутнения рассудка.

— Ух, непослушный греховодник. Ну, ступай и впредь головой соображай. То с бабой будешь думать одним местом, — небрежно бросил принесенные кульки «митяям», выстроившиеся в шеренгу за спиной своего босса.

После этого позвонил Мансуровичу. Снова забил «стрелку» в бане «Грязным здесь всегда рады», дабы соединить приятное с полезным. Веничком утомленное суетливой жизнью тело похлестает Тимофеич, а за кружечкой пива с омарами можно будет пошущукаться с этим оголтелым коробейником. На этот раз тет-а-тет. Интеллигентно, чтобы не разбудить агрессию банщика.

Система охраны президента США отдыхает в сравнении с мерами безопасности, принятыми боевиками обеих сторон. Даже с унитафов выглядывали подзорные трубы, исследовавшие пикантные места клиентов на присутствие в оных оружия.

— Ну, что скажешь, Андрей Иосифович, в свое оправдание?

— Я не понял, малыш, что за наезд?

— Ты оборзел? Страх замутил рассудок? Или депутатство высушило у тебя остатки мозгов? Забыл, под кем ходишь, щенок?

— Ты мне не тыкай! Палец сломаешь. Прошли времена, когда спрашивал «высочайшего благоволения» на хождение в народные избранники или расширение бизнеса. Никто десятину тебе отстегивать не будет, заморыш социализма.

— Хорошенько подумал, прежде чем сказать?

— Не волнуйся! Я ши лаптем не хлебаю. Могу за себя и своих людей постоять и жопу некоторым надрать. Ха-а-а, будут, как у гамадрил.

— Самовлюбленный шифоньер. Что возомнил себе? Думаешь выйти сухим из воды?

Словесная перепалка напоминала шоу. Каждый тараторил

свое, пытаясь собственным красноречием завалить соперника. Так как оба имели крепкий тыл: Флирский в лице непоколебимого коммуниста новой формации Мушустина, а Мансурович — депутатов в законе, поэтому не отступали. Бесик понимал, что достаточно раз споткнуться, потом затопчат и добьют. И собственные бойцы не спасут. Народный избранник почувствовал, что старую гвардию уже пора сковыривать. Он был похож на зверя во время охоты: адреналин аж зашкаливал, запах жертвы щекотал ноздри, а перспектива взойти на «трон смотрящего» дурманила рассудок.

В разборку раскрасневших интеллигентов снова вмешался Тимофеич:

— Обаддели, изверги? Та я вам сейчас хари по трафарету размажу и скажу, что так и было. Вам другого места нет? Люди степенные отдыхают, а они здесь взялись разборки устраивать. А ну-у, выметайтесь отседадь, вахлаки!

Банщик снова вооружился грозным оружием банно-прачечного комбината — к мокрому полотенцу добавилась швабра.

— А не пошли бы вы к чертям собачим!

При этом огрел полотенцем Мансуровича, а шваброй — Флирского. Каким бы ты махровым авторитетом не был, но если на тебя наезжают резко и вполне конкретно, невольно отступаешь. Два олигарха, прикрыв голову руками, подхватились, как ужаленные, выскочили в раздевалку.

Баня «Грязным здесь всегда рады» посчитала инцидент исчерпанным. Иного мнения были сами участники потасовки.

— По факту дня рождения исчезнешь, — пригрозил сопернику Бесик.

Но поскольку тот относился к касте труднодоступных для закона, то подключать Мансуровичу Безрукавного было делом бесперспективным. Затевать подковерную войну — исход ее неизвестен. Поэтому взял тайм-аут. Не спешить из брода в поля.

Зато Петр Иванович решил действовать радикально со свойственной бывшему партийному чиновнику такого ранга манере. Начал с распространения слухов. Собрал свое шобло и приказал разползтись по Голомойску, как прусакам. Нашептывать бабкам у подъездов, торгашам на базарах, всяким подметальщикам о том, что те ошиблись в своем выборе. Избрали в парламент гомосека, таскающего мальчиков в свой «Бентли», казнокрада, дерребанящего без зазрения совести городское имущество, первосортного вруна, облапошивающего в своей фирме «Чистотел + » всех подряд, как чукчей в Сочи, взяточника, не гнушающего на халяву прибрать к рукам даже туалетную бумагу.

Люди всегда склонны больше доверять дворнику, чем диктору телевидения. И виной тому не особенная аура подметалы, а ТВ, которое превратилось в сплошное эхо тех, кто громче всех дерет горло: «Я не вор!»

Молва прокатилась Голомойском, как задница по льду.

— Скажите пожалуйста, какую каналью пригрели на груди! Никогда бы не подумали, что голубой может быть таким живоглотом, — удивлялись старушки.

— Мразь, клейма негде ставить. Подстилок, видите ли, ему мало. На мальчиков с пальчиков глаз положил, — не унимались перекупщицы.

Когда кривотолки дошли непосредственно до Андрея Иосифовича, он моментально все понял — топор войны вырыт. Решил, что корона с головы не упадет, если позвонит Бесику.

— Профура ты конченная, слушай меня! — не стесняясь в выражениях, начал вычитывать Флирского. — Угомонись, а то зашмарую в асфальт. Ты на кого пургу гонишь, манда конвейерная? Твое время оттикало. Гудбай, Бесик! Впрочем, какой ты Бесик? Ты Песик марки моська.

Коллеги-парламентарии, не стесняясь, между собой называли Мансуровича базарником и коробейником. Владельцы металлургических и химических заводов, агрофирм, супермар-

кетов и прочая и прочая скептически оценивали коммерческие возможности своего побратима, если осилил в жизни только организацию барахолки. На большее не сподобился. Потому всячески дистанцировались от него. Но Андрея Иосифовича это как-то меньше всего трогало. Он делал свое дело. Щедро спонсировал избирательный блок, куда его партия «Порядок и беспорядок», хотя и с черного хода, но все-таки вошла. Правда, на каких условиях? Поначалу, когда один маклак со столицы обратился к нему с подобным предложением и озвучил сумму жертвоприношения на алтарь блока, у бизнесмена высокого полета по голомойским меркам, а в масштабе страны — нищего с Рублевки или Конче-Заспы, двенадцатиперстная кишка зачесалась и уши вмиг завяли.

С хорошей или плохой идеей надо переспать, как с женой. Мансурович все обсосал и решил: на ежа не садится только трус. Надо попробовать, хотя и понятно, что будет дискомфортно — придется отвалить кучу «капусты».

И отдал. Но после этого три ночи не спал, ногти грыз и водку стаканами глотал. Чувак мучился.

Пообтершись в столичных кабинетах, став хотя и не орлом, а только чижиком (между прочим, тоже птица высокого полета), очень сожалел, что в свое время смалодушничал и пошел клянуть высочайшего соизволения у Флирского на «завоевание столицы».

Народные избранники в сессионном зале и перед телекамерами ругают друг друга, словно лавочники. Но в кулуарах депутатская братва монолитна. Как кулак. И когда Мансурович попросил дать ему слово, никто не возражал. Коллеги, значит, надо.

Когда Андрей Иосифович, будто только что сошедший с подиума, взобрался на трибуну, на него нацелились десятки объективов с балкона. Телевизионщики вели прямую трансляцию.

— Уважаемые депутаты, высокоуважаемый спикер! Голо-

мойск стал вотчиной человека по фамилии Флирский. Желание барствовать не прошло у него с годами. Все жители запуганы, платят новоиспеченному царьку мзду за то, что смеют с ним одним воздухом дышать. Предпринимателям ни вздохнуть, ни... кашлянуть. Какая-то рогатая коза ностра, возглавляемая чудовищем в человеческом облики, действует у нас под носом с попустительства местных правоохранительных органов. Просто нет управы на этого монстра. Я считаю, необходимо создать временную следственную комиссию, чтобы навести порядок в моем родном городе, привлечь гражданина Флирского к ответственности за рэкет, разбой и откровенный бандитизм. Таким не место в нашем демократическом обществе, — закончил спич с пафосом.

И председателем комиссии депутаты избрали Мансуровича. А как иначе, если человек ратует за справедливость.

В тот же день Бесику позвонил Мушустин.

— Ты смотрел телевизор, бедуйин сопливый? Так что скажешь? Или мозги атрофировались напрочь? Я кем тебя поставил: евнухом или смотрящим за порядком?

— Арсений Кириллович, давил паскуду, как комара, а он все изворачивается. Воняет, как ассенизатор. Виноват, что не дождал. Исправлюсь.

— Поздно. Теперь он тебе яйца прищепит. Посмотрим, как ты будешь пахнуть. Мой тебе совет — делай ноги, пока не поздно.

— У меня на носу предвыборная кампания. Я тоже в депутаты собрался.

— Ты свой хотеньчик засунь знаешь куда? Когда наденут браслеты и упрячут в кутузку, тогда вспомнишь меня... К сожалению, будет поздно.

Петр Иванович конкретно почувствовал, что захотел на горшок. С перепугу. Ведь на него конкретно наехали. И не просто наехали, а накатили катком. И кто? Прожженный отморозок чистой воды, тормозная колодка общества, пень лупогла-

зый, а не депутат, привокзальный вонючий катала, а не олигарх. Флирский понял, что его лексический запас весьма скуден, чтобы выразить настоящее отношение к этому мудаку. Гнев сильнее слов.

Вместе с тем Бесик умел держать удар, если судьба испытывала его на выносливость. В этот раз хук получил от Мансуровича. Пришлось решать дилемму: и дальше переть в депутаты или все-таки наострить лыжи. В первом случае имеется риск, во втором доброжелатели всех мастей прицепят ярлык бздун и салабона. Скажут, трусил Флирский.

Своими сомнениями по поводу будущего поделился дома с дражайшей. Галина Борисовна, как женщина, которая привыкла давать дельные советы еще в бытность, когда супруг занимал кресло первого секретаря обкома партии, без раздумий отрезала:

— Сваливать тебе, Петюньчик, надо. И чем быстрее и дальше, тем лучше. Иначе уроют и извинения не попросят.

— Ты так считаешь?

— Считают на уроках арифметики, а я говорю правду-матку. Чеши за бугор, пока твои закадычные кореша не отмерили тебе два метра земли.

— И меня с собой возьми. Я хочу быть в Монако, как Ленин в ссылке в Париже, — заныл Федя. Прежнего хиппи было не узнать. Тинэйджер быстро освоился в новом времени — всей душой прилип к гринписовцам и теперь с неистовством боролся за сохранение степной пищухи. Чтобы этому зайцеобразному существу лучше жилось, с собратями аэрозолью писал на лобовых стеклах автомобилей призывы «Руки прочь от степной пищухи!».

Как-то придя домой и увидев новую ковровую дорожку в коридоре, завопил на мать:

— Маман! А ты знаешь, сколько плюшевых мишек пришлось убить, чтобы получился такой половик? Тебе не жалко?

Отец семейства одарил свое чадо взглядом, будто банкира, не соглашавшийся принять «крышу» в лице Бесика и К°.

— Хреноземск, а не Париж тебя ждет.

Сборы были недолгими. Ребят попросил вести бизнес аккуратно и последовательно. Никого с крючка не снимать, никаких льгот по обязательным платежам не вводить, все деньги класть на счет в банк Шелудивого. При этом вести тщательный учет собранных денег.

— И смотрите мне! — погрозил пальцем. — Пропадет хотя бы одна копейка...

— Вы нас оставляете?

— Уезжаю в командировку. Пацаны за границей «стрелку» заказали. Надо разобраться по понятиям.

Галина Борисовна собрала дорожную сумку, бережно сложила чистые рубашки, носки, трусы, носовики и комнатные тапочки.

— Береги себя, Петя. Сиди и не высывайся. Я сообщу, когда все уляжется и Мансурович поостынет.

— Бегу, словно таракан от хлорофоса. Позор. Дожился, мать его ети! — сплюнул Петр Иванович.

— И куда пойдешь?

— Не знаю. В Швейцарию или Израиль. Хотя можно, конечно, и в Монте-Карло. Деньжат должно хватить.

— Мы тут ютимся сколько лет в «хрущевке», потому что денег нет. Оказывается ты все врал. Есть деньги. Только ты мне и Феденьке шиш с маслом давал. Для чего их копил, недоносок марксистский? — вооружившись черпаком, Галина Борисовна поперла на супруга.

— Ты че? Сдурела? Это партийные деньги. На них и еду в ссылку. Партийная касса, если хочешь знать, не для удовлетворения личных амбиций — она для строительства социализма и коммунизма. Поняла, овца драная?

ГЛАВА 17

Примета. Если жена сказала, что сейчас ей хорошо с вами, то вскоре вам может стать очень плохо

Флирский все-таки выбрал Монте-Карло. Загвоздки с шенгенской визой не было. Изречение «шенгенская зона» впервые услышал от продвинутого сына. Тот просветил предка как следует.

— Это тебе не в Разливе прятаться. Без ксивы не выпустят.

Петр Иванович попробовал повыступать. Даже начал вспоминать прошлые времена, когда первый секретарь обкома партии мог...

— Слышь батя! Не возникай. Шуруй в любое турагентство и тебе помогут с визой.

Так и сделал.

— С вас пятьсот баксов, — моргая черными, как смоль, глазами, заявила блондинка за компьютером.

Как не жалко было «палить» такие деньги, но пришлось.

Добирался туда, заметая следы, как заправский конспиратор — через Болгарию, Германию, Чехию, Польшу и Францию. Приземлившись в Орли, глотнул на полную грудь тамошнего воздуха и прошептал: «Ничего особенного в этом Париже нет. Гари столько же, сколько и у нас».

— Monsieur, taxi! — кричали таксисты на площади.

Оценив взглядом кучерявого парня за баранкой белого «пежо», Петр Иванович подсел к нему.

— Монако, — буркнул под нос.

Услышав знакомое слово, кудрявый из-под солнцезащитных очков глянул на этого русского (а в том, что этот в пиджаке, одетом на тенниску, и шляпе именно из России, не сомневался ни на йоту) и бодро заявил:

— Deux millier euro!

— Не мелочись, чувак! Гони, там разберемся.

Мимо пролетали города и деревеньки, виноградные плантации сменялись садами и засеянными полями. Цвет земли сразу бросился в глаза. Не чернозем.

Ехали молча. Да и о чем разговаривать, если француз не понимает по-русски, а Флирский вообще кроме русского никакого не знал. Принимая иностранные делегации коммунистов из других стран в обкоме партии, он всегда придерживался позиции, что гости должны знать русский язык. СССР — не Ямайка, уважать надо.

В Монте-Карло въехали поздно вечером. Водитель затормозил у какого-то отеля, освещенного, как станция метро.

— Arrivent! — тяжело выдохнул таксист.

Петр Иванович раскрыл клетчатую дорожную сумку, похожую на ту, в которой лоточники переносят свой нехитрый товар, и засунул внутрь руку. Немного поковырялся там и достал пачку стоевровых банкнот. Снял резинку, сплюнул на пальцы и облизывал десять купюр.

— На! Сдачу можешь оставить себе, — сказал так, как может сказать настоящий хозяин жизни, познавший женщин, лошадей и вино.

Пахло морем и гамбурггами с ближайшего кафе. Петр Иванович почувствовал, что зверски проголодался. Под ложечкой засосало, желудочный сок подступал под горло. Подташнивало. Но Флирский не поддался сиюминутным искушениям, ибо еще в Голомойске решил, что за границей должен с достоинством вынести все лишения, как подобает настоящему коммунисту. Одно из них — голод. Истинные борцы за права обездоленных и униженных должны сами с лихвой испытать голод, холод, оскорбления. Гордо снести, будто Икар, и воскреснуть из пепла, как птица Феникс. И тогда страдальцев за светлые идеалы будут помнить в веках.

Окрыленный особым предназначением в этом мире, просеменя воробьиным шагом мимо бара и устремился к морю. Он находился в состоянии неги, широко раздувая ноздри, на-

слаждался свежим морским воздухом. Ноги не чувствовали земли, а руки с сумкой — усталости. Флирский на радостях расставил их пошире, имитируя полет буревестника. Хотя издали он напоминал бомбардировщика с подвешенными бомбами.

Наслаждающийся праздной жизнью народ, не знавший революций, кризисов, перестроек и развитого социализма и недостроенного капитализма, мирно прогуливался по узким улочкам. Тяжелее поводка для четвероногого друга в руках не держал. «Загнивающие капиталисты», — в сердцах обозвал тех навьюченный, как ишак, Бесик. Его бесили яркие фонари, разноцветные витрины бутиков, ухоженные фасады домов с оранжевыми балконами, пьющая вино и кофе праздная публика. Складывалось впечатление, что их ничего не колышет на белом свете. «За-ра-зы», — вновь не сдержался.

Ожидал увидеть широкую линию пляжа, неизменно с кустами и навесами, где предполагал скоротать ночь. Вместо привлекательного пейзажа Лазурного берега увидел бетонную набережную и высокие волны, неистово бьющиеся о волнорез. То и дело сигналили мчавшиеся мимо машины, обдавая Флирского потоком горячего воздуха. С противоречивыми чувствами собственной неполноценности подхватил сумку и поплелся вдоль гранитного парапета в надежде, что тот когда-нибудь закончится и песок пляжа встретит путешественника теплом и нежностью. Ноги гудели, руки ныли. Сумка, которая в Голомойске казалась вполне сносной, теперь напоминала железобетонный блок. Нестерпимо хотелось ее бросить.

Поначалу бодрящий воздух теперь начал раздражать. Воняло водорослями и рыбой. И город стал похож на Загогулинск. Чистые, будто стерилизованные, автомобили, виллы, напоминающие королевские дворцы, вымытые стиральным порошком тротуары, жизнерадостные пешеходы стали угнетать. В голову отдавал мозоль, натертый ботинком, колено скрепело, как несмазанная телега, в спину будто кто-то кол воткнул. Вдали постоянно мерещился желанный пляж.

И уже когда силы почти оставили Петра Ивановича, он

вышел-таки на пляж. Правда, не песчаный, а галечный. И не пляж, а кусок земли между плитами, трубами и кирпичом. Бросив ненавистный груз, помчался к воде. Омыл руки и лицо. Потом разулся (казарменный запах ударил в нос) и босиком зашел в воду. Блаженство ощутил даже копчик. Этот кайф сравним разве что с утренней дремой после бурной сексуальной ночи.

Теперь тщательней осмотрел место, где сделал привал. На рейде виднелось множество огоньков от кораблей и яхт. Берег напоминал сплошную строительную площадку: за плитами стояла огромная сваедавливающая машина, рядом с ней возвышалась какая-то металлоконструкция и стоял вагончик. В нем горел свет. Пойти туда и попроситься на ночлег Флирский не рискнул. Это в Голомойске он бы ногой открыл дверь и без чье-либо разрешения улегся там, где удобнее. А здесь... Боязнь неизведанного Бесика не покидала. Поэтому от греха подальше и к теплomu месту поближе — устроился под плитами. Теплый вечер, свежий воздух, шум прибора располагали ко сну. Подложив сумку под голову и укрывшись пиджаком, тотчас вырубился, как младенец. Снились крейсер «Аврора», Сталин, держащий за шиворот Флирского, и голосом вахтера из общезжития интересовавшийся, справился ли первый секретарь Голомойского обкома с планом расширения рядов вегетарианцев, Мансурович с битой в руках на плахе собирался колесовать его, белоснежный особняк с вертолетной площадкой на Карибских островах, где возле бассейна отдыхал на жезлонге с бокалом martini...

...Глаза открыл от пинка под ребра кованным ботинком. Один глаз еще дремал, а второй еле разглядел каких-то двух мордovorотов в форме. Они интенсивно жестикулировали руками и эмоционально разговаривали. Несложно было догадаться, что речь идет о нем. Петр Иванович поднялся и, понимая, что на чужбине права качать не стоит, покорно склонил голову. Выслушивать ересь долго не пришлось, потому что дюжие

молодцы заломили за спину руки, подхватили сумку и бросили свою находку, как мешок, в машину.

Полицейский участок, куда доставили туриста с Голомойска, напоминал комнату отдыха на железнодорожном вокзале. Никто здесь никуда не спешил: все либо приехали, либо уже опоздали. По-французски Бесик успел выучить только одно слово «месье», да и то сказанное по слогам. Задержанному предоставили кожаный диван. Казалось, никому не было к нему никакого дела. Подымайся и уходи. Но страх перед возможными неприятностями был сильнее стремления обрести вождьленную свободу.

Петр Иванович попытался объяснить сидящему поблизости полицейскому, что никаких враждебных намерений в отношении Монако с Монте-Карло вообще не имеет, а прибыл сюда исключительно на отдых, потому что на родине коррумпированная власть, махровый кризис и брюзжащая жена довели его до прединфарктного состояния. Но ничего не вышло. Тот язык глухонемых не понимал.

Вскоре появился другой — довольно таки импозантный, явно предназначенный для общения с высокопоставленными преступниками. Начал что-то живо рассказывать Флирскому. Петр Иванович, как осел, кивал головой, при этом с умным выражением лица периодически произносил: «О'кей!» Эта интеллектуальная беседа напоминала разговор физика и лирика. И все-таки со всего словесного потока арестанту удалось уловить знакомое — «паспорт». Обрадовавшись, как дитя конфете, вытянул из кармана паспорт и подал его дамскому угоднику. Страж порядка пролистал, остановился на шенгенской визе. Рассматривал ее на свет и под лупу. Не найдя ничего предосудительного, возвратил. При этом многозначительно погрозил пальцем.

Бесик понял, что в этой жизни для него не все еще потеряно. Выскочил из заточения и на полную грудь вдохнул воздух свободы. Но тут вспомнил о сумке и вернулся. Та, никем не-

тронутая, стояла возле кожаного дивана. Что за страна? Даже полицейские лентяят украсть.

Бесспорно, чувство умиротворения порядком пьянит в Европе. Дома в два счета закрыли бы в «обезьяннике» до выяснения... И выпустили бы ровно через трое суток. При этом вместо извинения дали бы дубинкой по голове. А обещание пожаловаться в прокуратуру на произвол милиционеров воспринялось бы теми, как оскорбление «при исполнении», и снова упрятали бы за решетку «на перевоспитание».

Петр Иванович вдруг почувствовал нестерпимую потребность перекусить. Как известно, голод что похмелье. Галина Борисовна, снаряжая мужа в эмиграцию, положила в сумку немного пирожков с капустой, сала, сухарей. На первый случай, пока не найдет укромного уголка, в котором спокойно сможет переждать смутные времена на родине.

Бредя улицами, Флирский пытался найти тот укромный уголок для перекуса. Через полчаса поисков сносной подворотни, подходящего подъезда или уединенной лавочки впал в отчаяние. Что за дурацкий город: подъезды в домах на замках, подворотен вообще нет, а лавочки только в скверах, обнесенных забором, как на зоне, и с замками на воротах. Ни тебе по нужде сходить, ни выпить, ни съесть вкусный пирожок.

Решил дважды не испытывать судьбу. На берег — ни ногой. Поперся вверх узкими улицами Монте-Карло, разместившегося на склоне. Почему-то решил, что где-то там он должен все-таки заканчиваться. А за предместьем непременно будет либо пустырь, либо лесок, где нетрудно будет найти убежище.

Конечно, можно пойти и в гостиницу. Но они тут для олигархов и всяких коронованных особ. Советский первый секретарь обкома партии мордой не вышел, чтобы нежиться на кроватях от Людовика. А точнее — шиши не позволяют. Хотя и имел кредитные карточки, на которые можно было жить лучше, чем даже Ленин в Париже, но они ведь не безлимитные. Когда-то все равно закончатся. Ждать новых вливаний Бесику не приходилось.

Добравшись до автобана, который проходил наверху, решил пересечь его. Проволочное ограждение не оказалось непреодолимым препятствием. Найдя кусок ствола упавшего дерева, бросил его на заборчик. Отсутствие эквилибристических навыков сыграло злую шутку с туристом. Не удержав равновесия, загремел мягким местом на изгородь... Жена не давала запасных штанов, ибо никто из четы Флирских не рассчитывал, что за границей главе семейства придется преодолевать проволочные препятствия.

Прикрыв ладонью дырку, держа сумку в зубах, как диверсант в тылу врага, перебежал шоссе.

С огорожей на той стороне не церемонился. Ударил пару раз ногой по столбику — тот и рухнул. «Что значит за граница! Все какое-то хлипкое. Ненадежное. Падает под натиском русского богатыря», — польстил себе Петр Иванович.

Устроился под деревом — то ли ель, то ли сосна. Не разобрал. Разложил нехитрую снедь и с жадностью набросился на пирожки с капустой, которые показались ему шедевром кулинарного мастерства дражайшей Галины Борисовны. Закусил растаявшим салом. После трапезы прилег отдохнуть.

...Проснулся от урчания в животе. Прислушался. Мощное газовыделение организма ничего хорошего не предвещало. Жизненный опыт свидетельствовал о начале простого поноса. И виной всему пирожки — во рту чувствовался привкус квашенной капусты. Явно прокисли.

Через пять минут ничего не оставалось, как садиться под ближайший куст. Хотя выбрать было с чего — один туалет краше другого. С цветами и колючками, большими и маленькими листочками, зеленые и желтые. Еле штаны и исподнее успел стянуть. В голове блаженство перемешалось с чувством боязни... за собственное здоровье. На родине в этом смысле было все четко: пока руководил, врачи обкомовской больницы с утвержденной регулярностью обследовывали у него все клетки, а после странной метаморфозы в пространстве и времени супруга стала доносить малиной и аспирином. А кто здесь будет

беспокоиться? Конечно, с тугим кошельком вылечат и хронический аппендицит пятого уха. Вот без «зеленых» попробовали бы.

За спиной послышался шорох листвы, а затем отчетливые шаги. Двое полицейских подымались по склону к Флирскому, сидящему под кустом с голой задницей. Какие еще требуются доказательства — пойман на горячем. Но один вынул вместо пистолета мобильник и решил запечатлеть во всей красе нарушителя морали княжества Монако и загрязнителя окружающей среды. Петру Ивановичу даже не дали подтянуть штаны. Подхватили под руки и поволокли вниз, к автобану.

— Моя сумка! Господа, там сумка осталась!.. Дайте хоть драные штаны подтянуть, ироды! — вопил, извиваясь, как червяк на крючке.

Один из скуловоротов, рожу которого и решетом не покроешь, мастерски вытянул «браслеты» и сковал руки Флирского.

— Сукины дети, дебилы, учите русский! Пустите! Буду жаловаться в международный суд!

Рядом с полицейской машиной остановились рабочие автодорожной службы, прибывшие восстановить ограждение скоростной трассы. Увидев мужика с трясущими причиндалами, те сделали однозначный вывод — поймали сексуального маньяка, демонстрирующего проезжающим свой срам, или заядлого скотоложника.

Проезжающие мимо дамы не могли удержаться от лицемерия такого бесплатного порно. Сначала одна затормозила. Потом вторая. Визг тормозов сменился скрежетом металла. Никто из них не сконфузился из-за разбитого авто. Все вылезали и фотографировали Флирского на мобильные телефоны. Тот в одночасье стал порнозвездой.

За считанные секунды трасса превратилась на сплошную пробку, в которой гневные крики сменялись восхищенным «Вау!». Чудаковатым мужиком любовались, как макакой с красной задницей. Особенно бесновались женщины, будто никог-

да не видели «ваньку-встаньку». Гоготали, словно гуси, тыча пальцами в клоуна в распашонке. Тот все пытался прикрыться ладонями. То ли ладони были маленькие, то ли пенис вырос большой, но ничего путного из этого не выходило.

Не страшно быть голым в богатой стране, страшнее — быть голым в бедной. Полицейские, не церемонясь, снова бросили Флирского в свой автомобиль и покатали вниз. На извилистой дороге Бесик катался в кузове, словно пинг-понговый шарик. Когда машина затормозила, на асфальт выпал арестованный. Помятая гвоздика и то краше. Если бы не железная репутация монашеских стражей порядка, можно было бы подумать, что отделали нарушителя нравственности княжества, как отбивную.

За решеткой сидели негр с алым галстуком на майке и фронт с синяком под глазом, контрастирующим с его смокингом и белой рубашкой. Новичка смерили с головы и... На уровне пояса их взгляды замерли. Один что-то пробалаболит по-французски, второй — по-английски. «Какой-то странный у них диалект», — подумал Петр Иванович.

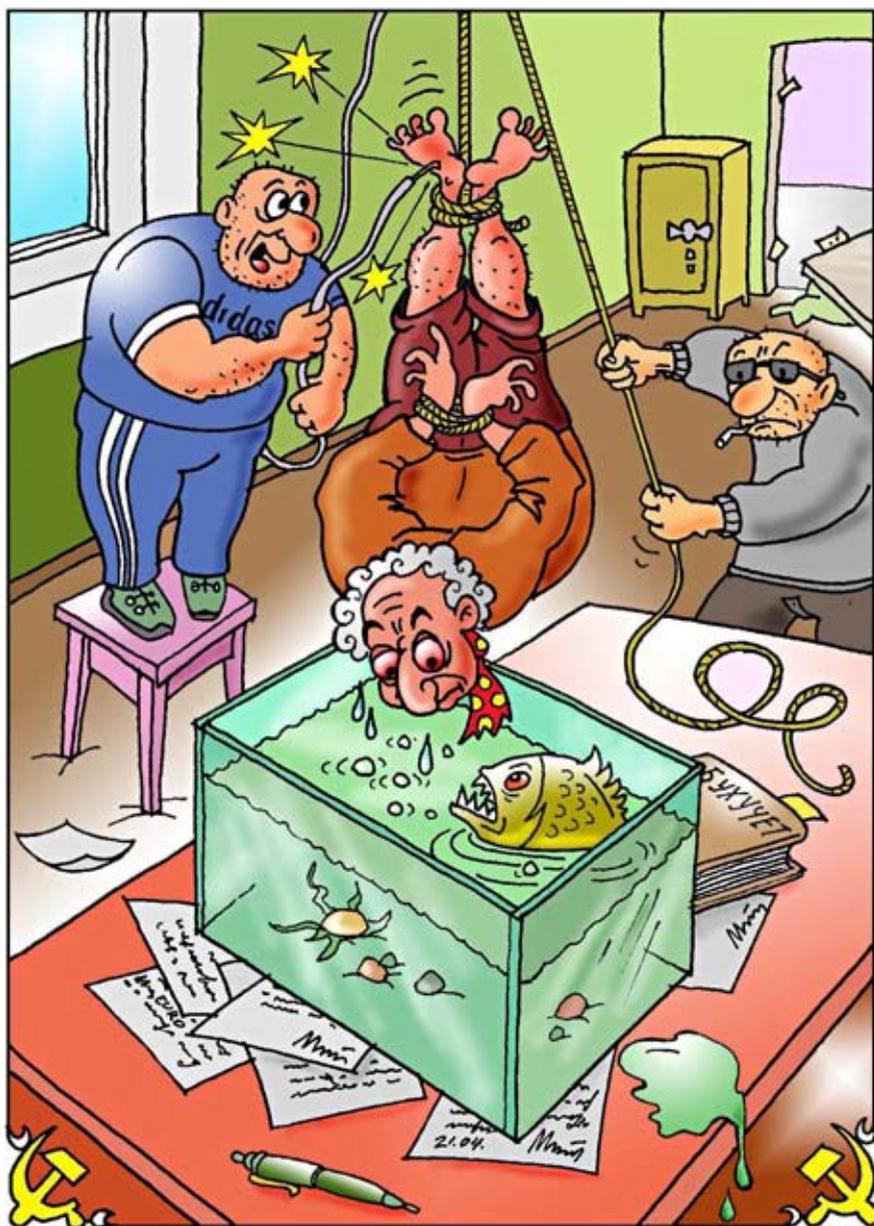
У сокамерников челюсти упали на грудь. Они воочию увидели несокрушимость западной демократии — каждый готов отстаивать ее в меру собственных сил и возможностей. У новичка, видимо, решительности было в избытке.

Какой-то офицер с набриолиненными волосами попытался урезонить страсти арестованного и кинул через решетку одеяло, приказав немедленно прикрыться. Пока Бесика таскали под руки и швыряли в машину, он позабыл о том, при каких именно обстоятельствах оказался без портков. И тут вдруг эти обстоятельства резко дали о себе знать. Прижав одеялом мягкое место, чтобы чего не выскочило, бросился к решетке. Мобилизовал все знания по иностранному языку, полученные в свое время в высшей партийной школе, заскулил:

— Ту-уалэ-эт!

В таких случаях счастливое место не рассматривают. Только облегчившись, беженец рассмотрел клозет. Обкомовский

нужник не угадывался с полицейским. Это все равно, что сравнивать столовую шейха из закускойной в Голомойске. Предназначение одно и то же, а последствия разные.

Сколько совку надо, чтобы почувствовать себя счастливым? Просто сходить в цивилизованное отхожее место.

Арестантская угнетала. Не столько замкнутостью пространства, сколько одиозными соседями. Петру Ивановичу казалось, что негр, смахивающий на кидалу из сочинского пляжа, и пижон, будто вышедший из «Отеля-де-Пари», своими пристальными взглядами раздевали его. Только каждый по-разному. И что интересно, очень медленно. Просто никуда не торопясь. Флирский зарделся. Сокамерники восприняли эту стеснительность по-своему. Первым, ерзя жопой по скамейке, подошел к соблазнительному русскому интеллигенту фронт. Бесик хотя и вырос в Советском Союзе, где секса не было, а о сексменьшинствах говорили, как о «гримасе капитализма», коварные намерения того сразу раскусил. Негр — юркий, будто сперматозоид, чтобы не отстать и успеть заполучить и свою порцию наслаждения, не мудрствуя лукаво, подошел к сидящему Петру Ивановичу, спустил штаны и вывалил на уровне его фейса всю свою красноречивую достопримечательность. От увиденного у экс-первого секретаря сорвало крышу. Подхватился, будто на выход собрался.

— По-мо-о-ги-ите! — надрывно позвал на помощь. — Люди добрые, насилуют!

На крик прибежал все тот же полицейский, от которого разило парфюмерным магазином. Открыл камеру и в шею вытолкал Флирского.

Этажом выше его ожидал джентльмен в штатском. Во рту вместо зубов торчали арматурины. Разговор получился складный. Новоиспеченный турист пытался доказать, что он в княжестве Монако исключительно с благими намерениями. Приехал сюда местными красотами полюбоваться: яхты миллионеров, знаменитое казино и океанографический музей. Потому что страшно любит рыбок — особенно мурен.

Следователь (в том, что это именно он, не сомневался — морда хищника) с выражением двоечника возле доски слушал словесный понос нарушителя порядка.

— И не пытайтесь взять меня за здесь. Все равно у вас ничего не покатит. Правда восторжествует! — на этих словах «тронная речь» арестованного закончилась.

Инфантильный вытянул из тумбочки пачку квитанций. Заполнил одну и всучил ее Флирскому.

— Bank, — и козлу было понятно, куда именно спроваживает нагадившего под кустом.

Еще бы, уселся перед почетным караулом возле княжеского дворца. Впрочем, диарея не спрашивает, когда и где ей прийти.

Петра Ивановича выставили за дверь полицейского участка. Слава Богу, проявили милосердие — бросили в спину чьи-то штаны. А так бы опозорил всю Европу. Осмотрелся. Вокруг никакой суеты: народ сыто и пьяно расхаживал по набережной, наслаждался пивом в кафешках, читал газеты на лавочках. «У них полный коммунизм. А еще ропщут на инфляцию. Бестолочь», — хрюкнул Петр Иванович и испугался своих крамольных мыслей. Боязливо осмотрелся — не наблюдают ли видеокамеры. А то ненароком снова загребнут... От такой перспективы зачесалась левая пятка. К чему бы это?.. Наверное, пора ее мыть.

Квитанция жгла руку. Пытался прочесть написанное, но разобрал только сумму — 1450 евро. Включил в голове калькулятор и ужаснулся. Это так обдирают несчастных иностранцев, чтобы самим припеваючи жилось. И все-таки решил пойти к близлежащему банку и заплатить. От греха подальше. После чуть не расплакался: на эти деньги мог бы месяц жить. А так пришлось отдать в казну Монако — не самого бедного государства. Избалованные империалисты начинали его нервировать. Хотелось показать им октябрь семнадцатого года, чтобы знали свое место. Но желания расходились с возможностями. Последние были весьма ограниченными.

Возле автобусной остановки нос к носу столкнулся с... коллегой по кутузке — негром артистической наружности. Тот встрече несказанно обрадовался. Белые зубы, обрамленные алыми губами, на солнце отдавали синевой. Он раскинул руки, пытаясь обнять дружбана. Но Петр Иванович предусмотрительно попятился, держа пионерскую дистанцию. Негр что-то быстро по-своему залопотал, потом схватил Флирского за рукав и потянул куда-то узкими улочками. У Бесика были совсем иные планы. Кишки играли похоронный марш и он искал что-нибудь попроще и подешевле..

Тормознулись возле ресторана. Далеко не закусочная. Негр толкнул Бесика внутрь и жестом показал в сторону свободного столика.

Но негру (видать, завсегдатаю заведения) предложили отдельную кабинку. А еще через секунду стол был накрыт даже не так, как в свое время накрывали на день рождения Мушустина. У последнего было жалкое подобие нынешнего. Таких яств Петр Иванович не то, что не вкушал, а в глаза никогда не видел. Решил, что щедрому сокамернику взбрендило в голову отметить освобождение из-под стражи.

Начали кутеж с виски и устриц. Поскольку в СССР даже первых секретарей никто не учил, как управляться с этим «зверем» на тарелке, то, не мудрствуя, Петр Иванович взялся пальцами выковыривать моллюска из раковины. Та пищала, норвила шлепнуться на пол, но Флирский спровадил ее в рот и быстро запил виски. Скривился, будто глотнул жабу-ропуху. После первых четырехсот грамм нормы этикета напрочь вышибло. Под такую закуску пилось все, что стояло на столе. А стояли еще ром, бренди, аперитив, «Шабли» 1812 года и, конечно, шампанское. «Последнее для полировки», — решил Бесик. Вот это по-нашенски, по-русски.

К вечеру стол напоминал остатки студенческого застолья. Толстосум посмотрел на часы и показал на дверь. Давай, мол, торопиться, потому что нас еще ждут. Флирский, напившийся до синих помидоров, попытался возразить и жестами показать,

что хочет спать. Но, на счастье, метрдотелем оказался кент, окончивший Оксфорд и сносно говорящий по-русски. Тот популярно растолковал гостю, что этот негр приглашает в ночной клуб под названием «Ivte hrisson», что означает «Пьяный ежик» — где-то там, на границе с Францией.

— А сумка? — сработало подсознание.

Поиски под столами и в туалете результатов не дали. Через час таки вспомнил, где именно пришлось ее оставить.

Устав от ползания на четвереньках, негр вытянул портмоне. Достал пару купюр и залопотал, как торговец семечками. При этом схватил собутыльника за рукав и потянул к выходу.

Намерения негра Флирскому остались неизвестны.

Такси стояло у входа в ресторан. Новоиспеченный друг с Монако учтиво попытался пристроить Бесика в багажнике. Но Петр Иванович заартачился. Пришлось усадить того на заднее сиденье. Сам шлепнулся на переднее.

Все вокруг происходящее диссонировало с тем, с чем пришлось столкнуться эмигранту в последние дни. Оказывается, чужестранцы не такие уж плохие, как о них писали. А жители Монте-Карло почти все ангелы во плоти.

Извилистыми улицами и многочисленными туннелями машина подымалась из побережья в горы. Туда, где в одном из кюветов полицейские задержали незадачливого голодранца. Учтивый знакомый предложил закурить. И хотя Флирский был всегда противником никотина и регулярно выговорами и лишением премий боролся с этой вредной привычкой, тут на удивление себе самому согласился. От первой затяжки во рту остался сладковатый привкус. В голове возникло легкое помутнение рассудка, а окружающий мир приобрел розовый цвет. Чувство было такое, будто находился в огромном будуаре.

«Странные какие-то сигареты! — решил Петр Иванович. — Надо спросить их название...

«Ivte hrisson» возник внезапно. Глаза ослепили мириады огней. Вроде бы работали тысяча электросварщиков. Прищурился и почти на ощупь выбрался из такси. Бесик считал себя

трезвым, как младенец. Это окружающий мир был пьян. Чья-то дюжая рука обхватила за талию и повела ко входу, напоминающему зев то ли дракона, то ли все-таки ежика на подпитии. Захлопнулись двери, и машина взревела и скрылась в темноте. Бесик на этот раз даже не вспомнил о своем багаже, который остался еще там, в кустах возле автобана. Пальцы периодически напоминали о нем хватательными движениями.

Обуял полнейший пофигизм.

У дверей стояли два (чернее смолы) папуаса в набедренных накидках из соломы. На то, чтобы прикрыть все срамные места, наверное, не хватило той самой соломы. Двадцать первые пальцы торчали у них, как крючки на вешалке. Дамы с интересом рассматривали, а мужики глазами ревностно измеряли достоинства аборигенов. Там было что мерить: оно было не пропорционально росту караульных. Воистину мать-природа безгранична в своих возможностях.

В середине очертания люди и предметов стали еще более размытыми. Такое мироощущение не раздражало, а наоборот расслабляло и добавляло эйфории. Какофония музыки, человеческих стонов и визгов придавала всему этому действию шарм. Все вокруг казалось таким милым: танцующие в чем мать родила девицы, мужики с металлоломом в ушах, носах и губах, не обращая ни на кого внимания, нежно обнимались, по залу носились непонятно какого рода существа, то и дело игриво шушукаясь с оттягивающимся по полной потным народом.

Петр Иванович попытался протиснуться к барной стойке, но какая-то невидимая сила потянула его в сторону от всеобщего разврата. Как оказалось, за портьерами был еще один зал, еле освещенный по периметру красными фонарями. И хотя от выпитого и выкуренного зрение было не стопроцентным, все равно различил в полутьме целующихся, облизывающихся, извивающихся и совокупающихся. Были и такие, которые за кем-то подглядывали в прорези в стене или, спустив штаны, прильнули к той же стене, неистово визжа и подпрыгивая.

И тут что-то темное, дурно пахнущее, с губами, как по-

крышка джипа, всосалось в лицо Флирского. Стало тяжело дышать. Попытался руками оторвать этого осьминога. Но в это время стальные пальцы начали сдирать с него последние штаны. Закричать бы что есть мочи, но не было ни сил, ни возможности.

«Настал полный звездец», — Петр Иванович решил отдаться на произвол судьбы. Перед глазами промелькнула вся жизнь: первая брачная ночь с любимой Галочкой, неизгладимое впечатление от эквилибристических способностей Люськи, еженедельные сауны с надежными девочками... Он любил женщин, хотя и не все отвечали ему взаимностью. И вдруг такая метаморфоза. Как дальше жить? Просто не представлял.

Вонючий дегенерат уже аккуратно пристраивался сзади. Еще миг и Флирский лишился бы своей «невинности». Если в родном городе узнали бы о том, что он — когда-то птица-говорун областного масштаба, а нынче просто прыщ на одном месте у каждого рядового голомойчанина, вот-вот поменяет окраску, никто не стал бы его даже вспоминать. Грохнули бы на раз без зазрения совести. Капля холодного пота скатилась по спине. Отрезвление наступило одновременно с выбросом адреналина. Собрав остаток сил, отпрянул от сексуально озабоченного. Резко развернулся, чтобы лицезреть насильника. Им оказался друг-негр, который такой прыти от партнера никак не ожидал и поэтому стоял в неглиже с «восставшими чувствами» и неудовлетворенной похотью.

— Спа-а-си-и, мамочка! — вспомнил о родной крови.

Попробовал ретироваться из полутемного зала, но запутался в штанах и грохнулся. В лучах светильников блеснула иссиня-белая задница.

— Изверги-и!

Петр Иванович кое-как подтянул портки и попластунски выполз в зал. Взбодренная стимуляторами публика хотя и пребывала на своей волне, но ползущегого заметила. Измерила взглядом странного посетителя — но не более того. Здесь видели и не такое. Стесняясь своего вида, тот посеял к выхо-

ду. И, оказавшись на улице, обиженный и оскорбленный, снова вспомнил о сумке. Который раз его прошибло холодным потом: там же не только сухой паек на «черный день», одежда, но документы и деньги.

Начал вспоминать. Но последний день был настолько богат на всякие финты, что вспомнить, где он посеял, не мог. И куда он без нее?

Сладкая эмиграция грозила обернуться горькими неприятностями. Убегал от домашних передрыг к беззаботной жизни. Добегался. И где? В Монако — в центре благополучной европейской жизни. Превратился в нелегала. Таким в местной тюрьме бесплатно номера предоставляют.

Присел на скамейку, чтобы обмозговать проблемы, которые подсунула судьба. Благо, предусмотрительная супруга зашила во внутренний шов брюк 200 евро. На всякий случай. Вот этот час X как раз и настал. Флирский расстегнул ширинку и разорвал подшитую тесьму. Спасительные деньги захрустели в руках. Со слезами на щеках расцеловал их. Даже всхлипнул. Попытался успокоиться. Но в душе боролись страх и необходимость трезвой оценки случившегося. Идти работать? Кем и куда? В Монако? Прекрасно понимал, что это более, чем смешно. Кому он нужен в напыщенном княжестве? Что умеет? Руководить? Да тут праздно шатающихся на гектар больше, чем разных мастей менеджеров. Податься посудомойщиком в ресторан? Не хило было бы. Только за свою жизнь не вымыл ни одной тарелке. Как-то не приличествовало первому секретарю заниматься этим грязным делом. Даже дома. Устроиться дворником? Так в Монте-Карло десять подметальщиков охотятся за одной кем-то спяну выброшенной бумажкой или сухим листочком.

Возвращаться на родину? И это за смехотворную-то сумму? Впрочем, за имеющиеся деньги можно доехать, скажем, до Праги. И это, если крупно повезет. А то без знания языка есть шанс запросто очутиться на Балтийском взморье или Атлантическом побережье. Правда, можно еще стать бомжем —

ночевать под мостами, есть благотворительную похлебку возле костелов или пойти и сдать ся на милость полиции. Приятно одно, что этот момент можно оттянуть до тех пор, пока не закончатся деньги. Хотя сила не в деньгах, а в умении выжить при их полном отсутствии.

После долгих раздумий Бесик, как лицо, которому не приличествовало впадать в меланхолию, решил добираться до эсэнговской границы автостопом. С минимальными расходами на транспорт и пропитание.

В Европе, в основной своей массе, проживает народ благочестивый и сострадательный. Голосующим на обочине помогают. Не потому, что очень этого жаждут, а потому, что чтят церковные заповеди и устои общества. Воспользовавшись добродетелью французов, итальянцев, австрийцев и чехов, незадачливый эмигрант таки добрался до Праги. В кармане оставалось одиннадцать евро, когда его высадили с фуры на окружной дороге. А до границы с Украиной еще пилить и пилить. Для возобновления жизненных сил купил сэндвич в придорожном баре и похлебал воды с бочки. Голову распирало, будто ее накачивали насосом. Нестерпимо хотелось только одного — снять туфли и почесать подошвы. Задался вопросом: к чему бы это? Но, поразмыслив, нашел простой ответ: наверное, их стоило бы помыть. Как раз вдалеке заприметил мост. Поскольку дорога к родным краям еще предстояла неблизкая, решил всплоснуть конечности, дабы чего не завелось между пальцами.

Размер моста был несоизмерим с шириной ручейка. Наверное, сооружение строилось с учетом паводка. Пришлось прилично ковылять по камням к воде. Когда же на берегу снял туфли, вокруг комары, как от дихлофоса, замертво на камни попадали, воробьи перестали чирикать, а в проезжающих мимо автомобилях водители подняли стекла в кабинах. Рыба в речушке всплыла вверх брюхом, когда Флирский окунул в воду свои ноги. Боевые отравляющие вещества — это одеколон, в сравнении с газовой атакой, которую организовал Петр Иванович.

О такой эффективности зловония военные могли бы только мечтать.

Новоиспеченный репатриант был без комплексов. Ему отморозили их в обкоме партии. У настоящего руководителя должны быть атрофированы всякие чувства стыда, смущенности и неловкости, как пережитки прошлого. Руководствуясь этими жизненными правилами и сделав морду ящиком, Флирский спокойно шагал в будущее. Оказывается, очень даже удобно.

После омовения своих циркулей почувствовал себя вновь родившимся. Цель поставлена — ее надо было достигать. Вышел на трассу и начал голосовать. При этом ладонью руки проводил поперек горла, как бы демонстрируя срочность поездки. Какой-то старичок-бюргер в «Трабанте» — этом четырехместном мотоцикле с общим шлемом, сжалился над заросшим щетиной мужичонкой на обочине и подобрал.

Ехать хоть и на драндулете — это не идти пешком. Русский немца всегда поймет, если объясняться на пальцах.

Выяснилось, что тот на своем «пылесосе» второй день пылил по европейским дорогам к дочери в Словакию. Та взяла отпуск на неделю и подалась с Мюнхена в горы, чтобы поглазеть, как там цветет мелкопестник остроконечный. Это была мечта всей ее жизни. Только путешествие по лугам обернулось неприятностями для немки — ее за нос укусил шмель. Наклонялась над цветами, чтобы насладиться их ароматом. Вот и дююхалась. Опухла так, что стала похожа на головастика. Теперь сидит в гостинице и ждет отца, чтобы забрал домой.

Всю дорогу тевтонец без умолку балаболит, а Петр Иванович, словно глухонемой, пальцами фигуры крутил. Для убедительности помогал еще и мимикой лица. И ничего. Содержательно беседовали.

Поездка от Праги до Кошице прошла на одном дыхании. На прощание друг с другом расцеловались. Расчувствовавшийся Флирский даже скупую слезу пустил. Потом шморгнул носом и поплелся в лес. Где-то там была вожденная граница с бывшим СССР. На сколько нынче неприкосновенная, предстояло еще убедиться.

Ночь застала в глухом лесу. Потемнело как-то мгновенно. То светило солнце, то вдруг под носом ничего не стало видно. Потянуло горной свежестью. Пока было видно, ничего не боялся. Как только стемнело, то тут, то там слышались странные звуки: шорохи сухой листвы, чавканье, похрюкивание, рычание и сопение. Петр Иванович носом чувствовал, что грядут крупные приключения. Решил сделать привал — иначе на корягах в темноте и голову легко свернуть. Прислонился спиной к елке. Скукожился, пытаясь хоть как-то сохранить тепло в исхудавшем теле. Зубы выбивали азбуку Морзе, судорога сводила ноги, а спина, казалось, покрылась изморозью.

Вдруг Бесика, крутого из крутых в Голомойске, а здесь, в Карпатских горах, ходячего несчастья, будто прошибло током с головы до пят — потому что за деревом что-то зафыркало. Флирский трусливо отпрянул на одеревеневших ногах. Желание спасти собственную шкуру взяло верх над усталостью. Рядом явно находилось какое-то живое существо, не обращающее никакого внимания на человека. Голову посетили чудовищные мысли — а если это волк, змея или лиса? Укусит и не видеть больше праздно живущей и бесславно умирающей *vip*-персоне своей дражайшей, пачек долларов, горячих круасанов к завтраку, не любоваться закатом на Мальдивах и не упиваться победами над своими врагами. Лишь черви будут хозяйничать на брэнном теле, выискивая сладкие залежи целлюлита...

Сплюнул, отгоняя прочь мысли о потустороннем. «Не дождутся», — сказал себе решительно и побежал что есть силы через буреломы, ручейки, заросли ежевики, прыгая через коряги и валуны, «ако козерог». И это на шестом десятке в кромешной тьме! Желание выжить обостряло зрение. Видели бы голомойчане, на что способен их бывший первый обкома, от зависти слюной бы подавились. Марафонец, а не функционер и авторитет.

Сколько несся горным козлом, не помнит. Остановился перевести дух, когда начало светать. Лес преобразался. Сначала стали заметны стволы деревьев, а затем и ветки с листочками.

Флирский не понимал, куда именно занесли его ноги. Вокруг ни души. Утреннюю тишину нарушали лишь пробуждавшиеся птички. Да еще где-то в чаще олень пугал округу своим ревом. Густой туман висел над землей, создавая молочную пелену. Петру Ивановичу показалось, что он плывет в этом густом вареве. За ночь бега в крошечной темноте атрофировалось чувство страха. Уже не боялся наступить на ежа, утонуть в горном ручье, оказаться верхом на медведе. Мечтал лишь о бане и горячем чае.

Решил продолжать идти. Через «не могу» и «будь оно все проклято». Стремление достигать цели любым способом очень развито у коммунистов. Хотя и бывших. На то они и «борцы за всеобщее счастье и равенство»...

Вдруг ноги по косточки вошли в мягкую землю. Сначала подумал, что болото. Но, присмотревшись, убедился, что это была обыкновенная пахота. «Значит, поблизости селение», — взвизгнул от переизбытка чувств. Не хотелось шагать дальше по грязи. Огляделся, пытаясь увидеть край пашни. Но мгла мешала распознать даже ближайšie предметы. Поэтому решил просто шагать. Куда-нибудь. А вась куда-нибудь выйдег.

Долго ли брел — не знает. Только солнце подымалось все выше, прогревая за ночь остывший воздух и озаряя ярким светом самые таинственные места лесной чащи. Его лучи нежно ласкали тело, ветер будоражил всклокоченные волосы, душа набирала равновесия с природой.

Туман постепенно отступал. И тут Петр Иванович замер, боясь даже вздохнуть или испортить воздух сквозь штаны. Удивленно посмотрел вправо, потом влево. Глаза стали, как у лягушки, добровольно ползущей в пасть к ужу. Ртом хватал воздух, словно карась на песке. Пытался от изумления крикнуть, но издал только немощный всхлип... Бесик оказался не на вспаханном поле, а на полосе, рядом с которой находилась колючая проволока, напоминающая забор контрационного лагеря.

— Руки вверх! — раздалось рядом раскатистое, будто ударили молотком по металлическому ведру.

От испуга Флирский подмочил трусы. Хотел посмотреть, кто с ним шутит, но новая команда развеяла всякую надежду на то, что с ним играют юные грибники.

— Не оборачиваться! Лицом на землю!

Кованный ботинок вдавил голову несчастного во влажный песок. Чихал, фыркал, пытаясь хоть как-то дышать, но его еще сильнее прижимали к земле. Заломили за спину руки, привязали их к поднятым ногам, а в рот засунули горсть земли, насыпанную в носовой платок. Потом всю эту конструкцию подвесили вниз головой на жердь, будто дичь, и понесли.

Утро моментально испортилось. Разве может быть по-другому у человека, которого похитили какие-то маргиналы? Вскоре от прилива крови к голове потемнело в глазах, потом затекли руки и ноги. Поскольку на возмущенное мычание Флирского несуну не обращали ни малейшего внимания, то ослабленный в эмиграции организм не выдержал... Бедолага потерял сознание.

Оклемался от того, что лицо облизывала огромная овчарка. С ее пасти несло, как из выгребной ямы. Невольно отпрянул. Взором окинул местность. Лежал на кафельном полу. За столом восседал усатый майор в камуфляже и зеленой фуражке. Псина улеглась у его ног, не сводя своих карих глаз с перепуганного нарушителя государственной границы. Увидев шевелящегося узника, отодвинул компьютерную «мышку», преврав тем самым расклад увлекательного пасьянса.

— Допрыгався? На кого шпийонишь, «ботаник»? Куды повз? Кто связист? Немедленно говоры! — скороговоркой (так, как балакают в родных Кобеляках) протараторил служивый.

Впрочем, Флирский даже слабо понимал, где находится. Сообразить, чего от него хотят, было высшим пилотажем. Хлопал зенками, шморгал носом и пускал слюни.

— Чого роскис, как баба в першу брачну ноч? Тут тоби не

санаторий, а застава. А ты на ний возмутитель спокойствия, которого надо драть, как липу.

Петр Иванович потихоньку начал въезжать в ситуацию. Ведь не долбоеб с партбилетом. Значит, как-то угораздило перейти границу с Украиной.

— Скажите, и что, граница по-прежнему на замке? — поинтересовался шепотом.

— А то! Инакше сам бы давно злыняв... — гордо сознался майор.

Тут в кабинет ввалился лейтенант с выражением лица, будто всю ночь пребывал в дозоре с девочками и шампанским. Из фуражки торчала маскировка — листья и трава. Глазами шарил по кабинету, пытаясь отыскать то, что заначил здесь еще в прошлом году во время празднования юбилея майора. Хрюкал носом и причмокивал губами. Словом, гроза диверсантов и войск НАТО.

Офицеры уже вдвоем взяли в оборот обескураженного Петра Ивановича, проклинавшего тот день и тот час, когда решил на своих двух добираться домой. Лучше бы на поезде подъехал к границе и сдался бы словацким стражам границы. По наивной своей простоте надеялся, что проскочит мотыльком между лучами радаров и носами ищеек. Отделается легким испугом, и родная земля радушно встретит «заблудшего сына». Не вышло. Связали, как барана, да еще устроили допрос с пристрастием. Какой из него «засланец»? Так себе — засранец.

Блюстители государственной границы продолжали напирать на Флирского. Сначала поинтересовались: случайно недоношенный ли? Потом спросили, не разорял ли он воробьиные гнезда, не подкладывал ли учителям кнопки на стул, не тыбрил ли в супермаркетах жвачки, не изменял ли жене... Бесик возмутился до глубины души за вторжение в его личную жизнь. Ведь заданные вопросы не имели ничего общего с причиной его пребывания на заставе. Но вместо ожидаемых извинений получил пинка под ребра. Аргумент оказался более,

чем весовым, и Петру Ивановичу ничего не оставалось, как смириться со своей участью и отдаться на милость церберов в зеленых фуражках. Слезные просьбы выслушать, потому что его приняли не за того, кем на самом деле является, не прошибали.

— Або ты зизнаешся, на яку разведку работаеш и з яким заданием був заброшений в Украину, або за нарушение границы сядеш щас и надовго, — констатировал майор.

Перспектива оказаться там, где менее всего хотелось быть, никак не радовала Флирского. И пока пограницы прикуривали, судорожно соображал, как ему можно выбраться из пикантной ситуации. Мозг закипал. Эмиграция оказалась ненадежным убежищем. Да еще каким ненадежным!

— Я все скажу! — мозг отказывался верить в то, что взболтнул язык. Но Петр Иванович чувствовал себя, как казак на дыбе, — хотелось на всем оптом поставить жирную точку: на Мушустине, Мансуровиче, Деригузе, Шелудивом, Тыркине и обязательно на своей дражайшей... И убежать. Правда, не за бугор, а куда-нибудь в тайгу, где нет границы. Выгнать из берлоги медведя и самому поселиться там. И переживать только о погоде.

А вояки поймали кураж. В их глазах был виден отблеск генеральских звезд: ведь сцапали заграничную птицу, с которой может получиться хороший навар. Они дружно пододвинули поближе стулья к скрюченному в углу Бесику, наклонились над ним, чтобы не пропустить ни единого слова. Ведь шпионы колются не часто.

— Ну?

Лучше бы они не подгоняли. Арестанта вновь перемкнуло. Правда, в другую сторону.

— Что вы разнукались? Безпредельщики, — и, вспомнив героические поступки партизан в тылу врага, с чувством собственного достоинства (верблюды не идет ни в какое сравнение) харкнул любопытным офицерам прямо в физиономию.

Лучше было бы Петру Ивановичу хорошенько подумать, прежде чем плевать. Реакция служивых оказалась адекватной —

они тоже обильно смочили дыню наглеца. Затем майор рукавом вытер свой фасад и схватил со стола увесистую папку с бумагами. Тотчас же она опустилась на голову несчастного. Тот закатил глаза. Майор вошел в раж и что есть мочи начал вбивать в бадду не только нормы поведения, которых необходимо придерживаться задержанным пограничной службой, но и правила хорошего тона. От такой учебы у Бесика заискрилось в моргалах, зашумело в чугунке. Не привыкший ко всяким экстраемальным ситуациям организм, вырубился.

— Паря, но ты его, кажется, грохнул, — испугался капитан.

— Не трись. Такого и ломом не добьешь.

Долдона подхватили под руки и поволокли в сарайчик, где и после войны «зеленые фуражки» держали свиней, решая таким образом собственную продовольственную программу. Теперь там гуляли ветер да мыши. Флирского бесцеремонно бросили на землю. Дверь подперли палкой, будучи уверенными, что такой дегенерат не способен сбежать.

Петр Иванович поднял свинцовые веки и увидел над собой ворону на жердочке. Она как-то странно подпрыгнула и вдруг из-под хвоста вылетел кусок мерзопакости. И не куда-нибудь, а прямехонько лежащему промеж глаз. Тот смачно выругался с употреблением разнообразных глаголов в отношении матери. Между прочим Флирский стал за собой замечать, что в последнее время обстоятельства вынуждали его даже думать матом. Смахнул дерьмо. Еще раз огляделся, пытаясь сориентироваться на местности. Прикинув к щели в стене, все понял: он в заточении. «Упрятали демоны в темницу сырую», — проворчал сквозь зубы.

Но, детально обследовав свой каземат, сообразил, что дела не столь безнадежны, как на первый взгляд кажется. Прогнившие доски располагали к соответствующим действиям. И Петр Иванович решил дожидаться темноты. Он соскучился за Голомойском и поэтому должен был использовать малейший шанс для своего освобождения.

Истерзанный нарушитель госграницы оказался никому не нужен. Солдаты, сержанты и офицеры суетились во дворе заставы. Каждый был обременен своими заботами. В суете пограничников и в мандраже Флирского день склонился к вечеру. Когда Бесик вновь насмелился оценить остановку во дворе, то там уже было темно. Лишь лучи фонарей слабо пробивались сквозь кусты и ветки деревьев, служа лишь приманкой для ночных мотыльков.

Без труда отодвинув доску, юркнул в щелочку и по-пластунски пополз к ближайшим зарослям боярышника. Просто стелился по земле. Стремление к свободе было сильнее боли от содранных локтей и подранной колючками задницы. Подхватился на ноги уже тогда, когда огни строений были чуть видны. Не оборачиваясь, стремглав понесся вперед, туда, где ему, казалось, был родной Голомойск.

С фингалом под глазом, ободранный и измученный, он поутру вышел на трассу. На поднятую руку голодранца водители не обращали ни малейшего внимания. Петр Иванович критически осмотрел себя и понял их. Кому охота садить бомжа в чистый салон. Горло сжало так, что тяжело стало дышать. Ностальгия по прошлому пронзила душу. Хотелось реветь от безысходности. Весь свой нынешний бизнес отдал бы только за то, чтобы возвратиться в прошлое, которое как-то резко ринулось в будущее, выталкивая на обочину не последнего своего человека. И подавленному, словно яблоко под прессом, Флирскому ничего не оставалось как от отчаяния броситься под колеса фуры и так одним махом покончить со всеми проблемами, доставшими его до селезенки.

Но как бывает в таких ситуациях, перед глазами в одночасье промелькнула вся жизнь. И осенило оборванца, что голод, холод, перенесенные побои, вонючие подмышки и натертые ноги ничто в сравнении с еще не выпитой отпущенной Богом нормой, недотраханностью и недокуренностью. А кому достанется заначка, спрятанная для возрождения родной партии за

пятой кирпичиной справа от окна? Мышам или каким-то агло-едам, которые лет через сто будут разбирать по кирпичику уже к тому времени обветшалый дом? «Не жирно ли будет?» — спросил сам себя. Выбежал на середину дороги, стал на колени перед приближающимся грузовиком, наложил на себя Святое знамение и поднял к нему руки. Что подумал водила? На трассе рехнутый горемыка. Затормозил — аж дым из-под колес повалил. Вооружившись монтировкой, бросился на бьющего поклоны оборванца. Но тот и ухом не повел. Собравшаяся вереница автомобилей издавала какофонию замысловатых звуков — что-то среднее между ревом обремененного излишка-ми тестерона слона и воем комара, пикирующего на чье-то ухо.

Пока шофер-дальнобойщик изощрялся в красноречии, Петр Иванович резко подхватился и вмиг оказался в его кабине. Как ни пытался рулило выбросить несчастного, ему это не удавалось. Тот будто прирос к сидению, при этом растопырив руки и ноги, уперся во все, что торчало. Никакая сила не могла вырвать его оттуда.

— Хочу в Голомойск, хочу домой, — скулил бывший первый секретарь обкома партии.

И хотя шоферуга ехал совсем не туда, добрая душа сжалась над маразматиком. Согласился подбросить в соседнюю область. А там как-то на перекладных дальше попрет.

Вот так три дня лесом, три дня полем добирался Флирский в родной город. А добравшись к его окраинам, упал на землю и стал целовать камешки и комочки, периодически всхлипывая и дрожа, как осиновый лист. В эту минуту он был очень похож на индуса с трущоб Бомбея. Нацеловавшись вволю, отряхнул пыль с остатков одежды, поковылял домой.

Никто из земляков не узнал бы в этом беспорточнике бывшую «шишку». Даже когда позвонил в дверь своей квартиры, Галина Борисовна в сердцах рывкнула:

— Милость не подаем! Пошел вон!

— Галинка, родная, не узнала? Это я, твой козлик, — прошептал Петр Иванович.

— Какой козел? — грудью восьмого размера закрыла дверной проем.

— Сдурела? Пусти домой, дура, — отпихнул жену и похозяйски переступил порог.

— Петечка, неужели это ты? — сплеснула в ладони и тотчас же, бледная, сползла по откосу на пол.

ГЛАВА 18

Настало золотое время, но никто его не оценил

Вся грязь Европы смылась в ванной.

На следующий день, чистый и невинный, будто агнец, Флирский подался в свою штаб-квартиру. Слезные уговоры Галины Борисовны остаться и отдохнуть после дальних странствий, поправить здоровье, подорванное заморскими страданиями, не возымели адекватной реакции. Петр Иванович за утренним кофе стукнул кулаком по столу (аж чашка подпрыгнула) и рывкнул:

— Не бузи, чучундра! Совсем от рук отбилась...

Благоверная сникла и не стала дальше уговаривать мужа не рвать сердце ради... Чего именно, она не знала. С тех пор, как они оказались у разбитого корыта, лишившись в два счета положения в обществе, мужа Галины Борисовны будто переформатировали. Вежливость и обходительность сменялись агрессивностью и безапелляционностью. Она даже боялась поинтересоваться местом работы своего сожителя — иначе не назовешь.

На подходе к шахматному клубу Бесик сначала почуял в воздухе, а потом уже заметил неладное: на фасаде не было не светящейся неонм ладьи, ни огромных букв е2-е4. Вместо привычного красовалась яркий щит с надписью «Ночной клуб "Мадмуазель"». На букве «б» восседала аппетитная блондинка в бикини, с осиной талией, которая без усталости подмигивала про-

хожим, а правой рукой то и дело подбрасывала свою царственную грудь. Механизированный манекен был выполнен просто непревзойденно. Мужики останавливались, дабы полюбоваться пышными формами этой смазливой барышни. Облизывались, как мартовские коты. Только не мяукали.

Удивленный Петр Иванович бросился ко входу. Но дорогу преградили два грузных обормота, будто вырядившихся на свадьбу. Они дружно выставили два кулака, на которые носом наткнулся Флирский.

— Куда прешь, зелень пузатая?

— Как вы меня назвали? Да я хозяин этого подвала. А вот кто вы такие и че тут делаете, выблядки, мне бы хотелось знать?

Чрезмерная любознательность не пошла на пользу полпреду Мушустина в Голомойске. Его схватили за уши и поволокли по ступенькам наверх. Там дали пинка под зад да так, что носом проорал газон и темечком уперся в липу.

Такого наезда и беспредела Флирский стерпеть не мог. Он тут же помчался в горсовет, нутром чувствуя, что здесь замешаны определенные лица и крутые бабки.

Не обращая внимание на разъяренную секретаршу, которая тигрицей бросилась на Флирского, ногой распахнул дверь мэра.

— Семен Захарович, я его не пускала!

— Оставь нас, — властно приказал хозяин кабинета. — Как дела, уважаемый Петр Иванович?

— Ничем порадовать не могу. Все хорошо.

Бесик был настроен воинствующе. Решил переступить через эковский закон «не верь, не бойся, не проси» и разобраться с избранником горожан «вполне конкретно».

Совсем иные планы при виде этого посетителя возникли у Тыркина.

— Чем обязан столь внезапному визиту? — решил чересчур не дразнить неожиданно ворвавшегося зверя. Он хоть и раненный, но еще способен был нанести сокрушительный удар. А зачем чиновнику скандалы? Они ему не нужны. Тем более выборной бумажной душе.

— Ты куда подевал мой шахматный клуб? Продал? Честный чиновник ворует в открытую, а ты, жук навозный, все норовишь исподтишка. Ты на кого батон дроишь?

При этом Флирский совсем не интеллигентно прижал мэра к стене своим торсом. Схватил рукой того за кадык, да так, что глаза у бедняги округлились до размеров футбольного мяча, язык повис на губе и с носа потекло, как с брандспойта.

— Верни взад, иначе закатаю в асфальт.

В Голомойске Бесик слыл еще тем гусем. Белее лапчатого гуся просто не бывает. Ему нефиг делать было неудобного подвесить за мизинец и зажать конец в дверях. Народ удивлялся, откуда у недавнего партийного босса такого ранга прорезались подобные неадекватные наклонности. Ведь, казалось бы, имеет благочестивую биографию. А в «застойные времена» КГБ проверял до десятого колена, вплоть до того, кто перерезал пуповину. Так, оказывается, прозевали. Вся подлая «сучность» вылезла наружу только сейчас. Посему можно сделать вывод: тогда под личиной первого секретаря обкома скрывался прощельга, по которому кирка в урановых шахтах плакала.

Тыркин быстро скумекал: все равно достанется — хоть как не изворачивайся. В байки о несмышленише с мандатом никто не поверит. У дяди на голове не тыква, а в штанах не огурец — поэтому хорошо знает, от чего дети рождаются. Надо за свои поступки отвечать.

— Это Шелудивый... От него явился Трусов...

— Являются только черти с перепою.

—...И сделал предложение, от которого я не в силах был отказаться.

— Перед какой цифрой ты не устоял?

Семен Захарович быстро прикинул: не отберут ли снова кровно нажитые тити-мити, если назовет конкретную сумму. После недолгих раздумий все-таки решился огласить. Это оказалась цифра с четырьмя нолями.

— Ах ты, падаль подзаборная. Иуда Искаротский! Про-

дался за пару зеленых! Я же тебя один раз воспитывал. Мало? Придется еще раз воспитать...

Мэр попятился. При этом пожалел, что в приемной нет охраны от подобных дуриков.

— Пиши завещание и молись Богу! — гневно рывкнул Флирский и хлопнул за собой дверью.

— Снова отберет, — решил Тыркин. — Не я буду...

Петр Иванович искрился, как бенгальский огонь. Его распирало. Хотелось мочить и давить всех без исключения. Первым делом бросился собирать свою компанию качков-шахматистов. Оказалось, те куда-то пятками наживали. Мобилки не отвечают, будто испарились. Почувяв, что его начинают обкладывать, словно педофила, на которого спустили всю страну, ринулся на разборки к Шелудивому — кровному обидчику.

Банк «Недра счастья» возвышался в центре города. Здание было выстроено на месте общественного сортира. Шелудивый выбрал его из ряда других только потому, что местечко прикормлено. Сюда дорогу протоптали многие горожане. По привычке будут продолжать идти и дальше. Увидев на знакомом месте банк, одни расстроятся, другие, кому сильно прищипит, обязательно попросят воспользоваться банковским нужником, поскольку в округе места, куда царь пешком ходит, все, как антисанитарийные, ликвидированы. А цивилизованные не построены. Конечно, охранник сжалится и пропустит, но только с условием: необходимо будет открыть депозит.

И получается, одному — облегчение, а другому — польза.

Охранник на дверях со лбом человека редкого отсутствия ума преградил дорогу своей широкой грудью.

— Сейчас низзя. Приходите в приемные часы.

Проьба доложить о нем Олегу Филипповичу не возымела действия. Секьюрити, словно нэцкэ, был непрошибаем. Флирский растерялся, но не потерял самообладания. Надо было действовать решительно и наверняка, иначе прихлопнут, как клопа.

Вспомнил о Люське и ее непонятной крыше. Хотя, каза-

лось бы, дружанов было предостаточно, но желающих подставить ножку тоже хватало. Так все любили Флирского, что аппетит у каждого пропадал.

Зазноба жила там же. Бесик приятно удивился, что легко вспомнил когда-то родные места. Мог бы и запомнить, потому что поцелуи и пылкие объятия проходили в далеком-далеком прошлом. Именно так, не углубляясь в причины перемен, произошедших давеча с ним, делил свою бурную жизнь на до и после... А как иначе? Никто из окружения (близкого в том числе) никогда и полусловом не обмолвился, что, оказываясь, удивительным образом все перенесли во времени — на пару десятилетий вперед. Явно «непонятка» царила у каждого в голове. Но никто ни гугу. «Похоже, только я влип в эту хреноверть», — никак не мог успокоиться Флирский.

Люська открыла дверь во всей своей красе — боевая раскраска на лице, бигуди на голове торчком, халат еле прикрывает сногшибательный бюст и розовые ноги в чулках-сеточках. Поза — мужики, не проходите мимо! Петр Иванович обомлел.

— Петя, закрой рот! Не показывай пустой желудок. У меня все равно в холодильнике ничего нет.

Смущенный Флирский опустил голову. Разговор явно не клеился хотя бы потому, что с тех пор, когда он активно клеился к этой даме, утекло немало воды. К тому же эта пожирательница мужских сердец не приглашала гостя в дом. А лестничная клетка — не лучшее место для спасения человеческих душ.

— Мне нужна твоя помощь. Явно у тебя есть, — сделал многозначительную паузу, — человек, опекающий тебя. Только не говори «нет». Зная тебя, как облупленную, могу достоверно утверждать: без «друга» ты никак не обходишься.

— И на кой ляд он тебе сдался?

— Хочу познакомиться. Дело есть.

— Какое?

— Любопытной Варваре... сиську прищемили.

— А не пошел бы ты...

— Ладно. Не парься. Проехали. Выручки по старой друж-

бе. Как-никак в одной постели кувыркались. И было, вроде бы, нищак.

— Как сказать, — закатила глазки девочка.

— Не будем шуршать прошлым. Так скажешь или нет?

— А что мне за это будет?

— Что хош?

— Хорошего и много.

— Мороженого? — съехидничал Петр Иванович.

— Дуста, — рассердилась Люська и попыталась закрыть дверь. Но гость вовремя подставил ногу.

— Ну, не ломайся, как сдобный пряник.

— Пристал, как банный лист к заднице. Храпов...

— Кто? — переспросил удивленно. — Этот гермафродит? Да как ты можешь с ним? Наволочь...

Бесик выскочил из подъезда с фейсом, цвет которого свидетельствовал о зашкаливающем давлении. «Если этот кретин ходит к Люське, значит, имеет тутрики. Она за спасибо не дает». Судорожно соображал, выстраивая одну за другой логические цепи. В обкоме всегда преданно смотрел в глаза и заглядывал в рот, чтобы чего не пропустить и успеть вовремя поддакнуть. Был тише воды, ниже травы. И вдруг вылез, будто фурункул на носу. Кем стал? За месяц отсутствия Флирского в Голомойске некоторые успели перефрантиться: на арену вдруг повывлазила немощь голопузая, которая в иные времена сидела бы в норах и боялась бы слово горбатое сказать.

Однако выбора у Флирского не было. Голомойские авторитеты и олигархи, как-то Мансурович и Шелудивый, скоро совсем сядут ему на голову и ноги свесят. А вскоре к ним могут еще присоединиться и новоиспеченные. Если умудрился всплыть нынешний первый секретарь обкома компартии, он же редактор газеты «Горькая правда», Храпов, значит, грянут перемены. Всплывают новые киты. Люська тому красноречивое свидетельство — любовниц не заводят на последние деньги, экономя на хлебе с маслом.

— Привет, Боря! — позвонил тотчас же.

Если сказать, что на том конце провода удивились, это ничего не сказать. От неожиданности Храпов опрокинул чашку кофе прямо на штаны. Есть закон бутерброда, а это по закону горячего чая — всегда обливается ширинка и кипяток проникает аж до сморчка. Словом, удовольствие ниже среднего.

— Здравствуйте, Петр Иванович, — по-прежнему уважительно ответил Борис Никифорович. — Явно кто-то наступил вам на ногу, иначе не вспомнили бы и на Страшном суде.

Бесик «проглотил» язвительное замечание, поскольку понимал, что уже и воробьи, и подгузники не те, что были раньше. Необходимо довольствоваться тем, что есть, и не драть нос.

— Боря, сорока на хвосте принесла, что ты, бляха-муха, стал крутым. И не просто крутым, а круто замешанным тестом.

— Не льстите...

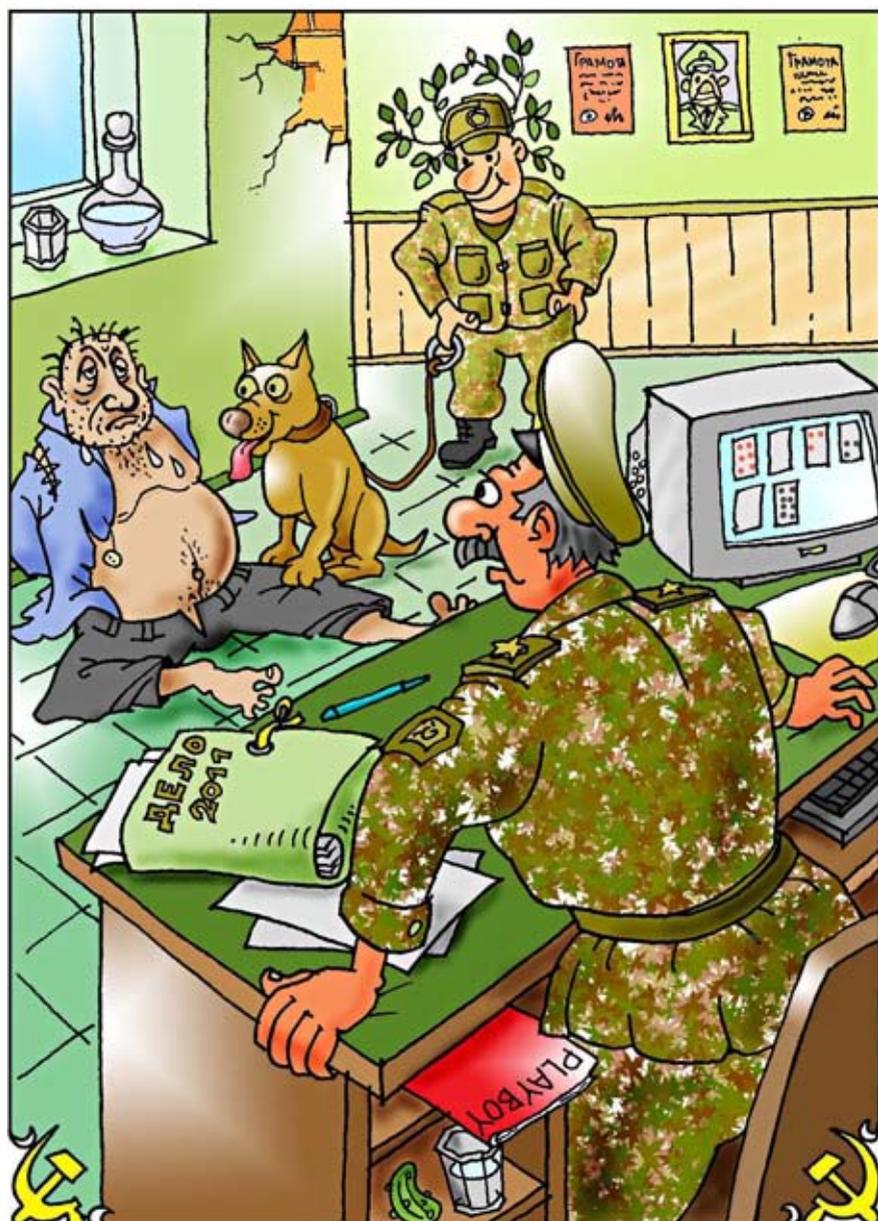
— В натуре. Ты в политике, как головастик в луже: говорят, в парламент собираешься баллотироваться со своей партией. Да и прибыльным делом обзавелся.

— Не своей. А нашей, Петр Иванович, — поправил того. — Если о газете, то какой это бизнес? Так, слезы, детишкам на мороженое да себе на сигареты.

— Не приbedняйся. Не все ветераны вымерли. Подписывают твою газетенку. До дыр зачитывают. Иногда и я читаю на сон грядущий. Должен признаться, занятно пишешь о товарищах...

— Не преувеличивайте. На этом рынке конкуренция офигенная. Только «Крик души» сколько читателей переманил. Борзописцы Мансуровича не гнушаются в дерьме копать, в гинекологические кабинеты подглядывать, грязное белье нюхать, чтобы только выискать такое, от чего душа у читателей развернется, а потом скукожится от страха.

— Слезу все равно не прошиб. Политика тоже какие-никакие дивиденды тебе приносит. Не последний бутерброд с икоркой доедаешь.

— То тогда коммунисты были движущей силой, а теперь в наших рядах остались только те, кому терять в этом мире больше нечего, кроме пенсии. Вон в «Порядке и беспорядке» и «Красном землепашце» собрались зубры, метры, акулы политики, которые знают, чего хотят. А к нам примкнули только по идейным соображениям.

— Не скули. Знаю, крепко стоишь на ногах. Выручай! Стоило мне отлучиться, как свои клешни распустил Щелудивый — эта гидра на здоровом теле нашего общества. Прикарманил мой шахматный клуб, загнал в норы моих ребят. Представляешь, я теперь уже никто...

— Ну, знаете, Петр Иванович, лучше быть никем, чем Наполеоном среди бомжей.

— Короче, Склифосовский. Имеешь выход на этого монстра с большой дороги?

— Как сказать... — начал кочевряжиться Храпов.

— Не мути, дружище. Говори прямо: поможешь вернуть офис или нет?

— Обтяпать-то можно. Только какой прок мне от этого?

— Ты же коммунист, а не ростовщик. Где твоя партийная солидарность и взаимовыручка?

— Когда вы сидели в кресле первого секретаря, очень со мною солидарны были? Пинали, будто туалетную дверь. Как говорится, чем больше солидности, тем меньше солидарности.

— Смотри-ка, Спиноза выискался... К тебе медленно доходит? Ты че — мармазонец или прикидываешься?

— Ладно. Сведу вас. Ждите звонка.

Флирский был во гневе. Такого разговора с коллегой просто не ожидал. «Это что же такое делается на белом свете? Что за жизнь паршивая пошла? Сначала Деригуз кукиш с маслом показал ему, Пупенков себе цены не сложит, Мушустин возомнил себя Аль Капоне... И это бывшие товарищи, клявшиеся в дружбе и верности! Что за время настало? Не к кому даже пойти поплакаться в жилетку», — грыз себя.

Но Храпов оказался все-таки мужиком — перезвонил. Шелудивому назначил сходянок на нейтральной полосе — возле памятника Ленину. Правда, тот прикатил не один, а с двумя архаровцами, внешний вид которых не располагал к душпастьырской беседе. Чего только стоил один из них — небезызвестный Алик-прыщавый. И где он только его откопал, чем прельстил, на чем сошлись банкир и живодед — гроза дворовой живности и объект для неусыпного бдения гринписовцев? Тот кочевал городом, подночевывая у любовниц, которых имел в каждом квартале. Просто какой-то секс-символ Голомойска. И этот Казанова XXI века пришел с главным коммунистом области, чтобы не дай Бог с того не упала волосинка. А чему там уже падать? На колене и то растительности больше.

У активных членов партии «Красный землепашец», пикетирующих помпезное изваяние Ильича, сперло дыхание. Не доверяя коммунистам, не способным защитить вождя мирового пролетариата от вандалов, энтузиасты-охранники оградили монумент частоколом из красных знамен. Палатки, в которых жили голодающие за правое дело, были расписаны лозунгами «Власть, верни отбитое ухо Ленину!», «Руки прочь от головы вождя», «Дадим по рукам мудакам!».

Увидев незнакомцев, все высыпали из палаток, как горох. Исхудавшие на посту сомкнули ряды, предчувствуя неминуемую кулачную битву. Непрошенные гости явно пришли позариться на второе ухо Владимира Ильича и поэтому им необходимо было дать решительный отпор.

Шелудивый со своими вахлаками и Флирский при виде стройных рядов взбудораженных хранителей идеалов революционного прошлого попятнулись. Нукеры, призванные беречь здоровье своего шефа, тоже ретировались к машине. Банкир попробовал спрятаться за спины телохранителей, но не успел. Те быстренько показали Олегу Филипповичу спины.

— Вы куда?! — зарычал Шелудивый.

— Я крови боюсь, однако, — ответил обескураженный Алик-прыщавый.

«Красные землепашцы» наступали. Выражение их лиц напоминало гримасы аборигенов, сожравших бедного Кука. В их решительности не приходилось сомневаться. Растопчут, уроют, казнят и не перекрестятся. Шелудивый вскочил в машину, а Флирский... поднял руки вверх.

— Только не бейте ногами! Я свой! Я — за Ленина! — прошептал он и закрыл глаза.

Защитники памятника пропустили Петра Иванович между своих рядов и клином двинулись на автомобиль.

— Вадим Петрович, дорогой мой, спасай нас! Немедленно! — банкир орал в телефон своему помощнику. — Мы возле гранитного вождя! Заводи, бестолочь!

Водитель пытался завести двигатель, но, как бывает в такие минуты, он почему-то не запускался.

Флегматичный Трусов подумал, что его разыгрывает пьяный шеф, и, подыгрывая ему, пытался выяснить, где конкретно в городе находится «гранитный вождь» и что под этим подразумевается.

— Пень с глазами! — отчаявшись, крикнул Шелудивый.

Вдруг машина закачалась, потом еще больше. Первым попросил у Всевышнего помощи Алик-прыщавый.

— И угораздило ж меня взять тебя в няни.

— Боже, спаси и сохрани нас, — побледнел и сполз с сидения.

Авто сначала опрокинулось на бок, а потом легло на крышу. Пассажиры стояли на головах и рыдали. Слезы катились по лбам, бровям и терялись где-то в волосах. Просто хор плакс, идеальный сюжет для «мыльной оперы».

Флирский сначала осторожно открыл правый глаз. Поскольку его жизни больше ничего не угрожало, открыл и второй. Враги штурмовали машину, оставив в покое Петра Ивановича. Это обрадовало и он мелкими шагами и перебежками дернул к ближайшим кустам. Только там облегченно вздохнул.

Толпа любознательных прохожих наблюдала потасовку, как захватывающий триллер. Экспансивные подбадривали на-

падающих, а сердобольные призывали оставить в покое пассажиров автомобиля. Ярость кипела в жилах одних и все более мокрели штаны у других.

— Бей гадов! — бесновались ротозеи вокруг.

Партийная дисциплина — великое дело. Кто-то из «красных землепашцев» пронзительно свистнул и сразу все дружно ретировались в свои палатки. Шелудивый со своими мордоротами, перепуганными и белыми, словно унитаза в магазине «Сантехника», вылезли через разбитые стекла и, ковыляя и отряхиваясь, поплелись восвояси. Через минуту только перевернутая легковушка возле памятника Ленину напоминала о недавнем сражении.

«Стрелка» не заладилась. Недаром Петру Ивановичу накануне в ноздрю залетела муха — плохое предзнаменование. Вот результат.

Перед Флирским встал сакраментальный вопрос: что делать дальше? С этой бодяги как-то надо было выпутываться. Но как?

Брел с гордо поникшей головой. Возле музыкально-драматического театра национально сознательные голомойчане, обеспокоенные необходимостью увековечения памяти о сексуальных шалостях татаро-монгол, чья кровь теперь течет в каждом славянине, пытались перекантовать на клумбу гранитную глыбу с красноречивой надписью «Завидуем!». Они дружно ухали и ахали, подзадоривая себя во имя правого дела. Но глыба не поддавалась.

Видя такое дело, Флирский решил помочь водрузить памятный камень на место. Молодцы дружно поднатужились и тот таки сдвинулся и покатился к углублению.

— Ура! — завопили энтузиасты.

И тут на валун взобралась до боли знакомая особь. Бесик протер глаза — не мерещится ли? К единомышленникам обращался Трусов.

«И этот здесь, — удивился Петр Иванович. — Непотопляемый, как дерьмо в лунке».

— Дру-друзья! Мы со-соверши-или благогородный по-по-
поступок. Признали то, о чем все дога-га-гадывались, но не сме-
ли сказать. Не го-говорят и о том, что Монголия, о-о-оказыва-
ется, се-се-сегодня готова признать факт оккупации и вы-вы-
платить каждому ро-ро-родственнику изнасилованных круг-
ленькую су-сумму.

— И кто может быть тем счастливецем?

— Как установить факт изнасилования по истечении сто-
летий?

— А как быть с теми, кто добровольно сожителемствовал с
татарами? — поинтересовались оборванцы, которым уже ме-
рещились горы наличности.

Вадим Петрович, инициатор всенародного движения
«Только половые гиганты могут решить демографическую про-
блему страны», в обкоме партии никогда не отличался излиш-
ней сексапильностью. Даже любовницы, в отличие от началь-
ства, не имел. Скромник со сдвинутыми фазами, семьянин-не-
удачник, пуританин. Заблудившийся в истории КПСС комму-
нист.

Петр Иванович чуть не скопытился. Метаморфозы мета-
морфозами, но не до такой же степени!

— Не во-во-волнуйтесь! — призывал бывший заведующий
отделом пропаганды. — Мы отстоим свои пра-права...

Внезапно из-за угла театра показалась орава голомозых
пролетариев, вооруженных крючьями, арматурой, палками и
цепями. Внешний вид не вызывал сомнений по поводу их убеж-
дений: они явно отличались от взглядов собравшихся. На под-
ходе к митингующим те ринулись в атаку с визгом:

— Не дадим осквернить русичей!

— Азиопов в Монголию!

Флирского обескуражило происходящее. В сравнении с
этой передрягой тусовка у памятника окажется детским лепетом
на лужайке. Краем глаза увидел Трусова, сиганувшего с
гранитной глыбы, словно с трамплина. Над его головой со сви-
том пронеслась доска. Вадим Петрович приземлился на нос
между кустов роз.

Надвигался полный Армагеддон. Петр Иванович инстинктивно понял, пока не поздно, надо делать ноги, потому что приключения быстро найдут его задницу. Не мешкая, развернулся и дал деру. И сразу почувствовал, как что-то тяжелое опустилось на голову. В глазах померкло и земля стремительно начала уходить из под ног.

ГЛАВА 19

Крыша неслась. На красный свет проскочила и в ДТП попала — на мужика наехала. У того, оказывается, тоже крыша поехала

Петр Иванович открыл глаза и прочел: «Совершенно секретно». Буквы были огромными. Поначалу подумал, что стоит перед киноэкраном. Отодвинулся. Но получилось, что поднял голову. На столе лежал документ, а не газета, — решение закрытого пленума ЦК.

— Опаньки! Не по-онял, — замотал головой, будто взнузданный конь. Быстренько ощупал себя. Ноги, руки и, главное, голова на месте. Чхнул. Для пущей убедительности дернул себя за ухо. Боль пронзила правую скулу. Обрадовался. Значит, живой-живехонький.

Голова гудела, как керогаз. Еще чуть-чуть и задымит. Мысли путались: то догоняли друг друга, то прятались где-то за мозжечком. Флирский никак не мог сосредоточиться. Подспудно чувствовал, что плетутся против него интриги, сгущаются тучи, кто-то хочет подставить ножку. Но конкретно ничего не мог понять.

Прежде всего хотел разобраться со своей головой, а потом уже с пленумом. Пригласил Юлию Григорьевну и попросил анальгин.

— Может врача вызвать?

— Докторам в обкоме нефиг делать. Болеют только сволочи, а мы аппаратчики.

— А если грипп?

— Инфекцию на парткомиссию. Те разберутся.

— Ну, ладно... Петр Иванович, к вам Трусов просится.

— Чего этому раздолбаю надо?

— Жаждет в городе какой-то памятник поставить. Так свою инициативу хочет обсосать и утрясти.

— Может, адресом ошибся? Сосут в другом месте.

Подпрыгивая, как гутаперчивый мальчик, в кабинет вскочил Вадим Петрович.

— Ди-дико изви-виняюсь. Я вот по ка-какому де-делу, Петр Иванович. Парторга-а-анизация ро-родильного до-о-о-ома № 17 вы-выступила с инициативой изваять в бро-бронзе фи-фигуру воина...

— Какую такую фигу? — удивился первый. Его крокодилий взгляд гипнотизировал заведующего отделом пропаганды. Трусов сразу смекнул, что появился не вовремя. Участь жертвы гнева шефа его совсем не прельщала. Стал медленно пятиться к двери — подальше от возможных неприятностей.

— Стоять! — гаркнул Флирский. Его лицо перекошилось, будто заныл зуб мудрости. — Че перебираешь ножками — геморой одолел? Так вот что тебе скажу, друг ты мой сизокрылый. Если не хочешь с партии вылететь птичкой, завязывай инициативу проявлять. Ибо она тебя, каналья, до добра не доведет...

— Я хо-хотел, как лучше... — заблеял Трусов.

— А будет, как в той песне: «...Никто не узнает, какой у парня был конец».

— Не слы-слышал та-такой.

— Зашибись! Хит сезона, балбес. А что касаясь памятника монголу-осеменителю, так подумай своей тыквой: способствует ли он воплощению в жизнь исторических решений последнего пленума партии или нет?

Заведующий отделом пропаганды обкома чувствовал себя обплеванным у позорного столба. Какая-то непонятка получается. Даже решил, что кому-то из них двоих следовало бы к психоаналитику обратиться. Там явно первого секретаря и заведующего отделом не хватает для полного комплекта.

— Вы чего? — испугалась Юлия Григорьевна, увидев озадаченного Трусова. Тот стоял посреди приемной, как болванчик. — Эгей! — помахала ладонью перед лицом. — Вы здесь?

Тот не реагировал, будто столбняк одолел его с головы до пят.

— Вадим Петрович, не надо нас пугать!

Несчастный таки пришел в себя. К тому времени посмотреть на вырвавшегося из «пасти льва» пришли жеманный Дмитрий Сидорович и хронически недовольный всем и вся Борис Никифорович.

— На-навверное, у Петра Ивановича климакс: не-несет такую ахи-и-инею, ко-которая на го-голову не на-налезет.

В приемной воцарилось зловещее молчание. Откровение заведующего всех обескуражило. Здесь не то, что произносить вслух крамолу, думать о крамольном небезопасно. Тем более касательно первого лица. Сотни ушей, стены, картины и цветы в горшках слушают и записывают. Сказать то, что думаешь о руководящих способностях первого секретаря обкома непосредственно в приемной — это все равно, что исповедаться на центральной площади Голомойска.

— Офонарел, — вздохнул помощник Флирского.

— Во зажигает! — не удержался второй секретарь.

Поймав свою волну, Трусов удалился к себе.

Зашипела селекторная связь и в динамике раздался зычный рокот хозяина:

— Юлька, где тебя черти носят?! Совсем оборзела. Соедини меня с Мушустиним.

Юлия Григорьевна уронила папку «На подпись», которую несла шефу. Попыталась возмутиться, но будто онемела. Молча стала набирать приемную первого секретаря ЦК.

Петра Ивановича донимала неудовлетворенность происходящим.

— Арсений Кириллович, спасайте. Этот чурка с ушами Мансурович конкретно наезжает. Я, в конце концов, кто такой в Голомойской области: следящий или мальчик в стриптиз-баре? Каждый дегенерат пытается во все дырки трахнуть. И это при том, что я в поте лица днем и ночью вкалываю... Если нужен нашему делу, вмешайтесь. Иначе абгемахт будет полнейший.

На том конце провода послышался стон, будто рожали.

— Вы здесь, Арсений Кириллович?

— Интересовался у секретарши, действительно ли звонят по «вертушке» с Голомойского обкома. А то неровен час це-эрушники свинью подсунут: только они способны гнать такую пургу.

— А почему засомневались?

— Да как-то непривычно от руководителя-коммуниста такого ранга слушать всякую чушь.

— Вы под кайфом или с бодуна? Какая ахинея, какой коммунист? Был да весь сплыл. Теперь меня снова практически вытолкали за борт. В таких условиях больше не могу отвечать за успех нашего общего дела... Касса уплывает.

— Дорогой Петр Иванович, вы что: уже не первый обкома, а обычный кассир?

— Был первым, а теперь, наверное, десятый...

— Слушайте! Кто позволил вашему обкому так раздувать штаты? Нигде в областях нет столько секретарей...

— О чем вы говорите? У меня только один... То бишь одна...

Мушустин понял, что это допрос неменяемого. Необходимо лично разруливать ситуацию. И действовать радикально: спасти областную партийную организацию и Голомойск. Тут же распорядился создать комиссию. Возглавить ее поручил

курирующему инструктору Пупенкову. Перед ним Арсений Кириллович поставил конкретную задачу: разобраться на месте и тихо, не дискредитируя местных коммунистов, убрать резко ополоумевшего Флирского.

— Партии с такими бакланами не по дороге.

«Столичный экспресс» прибыл в Голомойск по расписанию, но цэковских проверяющих никто не встречал. Такого явно вызывающего пренебрежения к вышестоящим товарищам Пупенков за свою жизнь еще не встречал.

Добирались на такси с потертыми сидениями и пахнущим чесночно-никотиновым перегаром водителем. В приемной возмущенных столичных гостей Юлия Григорьевна встретила с глазами ошарашенного богомола — не знала, куда посадить и что сказать. Беспорядочная перетасовка бумаг ее не успокоила. Только взлохматив челку и расстегнув еще одну пуговицу на блузке, насмелилась войти в кабинет Флирского.

Вскоре оттуда послышался крик, похожий на хай торговца, у которого малолетки стянули гирию для весов.

— Какая, «япона мать», комиссия с ЦК?! Да клал я на нее большой прибор с гармошкой! Я Мушустину междусобойчик забил, а он мне шестерок присылает...

Дальновидная секретарша вихрем вылетела от первого секретаря и чуть ли не по-японски стала извиняться перед комиссией за подобные недоразумения. Юлия Григорьевна видела, что у ее шефа «котелок» слегка перегрелся. И если каким-то образом не спустить критическое давление, то возможен прецедент планетарного масштаба. Такой, что братские партии в Гондурасе и Зимбабве вздрогнут, потому что, получается, марксизм-ленинизм, как учение, неблагоприятно сказывается на «сером веществе» пролетариев всех стран. И выходит, что чем меньше Маркса, Энгельса и Ленина читать, тем дольше можно прожить.

— Что у вас происходит? Бардак несусветный развели в обкоме, — взбеленился Рафаил Сулейманович.

Дверь приоткрылась и на пороге сначала показался животик, а потом и физиономия Флирского.

— Ты, простуженный на всю голову, тут на кого пасть раскрыл? На кого когти точишь, нехристь? — Петр Иванович покраснел, как фурункул. — Я сейчас тебе, жавер, грабли-то быстро поотрываю, размандорю на мелкие кусочки и скажу, что таким сюда и заявился, заеду в шоколадный цех по самые гланды... Видите ли, бардак здесь? Лучше оглянись в своей вотчине. Если я заявлюсь туда, то как бы не пришлось десятину отстегивать до скончания века.

У Юлии Григорьевны уши повисли отмороженным лопухом. А столичные гости широко разинули рты, будто их обдали ледяной водой. Сцена, о которой Станиславский мог только мечтать.

— Свободны!

— Что вы себе позволяете! Вот доложу Арсению Кирилловичу — с работы вылетите в два счета, — подпрыгивал Пупенков.

— Ты никак не угомонишься? Где мои шакалы? — Петр Иванович глазами рыскал по приемной. Не найдя никого, прогундосил:

— Выбросьте это отребье на помойку!

— Ну, знаете! Это переходит всякие границы! Прощайте! — обиженный Пупенков бросился к выходу. За ним пометелили остальные.

— Наше вам с кисточкой! Полный отстой!.. Юлька, джип к подъезду.

На этот раз секретарша не растерялась.

— А что это такое?

— «Land cruiser», дура!

Это все равно, что сказать ей — большой адронный коллайдер.

Флирский все больше убеждался, что его окружают сплошные нимфоманы, кретины, фуфлометры и «чубайсы». Не с кем нормально перемолвиться. Что не рожа, то полное слабоумие. Разве что с самим с собой, умным и начитанным, и можно поговорить. Так вскоре надоедает: второе «я» постоянно поддакивает и все норовит влезть в жопу без мыла. Невольно замолчишь — разве захочешь 24 часа себе в рот заглядывать. «И когда они успели отупеть? Еще вчера нормально с ними общался. Адекватно реагировали на окружающий мир, не задавали глупых вопросов, решали проблемы... Не может быть, чтобы все гуртом свихнулись, а я один остался вменяемым и рассудительным», — озадачился Петр Иванович.

— Костя уже подъехал, — прервала раздумья Юлия Григорьевна.

— Какой Костя?

— Ваш водитель, — та разговаривала с Флирским, как с полной клиникой.

Не накаляя дальше и без того не безоблачную атмосферу, вышел к лифту. Тревожные мысли гложили душу. Ощущение было такое, будто висел вниз головой. Вроде бы полная ясность ума и вместе с тем мозг отказывался понимать происходящее. От этого чувствовал себя покемоном.

Черная «Волга» с красными ковровыми дорожками на полу dokonала Петра Ивановича окончательно. Пасьянс в голове никак не сходился.

— К Деригузу, — буркнул Косте.

Машине с обкомовскими номерами все уступали дорогу. Только гости города не знали этих блатных цифр с нулями. Поставые козыряли, дворники учтиво кланялись. Едет хозяин.

«Волга» музыкально затормозила возле здания облисполкома. Флирский на своей волне вылез из авто и задурманенными глазами уставился в красную вывеску.

— Обадуй, ты куда меня привез?

— Ясно дело куда — в облисполком... Как велено.

— Какой облизполком, буратино? Я имел в виду физкультурный институт, где ректором Деригуз.

Недоумению Кости не было предела — просто двоечник перед школьной доской. Он гораздо меньше удивился, если бы ему рассказали о хакерах-неандертальцах. А так даже не знал, что ответить.

— А когда его сняли? — несмело поинтересовался.

Вопрос, конечно, был непростым. Петр Иванович впервые в жизни счел себя неофитом. Никогда не подбирал слова — что на ум приходило, то и ляпал. А тут стусевался, будто оказался перед дверью прокуратуры. Надо было что-то отвечать.

— Докуролесился, — ответил многозначительно.

Косте пришлось развернуться и гнать к физкультурному институту. Там Флирский вальяжно вылез из авто и с видом наместника Бога на земле поплелся в ректорат. Сколько именно его не было, Костя не засекал время. Только вылетел оттуда босс, как будто вышибалы пнули ногой. Пунцово-синего цвета, заикаясь, проямлил:

— Психбо-бо-больница Гиляровского плачет по ним... Трогай!

Смышленный Костя не стал донимать шефа досужими расспросами, куда ехать. Если сказал «трогай», значит, так надо. За годы совместной работы изучил первого обкома, казалось бы, до самых кончиков ногтей. Каким его только не видел: и в трусах, и без. Так что лучше без пикантных подробностей. В такие минуты знал, что лучше сопеть в две дырочки и молча рулить. Дешевле обойдется.

Они в этот момент думают.

Флирский действительно напрягся. В институте ректором оказался совсем другой пентюх. Так что этот случай еще добавил ему сомнений по поводу собственного хаотического перемещения в пространстве и времени.

«И за что такая напасть на мою голову?»

— Что вы сказали? — Костя проявил такт.

— Ничего...

Хотя тупо созерцал жизнь вне автомобиля, тем не менее заметил странные красные транспаранты, на которых золотистой краской было написано «Пятилетку — за четыре года!», «Достоинно встретим съезд партии!», «Развитой социализм — наше народное завоевание!», «Экономика должна быть экономной!». На зданиях колыхались до боли знакомые громадные портреты каких-то шнурков с бородами, цацками на пиджаках и намарафеченных, будто их оптом в гроб должны класть. «К Новому году украшения? — задал сам себе риторический вопрос. — Так вроде бы до праздника далеко».

— Стой! — вдруг во все горло крикнул Косте.

Завизжали тормоза. Послышался мат водителей. Обескураженный Флирский высунул голову в окно и, сощурившись, стал всматриваться в даль.

С одного из портретов на него смотрела ехидная физиономия с шишковатым носом. В нагловатом и отчужденном взгляде улавливались дьявольски привычные черты. Те, которые каждое утро видел в зеркале. «Да это же я — собственной персоной», — обрадовался, как ребенок новому ведерку в песочнице.

— Разве тамочки я? — задорно ткнул пальцем в даль.

— А кто же? Вы, как-никак, член Политбюро. Вам положено висеть.

Колесили городом, будто экскурсанты. Только когда стемнело, Петр Иванович попросил завезти домой.

— Что-то я устал...

При въезде в усадьбу охрана учтиво отдала честь. Флирский от удивления поджал губы. Хотел было спросить, куда попал, но вовремя прикусил язык.

Галина Борисовна с бигуди на голове открыла дверь. Свою «таможню» узнал сразу. Только чего она тут делает, если у них квартира в городе — не врубился. Та прямо на крыльце категорично заявила:

— Ты где шлялся, раздолбай?! Спермотоксикоз покоя не дает. Я все знаю...

— Что ты знаешь, кретинка?

— О твоих шашнях с той, крашенной мымрой, Люськой. Я ей-то глазенки повыцарапаю.

— Остынь. Какая Люська? Я даже не знаю, кто это.

— Только не прикидывайся пай-мальчиком.

— Суший ад: жена ревнует к любовнице, а любовница — к жене.

— Значит, все-таки есть. Недаром люди говорят... — Галина Борисовна подбоченилась. — Слушай, Петь, и что она — красивше меня?

— Ну, брось! Ты баба в соку.

— Я хуже ее стираю, убираю, готовлю?

— О чем ты, родная? Тут все о'кей!

— Тогда какого рожна тебе не хватает?

— Понимаешь, когда мы занимаемся сексом, она стонет.

— Так за этим дело не станет... Бегом в постель! — показала на спальню.

— Ополоумела, старая? Федька же дома.

— Не кипятись! На дискотеке.

Петр Иванович растерялся. Такой благодушной жену еще не видел.

— Дай хоть руки помыть.

— Тогда поскорее, — уже со спальни послышался ее гнусавый голос. — А то меня томная нега донимает — просто мочи нет.

Флирский взял полотенце да так с ним и застыл. «Голодной куме одно на уме», — промямлил под нос.

— Петечка, я вот по своей груди провела рукой, так какая-то волна теплоты прокатилась телом. Ну, совсем, как в молодости.

Когда Петр Иванович зашел в спальню, супруга, вся раскрасневшая и пылающая жаром, как домна, лежала на семей-

ном ложе в позе готовности. Еще в коридоре он надеялся, что удастся как-то спрыснуть с этого дела, но теперь понял, что надежды были тщетны. Придется исполнять супружеский долг.

— Уже стонать? — по-деловому спросила Галина Борисовна.

— С ума сошла? Еще рано. Я еще только начал...

— А сейчас стонать?

— Подожди еще чуть-чуть...

— Да столько можно ждать?

— Черт с тобой! Стони...

— Ой-ой-йой! В доме ни копейки денег нет!

Секс не удался. Обессиленный Флирский подскочил и стремглав бросился на кухню.

— Ты обалдела! — оттуда прозвучала рецензия на произошедшее.

Заявившийся к полночи Федя не добавил положительных эмоций. Его ирокез был похож на опавший петушиный гребешок, под левым глазом бланш, поставленный явно не теннисным шариком.

— Уже не способен сам за себя постоять, сопляк! Или помощь нужна? Так скажи! Мои ребята подкатят и все заделают тип-топ.

Обычно после нравоучений предка акселерат заявлял, что они мешают ему жить, и запирался в своей комнате. Но на этот раз чуть не съехал с катушек. Ему показалось, что попал не в ту квартиру и его батя не партийный номенклатурщик.

— Ты серьезно?

— Более чем...

— Я просто тащусь от тебя, батя. Откуда этот блатной жаргон?

— У нас все так базарят.

— Хм-м, я и не знал, что в обкоме так сблизилась с простым народом. У вас там месячник походов в кабаки и подворотни?

— Ты прекрасно знаешь, что уже сто лет не работаю в обкоме партии. Времена изменились...

— Тебя кышнули? — недоумевал подросток.

— Почему сразу выгнали?

Петр Иванович сморщил лоб. Лихорадочно пытался припомнить: сам ушел или ему помогли уйти и стать тем, кем стал в эпоху большого бабла. Решил не отвечать, чтобы окончательно не запутаться в объяснениях. Поэтому многозначительно промолчал. Дешевле обойдется.

— Давай лучше спать.

Однако, ночь не принесла успокоения. Крутился, как вошь на гребешке. Супруга не вытерпела и гаркнула:

— Если не успокоишься, то я успокою... И, возможно, навечно.

Еле дождался утра. Надеялся, что с рассветом галлюцинации исчезнут. Но не тут-то было. Выглянув в окно, увидел во дворе знакомую «Волгу» и Костю, «вылизывающего» стекла.

— С такой жизнью точно можно шизонуться.

Костя молча выехал за ворота и помчался в город. Затормозил только возле обкома.

Юлия Григорьевна уже была на работе и созерцала в окно, кто и в чем идет на службу. Флирский, не обращая внимания на ее бампер, пикантно выглядывающий из-за шторы, царственно прошагал в кабинет. Женщина услышала только скрип закрывающейся двери. Подхватила и стремглав посеменила за ним.

— Петр Иванович, Петр Иванович, тут факс с цэка!

— Что еще за цэка?

— Ну, Центральный Комитет нашей партии.

— Какой еще нашей? — не унимался тот. — Партию «Порядок и беспорядок» знаю. С аграрниками тоже знаком. А о нашей... не слышал.

Юлия Григорьевна могла «списать» вопрос о цэка на «утреннюю рассеянность» своего патрона. Касательно партии —

вопрос, по крайней мере, более чем странный. «Можно подумать, у нас партий, как вшей на собаке», — возмутилась про себя.

— Коммунистической... — уточнила с придыханием.

Он читал письмо, как ниндзя манускрипт. Сощуренные глаза и сморщенный лоб изображали адские мозговые усилия. Еще немного и в голове произойдет маленький атомный взрыв.

— Засунь себе в задницу, — бросил бумагу в угол.

Спокойствие первого секретаря умиляло женщину. Его через пять минут снимут, а у него, как у Ленина на центральной площади — и губа не дрогнет. Не нервы, а канаты.

— Петр Иванович, вас отправляют в отставку! Что теперь будет? — возмутилась Юлия Григорьевна. Она начала нервно ломать карандаши и рвать на мелкие кусочки бумаги, лежащие рядом. Нос покрылся испариной.

— Не молчи, как тупица! — вдруг прорвало ее. — Шалопай ты, а не первый секретарь обкома. Тебе доверяли, за тобой шли, а ты кидаешь всех. Сядет в это кресло новый «крутой кефир» с партбилетом и полетят наши головы, словно бильярдные шары.

Явно чакра Флирского глючила конкретно, потому что он не реагировал на ахинею секретарши. Чтобы такой бур остался без ответа, это надо быть свахой или тещей генерального секретаря партии. Поскольку Юлия Григорьевна такой не значилась, поэтому реакция на словесный понос должна быть адекватной.

— Не сопи, как кузнечный мех. Говори!

Ощущение такое, что на стуле пингвин, а не птица высокого полета.

Потеряв всякую надежду растормошить патрона, секретарша выбежала в приемную и заголосила:

— Товарищи! Петр Иванович тронулся...

— И куда это они соизволили поехать? — кокетливо спросил Дмитрий Сидорович.

— Мозгами поехал, кретин...

— Настоящий коммунист не может свихнуться: он закален партийной работой, его сердце горячее, а рассудок холодный... И вообще человек такой номенклатуры болезням неподвластен, — резюмировал Храпов.

Массивная дверь с разинутыми львиными пастьями вместо ручек с грохотом отворилась и в проеме замерла фигура первого.

— Где этот пингвин-извращенец Шелудивый? Подать его сюда! Я буду паскуду зубами рвать на части!

Его глаза горели ненавистью и злобой, кадык подпрыгивал, как теннисный мячик, а редкие волосы торчали, будто обгоревший камыш.

— Что я вам говорила, — оправдывалась перед помощником Флирского Юлия Григорьевна.

Петр Иванович, гордо приосанившись, прошелся по красной ковровой дорожке. Брезгливым взглядом окинул собравшихся в приемной.

— Лафа закончилась! Чесать яйца будете дома, а здесь надо вкалывать. Приказываю немедленно нейтрализовать халдеев Шелудивого и восстановить мой статус-кво в Голомойске.

— А что за маздон этот Шелудивый? — игриво заметил Дмитрий Сидорович.

— Это тот, у кого даже немые воют. И ты, безголосый, запоешь похлеще вокалисток из «Ла Скала» и «Гранд-опера», когда прищемит дверью твою «хозяйство».

Дима закатил глаза, представив себя «без оного». Мурашки пробежали по затылку, «под оным» похолодело, будто кто-то льда бросил в трусы. «Кому он будет нужен такой?» — представил себе, и скатывая слеза скатилась по щеке.

Разглагольствования оборвала толпа «качков», ворвавшаяся в приемную, как в «кабак». Вроде бы у входа в обком нет милиции. Их внешний вид напугал обкомовцев: кожаные костюмы с блестящими заклепками, полусапоги с острыми,

стальными носками, килограммовые цепи на шеях, с длинными хаирами... Не гомосапиенсы, а инопланетяне — ходячие магниты. Первым преодолел мандраж Храпов.

— Вы откуда, девушки, такие козырные нарисовались?

— Ты шо тут вякаешь, фуфлыжник? — гоголем пошел в наступление один из кентов. — Блин, какие мы тебе девушки?

— Нашли чем гордиться, — удивился тот.

— Петр Иванович, мне кажется, этот энерджайзер на вас не ровно дышит? — будто бы невзначай поинтересовался у Флирского. — Закрой пасть, иначе зубы проглотишь! Не спрашивают — и не чирикай...

Второй секретарь обкома бросился к телефону звонить в милицию: не шутка — антисоветские элементы ворвались в обком! Прихвостни империализма позарились на святыню советского народа — коммунистическую партию. «Это все равно, что забрать матку в улье», — возмутился Борис Никифорович. Продемонстрировав завидную молодецкую прыть, он схватил телефон. Да металлисты оказались поспоровистей. Один из них в прыжке успел врезать по уху коммуняке, чем отбил у того всякое желание жаловаться куда бы ни было.

— Петр Иванович, сваливаем!

Флирский приятно удивился появлению своих ребят. Они исчезли внезапно и так же внезапно появились.

— Пометелили! — как лихой комиссар, позвал бойцов за собой в атаку. Армада, словно табун, выскочила в коридор и понеслась куда-то в даль.

После одиозных молодцов паркет приемной напоминал пол литейного цеха.

— Какой кошмар, — взмолился Дмитрий Сидорович. — Не обком, а цирк. И мы все в цилиндре иллюзиониста. Только интересно, кого завтра достанут за уши?

Юлия Григорьевна подбежала к окну. Хотела убедиться, что не все мозги растеряла. Прильнула к стеклу с надеждой уви-

дети выходящих из обкома нормальных людей, а не психов с большой дороги. Ведь ей казалось, что все причудилось в минуту отключения перегруженного мозга. Но это был явно не ее день. Из голомойского «белого дома» с улюлюканьем и гиканьем выскочила та же босота во главе с ее шефом.

— А знаете, мне глубоко параллельно, что областной комитет партии смахивает на птичий базар, — вдруг проявил свою настоящую сущность помощник первого...

Затрещал телефон с гербом вместо номеронабирателя. Секретарша одернула платье, поправила прическу, убрав всклокоченную прядь волос со лба.

— Приемная Флирс... — и на полуслове прикусила язык.

На том конце провода услышанное привело в бешенство звонившего. По тону, напоминавшему звук спускаемой воды из унитаза, Юлия Григорьевна узнала Пупенкова, этого цэковского глашатая.

— Разве этот чурка с глазами до сих пор у руля? Телевизор смотрите?

Пришлось включить. На ступеньках местного телецентра Флирский собрал журналистскую братию и натужно вещал. Услышав дребезжащий голос патрона, в приемную вскочили перепуганные Трусов и тетя Нюра, которая в коридоре пыталась очистить ковровую дорожку после интервенции.

— Долой маразматиков-кровопийц! Только и умеют компостировать нам мозги, перед столичным начальством играть своим очком, а в кабинетах мастерски подражать нищим, которым нельзя не подать. Все чиновники — мздоимцы, а олигархи — воры в законе. Надо кончать с этой вакханалией! Поэтому конструктивные силы призываю объединиться под моим знаменем и выступить за лучшее будущее...

— И каким именно вы его видите? — проявил свою любознательность Антон Соколов.

— Ах, это ты, Зоркий Сокол! Спасибо за острый вопрос.

Прежде всего не хочу видеть там Шелудивого, Мансуровича, Тыркина и Деригуза. Их место в сортире истории.

— Вы упомянули добропорядочных граждан. А не боязно? Если ответят адекватно. В кусты спрячетесь? — не унимался корреспондент газеты «Крик души».

— Щас! Брошу все и побегу за памперсами. Разбежался. Разве я похож на бегуна? Вот на Робин Гуда смахиваю. И кончайте меня здесь обосрамлять со всех сторон.

— По вашим делам не сказали бы, — многозначительно намекнула курносая девчушка с диктофоном в руке.

— Вы меньше слушайте «добропорядочных граждан» — здоровее будете.

Бритые крепыши стеной оградили шефа и оттеснили борзописцев от тела.

— Петр Иванович, куда прикажите? — уже в «Хаммере» стыдливо спросили кореша.

— Идем на ночной клуб «Мадмуазель»... Возвращать кровное.

Охрана ночного клуба не ожидала такого нашествия. Ее легко вырубил под корешок. На входе сразу вывесили яркий плакат «Шолудивый, накуси-выкуси!»

Впрочем, патриоты в Голомойске не перевелись. Один из секьюрити с выбитым зубом, разорванными ухом и ширинкой все-таки нашел в себе силы позвонить по мобильнику в банк.

— Передайте Олегу Филипповичу, что мы стояли до последнего.

Рейдерская атака сподвигла конкурентов на немедленную контратаку. Вскоре клуб окружила милиция, экипированная для штурма террористов. От одного их взгляда кровь замерзала и сосуды лопались. Шолудивый, как настоящий полководец, гордо наблюдал за происходящим издали. Его желваки напоминали камнедробильную машину: вставил бы в рот кусок арматуры — перекусил бы нахрен.

— Фигушки! — подзадоривал подчиненных Бесик. — Голыми руками не возьмут. Всем завязать морды салфетками, вооружиться подручными средствами — тарелками, швабрами, вилками, табуретками, стаканами... Бросать все, что под руку попадет.

Штурм начался по свистку. Закрывшись щитами и барабана по ним дубинками, спецотрядовцы ринулись в наступление, будто капелевцы на чапаевцев. Из окон на них полетели «коктейли Молотова», изготовленные из виски, коньяка и водки. А вслед — рулоны полыхающей туалетной бумаги. Столб огня взметнулся к небесам.

Подручные Флирского торжествовали. Им казалось, что отбили свой «Шахматный клуб». Но не тут-то было. Четверо спецназовцев, вооружившись бревном, как в средневековье, бросились вышибать двери неприступной крепости. Естественно, такого натиска филенчатые створки не выдержали — с грохотом рухнули на пол. Вторая волна милиционеров в шлемах и противогазах ворвалась в зал. Гранаты со слезоточивым газом швыряли, словно снежки. Тяжелый дым пополз между столов и стульев, окутывая каждого не спрятавшегося. «Шахматисты», проклиная ментов, корчились у окон, кашляя, обливаясь слезами и шморгая носами. Спецназовцы хватали их за шкирку, как котят, и тащили к машине.

— Флирского не вижу! А ну, хорошенько ищите! Он должен быть там! — командовал банкир.

С первыми взрывами Бесик поспешно ретировался со своей позиции. Метался по коридору, будто мышь в банке. Увидев табличку на двери «Костюмерная», Петр Иванович, прошмыгнув туда. На вешалках висели костюмы плейбоевских зайчиков, женские бикини, леггинсы, жабо, перья для танцовщиц, в углу были свалены пуанты, ботфорты и чешки. Смятение гложило душу. Времени на раздумья не оставалось. В коридоре уже стучали кованые ботинки, был слышен скрип открывающихся дверей и отборный мат...

В костюмерную ворвались два автоматчика. Их глаза стали пуговицами от пальто, когда увидели перед собой мадмуазель неопределенного возраста в лосинах, костюме кролика, из головы которой торчало множество перьев, как у индейцев апачи, обутую в ботфорты. Правда, не совсем в сапоги. Скорее это были босоножки с высокими голенищами. Из вырезов торчали пальцы в драных носках.

— Кто такая?

— Я?!

— Разве тут есть еще кто-нибудь?

— Я мадам Куку, — Бесик удивился своей находчивости.

— Ну, что, Куку, пройдем с нами.

— А зачем?

— Познакомимся поближе. Ты нам очень понравилась.

— Ха-ха, — кокетливо улыбнулся Петр Иванович. — Шалунишки! Только я дорого стою...

— Не волнуйся. У нас зарплата высокая.

Флирский понял, что ему никак не отстать от назойливых стражей порядка, поэтому, заложив руки за спину, поплелся к выходу. Ноги то и дело подкашивались на неустойчивых каблуках.

— Извините, впервые репетирую роль новогоднего зайчика.

Соратники по борьбе уже восседали в «воронке». Бесик догадался, что и ему туда же. Ногой стал на подножку. Какой-то сержант попробовал нежно подсадить «зайчика» за задницу. В ответ ожидал услышать что угодно, только не это.

— Бугай, ану, отвянь! Жену свою будешь лапать за здесь... Чувырло неотесанное, маньяк сексуальный, да у тебя корешок, что поросячий хвостик, а туда же. Трахальщик инкубаторный...

Крик привлек внимание Шелудивого.

— Держи его! Это Флирский — чучело нафуфыренное!

ГЛАВА 20

Не верь глазам своим. Они могут врать

— Петр Иванович, вызывали?

— Приглашал, Юленька. Что-то себя неважно чувствую.

— Дать таблетку.

— Спасибо! Лучшеними мне стресс...

— Да вы что! Я не могу. Я сегодня спешу к мужу и детям.

И в конце концов, мне это начинает надоедать. Я секретарь или экстрасенс?

— Когда я брал тебя на работу, ты что обещала? Буду все выполнять... Ты же лучше медиков знаешься в лекарствах.

— Окститесь! У меня сейчас нет настроения.

— Зато я на следующей неделе лечу с делегацией ЦК в Эфиопию — на переговоры с дружеской коммунистической партией. Привезу оттуда тебе соболиную шубу... Хочешь шубу? Из сибирского соболя. Настоящую.

— Тогда еще фапку и фукавицы...

Флирский закатил глаза и тяжело задышал.

— Ну, а теперь полегчало? — спросила, поправляя блузку.

— Вполне. Ступай! Свободна!

Юлию Григорьевну обуяло обостренное чувство посткоитального несогласия. Хотя женщина не считала себя феминисткой, однако ей было обидно за «слабую половину» общества бессильную перед сильными мира сего. Свою наивность не считала пороком, а — эффективным инструментом в борьбе за «место под солнцем». Оставалось лишь малость — умело им пользоваться.

Едва за секретаршей закрылась дверь, как ожил селектор.

— Петр Иванович, звонит Безрукавный.

Начальник областного управления КГБ был среди тех, кто может и ночью подымать с постели первого.

— Александр Трофимович, чем обязан?

— Здравствуйте, Петр Иванович! Дело в том, что тут наша доблестная милиция поймала самозванца... Не поверите! Представляется Флирским Петром Ивановичем.

— Шизик?

— Не сказал бы.

— И за что взяли?

— Да так, целый букет: рэкет, рэйдерство, мошенничество... Представляете, заявил, что работал первым секретарем Голомойского обкома партии.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Предисловие	3
2. Глава 1	4
3. Глава 2	10
4. Глава 3	28
5. Глава 4	45
6. Глава 5	60
7. Глава 6	79
8. Глава 7	96
9. Глава 8	119
10. Глава 9	143
11. Глава 10	154
12. Глава 11	173
13. Глава 12	194
14. Глава 13	217
15. Глава 14	238
16. Глава 15	256
17. Глава 16	277
18. Глава 17	288
19. Глава 18	316
20. Глава 19	330
21. Глава 20	349

Литературно-художественное издание

Суббота Владимир Яковлевич

БОРТОНУТЫЙ КУМПЕЛЬ

Редактор *В.Н. Верховень*
Корректор *В.Н. Верховень*
Художники *В.А. Носань, Е.А. Романенко*
Компьютерная верстка *Н.П. Самар*
Технический редактор *М.И. Терешук*

Подписано к печати 11.05.2011. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура BaltikaC. Печать офсетная.
Усл. печат. лист. 14,1. Тираж 3000 экз. Заказ № 11-44

Издательский отдел фирмы «Майдан».
Печать фирмы «Майдан».
Свидетельство Госкомитета информационной политики Украины
серия ДК 1002 от 31.07.2002 г.
61002, Харьков, ул. Чернышевская, 59